Современная Классика
В. БЕНЬКОВСКИЙ
Е. ХАЕЦКАЯ
АНАХРОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман "Анахрон-2" нельзя четко отнести ни к одному из известных жанров литературы. Это фантастика, но такая реальная и ощутимая, что уже давно перетекла в реальную жизнь, сделавшись с ней неразделимым целым. В какой-то мере, это исторический роман, в котором неразрывно слились между собой благополучно ушедший в историю Питер XX столетия с его перестроечными заморочками и тоской по перешедшему в глубокий астрал "Сайгону", и быт варварского села V века от Рождества Христова. Это добрая сказка, персонажи которой живут на одной с вами лестничной площадке, влюбляются, смеются, стреляют на пиво или… пишут роман "Анахрон"…

И еще "Анахрон" — это целый мир с его непуганой наивностью и хитроумно переплетенными интригами. Мир, который вовлекает читателя в свою невероятную орбиту, чтобы не отпустить уже никогда.

- Елена Хаецкая
  - КНИГА ВТОРАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
    - Глава девятнадцатая
- notes
  - Note1
  - Note2
  - Note3

- Note4
- Note5
- Note6
- Note7
- Note8

Елена Хаецкая
Анахрон

Огромная признательность всем, кто помогал нам в работе над второй книгой «Анахрона»: Марьяне Козыревой Виктории Голуб Вадиму Баронову Ирине Андреевой Александру Соколову и Алексею Мухину Вячеславу Сюткину Анжелике Васкиневич Андрею Голубу Алексею Минькову а также всем бывшим завсегдатаям «Сайгона» и просто жителям Санкт-Петербурга.

В книге использованы фрагменты текстов О.Флегонтовой О.Кулакова (Мурра) А.Васильевой (Идки), а также Автор строк «Вечером, когда весь мир уснул, пролетал над городом назгул…» А.СерьГи С.Белоусова (Олди) Я.Дягилевой (Янки) А.Гавриловой (Умки) и Константина Устиновича ЧЕРНЕНКО (генерального секретаря ЦК КПСС).

Все имена в романе являются вымышленными. Любое совпадение следует считать случайным.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава первая

Сигизмунд не знал, сколько времени просидел в оцепенении. Наконец глянул на часы. Часы стояли. Сорвал с руки, швырнул об стену.

Будто очнувшись, обвел глазами комнату. Все кругом показалось вдруг чужим, обветшалым и ненужным. Стеллаж, набитый рухлядью и макулатурой. А вон там, наверху, — альбомы, которые нравились Лантхильде: Пикассо, Модильяни…

Неожиданно у него заломило зубы. Оказалось — сжимает челюсти. С трудом разжал.

Надо что-то делать… Сигизмунд понял, что находиться здесь, в этой пустой квартире, он больше не может. Физически. Иначе начнет все крушить… Кобеля убьет…

Пес где-то прятался. Пережидал грозу.

Сигизмунд громко, горлом, всхлипнул — без слез. Машинально оделся. Вышел во двор.

Город лежал призрачный и тихий. В предутренние часы все спали. Угомонились даже самые неутомимые гуляки.

Тихо падал снег — то быстрее, то медленнее сыпались из сытого розоватого облака хлопья. «Ведьмин круг» уже занесло. Сигизмунд слепо направился к арке.

Краем глаза зацепил какой-то посторонний предмет. Пустота арочного проема, зиявшего в сторону канала, была нарушена.

Сигизмунд остановился. Тупо вгляделся. Да, там что-то…

Кто-то!

Он метнулся к проему… и остановился. Дурак! С чего ты взял, что это она?

На снегу, неестественно выпрямив спину, со свешенной на грудь головой, сидел пьяный мужик. Он сидел, раскинув ноги в кирзачах с обрезанными голенищами и безмолвствовал. Но он был живой. Пальцы рук, сплетенные на затылке, слабо шевелились. Сигизмунд стоял над ним и бессмысленно смотрел то на сапоги, то на эти бледные медленно двигающиеся пальцы. Один ноготь был черный.

Потом сквозь пелену пробилась мысль: замерзнет. Первая за долгие часы.

— Эй, — сказал Сигизмунд хрипло, — замерзнешь…

Пьяный не отреагировал. Продолжал сидеть неподвижно. Даже головы не поднял.

Сигизмунд толкнул его в бок ногой.

— Замерзнешь, — повторил он. — Иди в подъезд.

Мужик покорно завалился набок. Пробуждаясь от небытия,

Сигизмунд глядел на него. Медленно соображал. В какой подъезд, интересно, пойдет этот пьяный мудила? Всюду кодовые замки. На трезвую голову нетрудно приметить вытертые кнопочки, а этот… Да он и идти-то не сможет.

Замерзнет.

Неожиданно Сигизмунду пронзительно жаль стало этого пьяного дурака. Чей-то сын. Маленький был, пузыри пускал. Теперь, небось, чей-то отец. Да и откуда Сигизмунду знать, почему он так нажрался… Может, у него причина была.

— Идем, слышишь? — повторил Сигизмунд.

Пьяный лежал мешком. Глаза у него были открыты. Он не моргал даже когда снежинки падали ему прямо на ресницы.

Сигизмунд наклонился, ухватил мужика за подмышки и потащил. Ноги в кирзачах волочились по снегу, оставляя борозды. От пьяного кисло разило сивухой и рвотой.

Затащил в свой подъезд. Устроил спиной к батарее и тотчас же утратил к мужику интерес.

Снова вышел.

Теперь Сигизмунд был другой. Он очнулся.

Город ждал. Будто сторожил.

Сигизмунд вышел на канал. В соседнем дворе уже скребся лопатой дворник.

* * *

Через полчаса бесцельных блужданий по городу, когда с каждым шагом все огромней начал впереди вырастать Смольный собор, Сигизмунд понял вдруг, куда он, собственно, направляется. К Аське он направляется. Больше некуда.

Уже пошел транспорт. Брели какие-то люди. Утро имеет своих призраков — навстречу двигались странные тени. Где они прячутся днем?..

Сигизмунд плохо соображал, что делает. Голова у него была легкая и совершенно пустая. И смысла не имело ни-че-го.

Долго звонил в дверь. Ввинчивал в тишину трель звонка. Звонил тупо, без всяких эмоций — просто давил и давил на кнопку.

Наконец за дверью зашлепали. Хриплый аськин голос очень неприветливо осведомился:

— Кто?..

— Я, — ответил Сигизмунд.

Там не расслышали.

— Чего?

— Да я это, я…

— А…

Лязгнула щеколда. В замке Аська спросонок запуталась. Сдавленно выругалась. Потом дверь открылась.

— Проходи, — хмуро сказала Аська.

Она была в трусах и нелепой спортивной майке красного цвета с белым номером «17» на спине. Под глазом у нее чернел бланш. Медленно просыпаясь, Аська зверела.

— Ты че, охренел?.. Ты… сколько времени, бля?.. Ты, пидор, знаешь, сколько сейчас…

— Что у тебя с лицом? — спросил Сигизмунд.

— Со сцены упала…

— Угу, — вяло сказал Сигизмунд. — Бывает…

Аська озлилась.

— Иди ты в жопу. Только заснула… Чай будешь?

Она повернулась и, повиливая тощей задницей в белых трусах, направилась в сторону кухни. Сигизмунд двинулся следом. По дороге сковырнул ботинки, бросил куртку.

Аська бухнула чайник на плиту.

— Что на премьере-то не был? Говнюк ты все-таки, Морж, ведь звали… — Обернулась, прищурилась. — Ты че, обдолбался, что ли?

— А что, — спросил Сигизмунд, — похоже?

— Хрен тебя разберет… А че на спектакле-то не был? Слушай, что ты вообще такую рань приперся? Ночевать негде, что ли? Поссорился? Выгнала она тебя? Ну и правильно сделала. Я бы тоже такого мудака выгнала…

Сигизмунд молчал. Аська вдруг забеспокоилась. Плюхнулась на табуретку напротив Сигизмунда. Пошуршала сигаретной пачкой. Пусто, конечно.

— У тебя курево есть?

— В куртке.

Он поднялся, принес куртку, стал шарить по карманам.

— Дай сюда.

Аська отобрала у него куртку, сама вытащила пачку. Куртку бросила в угол, на стопку старых газет.

В чайнике тихо запела вода.

— Так что стряслось-то? — спросила Аська.

Сигизмунд вздохнул. Никак не мог заставить себя выговорить.

— Она… в общем, она пропала.

— Ушла от тебя, что ли? Поссорились?

— Да нет. Иначе… Говорю тебе: пропала. Пошли гулять… Собрались проехаться… Я в гараж пошел машину заводить, она во

дворе ждала. И пропала.

— Погоди… Как — пропала? — Аська выпустила изо рта дым, скривилась. — Ну и дрянь же ты куришь, Морж. А куда пропала-то? Ушла, что ли?

— Нет. Пропала.

— Сквозь землю, что ли, провалилась? Да вы поссорились?

— Я не знаю…

Чайник закипел. Аська еще раз, прищурившись, пристально поглядела на Сигизмунда. Налила ему в треснувшую чашку жидкого чая.

— Ты что, потрошить ее возил?

— Нет.

— А она точно беременная?

— Точно.

— Что ты слова цедишь? Если беременная, то никуда не денется. Вернется к тебе.

— Не вернется, — сказал Сигизмунд. В историю исчезновения Лантхильды он не хотел посвящать даже Аську. Что-то удерживало. Он знал только, что ему нестерпимо плохо.

— Ладно, Морж, колись. Откуда она у тебя взялась-то?

— Откуда… В гараже нашел. В гараж ко мне она влезла. Я сперва думал: воровка… Потом, вроде, гляжу — обторчанная. Одета не по сезону. От холода туда залезла, что ли… И по-русски не говорит.

— А ты, конечно, обвально в нее влюбился, — заметила Аська. — Романтик ты, Морж. Алые паруса.

— Ты не лучше, — огрызнулся Сигизмунд.

— Я актриса, мне положено, — рассудительно сказала Аська. — Я фактуру чувствовать должна.

— Замуж тебе надо, Анастасия, — сказал Сигизмунд. — Остепениться пора. Уже не девочка.

— А я замужем, — беспечно отозвалась Аська.

Сигизмунд знал Аську давно, но об этой пикантной подробности слышал впервые. Изумился, забыв на миг даже свое горе.

— Вот те на! А почему я ничего не знал?

— А к слову не приходилось…

В последний раз достоверная информация о благоверном супруге доходила до Аськи три года назад. Якобы завис аськин муженек на каком-то московском флэту и, как доносили информированные источники, сторчался вконец. Застыл навек в позе «разящего богомола» и только тихо сочился «кислотой».

— А почему ты тогда не разведешься? — спросил Сигизмунд. И сразу понял, что глупость сморозил.

— Где же я его теперь добуду? Может, он уж и кони двинул давно…

— Что же, ты так и будешь жить «соломенной вдовой»?

— А насрать, — отозвалась Аська. — У меня приятель есть левый, надо будет — шлепнет мне штамп о разводе… Только на фига?

— А ты правда со сцены упала? — вернулся к прежней теме Сигизмунд, разглядывая ее подбитый глаз.

— Да, только уже после спектакля…

— Как тебя угораздило?

— Обыкновенно… Шла — оступилась. Чуть руку не сломала. А что тебя не было? Я ждала.

— В ПИБе проторчал, — коряво соврал Сигизмунд. — С бумагами. Народу-то на премьере много было?

— Да нет. Человек пятнадцать. Двое случайных, с улицы, а остальные — родственники да знакомые… А зря. Спектакль был — зашибись! Реж в последний момент живую чайку выпустил, уже к самому финалу — представляешь? Она метаться начала. Она и сейчас там летает. Мы ее вечером поймать не смогли. Спозаранку ловить пойдут двое наших. В этом помещении днем другие репетируют. Выпустят еще…

— Спит она, а не летает. Чайки днем летают.

— Ты думаешь? — спросила Аська. — Слушай, а где ты свою девочку искать будешь? Давай завтра вместе искать пойдем.

— Я уже звонил.

— Куда ты звонил?

— В справку о несчастных случаях.

— Ну и?..

— Там ее нет.

— Куда она могла пойти?

— Пойти ей здесь, собственно, некуда…

— Ну, с кем она тусовалась?

— Со мной…

— Что — и все?

— Да… Я же тебе говорю — она по-русски ни бум-бум…

— Делов-то — по-русски ни бум-бум… Когда это мешало…

Аська задымила второй сигаретой. Сигизмунд сидел молча, слушая, как в ушах нарастает звон. Сквозь этот звон прорвался аськин голос:

— Слушай, иди спать. Глядеть на тебя тошно… Или давай водку пить. Сходишь за водкой?

Сигизмунд встал, пошатываясь, направился в комнату.

— Ну и хрен с тобой, — сказала Аська у него за спиной.

Войдя, Сигизмунд сразу налетел в темноте на что-то острое.

Больно ударился голенью. Зашипел.

Откуда-то снизу капризно сказали:

— Поосторожней можно?

Раскладушка.

Следом за Сигизмундом в комнате появилась Аська.

— Ты что это, Морж, а? Ты, Морж, смотри, к сестрице моей не прибадывайся… Ишь, наладился…

Глаза постепенно привыкали к темноте. Сигизмунд разглядел раскладушку. На раскладушке кто-то спал.

— Извините, — сказал Сигизмунд. Обошел раскладушку, направился к шкафу, перегораживающему комнату. За шкафом смутно белела разоренная аськина постель. Видать, долго сражалась Аська с одеялом прежде чем выбраться ко входной двери, когда он позвонил.

Стащил с себя штаны, свитер, рухнул на подушку. Рядом юркнула Аська, холодная, как лягушка.

Сигизмунд почти мгновенно провалился в сон.

* * *

Поначалу погружение в небытие было блаженным. Но затем вновь начала пробиваться в сознание тревога. Сигизмунд увидел вдруг, что он у себя во дворе, на ступеньках крыльца. Вошел в подъезд. Проверил, нет ли почты. Поднялся по лестнице, на ходу вынимая из кармана ключи. Выронил вместе с ключами перчатку.

Одолев предпоследний пролет, увидел, что на подоконнике, уныло глядя на запертую дверь его квартиры, сидит Лантхильда. Заслышав его шаги, она обернулась. Изнемогая от тревоги, он метнулся к ней — и…

* * *

Сон не сразу отпустил его — таким пугающе явственным было видение. Рядом, выставив острый локоть, дрыхла Аська. За шкафом переговаривались несколько голосов.

Сигизмунд полежал неподвижно — осваивался. Нужно было вставать и идти. Тревога настоятельно гнала его прочь.

И вместе с тревогой нарастало раздражение. Сестрица эта некстати, люди какие-то посторонние… Сигизмунд представил себе, как сейчас вынырнет из-за шкафа. У него и в лучшие времена наблюдалась некоторая одутловатость лица. Сейчас же и вовсе — помятый, небритый… Ночевал за шкафом. Незадачливый

хахаль.

Поприслушивался. Может, те уходить уже навострились? Нет, засели надолго. Беседы вели неспешные, чашками позвякивали.

Голосов было три. Они сплетались, сыпали непонятными словами. Один голос явно принадлежал аськиной сестрице. Сигизмунд слышал его прежде по телефону — суховатый, отрывистый. Второй женский голос был визгливый, то и дело подхихикивающий. Это хихиканье плохо вязалось с темой беседы — настолько ученой, что от Сигизмунда ускользало содержание произносимых фраз. Третий голос был мужской. Приятным его тоже не назовешь — голос гнусавил, картавил, проборматывал целые периоды настолько невнятно, что даже аськина сестрица то и дело переспрашивала. Вежливо так: «Простите? Простите?..» Ей отвечала вторая баба — визгливая. Она бойко толмачила — переводила речи своего косноязычного спутника. И при этом непрерывно хихикала.

Нет, эти трое явно не собирались расставаться скоро.

Визгливая баба назойливо зудела о том, что межзубные согласные в готском языке должны были произноситься скорее звонко, нежели глухо, ибо готским словам с подобными согласными соответствуют верхненемецкие, где межзубные переходят в «d».

Гнусавый мужик был с ней не согласен. Он полагал, что межзубные в готском произносились, скорее, глухо, а на верхненемецкие соответствия плевать хотел. Последнее чрезвычайно возмущало визгливую бабу.

Аськина сестрица, ссылаясь на древнеанглийские, древнеисландские и древнефризские параллели, ухитрялась полемизировать с обоими.

Все трое наслаждались. Это чувствовалось.

Время от времени беседа переползала на презентс-претеритные глаголы — в них поднаторел гнусавый мужик. Визгливой же бабе не давала покоя какая-то редупликация. Она ее бессмысленно веселила. Аськина сестрица тянула одеяло на себя — ввязывала в беседу супплетивные формы. Это необъяснимо смешило всех троих.

Стараясь не слишком скрипеть тахтой, Сигизмунд натянул брюки. Те трое, вроде бы, пока не заметили возни за шкафом. Токовали, как глухари.

Оделся. Помассировал физиономию ладонями. От тревоги буквально изнемогал. И все острее ненавидел аськину сестрицу и ее гостей — за то, что так безмятежно и бесполезно мелют языками.

Ладно. Одежда мятая, морда мятая, опухшая, небритая.

Сейчас вылезет из-за шкафа. Взгляд неизбежно вороватый. Будто спер что-то. «Здрасссь…» Заранее предвидел вопросительный взгляд визгливой бабы: «Это кто еще?» Аськина сестрица — тоже взглядом — снисходительно: «Аськин хахаль…» О Господи!..

Решительно встал. Вынырнул из-за шкафа. Взгляд хмурый, злой.

Эти трое мельком глянули на Сигизмунда и снова погрузились в беседу. На редкость противные — все трое. Не думать, не смотреть.

Повернулся спиной к беседующим, прошел в коридор. Сзади на мгновение замолчали. Потом гнусавый снова забубнил: «Аффрикаты…»

Тачку надо брать, конечно. В общественном транспорте не доедет — от тревоги издохнет на полпути.

В коридоре на вешалке его куртки не было. Несколько секунд Сигизмунд пялился на вешалку, как баран на новые ворота. Потом вспомнил: Аська его куртку на кухне бросила.

Точно. Куртка валялась там — на ворохе старых газет. Поднял, обшарил карманы. Вроде, тридцатник должен был заваляться.

Однако денег не нашел. Выронил вчера в спешке, должно быть. Придется у Аськи одалживать.

Беззвучно матерясь, Сигизмунд вернулся в комнату. Беседа бурлила. Перебивая друг друга, гости втуляли аськиной сестрице какую-то длинную мутную историю. Про какого-то мрачного мужика с ужасным именем Радагайс…

Когда Сигизмунд возник на пороге, аськина сестрица вдруг подняла на него глаза. Посмотрела брезгливо. До чего холеная девица, глядеть противно. Отъелась в своем Рейкьявике…

Сигизмунд зашел за шкаф. Аська продолжала спать.

Сигизмунд наклонился, потряс ее за плечо.

— М-м… — сонно проныла Аська. Перевернулась на бок, отмахнулась от Сигизмунда, уронила руку на подушку.

— Аська, — позвал Сигизмунд.

— Отстань, Морж… Спи…

Отлично сознавая, что каждое его слово слышно за шкафом, Сигизмунд проговорил:

— Аська, дай десятку до завтра.

— Возьми…

— Где?

— Настырный ты, Морж… — вскинулась на миг Аська. — В тумбочке…

И снова отрубилась.

Сигизмунд посмотрел на нее сверху вниз. На бланш под

глазом, на острый нос.

— Слышь, Морж, — вдруг ожила Аська, не открывая глаз, — чтоб завтра вернул. Это последние. Выпей, полегчает… Только на десятку все одно не ужрешься…

Проклиная все на свете, Сигизмунд снова показался из-за шкафа. Беседа смолкла. В гробовой тишине Сигизмунд подошел к тумбочке, откинул грязноватую белую скатерку, вытащил ящик. Начал шарить.

Десятка обнаружилась не сразу, затерянная среди грязных расчесок, бигуди и неоплаченных квитанций за квартиру. Цифра в строке «Напоминаем, что вы не заплатили за предшествующий период…» была устрашающе велика.

Взяв десятку, Сигизмунд задвинул ящик. Выпрямился. Визгливая баба глядела сквозь него, поблескивая очками. Вся истомилась — ждала мига возобновить словоизвержение. Мужик, мешковато сидящий на стуле, глядел на Сигизмунда загадочно. Возможно, понимающе — судя по роже. Солнце било ему в лицо, и видны были горящие, как у кота, зеленые глаза. На ухоженном лице сестрицы застыло ледяное презрение.

В молчании Сигизмунд вышел. Он еще успел услышать, как аськина сестрица спрашивает гостей, не хотят ли они еще чаю. Гости шумно хотели.

Сигизмунд яростно натянул куртку. Аськина сестрица, не глядя, прошествовала мимо по коридору. Сигизмунд вышел, тихо прикрыв за собой входную дверь.

* * *

Поймать тачку от Смольного до Невского за десятку было делом хитрым. Сигизмунд стоял и тупо голосовал. Отказывали. Наконец притормозила пятая или шестая по счету машина — серая «волга». Допотопная, еще с оленем. Прочная, как танк Т-34.

Распахнулась дверца.

— Куда? — спросил Сигизмунда немолодой мужчина. Его квадратное рубленое лицо было исчеркано морщинами.

— В центр, до Гостиного. За десятку. Больше все равно нет.

— Садись, — буркнул тот.

Сигизмунд плюхнулся, привычно поискал ремень.

— Да тут не нужно, — пояснил водила. — Врежемся — один хрен насквозь таранить будем. — Он жахнул кулаком по дверце. — Железо. Захлопывай, захлопывай! — взревел он внезапно. И, перегнувшись через Сигизмунда, свирепо хлопнул дверцей.

В салоне было холодно. Тянуло бензином и выхлопом.

Сигизмунд тупо смотрел перед собой. Водитель охотно начал беседу.

— Вот вы за кого голосовали?

Сигизмунд отмолчался. Но ответа и не требовалось.

— Удивляюсь я на нынешнее поколение! Вы знаете, что в Москве был взрыв в метро? Вы знаете, что в этом обвинили коммунистов? Вы верите, что коммунисты могут погубить невинных людей?

— Да, — сказал Сигизмунд. Он верил.

— Почему? — взъелся водила, отвлекаясь от дороги.

— Потому что они делали это раньше.

— Делали? Раньше? Это КЛЕВЕТА!

В это мгновение впереди вывернула «десятка». Водитель, выматерившись с партийной прямотой, ударил по тормозам. Сигизмунда мотнуло, как куклу.

Водитель, вместо того, чтобы сосредоточится на дороге, снова повернулся к своему спутнику.

— А вы знаете, что царская семья была РАССТРЕЛЯНА? А вы знаете, что Ленин НЕ ЗНАЛ? Да, НЕ ЗНАЛ!.. — Он с силой хлопнул по бардачку своей широкой крепкой ладонью. — Царица говорила царю: «Коля, позвони Ленину! Коля, позвони Ленину!» А царь медлил…

В таком духе беседа продолжалась до самого Гостиного Двора.

— Остановите здесь, — сказал Сигизмунд.

Водитель не расслышал. Продолжал метать громы и молнии.

— Остановите, — громче повторил Сигизмунд. Сунул десятку.

Водитель ошеломленно посмотрел на деньги. Потом вспомнил. Притормозил.

— Давай, вылазь быстро, тут стоять нельзя…

Сигизмунд выскочил. Хлопнула дверца. «Волга» отчалила.

До дома Сигизмунд почти бежал, то и дело оскальзываясь на наледях. Взлетел по ступенькам, хватаясь за перила.

На лестнице было тихо. Сигизмунд сунул руку в карман, рывком вытащил ключи. Вместе с ключами выпала перчатка. Сигизмунд вздрогнул. Сон сбывался. Все, как тогда.

Перепрыгивая через ступеньки, взбежал на свой этаж…

На подоконнике никого не было.

Зачем-то выглянул во двор. Пусто.

Пусто!

Он присел на подоконник, перевел дыхание. За дверью бесновался и гавкал кобель. Хозяина почуял.

Медленно Сигизмунд оторвался от подоконника. Открыл дверь. Пес пулей вылетел навстречу, ластился, лизал руки.

— Ну? — через силу спросил Сигизмунд, как было у них с кобелем заведено.

Пес виновато лег на брюхо, застучал хвостом. Не дождался прогулки, оскандалился где-нибудь на кухне…

— Ладно.

Сигизмунд взял поводок. Они вышли во двор.

Стало быть, Лантхильда не возвращалась. Не было ее здесь. Вон и следы на крыльце — только его, Сигизмунда.

Во дворе красовалась новенькая «ауди». Въехала мордой в то место, где был «ведьмин круг». Сигизмунда ожгло злобой. Пес потянул поводок — желал обнюхать и пометить колесо. Сигизмунд с удовольствием позволил ему это сделать.

Когда Сигизмунд вернулся в квартиру, на него почти физически обрушилось ощущение беды, застоявшееся в воздухе. Ничего здесь не изменилось с того часа, как Лантхильда вышла из дома. Вышла, чтобы бесследно пропасть.

Несколько минут Сигизмунд стоял посреди комнаты и смотрел по сторонам. Потом подошел к стеллажу и с силой дернул. Стеллаж рухнул, осыпаясь книгами и безделушками. Сигизмунд едва успел отскочить.

Оч-чень хорошо. Превосходно.

Сигизмунд сбросил куртку, зашел в ванную. Побрился. Нашел на раковине длинный белый волос. Зачем-то намотал его на пуговицу рубашки. Криво усмехнулся, глядя на себя в зеркало.

Безразлично обошел «озеро Чад», содеянное посреди кухни кобелем, сварил себе кофе. Выпил, как лекарство, — с отвращением.

Отправился в «Морену».

* * *

На работе пробыл недолго и бесполезно. Мутно глядел перед собой, плохо соображал. Наконец сдался. Сказал Светочке:

— Поеду-ка я домой. Нездоровится мне что-то.

Светка пустилась в длинные сочувственные рассуждения о двух разных гриппах… Сигизмунд не слушал.

* * *

Придя домой, первым делом сел на телефон. Начал

обзванивать подряд все больницы, как советовала ему баба из справки о несчастных случаях. Тупо открыл справочник на букву «Б» — и вперед. В одной было занято, в другой тоже. Прозвонился куда-то.

— Простите, пожалуйста, я ищу женщину… вчера ночью… Ей лет двадцать…

— Куда вы звоните? — нелюбезно осведомился прокуренный женский голос.

— В больницу…

— Чаво?

— Простите, это приемный покой?

— Это психушка, ты!..

Сигизмунд брякнул трубку. Посмотрел на номер телефона. В самом деле, психушка.

Да нет, ерунда это все с больницами.

Сигизмунд бесцельно покружил по комнате, хрустя мемориальным говном, выпавшим из разоренного стеллажа. Зачем-то пнул тяжелую, как камень, коробку со слежавшимися фотографиями «Кама-сутры».

Лантхильда исчезла не своей волей. Конечно же, нет. Они не ссорились. У них были прекрасные отношения. Они собирались поехать на прогулку, полюбоваться ночным городом. Лантхильда любила ночной город. Она любила ночные прогулки.

Нет, они не ссорились. Что за глупости. Не о том думаешь, Морж.

Лантхильду схитила какая-то сила. Какая? Логично предположить — та самая, что забросила ее сюда. Точнее, в гараж.

Что, опять охтинский изверг? Чушь. Эта версия рухнула давным-давно под гнетом собственных внутренних противоречий.

Итак, что мы имеем?

Сигизмунд остановился посреди комнаты, невидящим взором уставился на люстру.

Мы имеем:

1. В конце 1996 года С.Б.Морж обнаруживает в своем гараже некий одушевленный объект в лице девки, сам себя именующий «Лантхильда». Объекту присущ ряд странностей:

а) полное невладение каким-либо из распространенных в Европе языком (язык объекта не идентифицирован);

б) полное отсутствие информации о национальной и гражданской принадлежности объекта;

в) вообще полное отсутствие какой-либо информации об объекте…

В принципе, шведский или, скажем, исландский язык в

любом случае показались бы Сигизмунду незнакомыми. Так что Лантхильда действительно могла быть шведкой. С другой стороны, любой мало-мальски образованный швед хоть сколько-нибудь владеет английским…

Да, но есть еще необразованные хуторяне. Или рыбаки какие-нибудь из заброшенной деревушки.

Но что делала необразованная шведская (вариант: исладнская) хуторянка в сигизмундовом гараже?

Конечно, жизнь иной раз причудливо плетет…

Вернемся к фактам. Объект был дан в объективном ощущении, объект жил, ел, пил, спал… «Реми Мартен» выжрал вчистую… Блин! Сам ты объект, Морж.

Ладно, эмоции в сторону.

2. В начале 1997 года С.Б.Морж вознамерился жениться на объекте…

М-да…

Итак, она исчезла. Не по своей воле. Появилась она здесь тоже явно не по своей воле. Сигизмунд вспомнил, как растеряна и испугана была Лантхильда в первые дни.

Откуда она появилась?

Господи, да что я вообще о ней знаю? Она ОТКУДА-ТО взялась в гараже…

Лунница!

Сигизмунд бросился в «светелку», распахнул дверцу шкафа. Лунница была на месте. Поблескивала, как ни в чем не бывало жирным тускловатым блеском.

Сигизмунд взял ее в руки, поразглядывал. Повесил назад. Золото не вызывало у него сейчас никаких эмоций. Да и давно уже не вызывало. Привык, что ли.

Сигизмунд с силой захлопнул дверцу шкафа, и тотчас сверху с гулким стуком свалилась пустая коробка. Сигизмунд машинально подхватил ее.

На коробке под словами «POPCORN» и (почему-то) «SPORT» натужно висел на скале здоровенный хмырь в шортах. Нажрался, видать, попкорна и лезет. Душа в нем взыграла, должно быть.

Подпрыгнув, Сигизмунд заглянул на шкаф. Аж присвистнул. Сколько дерьма наскладировано! И так заботливо!.. Из мусорного ведра, небось, таскала — какие поярче. Как сорока. Запасливая.

И тут — ударило!

Нет сороки.

Нет запасливой.

Бессмысленно все… Сигизмунд еще раз посмотрел на жизнерадостного хмыря и бережно положил его обратно на шкаф.

В «светелке» густо застоялся причудливый девкин быт. Ее

привычки, пристрастия, странности, предпочтения.

Сигизмунд вышел на середину комнаты, огляделся. По уму, прибрать бы здесь надо. Выкинуть весь тот хлам, который накопился и успел уже покрыться пылью. Но рука не поднималась.

Нет уж, пусть все остается как есть. Почему-то вдруг ему стало казаться — пока комната стоит в неприкосновенности, Лантхильда может еще вернуться… каким-то непостижимым образом…

В этот момент в дверь позвонили. Позвонили уверенно, три раза подряд.

Сигизмунд медленно вышел из «светелки», закрыл дверь. Он знал, что пришла не Лантхильда. Кто-то другой.

Позвонили в четвертый раз. Нет, не она. Неважно, кто, но не она.

Сигизмунд отворил дверь.

— Ты что, Морж, дрочишь тут?

Сигизмунд уставился на вошедших, плохо соображая. Его толкнули.

— Что встал, дай пройти.

До Сигизмунда медленно стало доходить. Аська. С сестрицей.

— А вы что пришли?.. — начал он.

— Не дозвониться до тебя, — сердито заговорила Аська. — Давай, ухаживай, что топчешься.

Сигизмунд машинально вынул из курток сперва Аську, потом ее сестрицу. Сестрица мельком глянула на молоток и ножницы, болтавшиеся над дверьми. Ничего не сказала. И даже виду никакого не сделала.

— Что у тебя занято все время? — ворчала Аська. — С кем ты треплешься часами? А что, девчонка твоя еще не вернулась? В общем, так, Морж, гони десятку назад. Нам жрать нечего. Пешком к тебе, говнюку, шли. Как ходоки к Максиму Горькому.

— К Ленину, — глупо поправил Сигизмунд.

Пошел к себе в комнату, переступая через книги, валявшиеся на полу. Достал из ящика полтинник. Заодно проверил телефон. Трубку набекрень положил. Совсем ума лишился.

Следом в комнату всунулась Аська.

— Ну и срач у тебя, Морж… А что, вы дрались? Или ты уже опустился? С десятки-то… Ты, Морж, не смей с моей десятки опускаться.

— «Киса, ваш дворник большой пошляк. Так напиться на рубль!..» — вяло схохмил Сигизмунд.

Аська нахмурилась. Лавируя среди куч и павшего стеллажа, пробралась к Сигизмунду. Тревожно посмотрела ему в лицо.

— Что, так плохо, Морж?

Он молча кивнул.

— А мы тебе пожрать принесли, — сообщила Аська. — Борща. Сестрица наварила. Я просыпаюсь — а у нас борщ! И говнюки какие-то сидят. Филологи. Жрать горазды — жуть берет. Сидят и рубают этот борщ, сидят и рубают!.. И словами мудреными сыплют. И водку пьют. Успели сбегать. Я говорю: ша, ублюдки, там у нас человек погибает, надо ему борща оставить! И отлила тебе в литровую банку — во, под завязку. В кастрюлю выльешь, разогреешь. А то у тебя от стресса будет язва желудка. Тебе надо жидкое есть. — Тут Аська захохотала.

— Представляешь, Морж, я как встала, мне сразу говорят: «А десятка твоя, Асенька, тю-тю!» Я спросонок не сообразила. Говорю: «Что тю-тю?» Сестрица мне так въедливо и отвечает, что, мол, какой-то синюшник выполз поутру из-за шкафа и десятку унес. Я говорю: «Это не синюшник, это генеральный директор…» Ты ведь генеральный, Морж?

— На, — сказал Сигизмунд, протягивая полтинник.

Аська посмотрела на полтинник.

— Это что?

— Дензнак.

— Ну, спасибо, — сказала Аська и заорала на всю квартиру: — Ви-ика! Гляди, чего нам дали! Я тебе говорила, что он генеральный, а ты — «синюшник, синюшник…» Иди сюда! Только ноги не сломай!

Вика появилась в дверях. Бесстрастно посмотрела на разгром. Сказала:

— Я в белой кастрюле разогрела. У вас белая — суповая?

Сигизмунд ошалело кивнул.

— У тебя хлеб хоть есть, Морж? — деловито спросила Аська, карабкаясь к выходу.

Сестры усадили Сигизмунда за стол, поставили перед ним полную тарелку борща и наказали съесть. Сами уселись напротив, принялись надзирать. При этом Аська считала своим долгом развлекать Сигизмунда рассказками.

— Чайка к херам улетела, представляешь, Морж? У кошки всю рыбу сожрала и улетела. Вырвалась, падла. А мы к тебе шли — ужас, денег нет, ничего нет, у меня еще глаз подбит. Пьяных каких-то на себя всю дорогу собирала, как репей. Объяснять приходилось: супец, мол, человеку несем, его баба бросила, мы его утешать идем, так что не до блядок нам. Народ понимающий — отлипал… Мы супцом булькали, но не показывали. Сейчас люди такие — им только покажи, отберут у слабых женщин и тут же отожрут. — От темы жратвы аськина мысль причудливо

скакнула к утренним визитерам. — А эти филологи под конец оказались ничего.

— Они не филологи, — подала голос сестрица.

— Какая разница, — отмахнулась Аська. — Притомили они меня сперва, а после общие знакомые откопались, сходили за водкой, посидели по-человечески… Теоретики. Говорят, период сейчас такой. У всех. Говенная морось, говорят, сыплется. Их по деньгам кинули, а у нас под утро кто-то просто в подъезде насрал. Вот так незатейливо. Это не ты, Морж, спьяну?

— Нет, — лаконично сказал Сигизмунд, продолжая хлебать борщ.

— Вот и я говорю: не мог он этого сделать, он генеральный директор…

— Вы каким бизнесом занимаетесь? — вежливо спросила Вика, желая сменить тему разговора на более приятную.

Аська привзвизгнула, предвкушая.

— Тараканов морю, — ответил Сигизмунд.

— И как? — спросила Вика.

— На жизнь хватает.

Повисло молчание. Сигизмунд будто со стороны слышал в тишине свое громкое чавканье.

Аська легла на стол грудью, засматривая Сигизмунду в лицо.

— Ну так что, поссорились вы с ней все-таки?

— Нет.

— Точно?

— Да.

— Так почему она от тебя ушла-то?

— Пропала она, а не ушла.

— Думаешь, похитили?

— Нет.

А может, и похитили, подумал Сигизмунд. Он не знал.

— Своими ногами ушла? — продолжала допытываться Аська.

— Я пошел машину заводить. Пока из гаража выезжал — ба-бах, ее нет.

— Что значит ба-бах? Стреляли?

— Это я фигурально. Просто — нет.

Сигизмунд твердо решил не пускать взбалмошную Аську во всю эту загадочную историю. Запутает еще больше.

Его уклончивость не осталась для Аськи незамеченной.

— Не хочешь говорить — не надо. Я тебе так скажу: если своими ногами ушла, возможно, своими ногами и назад придет. У беременных еще и не такое бывает.

Да уж, подумал Сигизмунд. Вспомнилась вдруг неприятная встреча с беременной в тот день, когда он нашел в гараже

Лантхильду.

— Ну ладно, Морж, — сказала Аська. — Мы пошли. За деньги спасибо. Посуду у тебя мыть уж не будем, извини.

Сигизмунд встал, проводил их. Когда закрылась дверь, в квартире стало очень тихо и пусто.

В принципе, к этой пустоте он и стремился, когда расходился с Натальей. И жил в этой пустоте, лишь изредка разбавляя ее случайными и недолговременными подругами. А теперь в квартире будто звенело. Кассету бы поставить, Мурра послушать — так разбит магнитофон.

Сигизмунд ткнул пальцем в телевизор и плюхнулся на диван. Некоторое время бродил по каналам. Все было скучно. Засилие пошлости удручало. Шуршание памперсов не захватывало, «дэним» не привлекал. Не хотелось ни чистить зубы, ни источать ароматы Настоящего Мужчины. Ни хрена не хотелось.

Наконец набрел на академического дядю в двубортном пиджаке. Дядя бубнил про какую-то комету. Дескать, открыли в 95-м году комету. И не простую, а супер. То есть, без дураков супер, это вам не памперс-юни. И в бинокль уже эту комету видно, а скоро вовсе вырастет. Близко пройдет, но не упадет на Землю, хвост на полнеба растянет. Будет видна ночью, а если захотите — то и днем. Последним эту комету Рюрик видел, а теперь вот нам счастье привалило.

Дядю сменили спортивные новости. Сигизмунд выключил ого. Нет, не ого — телевизор. Ого раньше был. Вчера.

Он начал ощущать, как растет подушка времени между ним и Лантхильдой. Сперва чуть-чуть — вчера. Потом побольше — позавчера. Не успеешь оглянуться — месяц назад… Растянется, как хвост у кометы. На полнеба. На полжизни.

А ведь он всерьез собирался жить с ней всю жизнь — сколько получится. Он только сейчас понял, как серьезно к ней относился.

* * *

Из клубящегося тоскливого полусна-полубреда Сигизмунда вырвал телефонный звонок. Сигизмунд ощутил острый приступ досады: возвращаться к реальности не хотелось. Что-то было в этой реальности не так.

А телефон звонил и звонил. Настырно.

Сигизмунд снял трубку. Просто чтобы звонить перестал. Машинально произнес:

— Алло…

— Сигизмунд Борисович! — заверещала трубка. — Вы спите?

Вы болеете? Сигизмунд Борисович!..

— Алло, — повторил Сигизмунд вяло.

— Вы слушаете?

— Кто это звонит?

— Это я, Света.

— Какая Света?.. — начал было Сигизмунд и тут проснулся окончательно. — Светка?

— Вы спите?

— Да не сплю я, не сплю. Задумался. Ты что как резаная?

— Сигизмунд Борисович, нас обокрали, — выпалила трубка.

Сигизмунд на мгновение представил себе светящееся окно светкиной квартиры.

— Сочувствую, — проговорил он еще более вяло.

— Да нас, нас обокрали! — надрывалась в телефоне Светка. — НАС!

Сигизмунд немного подумал.

— «Морену»? — спросил он.

— Да, да! Приезжайте скорее!

— Еду, — сказал Сигизмунд, роняя трубку.

Было одиннадцать утра. Сколько же он проспал?

Сигизмунд был в «Морене» через час. Федор уже прибыл. Захлебываясь, Светочка принялась рассказывать. Она пришла на работу первая, открыла дверь и обнаружила… собственно, ничего она не обнаружила. Вся техника была вынесена.

Компьютер с бухгалтерией. Принтер — лазерный. Факс поперли, естественно. «Панасониковский» телефонный аппарат со всякими кнопками: автоповтор там, автоответчик. Сигизмундово любимое вертящееся кресло на колесиках вынесли. Обидели, блин, генерального. Две пачки бумаги для лазерных распечаток — это уже свинство — беспринципно утащили.

Светочка звонила по старому телефонному аппарату — с битым корпусом и замусоленной трубкой. Валялся в ящике стола, все руки не доходили выбросить. А тут пригодился. Воткнула и позвонила — сперва Федору, потом Сигизмунду.

Смежная дверь к арендаторам была заперта. Открыли. У субарендаторов было вообще пусто. Входной замок с «ихней» стороны был сломан.

Сигизмунд с Федором переглянулись.

— Я велел Светке ничего не касаться, — сообщил Федор. — Чтобы все хранило девственный вид.

— Дефлорированный вид, — угрюмо пошутил Сигизмунд и пошел звонить в милицию.

Светочка хихикнула, но как-то нервно.

Менты явились через полтора часа — в лице дознавателя и

еще одного. Дознаватель — коренастый мужик в черной кожаной куртке, с густыми, сросшимися на переносице бровями, — уселся за стол, вольготно разложился бумагами, начал задавать вопросы. Попросил ничего не трогать и не мельтешить, сидеть тихо. Опрашивал по одному.

Сигизмунд вяло отвечал. Происходящее воспринималось сквозь туман — слишком много за последние дни навалилось. Время от времени краем глаза ловил на себе светкин сочувствующий взгляд.

Второй мент с Федором вышли во двор — посмотреть, как там со стороны. Когда они вернулись, Федор был очень оживлен и румян. Дознаватель мельком оторвался от бумаги, поднял голову. Второй мент кратко сказал:

— Соседи ничего не видели.

— А как там дверь?

— Похоже на имитацию взлома.

В отличие от Сигизмунда, Федор так и кипел от энтузиазма. Рвался быть допрошенным.

Однако бойцу пришлось ждать, пока закончат беседу с генеральным.

Сигизмунд поведал о субарендаторах все, что знал. Записав показания, дознаватель попросил показать договор о субаренде. Тут Сигизмунд хватился: договор находился у него дома. Предложил съездить, благо на колесах. Дознаватель не возражал. Дел хватало.

Сигизмунд, как в дурном сне, потащился домой — за договором. Вошел в квартиру. Странным поведением озадачил даже кобеля. Непонимающе озирался вокруг. В комнате царил полнейший разгром. Стеллаж продолжал пребывать в упавшем состоянии. Чуда явлено не было, и из праха стеллаж не восставал. Чудес не бывает. Да, чудес не бывает!

Наступая на книги, пробрался к столу. Долго шарил, не мог найти договор. Сидел на диване, глядя в потолок, двигал губами. Ему казалось — думал. Вспоминал, где этот проклятый договор может находиться.

Да. Была протечка. После протечки бумаги перекладывали… Куда?

Наконец вспомнил. Вытащил, развернул бумаги, долго вчитывался, тщась понять — та бумага или не та. Вроде, та.

Долго стоял с нею в руке, соображал — куда сунуть, чтобы не помять. Сам себе с расстановкой сказал:

— Бумаги, дабы не помять, ложат в папку.

Мысль натужно направилась на поиски папки. Не нашла. Поднял из развала книгу с обложкой понадежнее, сунул договоры

за обложку.

Сигизмунд уже уходил, когда неожиданно зазвонил телефон.

— Гоша… Гена не у тебя?

— Какой Гена?

— Ушел из дома, пьяный… не знаю, что и думать. У вас дела с ним какие-то были…

Сигизмунд мучительно задумался. Потом спросил невпопад:

— Куда он ушел?

— Не сказал. Пьяный пошел…

Звонила тетя Аня. До Сигизмунда это дошло только к концу разговора.

— Нет, тетя Аня. Его у меня нет.

И положил трубку.

И тут же — новый звонок.

— Да!.. — рявкнул Сигизмунд.

Мать.

— А ты чего не на работе? — удивилась она.

— А зачем домой звонишь, если я на работе?

— Я звонила. Там не отвечают. Случилось что?

— Ничего, — процедил Сигизмунд.

— А эти твои… норвежцы… они уехали?

— Слушай, мать. Хальвдан утонул вместе с сейнером и селедками. Дочка его с горя бросилась под троллейбус номер тридцать четыре. Остальных повесили — кого за шпионаж, кого за яйца. И вообще, какого хрена вам всем от меня надо?.. Достали!

И бросил трубку.

Выезжая со двора, видел перед собой в арке лощеную черную задницу «фордяры». Того самого. Быстро же его реанимировали! Уплывал, закрывая в проеме арки Казанский собор. На миг захотелось поглядеть на морду владельца. И кто там только засел за тонированными стеклами? Фингал бы ему навесить для красы. Чтобы свет не застил.

Черный «форд» долго еще маячил впереди, пока на Садовой их с Сигизмундом не разлучило оживленное движение. Настолько оживленное, что из пробки Сигизмунд выбрался только через двадцать минут.

Когда только Сенную откроют для движения? Едучи по Садовой, Сигизмунд думал эту стандартную мысль. И, что характерно, остальные застрявшие водилы — тоже. Вот где раздолье для телепатии.

Когда Сигизмунд добрался до офиса, дознаватель уже закончил работу. Прибыла бригада криминалистов с причудливым инвентарем в чемоданчике. Картина, открывшаяся

перед Сигизмундом, который был — ха-ха, что таить — сегодня на голову слабоват, показалась и вовсе малообъяснимой. Какие-то незнакомые люди деловито пачкали черной дрянью стены и двери. Не везде, а только там, где руками берутся. То есть, косяки всякие.

— Принесли? — донесся до Сигизмунда голос дознавателя.

Сигизмунд с трудом оторвался от завораживающей своим сюрреализмом картины.

— Что?

— Договор с вами?

Сигизмунд машинально протянул ему книгу.

— Что это?

Сигизмунд глянул на обложку. Босх. Это он, значит, альбом Босха приволок. На обложке ученый лекарь долбил кому-то голову. От глупости лекарства нет.

Именно это зрелище и заставило Сигизмунда взять себя в руки. Раскис, блин. Растекся, как кисель.

Достал из-за обложки договор. Протянул дознавателю.

Тот переписал из договора данные.

Поведал новости.

Судя по всему, на ребятках — на приятных молодых парнишках, оба Сергеи — должок висит. Пока Сигизмунд домой-обратно катался, звонили некие кредиторы. Интересовались. Сегодня срок истекает. Дознаватель сказал, что представился рядовым сотрудником ГРААЛЯ, просил кредиторов подъехать. Так что ждем-с.

В данном случае, продолжал ободрять Сигизмунда дознаватель, очень похоже на инсценировку взлома. Обчистили, похоже, субарендаторы. У них в комнате все протерто, отпечатков нет.

Сейчас сотрудникам «Морены» надлежит презентовать свои пальчики родимой милиции. Поскольку на стенах и дверях офиса какие-то отпечатки найдены. Надо бы установить, которые отпечатки родные, а которые — нет. В интересах следствия.

Убогость ментовского инвентаря поразила Сигизмунда даже сквозь туман, в который был погружен мозг после потрясений последних дней. Какая-то великая самопальность сквозила во всем, что сейчас происходило.

— Ребята, — оторвался криминалист от стены, — берите листочки, складывайте гармошкой.

И показал, как.

На верхней складке было велено написать паспортные данные: «От пострадавшего…» У Сигизмунда почему-то не получалось сложить листок. В конце концов, его выручила

Светочка. Немало, должно быть, таких вееров творила в детстве из промокашек. Королевой Марго, небось, себя мнила. А стала бухгалтером в тараканобойной фирме.

Другой мент названивал в отделение. Просил машину прислать. В отделении была пересменка, машина добывалась трудно.

После того как паспортные данные были записаны, криминалист осквернил пальцы и ладони сотрудников «Морены» все той же черной дрянью. Или другой дрянью, но тоже черной. Прокатал — сперва большой палец, потом указательный… У Сигизмунда дрожали руки.

— Вы можете держать руки? — сердито спросил криминалист.

Сигизмунд соврал, что вчера на дне рождения был. Криминалист обидчиво заметил, что тоже был на дне рождения и тоже вчера, но руки почему-то не трясутся.

Федор попытался было затеять дискуссию, задать пару вопросов по существу дела, вникнуть глубже в происходящее — он был живо заинтересован. Но дискуссия скисла, не начавшись. Криминалистам было скучно. Криминалисты таких дел видели — у-у… И к тому же еще на один объект торопились. На такой же.

Наконец криминалисты уехали, забрав отпечатки и оставив после себя загрязнение. И стены в черных пятнах, и руки… Сигизмунд спросил дознавателя:

— Можно стирать?

Дознаватель разрешил.

Светку наладили отмывать стены мыльной водой.

Второй мент опять пошел с Федором во двор. Обсуждали что-то на ходу. Светка без энтузиазма хлюпала тряпкой. Сигизмунд скрючился в углу на стуле, угрюмо созерцая плохо отмывшиеся руки. Дознаватель сидел за столом, перечитывал записи и время от времени бросал рассеянный взгляд на Босха. Время тянулось.

Около пяти в дверь позвонили. Второй мент открыл. Вошли два мордоворота. Вопиюще противореча своему чисто бандитскому виду, очень вежливо осведомились:

— ГРААЛЬ здесь находится?

Мент спокойно ответил:

— Да, проходите, ребята.

И встал у двери.

Дознаватель стремительно вышел им навстречу, заранее держа раскрытыми «корочки».

Представился. Сказал, что работает по факту кражи. Попросил рассказать все, что известно о фирме ГРААЛЬ.

Известно мордоворотам было немного. Месяц назад они

отгрузили ГРААЛЮ товар со своего склада. Сегодня — срок платежа. Собственно, за этим и приехали.

Мент записал название фирмы, которую представляют мордовороты. Поинтересовался, на какую сумму мордоворотный склад опустили. Назвали. Мент зафиксировал и это. Предложил оставить исковое заявление. Можно прямо сейчас поехать в Адмиралтейское РУВД, можно завтра.

Мордовороты попросили разрешения позвонить. Позвонили. Отчитались, слово в слово пересказав услышанное от мента. Вежливо попрощались, сказав сакраментальное «сочувствуем», и поехали подавать исковое заявление.

Вскоре после этого дознаватель собрал бумаги и вместе с напарником откланялся. Сказал «будем искать» и «позвоните через несколько дней».

Пренебрегая правилами, Сигизмунд задымил прямо в офисе. Светка не возражала. Федор пошел искать доски, чтобы забить дверь.

Когда Федор ушел, Светка вдруг бросила тряпку в таз и распереживалась. Все данные на компьютере остались!.. Все заказы!.. Весь баланс!..

— Так на бумаге же все сохранилось, — сказал Сигизмунд.

Но воображение Светки, распаленное бумажными триллерами, причудливо рисовало страшные картины: попали данные в злые руки… и начинается роман ужасов.

— Брось ты, Светка, — устало сказал Сигизмунд. — Там уже, небось, все потерто. Кому мы нужны с нашими тараканами…

Явился Федор с досками и молотком. Разжился где-то за дивно короткий срок. Заколотил взломанную дверь со стороны арендаторского входа. Совсем уже собрались уходить, когда в дверь позвонили.

Еще двое. Этих тоже опустили ушлые Сереги. Впрочем, эти отнеслись к случившемуся с юмором. Или по фиг им было. Тоже отзвонились своему начальству — порадовали. Попытались утешить Сигизмунда с поникшей дружиной: мол, не вешайте носа, ребята, глядите на нас и берите пример.

Бодрых ребят кинули на три с половиной тысячи баксов.

Побазарили, покурили. После чего ребята отправились знакомой тропой, в РУВД. Исковое, блин, заявление подавать.

Светка совсем ослабела от переживаний. Сигизмунд подвез ее домой. Пока вез, в голове неотвязно вертелись слова, которые услышал вчера от Аськи: «говенная морось… говенная морось…» Светка молчала. Сонно глядела на дорогу. Прощаясь, Сигизмунд бегло чмокнул ее в щеку.

…И когда уже сворачивал на Садовую, отчетливо услышал —

как будто кто-то рядом, в машине, произнес это вслух: «ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННА». Эти два слова будто взорвались Сверхновой, и Вселенная, где существовала особь по имени Сигизмунд, мгновенно преобразилась: на лиловых клубящихся небесах Хаоса взошло Черное Солнце.

Под этим Черным Солнцем утратило всякий смысл все то, чем тешила себя на протяжении тридцати шести лет означенная особь. Чувство это было настолько всеобъемлющим, что спасительная способность к анализу, расточилась, растеклась, как часы на картине Сальватора Дали.

Сигизмунд остался один на один с диким животным ужасом. ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННА. Эта мысль поглотила его, как пучина. ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННА. Он начал приискивать подходящий столб, в который можно было бы врезаться и покончить с этим раз и навсегда. Разогнаться и врезаться. ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕННА. Раз и навсегда — покончить, и больше не будет страшно.

Садовая. Час «пик». Сигизмунд медленно, обреченно полз в каше машин, то и дело застревая в пробках. Разогнаться и врезаться возможности не представлялось. Черное Солнце постепенно угасало, переставало быть таким яростным и ослепительным. Жизнь больше не была бессмысленной. Она была вопиюще скучной. Но и только. Это можно было вынести. По крайней мере — пока.

* * *

Бутылка медовой водки «Довгань» полновесно стукнула о стол. К водке имелись четвертушка черного хлеба и сермяжная луковица. Чиполлино, блин.

Сигизмунд свинтил пробку, разрывая наклеенную поперек акцизную марку, аккуратно, как реактив в пробирку, налил себе первую. Подержал в руке, продлевая момент. Сейчас эта сверкающая прозрачная жидкость прольется на Черное Солнце, и оно, погань эдакая, зашипит, извиваясь лучами-змеями, и загаснет, сгинув в пьяном болоте. Лучше уж быть нажравшейся скотиной, чем «особью»… ЖИЗНЬ БЕССМЫСЛЕН-НА.

Н-на!

ЖИЗНЬ БЕССМЫС…

Н-на!

Вторая прошла еще лучше первой. Сигизмунд с хрустом взгрызся в луковицу. Посидел, прислушался. Вроде, шипит. Вроде, гаснет, сука.

Ну-ка еще одну… Ах, хорошо пошла.

Притупилось, загладилось, будто в болотной жиже все искупалось.

Голос извне замолчал.

Пришла обида.

…Ведь не потому же, что обокрали, зажглось смертоносное Черное Солнце. Не настолько же он, Сигизмунд, в конце концов, примитивен. Корчился, как амеба, — не из-за того же, что два ушлых ковбоя по имени Серега и Серега-плюс сперли компьютер-принтер-факс. Не из-за этого же! Три тонны баксов — из-за такого Черное Солнце не вспыхивает.

Пес грустно лежал, морда между лап, в темных глазах — вселенская скорбь. Как всякая собака, пьяных не одобрял. Осуждал даже.

— Не особь я, понял, — обратился Сигизмунд к кобелю. Кобель приподнял морду, поставил уши. — Я с-сапиенс, понял? И не позволительно вот так появляться и исчезать без моего соизволения… Кажется, я надрался.

Утратив интерес, кобель уронил морду обратно.

— Так. Надо сделать паузу.

Сигизмунд встал. Походил по кухне. Покурил. Водка тем временем обустраивалась в своем новом обиталище. То есть, в сигизмундовом желудке.

— Должно сопротивляться. Не терять связи со своим поколением. Понял?

Сигизмунд набрел на маркер и с превеликим энтузиазмом украсил светлые обои в коридоре гигантским кривоватым «пацификом».

— И хайр отращу, — пригрозил Сигизмунд «пацифику». — Уйду, блин, по трассе, только меня и видели… С песнями утреннего ветра по шоссе…

Он захихикал. Какое-то время его сильно развлекала мысль о том, что, вот, придет Наталья и увидит «пацифик». Может, и в ней совесть проснется. Только поздно! Ибо Сигизмунд в это время будет уже с каким-нибудь дальнобойщиком продвигаться по направлению к солнечному Крыму.

— Там тепло. Там яблоки. Самостийность и Кара-Даг…

Зазвонил телефон. Сигизмунд снял трубку. В трубке тарахтела Аська.

Не слушая, Сигизмунд раздельно произнес:

— Твой проблем, Аська, в полном и бесповоротном отсутствии хайра. Поняла? Кобель тоже так считает.

И положил трубку. И забыл.

«Довгани» оставалось еще полбутылки. Это не дело. Чтобы оставалось. Должно не оставаться. Потребна изначальная пустота.

Сигизмунд попытался влить в себя оставшуюся водку «винтом», но поперхнулся и облился…

Затем Сигизмунд увлеченно музицировал под непрощающим взором деда с фотографии. Исполнял собачий вальс в исключительно грозном и мрачном до миноре. Брал устрашающие септаккорды и прислушивался к их ревущему замиранию в чреве пианино. В трезвом состоянии Сигизмунд умел одним пальцем проигрывать собачий вальс. Но сейчас эта незатейливая мелодия превратилась в источник бесконечных завораживающих комбинаций, по щедрости сопоставимый с ноктюрнами Шопена.

Все очень просто. Врут все п-пианинщики. Септаккорд — это когда растопырить пятерню и добавить еще два пальца с другой. Веером. Сигизмунд с настойчивостью экспериментатора исследовал свое открытие. То убирал один палец, то добавлял сразу два. Старенький «Красный Октябрь» добросовестно стонал…

Надо Аське позвонить. Рассказать. Не следует открытие в себе держать.

— Дед! — закричал Сигизмунд, обращаясь к фотографии. — Дед! Я открыл септаккорд!..

Дед на фотографии упорно двоился в глазах.

Кобель, который все это время исполнял свой долг и героически лежал у ног хозяина, вдруг сорвался с места и помчался к двери, заливаясь громким лаем.

— Кого там несет?! — грозно зарычал Сигизмунд и взял еще несколько «септаккордов». — Нету меня дома! Я творю!

Звонили настойчиво. Кобель исходил на нет, вертясь и гавкая.

Сигизмунд как-то разом поскучнел и покорно побрел по очень узкому коридору к двери — открывать.

За дверью кто-то был. Сигизмунд сделал над собой усилие и заставил взгляд сфокусироваться на незваном госте.

На площадке стояла давешняя аськина сестрица. Была строга и недовольна. Сигизмунд отступил на шаг, созерцая и недоумевая. Сестрица неопределенно множилась.

— Можно войти? — процедила она кисло.

— А ты кто? — спросил Сигизмунд, пошатнувшись.

— В каком смысле?

— Не знаю… Проходи.

Он стоял, держась рукой за стену.

— Анастасия вам обед прислала, — молвила сестрица еще более кисло.

— Аська, что ли? — всхохотнул Сигизмунд. — А у ней хайра

нету, у этой твоей Анастасии. — И без перехода похвалился: — А я септаккорд открыл.

Пес настырно ввинчивал морду в полиэтиленовый мешок.

Не разуваясь, сестрица двинулась на кухню. Сигизмунд, пошатываясь, поплелся следом, выкрикивая ей в спину на разные голоса — от устрашающего до завлекательно-воркующего:

— Олл ю нид из лав!.. Олл ю нид из лав!..

Дверь на кухню энергично закрылась перед его носом. Сигизмунд приложил ухо к двери, заговорщически ухмыляясь и усиленно подмигивая кобелю. Мол, и тебя, кобель, не пустили. А там таинство какое-то творится.

Следуя необъяснимой логике, Сигизмунд неожиданно взревел:

— Энд соо… зе кинг из уанс эгэйн май гэст… Энд уай из зис воз Херод анимпрест… Джииизус Крайст! Суперстаааар!.. Олл ю ниид из лаав!

Он замолчал. Прислушался. На кухне хлопнула дверца холодильника.

— Маленький двойной! — заорал Сигизмунд. — За двадцать шесть, ты, курва!.. Не жри из моего холодильника, слышишь? Мэйк лав нот вор! Ураа… Товаарищ, я ваахту не в силах стояаать, сказаал кочегаар кочегаару… А за жратву из холодильника ответишь!..

Мир вокруг Сигизмунда окончательно утратил определенность. Он хныкнул, позвал Лантхильду. За дверью послышались шаги. Аськина сестрица (как ее звать-то?) попыталась выйти в коридор.

А, попалась птичка!.. Сигизмунд всем телом навалился на дверь, не пуская. Там толкнули несколько раз. Сказали холодно:

— Откройте, Сигизмунд Борисович.

— Ик им микила! Ик им махта-харья! Аттила хайта мик Сигизмунд Борисович!

Повисло странное молчание. Сигизмунд вдруг разом утратил интерес и к холодильнику, и к теме борьбы за мир. В мыслях шевельнулось и проклюнулось что-то важное. Оно клубилось, клубилось в одурманенных мозгах и вдруг оформилось. Озо! Озо, блин! Она звонила по озо! Кто мешает снять трубку и…

Вика вышла в коридор. Пьяного аськиного приятеля у кухни уже не было. Сгинул куда-то. Торопясь уйти, она направилась прямиком ко входной двери, туда, где нелепо болтались ножницы и молоток. Вика поджала губы. Бог ты мой, будь она неладна, эта привычка Анастасии возиться со всякими убогими, полоумными, бесноватыми и просто пьяницами. Тоже мне, нашла генерального директора. Обычный пропойца. Нет уж, больше никакой

филантропической деятельности, никаких супчиков в баночках и огурчиков в пакетиках…

Стоп. Куртка лежала на тумбочке у входа, там, где Вика ее сбросила. А где шапка? Можно, конечно, уйти и без шапки, до библиотеки два шага, но лучше все-таки…

Так. Откуда-то из недр квартиры выскочил кобель. Порычал, чтобы Вика обратила на него внимание. Глаза пса блестели, борода растопырилась, хвост выжидательно помахивает. В пасти — викина шапка.

— Отдай! — тихо, сердясь, велела Вика. И шагнула к кобелю.

Он пулей помчался прочь. Для того и схитил шапку, чтобы за ним с проклятиями гонялись по всей квартире. Замысел у кобеля был такой.

Пришлось принимать правила чужой игры. Вика ворвалась следом за кобелем в комнату — и замерла. Перед ней была картина вселенского разгрома. Рухнувший стеллаж загромождал комнату. Повсюду валялись книги, фотографии, какие-то безделки. А посреди всего этого кошмара, на полу, обняв телефон, восседал генеральный директор, дружок Анастасии, пьяный в хлам, и говорил, говорил что-то бесконечным потоком, густо пересыпая речь словами незнакомого языка.

Вика невольно прислушалась. Норвежский?.. Нет, но германский. Это точно. Не шведский. И не датский, конечно.

Пес подошел, ткнул в викины колени мордой с зажатой в зубах шапкой. Когда она протянула руку, припал на передние лапы и потребовал, чтобы с ним играли.

— Отстань, — сказала Вика и снова прислушалась.

Сигизмунд продолжал матерно плакаться на судьбу. Обокрали его, видите ли. И обосрали. Обокрали и обосрали. Затем он снова перешел на незнакомый язык. Вернее даже не на «язык», а на какую-то чудовищную смесь из русских и германских слов. Но не литовский же!.. Вообще не балтский. Германский.»… Аттила хайта мик Сигизмунд Борисович…» Ни больше, ни меньше. Но чаще всего повторялось слово «срэхва».

— Что стоишь? — взревел вдруг Сигизмунд, бросая трубку.

Вика вздрогнула. Она не сразу поняла, что это ей.

— Что пялишься? Вали отсюда! Давай, давай…

Он тяжело поднялся и надвинулся на нее, дыша луком и водкой.

— Катись ты в жопу! И все вы катитесь в жопу! Как хочу, так и живу, поняла? Не хрен мне тут указывать, поняла?

Она повернулась и выбежала вон, захлопнув за собой дверь.

* * *

Сигизмунд проснулся. Он лежал на полу. Замерз и затек. Рядом дрых кобель, положив морду на чью-то вязаную шапку с помпоном. Было невыносимо.

Он помнил, как начал пить. Помнил, как изобрел «септаккорд». Потом… потом, вроде, приходили. Сигизмунд напрягся. Кто? Сосед Михаил Сергеевич? Или соседка гражданка Парамонова. Впрочем, она не Парамонова. Забыл.

Может, Аська приходила? Нет, Аська бы его не оставила лежать в опрокинутом стеллаже и стыть. Аська бы набралась за компанию и стыла бы рядом…

Вспомнил. Аськина сестрица приходила. Стро-огая… А Аська то ли приходила, то ли нет. Скорее всего, да. А чья это шапка?

— Кобель, откуда шапка?

Кобель стукнул хвостом по полу и осклабился.

Сигизмунд побрел на кухню. Долго пил воду из чайника. Пошарил в холодильнике, обнаружил супчики. Явно аськиного происхождения. По привычке глянул на руку — посмотреть время. Вспомнил, что часы разбил. На днях. Взял вот и разбил. Чтобы не тикали. Деградируем-с.

Тяжко побрел по квартире. Узрел размашисто намалеванный на стене «пацифик». Привычно отреагировал на него фразой «All you need is love» и вдруг… ВСПОМНИЛ ВСЕ!

Ой, неудобно-то как!..

Пошел к телефону — звонить и извиняться. Почти уже набрал номер, как осенила светлая мысль: может быть, все-таки для начала время узнать? Было полтретьего ночи. Ничего, Аське еще можно звонить.

— Алло, Аська?

— Прорезался, бизнесмен прихиппованный? — с удовольствием спросила Аська. — Как поживаешь? Головка не бо-бо?

— Бо-бо, — угрюмо сказал Сигизмунд. — Слушай, что я там творил?

— Меня там не было, я не видела…

— Как — не было? А шапка чья?

Аська развеселилась.

— Морж, ты извращенно озабоченный. Сестрицы моей домогался грязно. Кобеля на нее науськивал, по квартире скакал, песни пел, на кухне ее зачем-то запер… А потом напугал. Нехорошо-о… Как супчик-то, вкусный?

— Не знаю, не ел еще. Худо мне, — пожаловался Сигизмунд.

— А с чего тут хорошо быть? — рассудительно произнесла Аська. — Похмелись лучше, если осталось. Осталось?

— Невыносимо мне, — простонал Сигизмунд. — Извинись

там за меня перед Викой…

— Сам извиняйся, буду я еще… Что я тебе, телефон?

— Озо, — сказал Сигизмунд.

— Что?

— Да так… А что она говорила?

— Что ты мудак, говорила. Слушай, а ты правда до нее домогался, Морж?

— Это я по фамилии Морж. А по жизни я человек.

— Говно ты, а не человек, — беззлобно обозвала Аська. — Похмелись и спать иди. Тебе завтра тараканов морить.

Глава вторая

Аськина сестрица, к немалому удивлению Сигизмунда, пришла к нему на следующий день, к вечеру. Как ни в чем не бывало. Поздоровалась, улыбаясь.

— Проходите, — сказал Сигизмунд, чувствуя неловкость. Хуже всего было то, что он не мог вспомнить вчерашнего во всех подробностях. — Ваша шапка…

Она взяла свою шапку с помпоном, сунула в пакет. Уловила взгляд Сигизмунда, невольно скользнувший по пакету, усмехнулась.

— Нет, сегодня без супчика. Я из Публички.

Сигизмунд слегка покраснел.

— Кофе хотите? Или чаю. Погода ужасная.

— Я заметила, — сказала Вика, снимая куртку. Сигизмунд подхватил куртку, понес на вешалку.

У аськиной сестрицы была отвратительная европейская манера не снимать, входя в дом, уличную обувь. Развратилась, небось, за границей. Там-то из дома в авто, из авто на мостовую, мытую с мылом, да снова в дом. Или в офис с ковролином. А здесь изволь месить грязь через весь двор…

Впрочем, в том бардаке, который сейчас царил у Сигизмунда, это было и неважно.

— Я бы выпила кофе, — манерно сказала Вика.

Она пошла за ним на кухню, явно забавляясь. Сигизмунд в очередной раз почувствовал себя полным дураком. Впрочем, вот уж к чему не привыкать.

— Вы уж извините за вчерашнее, — проговорил он. — Садитесь.

Вика уселась за стол. На «девкино» место.

— Пустяки. Анастасия сказала, вас обокрали. Это тяжелый стресс. — Она помолчала, глядя, как он готовит кофе. — У меня был тяжелый стресс в Рейкьявике. Была большая проблема с языком. Там совсем другой диалект, не такой, как на континенте. Нужно было все время держать в голове язык, манеры. Необходимо было себя хорошо зарекомендовать. Это трудно в чужом обществе. У них очень консервативное общество.

— Да, — проговорил Сигизмунд со старательным сочувствием. Аськину сестрицу волновали совершенно чуждые ему темы.

Он поставил перед ней чашку кофе. Она бегло поблагодарила и продолжала, спокойно и сдержанно:

— Я была все время в напряжении и на Пасху у меня был

срыв. Я напилась и забыла язык, совсем забыла. Ходила по Рейкьявику, говорила по-русски, меня не понимали, только смотрели удивленно. Я была совсем пьяная. — Она рассказывала с легкостью и откровенностью, с какой участницы западных (а теперь и наших) ток-шоу выкладывают в прямой эфир свои сексуальные, алкоголические и иные сложности. — Исландцы казались мне как манекены. Я им говорила, кажется, что они как манекены, но они не понимали…

— Трудный исландский язык? — спросил Сигизмунд, чтобы поддержать беседу.

— Это германский язык с множеством архаичных форм, если сравнивать с более современным норвежским. Исландия много лет имела очень слабые связи с континентом… Впрочем, в Норвегии два языка, знаете?

Сигизмунд этого не знал.

— Я вчера здорово накуролесил, вы уж извините…

Она улыбнулась.

— После того, как у меня был на Пасху срыв, моя руммейт — она японка, тоже аспирантка, — сказала: «Вика, ты как русский медведь».

Сигизмунд засмеялся.

— Вы не похожи на медведя. Японка плохо знает Россию.

Вика и впрямь мало походила на медведя — субтильная, светловолосая, с тонким затылком.

Неожиданно для самого себя Сигизмунд начал рассказывать ей о Черном Солнце. Ему почему-то не хотелось, чтобы она думала, что он пошло нажрался из-за украденного офисного оборудования. Она слушала очень внимательно. Рассказывать было легко.

— «Жизнь бессмысленна»… — повторила она в задумчивости. — Одна из основных проблем современного общества… Это болезнь индивидуализма, Сигизмунд. Как ни странно, но человек, который ощущает себя «колесиком и винтиком» или заменяемой частью большого рода, такой болезнью не страдает. Его жизнь осмысленна, потому что вписана в общее дело, которое простирается и в прошлое, и в будущее… Незаменимых нет. Вы будете смеяться, но это надежно держит. Когда вы живете в доме, который построил ваш прадед, и знаете, что этот же дом унаследуют ваши внуки, — вам спокойно… — Она помолчала, посмотрела куда-то в потолок. — Забыла, кто из французов сказал: «Родись, живи, умри — все в том же старом доме…»

— Понимаю, — проговорил Сигизмунд. И подумал почему-то о дедовском гараже.

— Для человека, живущего в родоплеменном обществе, поддаться — как вы говорите — Черному Солнцу, так же бессмысленно, как вдруг взять да сжечь на поле собственный урожай. Другое дело — индивидуалист. Он один. Он неповторим. И в тот миг, когда он ясно понимает, что его уход, его самоуничтожение ничего не нарушит в мировом порядке вещей…

Она замолчала.

— Вы историк? — спросил Сигизмунд. Он не хотел показать, что ее слова задели его, и поспешил сменить тему.

— Почему вы так решили? — Она улыбнулась.

Он пожал плечами.

— «Родоплеменные отношения»…

— Прямо Фридрих Энгельс, да? «Происхождение семьи, частной собственности и государства»?

Сигизмунд прочно забыл и Маркса, и Энгельса, и происхождение семьи… Своя-то бесславно развалилась, а тут…

— Я лингвист, — сказала Вика. — Специализируюсь на древнеисландском.

— А, — сказал Сигизмунд. Он с трудом представлял себе, зачем это нужно — древнеисландский. — На этом языке сейчас говорят?

— Нет, он мертвый.

— А много специалистов по этому языку?

— Его изучают в университетах на кафедрах германистики, но больше для общего развития. Специалистов, конечно, немного… — Она помолчала еще немного и вдруг глянула ему в глаза с предельной откровенностью. У нее были холодные, почти стальные глаза. — Простите, вы вчера говорили на каком-то языке…

Сигизмунд смущенно улыбнулся.

— Это опера такая была, вы, наверное, не помните… «Иисус Христос — суперзвезда». Просто у меня английский такой…

— Нет, «Jesus Christ» я узнала… На другом. — Она помялась. — Вы меня сперва из кухни выпускать не хотели… Потом собака с моей шапкой бегала…

— Это он так играет, — сказал Сигизмунд. Теперь ему стало неудобно еще и за пса.

— Вы с кем-то разговаривали по телефону, — продолжала Вика, — а я вошла случайно… Я за собакой вбежала… Волей-неволей подслушала… Извините, я не хотела, страшно неудобно вышло… Чисто профессиональное любопытство… Я германист все-таки… И язык германский — явно германский… А я его не узнала, не смогла идентифицировать…

Некоторое время они сидели и, как два благовоспитанных

самурая в японском историческом боевике, усиленно извинялись: Сигизмунд — за то, что обматерил и взашей вытолкал, Вика — за то, что какие-то интимные речи подслушала и желает теперь знать подробности…

Наконец настало время отвечать. На прямой вопрос трудно было не дать прямого ответа. И тянуть с этим больше не удавалось.

Сигизмунд побарабанил пальцами по столу и сознался:

— Я не знаю, что это за язык.

Повисло молчание. Что называется, мент народился.

Потом Вика очень осторожно осведомилась — будто лед пробовала, не треснет ли под ногой:

— То есть как — не знаете?

— Ну так… У меня знакомая была… Она говорила на этом языке. Других языков не знала. От нее и набрался слов… Объясняться-то как-то надо было…

— Это вы ей звонили? — спросила Вика и тут же смутилась. — Извините…

— Нет, — сказал Сигизмунд и смутился еще больше. — Это я в пустую трубку говорил. — И пояснил: — По пьяни. По пьяни чего только не сделаешь…

— А эта ваша знакомая — она откуда?

— Не знаю.

Вика подумала немного и вдруг решилась:

— Это та девушка, которая пропала?

— Вам Анастасия рассказывала? Да, она.

Вика подумала, покусала нижнюю губу.

— Вы знаете, я не из пустого любопытства спрашиваю. Может быть, мы сумеем ее разыскать… Для начала нужно бы все-таки установить, на каком языке она говорила. Думаю, я сумела бы это сделать.

У Сигизмунда вдруг вспыхнула безумная надежда. Кое-как он сумел подавить ее и лишь вяло выдавил:

— Да?

Вика кивнула. Исключительно ловко извлекла из сумки блокнотик и авторучку. Авторучка была обычная, а блокнотик красивый, в пестром тканевом переплетике.

— Если бы вы меня снабдили минимальным лексическим запасом…

Сигизмунд, напрягшись, назвал несколько слов. Вика быстро записала и повернула блокнот к Сигизмунду:

— Так?

Слова были записаны значками международной транскрипции, смутно знакомой Сигизмунду по ранним годам

изучения английского. Только там были еще какие-то дополнительные закорючки.

Сигизмунд замялся.

Вика повернула блокнотик к себе и стремительно накидала еще несколько вариантов.

— Может быть, так?

— А как это читается?

Вика с готовностью, тщательно артикулируя — Сигизмунд обратил внимание на ее накрашенные хорошей помадой губы и белые, ровные зубы — несколько раз произнесла слово «гайтс». Один вариант произношения в точности совпадал с лантхильдиным. Вика произносила звуки иначе, чем Сигизмунд, — более «чисто».

— Вот так, — сказал Сигизмунд.

Вика повторила еще раз:

— Гайтс.

— Да, так. Это значит — «коза». Только чуть-чуть более протяжно.

— Гаайтс, — еще раз выговорила Вика.

— Нет, теперь короче.

Они записали еще десятка два слов. Сигизмунд сам удивился тому, как много он, оказывается, их знает.

Потом Вика спросила, может ли он построить связную фразу.

…В принципе, есть же видеокассета с записью лантхильдиного голоса. Но про кассету лучше не говорить. Там, кроме всего прочего, заснята лунница…

Пока Сигизмунд терзался сомнениями, Вика вдруг лукаво произнесла, удивительно точно воссоздавая лантхильдину интонацию:

— Аттила хайта мик Виктория Викторовна…

Сигизмунд покраснел.

— Аттила — это имя? — спросила Вика. Она сделалась очень собранной и деловитой.

— Нет. Аттила — это «отец».

— Отец? — Она подняла брови. — Атта?

— Да, атта.

Вика неожиданно попросила у него сигарету. Закурила. Спросила:

— «Хайта» — это «зовет», «называет», да?

Он кивнул.

Она потушила окурок.

— Сигизмунд, а как сказать — «звал» или «буду звать»?

Сигизмунд тяжко задумался. Вика терпеливо ждала. Взяла вторую сигарету.

Неожиданно Сигизмунд вспомнил.

— «Хэхайт».

Сигизмунд не понимал, почему Вика глядит таким странным взглядом.

— «Хэхайт», — повторил он. — Вы записываете?

— Это «буду звать»?

— Нет, это «звал».

Вика сделала еще одну заметку. Потом долго мурыжила его со словом «сестра»

— «швостер», «свистар»… Затем захлопнула блокнот, одарила Сигизмунда отстраненно-строгой улыбкой и довольно быстро засобиралась уходить.

От этого визита у Сигизмунда почему-то остался неприятный осадок. Как будто аськина сестрица явилась к нему с определенной целью, хитростью легко добилась своего и, как только получила желаемое, свалила.

* * *

Чтобы избавиться от поганого чувства — тем более, ни на чем не основанного — Сигизмунд принялся за уборку. Воздвиг на место стеллаж. Старательно разобрал, протер и расставил книги. Поскорбел над развалившимися в процессе низвержения модернистами — альбом распался на три составляющие. Бегло перебрал мутные фотографии «Кама-сутры». Подивился. Аккуратно убрал на место. Пусть хранится. Память.

Расставил по полкам все безделушки, какие живы остались. Халцедончик, который с Натальей вместе в Крыму нашли (и как радовались тогда!), подержал в руке, поприслушивался к себе. Но в душе ничего не шевельнулось.

Сигизмунд выбросил несколько выцветших наборов открыток «Отдыхайте в Пицунде», происхождение коих осталось для него загадкой, и тому подобный хлам. Приготовил для вынесения на помойку целую пачку «одноразовых» книг — мутный бурный поток словесной жижи, скупленный еще в разгар перестройки.

Подмел. Комната неожиданно приобрела вполне обитаемый вид.

Вот и хорошо. Теперь будем культурно отдыхать. Сигизмунд погасил верхний свет, завалился на диван с «Инквизитором», творением некоего Александра Мазина. Этого «Инквизитора», помнится, Федор принес, нахваливал. Все руки не доходили почитать. Господи, как давно это было. Будто жизнь назад.

Уткнулся в роман. Полчаса боец-одиночка лихо расправлялся

с группировками. Рвал их голыми, можно сказать, руками. Но было интересно.

Интересно, как выглядит сам автор? Небось, толстый, рыхлый. Боевики обычно пишут упитанные трусоватые дяди.

От похождений боголюбивого бойца-одиночки Сигизмунда оторвал телефонный звонок. Звонила, конечно, Аська. Кто еще станет названивать за полночь? Породнились с ней прямо за эти дни.

— Чем это ты, Морж, так очаровал мою высокоученую сестрицу, колись?

— А что, очаровал? — без интереса спросил Сигизмунд.

— Не знаю уж, не знаю… Пришла она от тебя такая задумчивая-задумчивая. Ну точно, думаю, влюбилась. Ты ее там трахал?

— Нет еще, — сказал Сигизмунд. — Только «Кама-сутру» в памяти освежил. А что она говорила?

— Ничего не говорила. О тебе расспрашивала, все обиняками да намеками. Я ей говорю: ты, Виктория, не обольщайся — он хоть и генеральный директор, а нищий. Сперли у него все. Кресло вертящееся сперли с подлокотниками, бумагу для факсов— пипифаксов потырили… Словом, все. Пропадешь ты, говорю, с ним.

— А она? — зачем-то поддержал беседу Сигизмунд.

— А она в уголку засела, все блокнотиком шуршала и что-то под нос себе на разные лады бубнила. Стишки, должно быть, сочиняла. А сейчас вот на ночь глядя гулять пошла. Я говорю: «Ты что, Виктория, с ума сошла? Не в Рейкьявике. Снасильничают и пришибут.» А она: «Нет, говорит, пойду воздухом подышу»… Это она, Морж, о тебе воздыхать пошла, точно тебе говорю… А, вот она пришла.

И Аська бросила трубку.

Как ни странно, диковатая ночная беседа с Аськой резко улучшила настроение Сигизмунда. В поведении аськиной сестрицы вдруг перестал чудиться неприятный меркантильный душок.

* * *

Сигизмунд проснулся со странным ощущением, которое можно было охарактеризовать двумя словами: поезд пошел. Еще вчера этого чувства не было. Вчера — как и те несколько дней, что прошли с момента исчезновения Лантхильды — поезд его жизни, образно говоря, бездарно торчал на каком-то

заброшенном полустанке. Сегодня — словно прогудел сигнал — поезд медленно начал набирать ход. Все, ту-ту. Лантхильда осталась там, на платформе. А Сигизмунд двинулся дальше. Жить. Жить без нее. Привык. Успел. Подлец человек, ко всему-то привыкает…

Это чувство не оставляло его весь день. Вечером, придя домой, он решительно вошел в «светелку» и принялся за уборку. Хватит. Сгреб со шкафа и выбросил все пустые коробки-банки. Заглянул в шкаф. Все вещи лежали в идеальном порядке. «Плечиков» Лантхильда не признавала: все было аккуратно сложено стопочками.

Заначек, по преимуществу бесполезных, по всем углам обнаружено было великое множество. Веревочки, резиночки, носовые платки, игрушка из киндерсюрприза, фантики, завернутые в лоскуточки… Вываливая все это барахло в мешок для мусора, снова подумал: нормальна ли была девка? Не может человек в твердом рассудке сберегать и заныкивать такое количество бесполезного хлама. Даже такое отчасти осмысленное дело, как собирание марок, оставалось для Сигизмунда загадкой. Хотя реклама по ого неустанно призывала Сигизмунда собрать сто тысяч пробок от псевдо-шампанского, дабы выиграть поездку на Канары…

Пройдясь с веником под шкафом, Сигизмунд неожиданно вымел нечто неожиданное — пачку утопающих в пыли фотографий. Отложил веник, наклонился, взял в руки. Происхождение фотографий угадывалось легко: девка выковыряла их из альбома. На всех была Наталья.

Видать, ревновала. Даже изображения убрала, чтобы забыл. Сигизмунд даже обиделся: похоже, девка считала его по интеллекту равным кобелю.

Пошуровал веником еще. Еще одну Наталью вытащил. И бумажный след. Тот, что снимал у девки с ноги, когда сапожки для нее подыскивал.

Сразу вспомнилось, как боялась она давать след. Весь ужас от сей немудреной измерительной процедуры. Как первым делом отобрала у него след, утащила куда-то… Как давно все это было. Совершенно в другой жизни.

А что ей мешало этот след уничтожить, если она за улику его держала? Нарисовалась зачем-то инфернальная картина: дознаватель, обмазывающий девкин след сажей.

Сигизмунд отложил след, отряхнул от пыли натальины фотографии и вернул их в альбом.

Снял с тахты постельное белье. Огляделся — где бы еще прибрать. И тут только заметил на подоконнике листок бумаги.

Записка? Что за глупости. Да и не умела она писать. Она умела… Да, это рисунок.

С рисунком в руках Сигизмунд уселся на необитаемую тахту. Задумался. Странноватенький рисунок. Как и сама Лантхильда, впрочем.

На бумаге была изображена телега с непривычно высокими бортами и колесами без спиц. Над задней частью телеги был сделан навес, обтянутый холстиной или чем-то вроде. Конструкция чем-то напоминала фургон американских пионеров на Диком Западе. После того, как полнавеса снесло ураганом. Оставшаяся часть навеса украшалась крупной свастикой. «Фокке-вульф» прямо, а не телега. В передке стояла, выпрямившись во весь рост, сама Лантхильда. Непропорционально крупная — видимо, важная, — она стояла боком к движению, лицом к зрителю. На груди у нее красовалась лунница. В руках она держала… еще одно колесо. Запасное, должно быть. Она вцепилась в него, как рулевой в штурвал.

Сбоку от телеги брел какой-то мужлан и с ним еще одна подозрительная личность, здорово смахивающая на хиппи, только в самостийном сельском исполнении. Патлы до яиц, морда блаженная, глаз хитрый.

Чтобы ясно было, какая сила приводит телегу в движение, на краю листа виднелся хвост тягловой скотины. Вола, должно быть, судя по хвосту. Впрочем, Сигизмунд в сельском хозяйстве рубил слабо.

М-да.

…Интересно все-таки, зачем телеге пятое колесо? Притча какая-нибудь национальная?

От этой мысли Сигизмунд плавно перешел к раздумьям насчет неопознанной девкиной национальности, а затем — естественным ходом — к Вике. Вдруг и вправду накопает что-нибудь? Только дадут ли эти поиски хоть какой-то результат?

* * *

В разгар этой скорбно-бессмысленной суеты неожиданно и бесславно почила крыса Касильда. Утром выбралась из домика вялая, вид имела опухший, как с перепою. Прутья грызла без прежней ярости. Больше сидела в неподвижности, тускло щурилась.

Захваченный водоворотом дня, Сигизмунд нечасто подходил к клетке, хотя нет-нет да начинало свербеть в душе: а ведь болеет крыска-то. Витаминов ей каких-то насыпал.

К ночи крыска околела. Так и застыла в благообразной позе — с подвернутым хвостом и уткнувшейся в лапки остренькой мордочкой.

Превозмогая себя, Сигизмунд вытряхнул ее из клетки вместе с обрывками газет, катышками помета и засохшими хлебными крошками. Посмертное благообразие крыски нарушилось; теперь она лежала на боку, растопырив лапки. Сигизмунд смотрел на нее со странным покаянным чувством. Виноватым себя чувствовал. Размышления шли созвучные моменту — о бессмертии души. Вот не было у Касильды бессмертной души. Околело маленькое беленькое тельце — и все…

Затем, решительно прекратив давить из себя слезу, упихал крыску вместе с газетами в полиэтиленовый пакет и снес на помойку.

Вот и кончилась яростная крыска Касильда. Опустела клетка…

* * *

Вика явилась назавтра. Сигизмунд встретил ее во дворе — как раз вышел прогулять кобеля.

— А я из Публички иду, — сообщила Вика. — Ужасно есть хочется. После Публички всегда разбирает просто волчий голод.

— У меня есть макароны, — сказал Сигизмунд. — Могу угостить.

Он понимал, что без новостей Вика бы к нему не пришла. Не тот она человек, чтобы запросто захаживать. Что-то она уже накопала…

— Узнали что-нибудь?

— О языке? Да, «что-нибудь» узнала…

— Норвежский? — спросил он жадно.

Вика чуть усмехнулась.

— Норвежский я бы и так узнала. Для этого мне в Публичку ходить не надо…

— Вика помолчала, глядя, как кобель нарезает круги по двору. — Вы не могли бы мне рассказать, как вы с ней познакомились?

— С кем? С Лантхильдой?

Вика уставилась на него.

— Как, вы говорите, ее зовут?

— Лант-хиль-да.

— А по отчеству?

— Владимировна, — сказал Сигизмунд.

— Вы уверены, что именно «Владимировна»?

— Ну, может быть, не совсем…

— А точно не помните? Она так себя и называла — «Владимировна»?

— Нет, это я… Она русским не владела. А познакомились… — Сигизмунд показал на свой гараж. — Вон, видите гараж?

— Неужели за гаражами? Мы в пятом классе за гаражами целовались…

— Где, в Рейкьявике?

— В пятом классе, — сказала Вика. Сигизмунд вдруг обнаружил, что холодная аськина сестрица также не лишена ядовитенького юморка. Видать, семейное.

— Она залезла ко мне в гараж, — сказал Сигизмунд. — Замерзла, должно быть. Грелась.

— А у вас что, гараж не закрывается?

— Замок был сломан. Нет, это я его сломал. Ключ потерял…

— А, — неопределенно сказала Вика. И настойчиво переспросила: — Так как ее отца звали?

Сигизмунд поморщился, вспоминая.

— Патлатый такой… с бородой…

— Имя не помните?

Вот ведь настырная да последовательная.

— Валамир.

Она вскинулась, будто на змею наступила.

— Валамир?

— Ну, Владимир, Валамир, какая разница…

Сигизмунд бросил окурок и сказал:

— Пойдемте в дом. Я накормлю вас макаронами. У меня даже кетчуп есть.

— А масло есть?

— Есть.

— Тогда пойдемте.

Кобель, бдительно следивший за хозяином, метнулся к парадной, едва только Сигизмунд открыл дверь. Первым взбежал по лестнице.

Откушав макарон, академическая сестрица извлекла из сумки блокнотик. Вопреки аськиным подозрениям, никаких стишков там не было. Столбики иностранных слов и закорючки транскрипции.

Вика поглядела на свои записи, помолчала. Потом вдруг посмотрела Сигизмунду прямо в глаза.

— Сигизмунд, вы меня, конечно, простите за неделикатность… Вы уверены, что вас никто не разыгрывал?

— ЧТО?

— Дело в том, что… В общем, я проанализировала материалы, которые вы мне дали… Странная картина, конечно, получается… Der ethymologische Worterbuch der germanischen Sprachen…

— Простите?

— «Этимологический словарь германских языков», издание 1919 года, весьма подробный труд. И очень ценный.

— Ну и?

— Переданный вами лексический материал более всего коррелирует с готским языком.

Она выдержала эффектную паузу. Сигизмунд не знал, как ему реагировать на это заявление. Он видел только, что Вика явно ждет какой-то реакции.

Наконец Сигизмунд сказал:

— То есть, вы хотите сказать, что она разговаривала на готском языке?

— Да.

И снова выжидательная пауза.

— А что в этом такого странного?

— Видите ли, Сигизмунд… Дело в том, что готский язык… Это мертвый язык. На нем уже тысячу лет как никто не разговаривает. А может быть, и больше. Вроде шумерского или моего древнеисландского.

— А разве готы… Я думал, готический шрифт… — начал Сигизмунд и тут же умолк под гнетом собственной непросвещенности.

— Это был германский народ. В пятом-шестом веках он достиг своего наивысшего расцвета.

— А потом? — жадно спросил Сигизмунд.

— А потом вымер. Точнее, растворился.

— Может быть, где-нибудь остались… На хуторах… В тайге…

Сигизмунд выдвинул версию и сам почувствовал: детский лепет.

— Шестой век, — раздельно повторила Вика. — Готский язык дошел до нас всего одним текстом — переводом Библии. Далеко не все слова, которые вы мне дали, я обнаружила в словаре как готские. Но нашлось много древнеисландских, а также средневерхненемецких аналогов. Понимаете?

— Я одно понимаю, Вика, — сказал Сигизмунд. — Для того, чтобы меня разыграть, нужно по крайней мере знать о СУЩЕСТВОВАНИИ готского языка. А я сильно сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из моих приятелей обладал столь обширными познаниями в сфере лингвистики. Кроме того, в гараже я обнаружил вовсе не своего приятеля, а незнакомого мне человека.

И испугана она была по-настоящему. Она не прикидывалась.

— А она была испугана?

— Да. Поначалу я вообще принял ее за наркоманку.

— Почему?

— Вела себя неадекватно. И глаза белые.

— Что значит «белые»? Слепая, что ли?

— Очень светлые.

— А в чем была неадекватность?

— Ну, например, она не умела пользоваться туалетом… Такое нельзя разыграть.

— Пожалуй, — согласилась Вика. И без всякого перехода сказала: — Наиболее логичная версия, которая объясняет все, заключается в том, Сигизмунд, что ваша девушка страдала шизофренией.

Сигизмунд набычился, сразу ощутив острую неприязнь к этой рассудительной холодной девице. Она, несомненно, поняла это.

Вика встала из-за стола, прошлась по кухне. Уселась на подоконник — точь-в-точь как Лантхильда — и уставилась за окно, на темный двор. Не оборачиваясь, заговорила:

— Когда углубляешься в предмет… и наступает переутомление… В свое время, когда я начала заниматься древнеисландским, я часто представляла себя человеком «оттуда». Из той эпохи. Как будто древнеисландский — мой родной язык. Это очень помогало. Вы не представляете даже, насколько это помогало. Я могла угадывать слова, достраивать их… Правда, я сумела вовремя остановиться. Опасная игра.

Сигизмунд жадно слушал.

— Представьте себе теперь, что ваша Лантхильда специализировалась на готском. И не сумела остановиться. В Рейкьявике я читала в одном журнале по психологии — там эта проблема серьезно обсуждалась… Определенный психотип… С другой стороны, на древнеисландском сохранилась очень богатая литература. Много текстов. И все равно оставалось ощущение зияющих лакун, пробелов. А готский… Только Библия. Не вся, отрывки. И комментарий на четыре странички. Не словарь, а сплошной сквозняк. Дыры, дыры… Понимаете?

— Неужели это настолько важно, — медленно спросил Сигизмунд, — что из-за какого-то словаря человек может сойти с ума?

— Академические штудии — это похуже азартной игры. Похуже рулетки. Люди теряют рассудок и из-за меньшего… Скажите, Лантхильда была последовательна в своих действиях?

— Весьма, — сказал Сигизмунд. — Хотя зачастую мне ее логика казалась дикой.

— Вот видите. А вы не помните, как она была одета?

— Конечно, помню. У меня даже сохранилось…

Сигизмунд оставил Вику созерцать вечерний двор, а сам пошел в «светелку». Дерюжка нашлась в шкафу. И одна чуня, мало поеденная собакой, — тоже. Все это добро Сигизмунд предъявил Вике. Присовокупил кожаное ведро.

Она посмотрела, но ничего не сказала. Они выпили с Сигизмундом чаю, после чего он отвез ее домой.

Глава третья

Перед тем, как лечь спать, Сигизмунд долго сидел на кухне над чашкой с крепким, уже остывшим чаем. Мысли лениво перекатывались с Вики на ее «шизофреническую гипотезу». Хорошая гипотеза. Многое объясняет. Почти все. Не объясняет только лунницу.

Хотя… Может, Лантхильда из «черных археологов». Раскопала тайком какой-нибудь курган. На Старой Ладоге, скажем. Много народу сокровищами Рюрика прельщается. Ходят, роют. Выкопала себе лунницу, отчего окончательно повредилась в уме.

Может быть. Только стала бы — даже сумасшедшая — так легко отдавать золотую лунницу за собачий ошейник с лампочками? Неужто настолько в роль вошла?..

Предположим, он, Сигизмунд, спятил бы. Записался в «черные археологи», отрыл какое-никакое золотишко и крышей подвинулся. Блажил бы — ясное дело. Может быть, Новое Царство какое-нибудь по околометрошным торжищам провозвещал… Об эре Водолея пророчествовал бы, о комете хвостатой… Но чтобы вот так запросто золото взять и на какие-нибудь фантики поменять?.. Сигизмунд не мог представить себе обстоятельства, при которых он мог бы ТАК свихнуться.

Нет, что-то здесь не сходится. Неуловимое что-то остается. Такое, что словами не передать. Вика, конечно, девица логичная. С головой девица. Но… не сходится.

…А он-то, Сигизмунд, оказывается, по пьяной лавочке готской мовой в телефон сыпал! Вот какие дивные вещи о себе узнаешь.

Одеяние лантхильдино пощупал. Домотканина. Не каждый день встретишь, но все равно не Бог весть какое чудо. Завшивленность? Тем более. Чуни? Тут народ и в мокасинах иной раз щеголяет. Мало ли.

Та-ак. На Лантхильде в первые дни еще пояс был. Куда она его дела? Точно. Был пояс. Диковинный какой-то.

Сигизмунд отправился шарить по квартире. После получаса усердных поисков пояс нашелся.

Повертел в руках, разглядывая в основном пряжку. Затертая медь, по краям немного позеленевшая. Видно было, что носили эту штуку долго, — пряжка аж истончилась местами. Изображена клювастая скотина — морда, вроде, птичья, а туловище не то змеиное, не то вообще какое-то абстрактное. По обеим сторонам от пряжки по два кружочка нашиты.

Сигизмунд рассмотрел кружочки повнимательнее (его в основном интересовало, почему они такие разные) — и вдруг сообразил: монеты. Продырявленные.

Ишь ты, все как в фольклоре. По какой-нибудь «Археологии СССР» работала, чтобы все в точности. Сигизмунд поймал себя на том, что примеряет на Лантхильду викину версию. Если думать только головой, намертво отключив сердце-вещун, то все, вроде бы, сходится. Как есть сумасшедшая. Раздвоение личности.

На кривовато обрезанных монетках были какие-то фигурки. С обратной стороны наверняка имеются чьи-нибудь морды в профиль. Тогдашних президентов.

Сигизмунд взял бритвенное лезвие (Лучше для Мужчины нет), осторожно отпорол ту, что побольше и поновее. Под монеткой скопилась грязь. Сигизмунд потер кружочек о джинсы. Поднес к глазам. Так и есть. Чей-то целеустремленный носатый профиль. Даже полустертого изображения на монете хватило, чтобы понять: человек этот, кем бы он ни был, не обладал высокими морально-этическими качествами.

Интересно, откуда у девки монетки? Новодел или все-таки из кургана вытащила?

Сигизмунд отпорол остальные три. На двух обнаружил одинаковую физиономию — мужик с вытаращенными глазами. На четвертой — тоже мужик, только постарше, с рожей отставника. Вокруг мужиков вились буквицы.

Взял все четыре монетки, сыграл зачем-то в «орлянку». Проиграл неведомо кому. Где же все-таки девку-то искать? Ментам, что ли, сдаться?

От всех этих размышлений Сигизмунда неудержимо потянуло в сон. Ослабленный стрессами мозг отказывался подолгу принимать участие в напряженных мыслительных операциях. Сигизмунд бросил монетки на столе и ушел спать.

* * *

Созваниваясь с Федором, договариваясь с клиентами, беседуя со Светочкой и вообще занимаясь всей этой клопоморной тряхомудией, Сигизмунд то и дело ловил себя на том, что вот на хер не нужно ему все это. Неинтересно. С души его от тараканов воротит. И от «Восходов» тоже. И с людьми общаться он сейчас почти не может.

По большому счету, общаться сейчас он мог только с Викой. И то лишь потому, что только с Викой он распутывал сложный клубок загадок, связанный с появлением и исчезновением

Лантхильды. А все остальное его попросту сейчас не парило.

Поэтому вечером Сигизмунд поехал к Вике. Пояс и монетки прихватил с собой. Показать, побеседовать.

Открыла Аська, от пят до подбородка завернутая в одеяло.

— Ой, это ты, Морж… — сказала она расслабленно. — Хорошо, что это ты, а не этот…

— Кто, реж?

— Какой реж… Этот, мудила из жилконторы. Когда, мол, долги заплачу. Я ему говорю: денег нет, а натурой жилконторе не дам. А что они со мной сделают? Выселят? Это конституцию нарушает…

— Ты что в одеяле? Новая роль? Мумию играешь в мюзикле «Клеопатра»?

— А что, есть такой мюзикл? Врешь ты все, Морж. У тебя деньги есть?

— В Центральном Сбербанке.

— Без дураков. Двадцатка есть?

— Двадцатка… есть.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Аська, — я тебе сейчас десятку добавлю, купи чего-нибудь пожрать. А то сейчас сестрица явится. Она знаешь какая из своих библиотек приходит? Глаза красные, как у кролика, а жрет, как удав. Я целый день сегодня из дома выйти не могу. И вчера не могла. Никак не одеться. Все лежу, лежу… Ты пельменей каких-нибудь купи. Что-нибудь посытнее.

Удаляясь и путаясь в одеяле, Аська крикнула:

— И хлеба!

— Десятку-то дай.

Аська вернулась, сунула мятую десятку.

Да. Деньги стали не те, что раньше. Это раньше зелененькую трешку можно было с шестьдесят лохматого по восьмидесятый год жевать и ничего-то бумажке не делалось. А нынешние так и норовят развалиться.

— Дверь захлопни, Морж! — проговорила Аська, снова удаляясь.

Сигизмунд купил пельмени, хлеб и три бутылки пива. Дверь открыла Вика. Приняла из рук покупки, кивнула на вешалку:

— Раздевайтесь.

И ушла на кухню.

Из кухни донесся голос Аськи:

— Явился, Морж?

Аська уже оделась. Сидела на кухне с сигаретой. Вода в кастрюле закипала в ожидании пельменей.

— Слушай, Морж, — сказала Аська, — мне тут бумажка

странная пришла… Из налоговой инспекции. Будто я в 95-м году заработала а-ахреновенно много денег и должна теперь поделиться с голодающей державой…

Она вытащила из-за наружной проводки несолидный с виду мятый квиточек. Сигизмунд взял, вник. Вика тем временем молча вытряхивала пельмени в воду.

— Пиво откройте, Сигизмунд, — сказала она вдруг.

— Угу.

Бумажка содержала скрытую угрозу («в 1995-м году вы имели дополнительные источники дохода») и неумелую лесть («мы надеемся на взаимопонимание и сотрудничество»).

— Источники дохода! — сказала Аська, внимательно следившая за читающим Сигизмундом. — Дополнительные! Морж, я подохну! У меня в 95-м году не то что дополнительных — у меня вообще никаких источников не было… Ни доходов, ни приходов…

Сигизмунд и сам знал, что в том году Аська с голоду дохла. Месяцами в доме сахара не водилось, вместо чая какую-то кору заваривали. Иногда Сигизмунд Аську подкармливал, иногда — реж.

— У тебя трудовая в 95-м где лежала?

— А у меня ее нет.

— Как нет?

— Потеряла… — А потом вдруг нахмурилась и вспомнила. — Нет, была. Она и сейчас там лежит, только я забыла.

— Где?

— В столовке. Тошниловка на углу Большого… Ее сейчас закрыли. Года полтора уже как закрыли. Ой, — закручинилась Аська, — точно, была трудовая. А теперь что делать? Морж, посадят меня без трудовой за тунеядство?

— В долговую яму тебя посадят, — сказал Сигизмунд. — За недоимки.

Последнее слово он произнес не без яда, поставив ударение на второй слог.

— Сигизмунд, пиво откройте, — повторила Вика.

Аська схватила бутылку и принялась снимать пробку зубами. Сигизмунд у нее отобрал. Аська потрогала зуб пальцем.

— Держится.

Сигизмунд, подумав, открыл все три бутылки об угол стола. Открывашки тут отродясь не водилось. Зато один аськин хахаль предусмотрительно набил на край стола металлический уголок. Для удобства.

Аська — то ли от того, что одеться несколько дней не могла, то ли от общей расслабленности — от одной бутылки пива

окосела так, что Сигизмунду стало завидно.

— Еда, — изрекла Аська, помахивая вилкой, — это самый сильный наркотик.

Глаза у нее и впрямь сделались дурные.

— Ну так что мне с этой бумажкой делать, Морж? Идти в налоговую али не идти? А если они за мной жандармов пришлют? И повлекут?..

— В Сибирь. Мимо станций метро «Электросила», «Парк Победы», за памятник героическим защитникам Ленинграда, звяк-звяк, так звенят кандалы…

— Ты смеешься, а мне не смешно. — Аська отобрала у Сигизмунда бумажку и снова запихала ее за проводку. — Меня же заберут, не тебя.

— В масках. И с пистолетами. С маузерами в деревянной кобуре.

— Морж, я серьезно.

— И я серьезно. Подотрись ты этой бумажкой и забудь.

— Мне ее в ящик кинули. Они мой адрес знают.

— Мало ли какое говно в ящик кидают. Ты за нее не расписывалась.

Сигизмунд вдруг поймал на себе взгляд Вики.

— Что, Виктория, вам тут все, небось, диким кажется после заграницы?

Вика неопределенно дернула плечом.

Аська поглядела на одного, на другого и вдруг взъелась:

— Слушай, Морж, а ты чего, собственно, приперся? Ты по делу? Или сестрицу мою клеить? А может ты, Морж, ко мне клеиться притащился? А ты мне пирожки в долговую яму кидать будешь?

— Буду, — сказал Сигизмунд.

— Тогда я согласна.

— Скажи об этом налоговому инспектору.

Аська энергично показала ему дулю.

— Вообще-то я по делу, — сказал Сигизмунд. — Вот…

И выложил на стол монетки и пояс.

— Ой, какая феня классная! — завопила Аська и потянулась к поясу. Сигизмунд со странной ревностью смотрел, как Аська хватает пряжку, подносит к глазам, начинает рассматривать, шевеля губами — будто тщась что-то прочесть.

Вика осторожно взяла монетки. Потом порылась в сумочке и вытащила лупу. Долго разглядывала — Аська успела известись и соскучиться. И пиво кончилось. Аська уж изнамекалась, чтобы Сигизмунд еще за пивом сходил, но он делал вид, будто не понимает.

Наконец Вика отложила монетки, взялась за пояс.

— У меня девка знакомая такие штуки гонит, — поведала Аська. — Только керамику. А морды такие же. На Финбане лежат. Морж, сходи за пивом.

— Отвянь, Анастасия.

Аська надулась.

— Это лантхильдины вещи? — спросила Вика.

Сигизмунд кивнул.

— Что скажете?

— Очень грамотная работа.

— Можно определить, старые это вещи или новые?

— Конечно. Вы можете это оставить мне на пару дней?

— Только не потеряйте, — глупо сказал Сигизмунд.

— Морж, ну сходи за пивом, — снова заныла Аська.

— Вы знаете, Сигизмунд, — проговорила Вика, — я все больше укрепляюсь в своей первоначальной версии. Ваша девушка, несомненно, страдает раздвоением личности. Воображает себя человеком другой эпохи.

— Но вещи… настоящие?

— Какая разница? Они могут быть настоящими, если она их где-то раздобыла. Могут быть современной имитацией. Это сути дела не меняет, согласитесь.

— Да, — сказал Сигизмунд. — Не меняет… Но понимаете, Вика… Я долго думал над вашим предположением… Вы же ее не видели. Лантхильда не была похожа на сумасшедшую. Она не… НЕ ФОНИЛА как сумасшедшая… Ну, не исходило от нее ЭТОГО…

Неожиданно Аська поддержала Сигизмунда.

— Морж прав. Психи всегда фонят. Погань от них какая-то исходит, муть… А эта белобрысая, с косищей, — нет, она чистенькая… Я, между прочим, ауру вижу… Иногда.

— Упыхаешься и видишь, — вдруг сказала Виктория. — Я тоже в упыханном состоянии видела.

— Да что ты там в своей заграницe видела! — взъелась Аська. — Эта девка моржовая — свеженькая, как молодой подберезовик. Я бы сама от такой не отказалась…

— Гы-гы-гы, — сказал Сигизмунд. — Очень смешно.

— Дурак ты, Морж. Думаешь, она бы мне не дала?

— А вы так и не заявляли в милицию, Сигизмунд? — спросила Вика.

— Нет.

— И не будете?

— Не буду.

— Толку-то. Лучше к гадалке пойти. У нас есть одна в театре — она по фотографии ищет. На фотку поглядит, поглядит, над

картой города руками поводит — и точно определяет: в Красносельском, мол, районе ищите… Морж, Маринку помнишь?

Морж не помнил никакой Маринки. Впрочем, Анастасию это не смутило.

— Маринка в штопор вошла и сгинула. Мы ее всей кодлой искали. Эта баба над картой поводила — и говорит: ищите в Адмиралтейском районе. И правда нашли. Только на Ваське. Зато в баре «Адмиралтейский», представляешь? Она сама поутру прозвонилась…

* * *

Два дня минули для Сигизмунда как в тумане. Все ему казалось скучно, все протекало как в мутном сне. На третий день тягомотину сигизмундовой жизни решительно разбавила бывшая законная супруга.

Явилась на выходных. С незнакомой стрижкой, в «деловом» костюме — раньше такого не носила. Довольная произведенным эффектом, прошествовала в гостиную, сопровождаемая кобелем. Кобеля запах натальиных духов завораживал.

— Ты бы хоть пыль здесь вытер, что ли, — сказала Наталья, усаживаясь. Прежде чем сесть, обмахнула стул.

Кобель деловито поискался под батареей, выволок и гордо предъявил Наталье омерзительный с виду мосол. Наталья на мосол никак не отреагировала. Кобель с грохотом выронил «сокровище», махнул хвостом и оглушительно гавкнул несколько раз.

— Что ему нужно? — спросила Наталья брезгливо.

— Чтобы ты, Наталья, мосол у него отнимала. А он бы не отдавал. Игра такая, — объяснил Сигизмунд.

— Перебьется, — сказала Наталья. — Ну, как поживаешь? Не захипповал тут на старости лет? Пацифик, смотрю, у тебя намалеван…

А, разглядела!

— Да я тут системных вписывал… Посидели, ПЛАНЫ построили… — Слово «планы» Сигизмунд нарочно выделил, чтобы до неискушенной Натальи — и то доперло.

До нее, впрочем, не доперло.

— Обои хорошие были, — сказала она с грустью. — Помнишь, мы их вместе клеили?

— Помню, — пригорюнился и Сигизмунд. — Как Ярополк?

— Надо же, не забыл! Да, есть такой — Ярополк. Сын твой. Бассейн бросить пришлось. Денег нет.

— У меня сейчас тоже нет. Нас тут обокрали… только моим не говори.

— Как обокрали? — вскинулась Наталья.

— Фирму обокрали. Компьютер, факс…

— Погоди. Ты в милицию заявлял?

— Заявлял.

— Ну и что они?

— Ищут.

— Нет, что они говорят?

— Ничего не говорят. Будем искать, говорят.

— Погоди, погоди… — Сигизмунд видел, что Наталья искренне обеспокоена. — Как они ищут? Улики есть?

— Отпечатки пальцев взяли.

— У кого?

— У меня.

Наталья резко отвернулась. Замолчала. Видать, рассердилась. Сигизмунд тихонько тронул ее за плечо.

— Нет, правда, у всех сотрудников брали. Чтобы потом отличить, где чужие, а где свои…

Некоторое время разговаривали о краже. Наталье было интересно. Под конец она сказала со вздохом:

— Был ты, Морж, дураком, дураком и помрешь…

— Чай будешь пить? — спросил Сигизмунд осторожно. Вроде бы, пока что между ним и бывшей супругой немедленного открытия военных действий не намечается.

— Пошли на кухню.

Кобель при этих словах немедленно снялся с места и побежал впереди. Пару раз обернулся, уточняя: туда ли направляются люди.

Проходя по коридору, Наталья не удержалась — метнула взгляд на «светелку»:

— А твоя-то бесноватая — там сидит? Прячется?

— Нет. Нет ее здесь.

— А где?

— Понятия не имею.

— Что, разошлись?

Сигизмунд не ответил. Наталья посмотрела на него странно, но промолчала.

Пока Сигизмунд ставил чайник, Наталья прошлась по кухне. Заметила на подоконнике домотканину. Так и лежала с того дня, как Сигизмунд показывал ее Вике.

При Лантхильде в доме все-таки был порядок. Пусть своеобразный, но неукоснительный. А теперь, похоже, Сигизмунд начал опускаться…

— Ну и бардак же у тебя тут, — заметила Наталья. — Тряпку бы половую хоть убрал, чтобы не маячила.

— Не тряпка это. Это одежда. — Сигизмунд взял рубаху, развернул перед Натальей. — Смотри — вон ворот, вон рукава…

— Что, хипье оставило?

— Пиплица одна.

— Гляди, Сигизмунд, по городу сифилис гуляет.

— Без зонтика.

— А Ярополку как объяснить прикажешь? «Почему папа без носа?» — «Папа у нас сифилитик…»

— Да не сифилитик я.

— Пока. Ты, Сигизмунд, хоть в канале утопись, вольному воля. А к Ярополку без справки не подпущу.

— Наташка, там из вены надо сдавать. Еще заразят чем-нибудь.

— Слушай, а если хипье тут эти шмотки бросило, то в чем оно из твоего дома ушло?

— В одежде.

— Из моего отдал? Транжир.

— Ты-то как поживаешь? — дипломатично спросил Сигизмунд, разливая чай.

Наталья заложила ногу на ногу, покачала разношенным тапком.

— Мне тут ПРЕДЛОЖЕНИЕ СДЕЛАЛИ.

Сигизмунд чуть не выронил чайник.

— Да ну?!

— Рано обрадовался. Я еще не дала согласия.

— Это тот, с «мерсом»? Который тебя по Желябова взад-вперед по ухабам катал?

— ТАМ был не «мерс». ТАМ была «тойота». Нет, другой.

— Ну, и кто он? Чем занимается?

— Все-таки серый ты, Морж. Неромантичный. Ну что это за вопрос — кто, чем занимается? Спросил бы лучше: любит ли он меня, как он относится к Ярополку?

— А что про это спрашивать? И так понятно, если жениться хочет.

Наталья вдруг вспыхнула, даже покраснела.

— По-твоему, меня нельзя любить? По-твоему, любовь мне недоступна? Конечно, ты никогда меня по-настоящему не любил. Ты — эгоцентрист, как все мужики, ты только свою работу любишь. Да только накрылась твоя работа, остался один тараканий бизнес — и тот скисает…

— Погоди, погоди… — Сигизмунд был ошеломлен. — При чем тут «любовь» — «не любовь»?

— Я всегда чувствовала неудовлетворенность, когда жила с тобой. Я испытываю потребность в любви, в тепле. Ты не мог их дать. Ты просто физически не в состоянии кого-либо любить.

— То есть, насколько я понял, этот человек тебя любит? — осторожно спросил Сигизмунд.

Наталья промолчала. По ее молчанию можно было заключить, что да, очень любит. Сигизмунд взял ее за руку.

— Ну так поздравляю! — сказал он.

Наталья искоса поглядела на него.

— Ты что, действительно рад?

— А что мне за тебя не радоваться? Я тебе счастья дать не смог, а ты его заслуживаешь…

Такой ответ, похоже, не удовлетворил ее. Судя по всему, ее куда больше бы устроило, если бы он начал рвать и метать, топать ногами, вопить от ревности… Вешалку еще раз повалить, что ли? Стеллаж опрокинуть? Что бы такое сотворить, чтоб бывшую супружницу порадовать?

— Так все-таки чем он занимается? Кстати, как его зовут? А то неудобно — «он» да «он», прямо как герой-любовник в водевиле… которого тортом по морде…

— Евгений, — процедила Наталья.

— А, Женька!

— Женькой козу кличут.

Сигизмунд сразу поскучнел. Гайтса, стало быть, Женькой звать… Он представил себе вдруг, как Лантхильда выходит на взгорок и кличет: «Женька-Женька-Женька!..» «Бе-е», — отвечает Женька. Или нет, гайтсы отвечают «ме-е…»

А Наталья вдруг уронила высокомерно:

— Евгений — не тебе чета. У него запись на несколько месяцев вперед.

— Какая запись? Компенсация на квартплату?

Наталья поглядела непонимающе.

— Чай остыл, — сказал Сигизмунд. — Давай я тебе кипятку долью.

— Спасибо. — Она глотнула чаю, волшебным образом немного подобрела. Пояснила: — Евгений — выдающийся экстрасенс.

Сигизмунд поперхнулся.

— КТО?

— Экстрасенс.

— Ой, я тоже одну знаю… — обрадовался Сигизмунд возможности поддержать беседу. И поведал историю про вошедшую в штопор Маринку.

Наталья не нашла историю ни смешной, ни занимательной.

Евгений работал по другой методике. По совершенно оригинальной. Аналогов в мире нет. Евгений спасает людей. Он живет для людей. В этом смысл его жизни.

— А почем он берет за смысл жизни? — поинтересовался Сигизмунд.

Наталья смерила его уничтожающим взглядом. Сейчас она казалась совершенно чужой и очень далекой. Как будто никогда они не были даже близко знакомы.

— Немного. Только для того, чтобы поддерживать свое физическое тело. Евгению все равно, он может существовать и вне физического тела. Но тогда он не смог бы помогать людям.

Вкратце история Евгения — в изложении Натальи — была такова. В одна тысяча девятьсот втором году экспедиция во главе с поручиком Жихаревым была отправлена Императорским Географическим обществом на Тибет. Там экспедиция безнадежно заплутала и в конце концов оказалась в Шамбале.

Шамбала произвела на российских путешественников неизгладимое впечатление. Первая же встреча потрясла — какая-то прекрасная девушка, на вид лет восемнадцати, обмолвилась о своем истинном возрасте: ей было далеко за двести…

В тридцатые годы поручик Жихарев, зная о страданиях России, добровольно покинул Шамбалу. Остальные его спутники отказались выходить из благословенной земли.

Оказавшись на Родине, Жихарев мгновенно попал в лапы НКВД. Ни пытки, ни промывание мозгов на Жихарева не действовали — ведь он прошел шамбальскую школу. Тем не менее его почти сразу отправили в Воркуту. Рука Шамбалы была простерта над бывшим поручиком — его не расстреляли. В Воркутлаге и сложился первый жихаревский кружок.

Жихарев так и не покинул воркутинский край. Уже в шестидесятые годы он окончательно поселился в одной заброшенной штольне на старом руднике. Русские поселенцы и местные якуты почитали его как шамана, ведуна или бодхисатву. Оборудовали ему штольню под жилье, а кормился он с подношений…

— А Евгений? Евгений-то твой как на него вышел?

С Евгением произошла дивная история, в которой также виден Промысел. Евгений был в ту пору трудным подростком, жил в Воркуте и готов был с юных лет погубить свою жизнь. По счастью, местный участковый — якут или какой иной абориген — глубоко верил в шамана Жихаря. Он-то и отвел трудного подростка не в тюрьму, а в старую штольню. И произошло преображение…

Евгений стал последним учеником Жихарева. Жихарев

завещал ему продолжать великое дело, а сам ушел в Шамбалу…

Из Воркуты Евгений перебрался на Урал, где несколько лет подвизался в подземном и тайном языческом храме. Там он получил посвящение в культы Леля и Купавы.

Следующий этап жизни Евгения связан с тайным дацаном где-то в Бурятии, где его посвятили в тайны движения звезд.

Путь Евгения был труден и извилист. Многое приходилось делать в тайне. Черные маги вставали у него на пути, и силы уходили на то, чтобы сокрушить их. Белые маги также не признают Евгения. Вернее, истинные белые маги — те признают. Но вокруг лишь ложные белые маги…

Сигизмунд слушал все это с полчаса. Наталья, всегда такая рассудительная и холодная, повторяла сейчас явно не свои слова. У нее даже выражение лица изменилось. Никогда прежде не замечал Сигизмунд за ней такого. Восторженность в глазах. Разрумянилась. Опоили ее, что ли? Одурманили?

— Слушай, Наталья, — перебил ее наконец Сигизмунд. — А ты сама-то в это веришь?

— Раньше не верила. Сейчас — да. Он мне кое-что показал. Ты же его не видел…

Проклятье. То же самое Сигизмунд говорил о Лантхильде. «Виктория, вы ее не видели. А увидели бы — поняли…»

— Да, — согласился Сигизмунд. — Может, и правда…

Наталья глянула так, будто не вполне доверяла его неожиданной уступчивости.

— Я, собственно, хотела тебя попросить об одном одолжении.

— Проси. Еще чаю налить?

— Не надо. Помнишь нашу свадьбу?

— Ну.

— Мы еще кольцо покупали с компенсацией. Оно тебе было великовато. Помнишь?

— Конечно, помню.

— Ты ведь его так и не носил?

— Почему? Носил. Полчаса.

— Вот именно. Не успел надеть, как сразу снял и в ящик кинул. Где авторучки хранил.

— Ты же знаешь, я не выношу…

— Знаю, — оборвала Наталья. — Кольцо сохранилось? Не пропил?

— Ну ты меня совсем уж за ханыгу держишь.

— Сигизмунд, — сказала Наталья, — ты не мог бы мне его одолжить на пару дней?

— Тебе когда?

— Мне не сейчас. Через месяц. Ты дай принципиальное

согласие, а я тебе потом точно скажу.

— Что, своему шанхайскому мудрецу на пальчик нацепить?

— Не шанхайскому, а шамбальскому. Он вроде тебя, колец не выносит. Что деньги-то тратить? На церемонии наденет, потом снимет…

Сигизмунду вдруг сделалось невероятно противно. А Наталью вдруг жаль стало. Любви она недополучила. В Шамбалу она верит. В поручика Жихарева, он же воркутинский бодхисатва…

Он встал и обнял Наталью. Она недоверчиво прильнула к нему.

— Ты и вправду не сердишься? — прошептала Наталья.

Сигизмунд погладил ее по волосам.

— Конечно же нет.

* * *

Вика пришла неожиданно. Пришла — и тем самым порушила немудреные планы Сигизмунда насчет мирного холостяцкого вечерка. Проводив Наталью, он взял пивка, чипсов и, подобно американскому школьнику, угнездился перед телевизором — потреблять. Кобель назойливо клал морду ему на колени, глядел в глаза почти человеческим, говорящим взглядом — настойчиво стремился войти в общество потребления. Иногда от щедрот схрумкивал чипс.

Так незаметно и перешли бы из мира телегрез в мир сновидений, если бы не звонок в дверь.

Вика.

Сигизмунд оторопело уставился на нее. Уж кого-кого, а чопорную аськину сестрицу увидеть у себя в этот час никак не ожидал. Мгновенно кольнула тревога.

— Случилось что?

— Ровным счетом ничего, — ответила Вика. — Разве что я пришла. Можно войти?

Сигизмунд посторонился, пропуская ее в квартиру.

Вика опять задела ножницы и молоток. Досадливо глянула.

— А это у вас так и будет висеть?

— А вам что, мешает?

Раздраженная фраза сорвалась сама собой. Подразумевала также, что коли мешает, то ее, Вику, здесь никто не держит.

Вика смолчала. Вместо этого вдруг сказала чуть ли не просительно:

— Там у Анастасии гулянка. Я ушла. Дай, думаю, пройдусь…

Весь дом прокурили, везде пьяные мужики валяются…

— Не боязно по ночам одной бродить?

Вика продемонстрировала Сигизмунду электрошокер. Сигизмунд с любопытством оглядел.

— Кобеля размером с моего свалить может, — сказал он наконец, возвращая Вике шокер.

— А большего и не требуется, — усмехнулась Вика. — Я, собственно, к вам по делу. Возвращаю!

Она торжественно вручила ему пакетик, где аккуратно лежали девкин пояс и монетки.

Увидев свои вещи, Сигизмунд сразу подобрел. Для Вики это, конечно, не прошло незамеченным.

— Вы что, думали — я с этим барахлишком в бега ударюсь? Перейду финскую границу по льду, как вождь мирового пролетариата?

— Да ладно вам смеяться. Хотите чаю?

Войдя на кухню, Вика мгновенно зыркнула глазами по двум грязным чашкам. На одной остался след помады. Но ничего не сказала. Уселась непринужденно и изящно. Университетская выправка. Только не наша — наши университетские дамы мешковаты — а ихняя.

Пока Сигизмунд прибирал грязную посуду и выставлял новую (вечер у него такой, что ли, с бабами чаи гонять?), Вика перешла к делу.

— Монеткам от силы лет пять. Штаты или Израиль. Скорее всего — Израиль. Сувениры. Сейчас там научились хорошие сувениры делать. Полюбуйтесь.

Она вытащила из сумочки и предъявила ему еще одну монетку.

— Где нашли сие археологическое диво? Угадайте! — И сама же ответила: — На Венис-Бич, Калифорния, какой-то лоточник продавал…

— Что, старинная?

— Сувенир, говорят же вам. А пряжка на поясе — работа местных умельцев. Довольно топорная, кстати. Может, кинореквизит какой-нибудь. Медь совершенно новая.

— Так, так. А что, это все имеет какое-то значение?

— Никакого. — Вика положила локти на стол, слегка подалась вперед. — Поймите меня правильно, Сигизмунд. Я глубоко уважаю ваши чувства к этой девушке. Вам, наверное, неприятно слышать, что у нее налицо явные психические отклонения. В принципе, ничего ужасного в этом нет, на Западе, если вы знаете, людей с подобными отклонениями, если они не агрессивны, не исключают из общества, более того — их принято

называть «людьми с альтернативными умственными способностями»…

Чем дольше она говорила, чем больше сыпала психологическими и прочими терминами, тем явственнее звучал в ее речи акцент. Обычное явление у человека, долго жившего за границей. Особенно когда разговор переходит на темы, далекие от бытовых реалий. Например, об «альтернативных способностях», мать их всех ети…

Сигизмунд слушал и медленно накалялся. Его выводило из себя все: ее успокаивающий, задушевный тон, тщательно отработанное сочувствие, непривычная терминология, акцент этот неприятный, немного высокомерный — похожий на прибалтийский, что ли… Ух, холеная… И все-то у нее выверено, все логично…

Еле сдерживая ярость, Сигизмунд перебил:

— И что ж прикажете? По дуркам шарить? Шарил уже…

Как донести до этой холеной, логичной, насквозь западной девицы то, что для него, Сигизмунда, очевидно? Он был убежден в том, что Лантхильда НЕ СУМАСШЕДШАЯ. И он точно знал, что Лантхильды ЗДЕСЬ НЕТ. Ни живой, ни мертвой. Нет — и все. Интуиция? Сигизмунд просто ЗНАЛ. Вернее, ему каким-то образом безотчетно ЗНАЛОСЬ…

Что с того, что он выяснил, на каком языке изъяснялась Лантхильда? На готском? Пусть на готском… Что это объясняет? Да ни хрена это не объясняет… Точнее, может быть, для Вики что-то и объясняет, да только толку… Ему, Сигизмунду, от этого никак не легче. Загадка как была, так и осталась.

Стоп, осадил он сам себя. Что это я на Викторию, блин, батон крошу? Совершенно посторонний человек, занимается моей проблемой — между прочим, уже не первый день, — сидит в библиотеке, ходит с моими монетками по каким-то своим экспертам… Я тоже хорош: открыл ей только часть правды. Естественно, она пришла к неправильным выводам. Я бы сам, небось, к таким же выводам пришел, будь у меня неполная информация…

Сказать — не сказать? Тайна жгла язык. Нет, не стоит. Все опять упрется в лунницу. Меньше знать — спокойней спать.

— Ко мне тут бывшая супруга заходила, — сказал Сигизмунд. Ему хотелось уйти от темы. Немного подумать. Почему-то он полагал, что решение (показывать — не показывать, говорить — не говорить) сформируется само собой.

Вика невольно покосилась в сторону раковины, куда Сигизмунд убрал грязные чашки. Но тему «бывшей супруги» не поддержала.

— Вы не очень-то похожи на генерального директора, Сигизмунд, — заметила она. — Я видела генеральных директоров.

— Где, в Исландии?

— И там тоже.

— А что их отличает от простых смертных?

Вика подумала немного.

— Вы говорили, что нашли эту девушку в гараже? Приняли сперва за наркоманку, да?.. Потом она оказалась у вас дома… Настоящий генеральный директор никогда не влезает в такие истории. Вы меня понимаете?

— Да, — сказал Сигизмунд. — А как же фильм «Pretty Woman»?

Она улыбнулась, пропела два такта знаменитой мелодии.

— Этот? Это же сказка…

— А что там Анастасия затеяла? — спросил Сигизмунд.

— Водку пьет. У режа день рождения. «Бѣзник», по-ихнему. Все на ушах стоят, блюют и стонут по углам, за чулки хватают, когда мимо проходишь… Кстати, когда я училась в пятом классе, а Анастасия в десятом, мне ее ставили в пример. Она же на красный диплом шла, знаете? А у меня был «уд.» по поведению… Инспектор из детской комнаты меня, между прочим, знал в лицо.

— Какое совпадение! — обрадовался Сигизмунд. — Меня наш участковый товарищ Куник тоже в лицо знает. У вас с Анастасией отец общий?

— Нет, разные. Но оба Викторы. Понимаете, мой папаня — большой оригинал. Когда аськин отец умер, мой отец развелся с моей матерью и женился на аськиной. Захотелось ему так. А потом аськина мать тоже умерла. Папаня подумал-подумал — и вернулся к нам. Но и Аську не оставил. Каким-то дивным образом сумел слепить из нас одну семью… Не знаю уж, как ему это удалось. Моя мамочка в Анастасии души не чаяла. А ее мамашу называла интриганкой. В общем, кипели страсти в духе Ф.М.Достоевского.

— Как интересно! — восхитился Сигизмунд. — А я вырос в банальном моногамном семействе военного.

Пока они болтали, Сигизмунд — все тем же обострившимся чутьем — вдруг отчетливо понял: Вика сегодня никуда не уйдет. Останется ночевать. Она и пришла для этого — чтобы остаться.

Он уже прокручивал в уме, где ее лучше положить: в «светелке» или же немудряще себе под бочок, когда она вдруг сказала:

— Не поймите меня правильно, Сигизмунд, но… можно, я у вас переночую? У Аськи кипеж еще дня на два, а мне все-таки

работать надо… Я уйду завтра в девять утра.

— Да я уж понял, что вы ко мне ночевать пришли, — сказал Сигизмунд.

Он видел, что ей это было неприятно. Она чуть-чуть надулась.

— Я бы не обратилась к вам, но в городе у меня сейчас почти нет знакомых. Только Анастасия да вы…

— Ладно уж, — сказал Сигизмунд, — впишу…

— А «пацифик» у вас для интерьера? Или… исповедаете?

— По пьяни, — сознался Сигизмунд. — Чтобы бывшую супругу позлить.

— Да нет, это вы меня пугали. Вы просто уже забыли.

Оба засмеялись, Сигизмунд — чуть смущенно.

— А вы испугались, Вика?

— Чуть-чуть. Я ведь была без шокера.

Сигизмунд вдруг схватил ее за руку и пристально посмотрел ей в глаза. Решение все-таки созрело. Где-то в глубинах, минуя верхние слои сознания.

Вика слегка отшатнулась.

— Вы что?..

— Идемте! — сказал он сквозь зубы. — Идемте же. Я вам что-то покажу. Важное.

Сигизмунд даже не ожидал, что эта видеозапись ударит его так больно. Он мгновенно забыл о Вике, о последствиях, которые мог иметь его достаточно рискованный шаг. Он даже о золотой луннице забыл. Лантхильда была рядом — казалось, стоит только протянуть руку… Он с трудом сдерживался, чтобы не окликнуть ее. Вспомнил, как она сама, просматривая эту запись, пыталась вступать с видеоизображением в какие-то переговоры…

Временами это становилось почти невыносимо. Лантхильда бродила по кухне, читала нотации кобелю, трепалась по озо… Какой бес его дернул снимать ее? Неужели он уже тогда знал, что она исчезнет?

Потом Лантхильда начала петь. Рядом с Сигизмундом вдруг судорожно перевела дыхание Вика. Он покосился на нее — Вика сидела напряженная, с распахнутыми глазами. Так и влезла бы в телевизор.

Потом изображение прервалось. Секунд тридцать на экране «шел снег». Затем показались сидящие в обнимку Сигизмунд с Лантхильдой. На Лантхильде была лунница.

Глядя на экран, Сигизмунд неожиданно для себя отметил: каким он, оказывается, был тогда счастливым, сияющим, как молодожен, блин! Сейчас… Да. Сигизмунд-экранный раскрыл рот и, глупо ухмыляясь, произнес:

— Вы видите перед собой, дорогие зрители, спятившего Моржа Сигизмунда Борисовича, генерального директора фирмы «Морена»…

Сигизмунд нажал на «стоп». Вика вздрогнула, как от удара.

— А дальше?

— Дальше неинтересно.

— Пожалуйста! — взмолилась она так истово, что он сунул ей оготиви, а сам ушел на кухню — курить.

Минут через двадцать Вика бочком вошла на кухню. Вид у нее был смущенный и виноватый. Зачем-то протянула Сигизмунду оготиви.

— Я пойду, — сказала она тихо. — Уже поздно.

Он не отреагировал. Курил. Отгонял воспоминание о плачущей перед камерой Лантхильде.

Спохватился, когда Вика уже натягивала сапоги.

— Вы куда?

— Домой. — Она говорила нарочито-бесстрастно.

— Да бросьте вы.

— Мне лучше уйти. — Она посмотрела ему в глаза. Он увидел, что Вика в настоящем смятении.

— Знаете что? — сказал Сигизмунд, берясь за куртку. — Пойдемте прогуляем кобеля. И не надо ничего говорить. Куда вы пойдете? К Аське? Там никакого электрошокера не хватит, чтобы всю их кодлу угомонить.

Она молча вышла с ним во двор. Побродила в сторонке от Сигизмунда по тающему снегу. И когда они уже возвращались, сказала ему негромко:

— Спасибо.

Глава четвертая

Засыпая, Сигизмунд слышал, как Вика возится за стеной. Он выдал ей постельное белье и показал на «светелку».

Утром, выбравшись на кухню, он увидел Вику. Она стояла у плиты — варила кофе. На Вике была без спроса взятая из шкафа мужская сорочка. Сигизмунд подивился викиной голенастости. Когда она приходила в джинсах, это не так бросалось в глаза.

Нимало не смущаясь своей голоногостью — принято так на Западе, что ли? — Вика повернулась к нему, спокойно улыбнулась.

— А я тут немного похозяйничала. Кофе будете пить?

Сигизмунд поблагодарил, сел за стол.

— Вы завтракаете по утрам? — спросила Вика.

— Честно говоря, нет.

— Плохо. А меня приучили завтракать тостами. Я привезла из Рейкьявика тостер… Надеюсь, аськины упыри его не сломали.

Вика поставила перед Сигизмундом чашку кофе. Он курил и смотрел на Викторию сквозь дым. Видел, что ее спокойная доброжелательность скрывает бешеное волнение. Он вообще много что видел. Сегодня.

— Вы знаете, — начала Вика, усаживаясь с чашкой напротив него, — вчерашняя кассета перевернула все мои представления.

— О Лантхильде?

— Вообще обо всем. В частности, разлетелась в прах моя версия о гениальном, но сумасшедшем филологе. Та девушка, которую я вчера видела… она не сумасшедшая. И не филолог.

— Из чего вы это заключили?

— Понимаете… Предположим, верна моя первая гипотеза. Исключительно одаренный филолог — кстати, сколько ей лет? не больше двадцати? — изучая готский язык, стремится преодолеть вопиющую недостаточность лексического материала. — В викиной речи опять явственно начал проступать акцент. — Понимаете? Очень мало текстов. И тексты очень специфические. Четыре евангелия, да и те не полностью. Фонетика гипотетична. Отчасти восстанавливается на основе изучения латинского произношения готских имен, отчасти — путем применения общих закономерностей развития германских языков. Но только отчасти. Хорошо. Она изучает весь дошедший до нас объем готской лексики. Она дополняет этот недостаточный лексический запас словами родственных языков. Она жестко придерживается какой-то одной, своей, фонетической системы. Заметьте, все это мертвые языки, а ей всего двадцать лет. Спрашивается — когда

она успела? Но хорошо, предположим, успела. Она создает этот искусственный язык на базе готского. В конце концов, и нынешний израильский иврит реконструирован… Но ведь она на этом своем языке РАЗГОВАРИВАЕТ. Бегло! Как на родном! — Вика уже почти не владела собой. Глаза у нее разгорелись, волосы словно растрепались. — Хорошо! Предположим! Хотя все эти языки оставляют за бортом кучу понятий, для которых просто надо создавать новые слова.

— Например? — спросил Сигизмунд.

Вика огляделась.

— «Холодильник». «Газовая плита». «Телевизор»…

Сигизмунд похолодел.

Вика, поглощенная ходом своих рассуждений, продолжала со страшным напором:

— Современная газета оперирует, кажется, двумя тысячами слов. Всего. Гениальный филолог может создать такой запас. Теоретически. То есть, чисто теоретически на лексическом запасе вашей девушки можно выпускать готскую газету… Если считать, что она — именно гениальный филолог.

— А вы в этом сомневаетесь?

— Да, — прямо сказала Вика. — По-моему, она вообще не филолог. Это ее родной язык. И потом — песни…

— А что песни?

— Размер. Это скальдический размер. Только очень архаичный. Если лексику можно как-то воссоздать, по аналогам, то размер…

— То размер тоже, — сказал Сигизмунд. — Вы же определили.

— Не верю, — сказала Вика. Она подумала немного. — Конечно, есть еще одно объяснение, совершенно левое. Помните, была такая книжка — «Жизнь до жизни», кажется, Моуди?

Сигизмунд не помнил. Его мало интересовали подобные дисциплины. Пусть ими всякие воркутинские бодхисатвы интересуются, а у Сигизмунда своих дел по горло.

— Моуди довольно толковый психоаналитик, судя по его книге. Но на основе его исследований возросло немало шарлатанский теорий. В частности, согласно одной, человек может отправиться — сознанием, конечно, — в одно из своих предыдущих воплощений. И там застрять.

— А вы в это верите?

— Нет, — тут же ответила Вика. — Хотя, опять же, был необъяснимый эпизод со Львом Николаевичем Гумилевым… Гумилева-то вы хоть знаете?

Гумилева Сигизмунд знал.

— Однажды, находясь в состоянии смертельной усталости, он пришел домой, лег на диван и примерно час говорил на неизвестном языке. Потом очнулся, но ничего не помнил.

— Странно, — проговорил Сигизмунд. — Может, липа?

— Гумилев был вообще странный. И во многом непонятный. А насчет случая с неизвестным языком — нет, не липа, мне очевидец рассказывал… Но Гумилев ничего не помнил. А ваша девушка почему-то застряла.

Они помолчали. Потом Вика сполоснула чашки и, решившись, будто в воду бросилась — попросила:

— Сигизмунд, вы не могли бы мне позволить посмотреть кассету еще раз? Там огромная информация… Я еще не знаю, что с ней делать. Знаю только, что вы ее использовать не сможете. А я, может быть, смогу. Не исключено, что таким образом мы выйдем на след Лантхильды.

Сигизмунд видел, что сейчас Вика готова на все. Она, кажется, даже не заметила золотую лунницу. Ее вообще не волновало — золото это или не золото. Информация. Вот за что она удавится. Или удавит. Такая же шальная, как Аська, только по-своему.

Она стояла у раковины, вцепившись в край, и говорила, не поворачиваясь, монотонно:

— Понимаете, мне просто необходим материал для анализа. Хотя бы записать эти слова… Я сообщу вам все результаты, если хотите.

Он почти не воспринимал слов — только интонацию. Понимал, конечно, что придется позволить ей остаться и записывать с кассеты слова. Вика вдруг показалась ему такой же нелепой, как и ее сестрица.

В напряженную викину спину Сигизмунд сказал:

— Хорошо. Только не болтайте об этом пока.

* * *

— Сигизмунд Борисович! Вам из милиции звонили! — Такими словами встретила Сигизмунда Светочка.

— Что хотели?

— Чтоб вы заехали.

— Давно звонили?

— С полчаса. Вы думаете, они их нашли?

— Не думаю, — сказал Сигизмунд. — Хорошо, сейчас съезжу.

В милиции ничего обнадеживающего не сказали. Сообщили, что нашли человека, на чей паспорт оформлялась субаренда. Но

только пользы с этого не было никакой. Полгода назад этот человек подавал заявление об утере паспорта.

— Кто-то теряет, а кто-то находит, — невесело пошутил следователь. — Вы хорошо смотрели паспорт, по которому заключали договор?

Сигизмунд пожал плечами.

— Паспорт как паспорт. Не эксперта же вызывать.

— Там наверняка была переклеена фотография…

— Ну так что, теперь вообще ничего не найти?

— Будем искать дальше.

— Слушайте, а зачем вы меня вызывали?

— Сообщить. Мы же обещали вам сообщать о том, как идет следствие. Информация конфиденциальная, не по телефону же… Кстати, другие должники этих ребяток вас не беспокоили? По телефону или лично не объявлялись?

— После вас зашли еще двое.

— А! Эти тоже оставили заявление. Похоже, еще пара-тройка контор на них зубки точит. Не удивлюсь, если в один прекрасный день их выловят откуда-нибудь из Обводного…

— В каком смысле — выловят?

— В распухшем. И посиневшем. В каком еще… Если что-нибудь еще проявится — звоните.

Они распрощались. Сигизмунд вышел с острым чувством бесполезности всего происходящего. Паспорт, переклеенная фотография, два распухших трупа в Обводном… К тому же он понимал, что генеральная линия его жизни сейчас пролегает совершенно в другом месте.

* * *

Представитель «генеральной линии» встретил Сигизмунда, зеленый от усталости.

— Хорошо, что вы пришли, — сказала Вика с европейской откровенностью, — а то меня скоро рвать уже от работы начнет.

— А вы бы раньше бросали.

— А не могу. Очень интересно…

— Что интересно?

Вика сделала жалобное лицо.

— Сигизмунд… Можно, я еще на день останусь? Я не успела.

— Аська волноваться не будет?

— Я ей позвонила.

За ужином Вика принялась развивать новую гипотезу. Согласно этой гипотезе, где-то сохранилось место, где до сих пор

бытует весьма архаичная языковая среда.

Сигизмунд рассеянно слушал, размышляя попутно о том, что сейчас на Охте собирается весьма теплая компания. Во-первых, конечно, знаменитый охтинский изверг. Он председательствует. И, в принципе, заправляет. Во-вторых, сумасшедшая, но гениальная лингвистка. Изнасилованная извергом. В ванной. И в-третьих, разумеется, Хальвдан. С селедками, траулером. То есть, с сейнером. С двумя сейнерами. И зятем по фамилии Карлссон. А вокруг языковая среда. Архаичная-архаичная…

— Кстати, Виктория, — заговорил Сигизмунд, прерывая излияния Вики, — как бы вы объяснили, с позиций вашей новой гипотезы, одну странность…

Он вспомнил тот день, когда возил Лантхильду заказывать ей очки. Вернее, не сам эпизод в кабинете, а исключительно странную сцену в кафе. Пожилую супружескую чету — обрусевшие представители какой-то малой северной народности — и необъяснимый ужас Лантхильды перед ними.

— А вам не приходило в голову, Сигизмунд, что она могла просто никогда прежде не видеть монголоидов?

— Это в какой же изоляции надо было жить?

Вика пожала плечами.

— Вот и думайте…

* * *

По большому счету, Сигизмунд больше ни о чем и не думал — на работе, по дороге домой — привычно завязнув в пробке, дома — бесцельно пялясь в телевизор. Он старался не анализировать, что именно приковало его мысли к Лантхильде — привязанность ли к этой девушке или же связанная с ней тайна.

Ключ к этой тайне был где-то близко. Отчасти он лежал там же, где ответ на вопрос о том, кем была Лантхильда. Но только отчасти. На самом деле это был более частный вопрос, а общий заключался в другом, более сложном и, в принципе, логически необъяснимом: каким образом она исчезла и, очевидно, появилась здесь.

На третий день выпроводив Вику (та исписала уже две общие тетради и заработала, по ее словам, близорукость) Сигизмунд отправился иследовать гараж. Как и следовало ожидать, ничего подозрительного там не обнаружил. Некоторое время бесполезно бродил возле гаража и флигеля, к которому тот лепился.

Этот флигель был неотъемлемой частью многих детских мифов Сигизмунда и других детей, выраставших в этом дворе.

Сигизмунд не знал, является ли флигель объектом внимания нынешнего юного поколения. Однако предполагал, что обитатели детского садика также имеют ряд собственных предположений касательно этой нелепой пристройки.

До войны на месте флигеля находился обычный дом на четыре квартиры. Во время войны в этот дом, вроде бы, попала бомба. Во всяком случае, после войны его разобрали. Одно время предполагалось, что на этом месте будет разбит цветник, но затем — согласно чьему-то распоряжению — здесь в считаные недели был сооружен вот этот уродливый флигель. Чуть ли не Жданов самолично приезжал руководить.

Основная странность постройки заключалась в том, что там не было предусмотрено окон. Точнее, окна были — узкие подслеповатые окошки на уровне третьего этажа. На сам двор флигель выходил слепой стеной, желтой, облупившейся. Вход тоже имелся, но какой-то странный — серая, вечно заколоченная дверь. Решительно непонятно, для чего этот монстр уродовал двор. Но времена были такие, что задавать вопросы было не принято. Раз стоит, значит, так надо.

В принципе, это был, конечно, дом с привидениями. Подобраться ночью (желательно в полночь) к заколоченной двери и послушать, о чем шепчутся призраки (а те МНО-ОГО знали!) было подвигом, существенно поднимавшим рейтинг. Но Сигизмунд в детстве так и не решился его совершить.

Позже, уже в конце 70-х, томимый гормонами, Сигизмунд на пару с дружком, с которым вместе посещали альпинистскую секцию при Дворце Пионеров, ночью, тайно совершили восхождение. Точнее, пробрались во флигель с крыши, выбив одно из окон. Мероприятие было опасным и бессмысленным, что делало его притягательным вдвойне.

Очутились в производственном помещении, давно заброшенном и очень грязном. Никакого видимого прохода на первый этаж не обнаружили. В углу стоял древний сверлильный станок, покрытый пылью. Под потолком висела закрепленная там мощная лебедка. Археологические раскопки в горах мусора, разгребаемого ногами, выявили также пару окаменевших рабочих рукавиц и пустую бутылку из-под «Солнцедара».

В полу имелась «дверь» на первый этаж. Поскольку «дверь» эта представляла собой нечто вроде трюмного люка (его-то и должна была поднимать лебедка), то проникнуть вниз двум любопытствующим дилетантам так и не удалось. Тем более, что лебедка оказалась обесточенной — проверили путем бросания мелких металлических предметов.

Хотелось подвигов. Ограничились тем, что написали на стене

кирпичом «DEEP PURPLE», на чем и успокоились.

Сигизмунд впоследствии рассказывал своей первой девушке, что видел во флигеле скелет, прикованный к станку цепями. В черепе скелета застрял иззубренный осколок. Второй девушке Сигизмунд тоже пытался это рассказывать, но почему-то у второй девушки рассказ успеха не имел. Возможно, потому, что первой было восемнадцать, как и Сигизмунду, а второй — двадцать один.

Постепенно все эти приключения отошли на второй план. Во всяком случае, для Сигизмунда. Проникнуть в помыслы обитателей детсада ему было не дано. Из общения с Ярополком Сигизмунд знал, что у детей бывают подчас самые неожиданные фантазии. Так, Ярополк на полном серьезе считал воплощением злой колдуньи Бастинды одну вполне безобидную повариху из их детского сада.

Желтая стена флигеля, давно уже не представлявшего для Сигизмунда никакого интереса, была исписана различными изречениями. Поверх старых, любительских надписей кирпичом и мелом (преимущественно сакрального характера) появились уже новые, профессиональные, маркером. Наиболее примечательные из них гласили: «МЫ ВМЕСТЕ», «SUN OF ACID» (этот девиз иллюстрировался изображениями грибочков с идиотскими ухмылочками), «ЛЮДИ, УЛЫБАЙТЕСЬ!» (без иллюстраций), «WARLOK, SUN OF SATHANA», «INGRIA» (готическими буквами — творение юных неофашистов), а также взятое в замысловатую извилистую рамочку «ВИТЯ ЦОЙ». Все это свидетельствовало по большей части лишь о том, что гормональное развитие подрастающего поколения идет вполне нормально.

Ни гараж, ни флигель, ни надписи на нем не дали Сигизмунду ответа. Мусорный бак наличествовал, но безмолвствовал. Сидящий на нем кот — тоже.

Дома Сигизмунд зачем-то начертил схему своего двора и долго сидел над ней, постукивая карандашом. Размышлял. Ни к чему не пришел.

Из бесплодных раздумий его вывел телефонный звонок. Звонила мать. Просила съездить с ней к тете Ане — забрать картошку.

— Какую картошку?

Сигизмунду не хотелось отрываться от схемы. Пунктиром он прочертил место, где был «ведьмин круг».

Мать охотно объяснила, что тетя Аня с кем-то договорилась и привезла с дачи мешок картошки. Своей. Обещала поделиться. Не тащить же матери тяжелые сумки, когда у сына своя машина…

Ехать Сигизмунд не рвался. Вся эта картофельная эпопея представлялась ему совершенно бессмысленной. Но отказать он

тоже не мог. И потому нехотя договорился с матерью на завтра.

* * *

У тети Ани имелся участок. Она свято верила в мифическую программу, согласно которой каждый горожанин, имеющий участок, вполне в состоянии прокормить себя сам. По мнению Сигизмунда, вся эта бурная сельскохозяйственная деятельность оборачивалась чистым убытком. Каждую весну тетя Аня закупала семена. Сортовые и невероятно приспособленные к гнилому питерскому климату. Согласно аннотациям на красивых разноцветных пакетиках, картошка будет колоситься, как сумасшедшая, а морковь вырастет размером с тыкву.

Целое лето тетя Аня ковырялась на своих шести сотках в людском муравейнике, обсевшем станцию «Мшинская». Половину урожая обычно теряла еще в земле: то не было дождей, то дожди наоборот лили непрерывно. В доме у тети Ани постоянно стояли коробочки из-под кефира, в которых что-то проклевывалось.

Сигизмунд однажды подсчитал, что купить картошку на рынке, даже по завышенной цене, обходится все равно дешевле, нежели выращивать ее на собственном огороде. Если учитывать транспортные расходы. Но тетя Аня не желала учитывать транспортные расходы. Огород давал ей ощущение осмысленности бытия: она не сомневалась в том, что кормится сама и кормит балбеса-Генку.

— Тебе что, так нужна эта картошка? — спросил Сигизмунд у матери, когда та с деловым видом забралась на переднее сиденье и, суетливо дергая ремень, принялась пристегиваться.

— Анна звала, — сказала она. — Что же, отказываться? Ты, Гоша, тоже — думал бы, прежде чем обижать людей. А то наорешь, нахамишь, а потом, как ни в чем не бывало…

— Да я почти ничего не помню. Я что, сильно нахамил тебе тогда?

— Да уж. — Мать поджала губы.

— Ну извини.

Сигизмунд потянулся к матери и чмокнул ее в щеку. Она оттолкнула его локтем.

— Да ладно тебе, — проворчала она. — Плохо вот, что ты пьешь.

— Я на дне рождения был.

Мать помолчала. Потом заговорила о другом. Спросила, как дела у Натальи.

— Наталья замуж собралась, — поведал Сигизмунд злорадно.

— Оно и понятно. Она ведь никогда тебя, Гоша, по-настоящему не любила. Я-то видела… А как нашла кого получше-побогаче, так и…

— Мы же с ней давно в разводе…

— А ты много знаешь, что она вытворяла, пока вы с ней жили… Ты целыми днями работал. Жену без пригляда…

— Ну хватит, мать!

— Ты мне рот не затыкай. Наталья твоя только хвостом вильнула — и поминай как звали… А ты-то сам что? Так и будешь век холостяковать?

— А что? Так спокойнее.

— На старости лет стакан воды подать будет некому…

— Ладно, мать. Успею еще в хомут сунуться.

Тетя Аня поила их чаем с крыжовенным вареньем. Варенье она изготовила сама. Именовала его «чеховским», поскольку великий писатель весьма жаловал такое варенье. У Сигизмунда с некоторых пор фамилия Антона Павловича вызывала совершенно неуместные ассоциации.

— А это что у вас там, тетя Аня? — спросил Сигизмунд, указывая на пять больших полупрозрачных мешков, стоявших под окном. Мешки были туго набиты чем-то желтоватым.

— Это грибы, — с гордостью ответила тетя Аня.

— Какие грибы?

— Я их уже месяц поливаю. Пока еще ничего не выросло.

— А как они вырастут?

— Они должны прорвать мешок и выйти на поверхность. В одном месте уже бугрится…

— Где ты это взяла, Анна? — спросила мать, с любопытством разглядывая мешки.

— Купила в одной фирме. Они обещали принимать у меня урожай. По двадцать тысяч за килограмм.

— И сколько кило собираетесь снять с мешка, тетя Аня?

— Говорят, не менее пяти. А если будут условия благоприятствовать, то и все десять.

— И почем ты отдала за пять мешков? — спросила мать.

— Полмиллиона.

Сигизмунд быстро прикинул. В самом лучшем случае тетя Аня вернет себе затраченные деньги. Но скорее всего, не вернет… Он вздохнул и не стал ничего говорить.

На обратном пути мать заговорила о том, что ее, видимо, сильно беспокоило.

— Анна бьется, как рыба об лед, чтобы прокормить семью, а Генка знай себе пьет. И ты, Гоша, я гляжу, стал попивать…

— На дне рождения был, правда. Устал после работы, не

рассчитал.

— У кого на дне рождения? У Хлинтона своего?

— Какого Хлинтона?

— Этого, с селедками.

— Они уехали.

— Что, все уехали? И эта, прости-Господи, уехала?

— Все, — хмуро подтвердил Сигизмунд.

— Тут мне Людмила Сергеевна звонила…

— А, значит, ты в курсе.

— Да. Нашли что-нибудь?

— Ищут.

— А эти-то твои уехали после кражи или до?

Сигизмунд резко притормозил у светофора.

— В смысле?

— Ты в милицию-то про них заявлял? Может, аферисты какие-нибудь, вроде цыган… За границей тоже всяких жуликов полно. Сюда уже ездить начали. Мы с отцом смотрели передачу…

— Да нет, они тут не при чем.

— Ты уверен?

— Слушай, мать, что ты наезжаешь?

— Гоша, кто они такие?

— Так.

Сигизмунд притер машину к тротуару. Остановился.

— Ты что остановился?

— Ну вот почему они не дают тебе покоя? Объясни.

— Ладно. — Мать неожиданно заговорила холодно и спокойно. — Я тебе объясню. Только и ты мне объяснишь потом. И не лги, хорошо? Во-первых, я уверена, что никакого Хлинтона не существует. И селедок тоже.

— Почему? — спросил Сигизмунд.

— Да потому что не верится что-то, будто какой-то Хлинтон оттуда, из-за границы, высмотрел твою лавочку и захотел возить сюда селедку. Почему ты-то? Ты что, торгуешь селедкой?

— Ну все-таки… животный мир…

— Да брось ты, «животный мир»! Я ведь твоего Хлинтона в глаза не видела. И никто его не видел. Я только эту белобрысую видела. Нехороший она человек.

Сигизмунда неприятно кольнуло последнее замечание матери.

— Почему нехороший?

— Что она Ярополку наговорила? Наталья жаловалась, ребенок несколько ночей подряд не спал, плакал от страха… Хороший человек не будет ребенка пугать. Да и вообще… Странная она какая-то.

— Странная, — согласился Сигизмунд.

— И по-нашему не говорит.

— Ну, мать, это еще не преступление.

— Гоша, скажи честно. Где ты ее нашел?

— Ну, нашел и нашел.

— А куда ты ее дел?

— Ушла.

— Насовсем ушла?

— Не знаю. Наверное.

— Ты не в гараже ее нашел?

Сигизимунд вздрогнул.

— А что?

— В гараже, да? Так и думала! А запаха не было?

— Какого запаха? — ошеломленно пробормотал Сигизмунд.

— Был запах, да? Все сходится!

— Что сходится?..

Мать раскрыла сумку, которую держала на коленях, и вытащила оттуда конверт. Это был старый авиаконверт ко Дню Победы.

— Что это? — спросил Сигизмунд.

— Дедово, — отрезала мать.

Сигизмунд знал, что мать почему-то считает, будто дед занимался какими-то дурными делами. И умирал трудно. И поминать его всегда было нелегко. Сам в Бога не верил. Бывало, начнешь за него молиться — и будто преграда какая-то воздвигается…

Мать вдруг сказала:

— Знаешь что, Гоша. Эта твоя тоже была какая-то… как неживая.

— Что?

— То. Я знаю, что говорю. Нежить это. Кикимора.

— Какая кикимора?

— Не знаю, какая. Тебе виднее. Сосет она тебя. Вон, ходишь сам не свой. Напился, матери нагрубил. А ее выгораживаешь…

— Мать, что ты несешь? Какая кики…

— И ребенку наговорила! Плакал! Боялся! А сама белая, глаза как водица… Не знаю, в общем, чем там твой дед занимался. Ума у нас не было, когда тебя Сигизмундом называли…

— Это точно, — сказал Сигизмунд.

Мать будто не расслышала.

— С Анастасией этой своей связался бы — и то понятнее… Просто дурь в башке у бабы. А тут… Мертвечинкой от нее попахивает. Вон, как торжествовала, когда я приходила! Глаза тебе отвела, точно говорю. Исчезла, говоришь? Такие не исчезают.

Гляди, явится через год с дитем, на жабу похожим, скажет — «твой», а ты и поверишь…

— Мать, да ты что!.. Ты что несешь!.. — Сигизмунд едва верил собственным ушам. От слов матери пахнуло диким, древним суеверием, верованиями людей, которые действительно жили в лесу и молились колесу. — Мать, ты же христианка! Тебе ксендзы язык отрежут, если узнают!..

— Послушай меня, Гоша. Дед занимался чем-то нечистым. Что у него на уме было — мы не знали, а он не говорил. С годами еще скрытней стал. Да и дома постоянно жить начал только к старости, а так все в разъездах…

— Это дед тебе говорил, что нечистым занимается? — спросил Сигизмунд.

— Это я тебе говорю! Не знаю я, какие он там ДнепроГЭСы восстанавливал… Захожу к нему как-то раз, а у него…

— Что у него?

— Запах у него в комнате, вот что!

— И чем пахло-то? Портянками?

— Не шути с этим! Мертвечиной, вот чем!

Истовость, появившаяся в лице матери, очень не понравилась Сигизмунду, и он поспешил сменить тему:

— Так что там у тебя в конверте? Облигации дедовы?

Мать накрыла конверт ладонью:

— Где-то за полгода до смерти заводит дед со мной разговор. Нарочно так устроил, чтобы наедине мы остались. Вот, говорит, Ангелина, помру… Я ему говорю: ты чего помирать-то собрался? Вроде, не болел. А он меня не слушает. Свое твердит. Помру, говорит, квартира вам останется и гараж. Квартира — ладно, мол, что с ней сделается. Она не ведомственная, не выселят. А вот гараж — там всяк может повернуться. Гараж, мол, Ангелина, сама понимаешь: кирпичный, просторный, хоть огурцы в бочках засаливай. Но ведомственный он. Я тут, конечно, затеял кое-что, чтобы за Борисом оставили.

Дед умер зимой семидесятого, когда уже начинался гаражный бум. Почему семье старого большевика позволили оставить за собой гараж — кирпичный, да еще в центре города, да еще ведомственный — для Сигизмунда всегда было загадкой. Однако ворошить эту тайну у Сигизмунда никогда особой охоты не было. Не буди лиха, пока оно тихо. Оставили — и ладно. Рассказ матери кое-что прояснял. Правда, пока не все.

— Так что, — лениво спросил Сигизмунд, дитя перестройки, — у деда, поди, ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ перед родимой партией водились?

— Не знаю уж, какие там у него заслуги, особые или не

особые… Я ему говорю: зачем нам гараж-то, дед? У тебя и машины-то нету, на казенной ездишь. А он вдруг кулачищем по столу как грохнет и орет на меня, аж кровью налился: мол, ты ничего не понимаешь и не суйся. — Мать, рассказывая, разволновалась, на скулах пятна проступили. Сигизмунд даже подивился: столько лет прошло, а она все переживает давний разговор. Будто вчера было.

— А что он орать-то начал? — спросил Сигизмунд. — Ну, не было машины… Ну, купили…

— То-то и оно! А как купили — знаешь? Дед, между прочим, твоего отца на дух не выносил. Три года, как мы поженились, вообще с ним не разговаривал. И после за глаза знаешь как называл? Chlapacz!

Сигизмунд знал слово «хлапач». Дед, не любя новомодного слова «алкаш», именовал так пьяных. Отец Сигизмунда, избывая флотскую молодость, иной раз крепко принимал.

К старости дед вообще стал довольно часто переходить на польский. Ругался, что внука польскому не выучили, на родном языке поговорить не с кем. А мать по-польски почти не говорила.

— Что, настолько не любил? — спросил Сигизмунд.

Мать только рукой махнула.

— Не знаю, как и глаза не выплакала! Одно только и спасло: если бы развелись, неприятности были бы по партийной линии. У обоих. Дед это, конечно, тоже понимал. А тут вдруг машину Борису купить вознамерился! Я, дескать, и на очереди стою. Я старый большевик.

— Старый мудак, — пробормотал Сигизмунд.

Мать расслышала — еще больше покраснела, вскрикнула:

— Не смей так про деда!

— Да я так просто…

— А ты никак! — И успокоившись, продолжила: — Машину он в том же году купил, совсем незадолго до смерти. На Бориса оформил.

Машину дед взял, что и говорить, знатную. В те годы только-только начали выпускать «жигули». «Фиат» «фиатом», все комплектующие шли итальянские. Сносу «итальянке» не было, хоть и выглядела теперь вконец непрезентабельно. Да и фиг с ней, презентабельностью, — гаишники реже останавливают.

— Борис так воспринял, что дед перед смертью помириться с ним хочет. Рассиропился весь, отцом в первый раз назвал… Да я-то знала, что у деда на уме. Гараж у него на уме.

— Да что он к этому гаражу-то прилепился? — спросил Сигизмунд. — Клад у него там зарыт, что ли?

— Не знаю, какой у него там клад… — Мать тяжко

вздохнула. — Сама поначалу так думала. Может, думаю, золото…

При слове «золото» Сигизмунду вдруг стало нехорошо. Сокровища Рюрика, блин, клад Нибелунгов… в гараже у полковника Стрыйковского. Приехали, что называется…

— Ты слушай, Гоша, что тогда-то у нас с дедом вышло. Я говорю: делай, отец, как знаешь. Ты никогда ни с кем не считался, советов не слушал, и сейчас поступай как хочешь. Он будто бы успокоился. Говорит: когда, мол, гараж строили, я настоял, чтоб фундамент заглубили. Землица дрянь, сама знаешь. Тогда на ту трубу и напоролись.

— На какую трубу?

— Вот и я деду: какая труба? А он: ты слушай, слушай… Труба под гаражом проходит. Сточная. А по трубе мерзость течет какая-то.

— Какая мерзость? Мать, ты можешь говорить яснее!

— Не перебивай! Не знаю я, какая мерзость! Он называл, да я забыла!

— Радиоактивные отходы, что ли?

— Ой, не знаю. Больничное что-то. Из института какого-то. Где флигель — там, вроде бы, коллектор какой-то, так труба туда уходит. Дед говорит: институт этот, мол, секретный какой-то, с улицы не зайдешь, и вывески не имеет. И трубы, что под гаражом, тоже ни на одном плане города нет.

— А дед откуда столько подробностей вызнал?

— Дед много чего знал, да не все нам рассказывал… В общем, он мне так сказал: гараж я вам устрою, машину туда поставлю — не Борису, так Гошке пригодится. А ты, Ангелина, приглядывай, чтобы не потравились из-за этой трубы. Запашок может пойти такой, лабораторный. В исполкоме про эту клятую трубу не знают, жаловаться бесполезно. Да и в горкоме не все в курсе. Я тебе телефончики оставлю, ежели что — позвонишь товарищам. Они все сделают. Я его спрашиваю: что ж ты, отец, на таком плохом месте гараж поставил? Он разозлился. Ты, мол, еще поучи меня! Брал, что дают. Знаешь, какое время было!

— Бред какой-то, — сказал Сигизмунд. — Труба, лабораторный запах, гараж, старые большевики… охтинский изверг…

— Какой еще изверг? — насторожилась мать.

— Да нет, это я так… — Сигизмунд подумал, что изверг с восхитительной легкостью вписывается в эту абсурдную цепочку. Семейное это у них, что ли?

— А больше дед ничего не говорил?

— Ну, сказал, если трудности возникнут по части гаража или квартиры — этим же товарищам звонить. Они устроют.

— Что за «товарищи» такие?

— Не знаю, горкомовские какие-то…

— А депутат? — спросил Сигизмунд. — Помнишь, депутат хотел наш гараж купить? Твоя работа? Или «товарищей»?

— Товарищей, — сказала мать.

— Тогда получается, что «товарищи» не горкомовские… Партия-то тогда уже того… кони двинула.

— Двинула или не двинула, а сработало. — Мать помолчала и заговорила другим тоном: — Я, Гошка, в твои дела не лезу. Ты скрытный. Весь в деда пошел. Только по-польски не говоришь.

— Аттила хайта мик Сигизмунд Борисович, — сказал Сигизмунд.

Мать покосилась на него с несчастным видом.

— Слушай, мать, а ты действительно веришь, что под гаражом проходит какая-то таинственная труба и что «товарищи» из горкома могут ее заткнуть? Может быть, это утонченное польское остроумие пана Стрыйковского?

— С депутатом-то помогли… Позвонил бы ты им, Гоша. Можешь не рассказывать мне про свою кикимору, где ты там ее подобрал и куда она сгинула.

— Она не кикимора, — сказал Сигизмунд. — Она перед иконой Божьей Матери молилась.

— Иная нечисть и к иконам нечувствительна.

— Ты еще «Вия» мне начни пересказывать. Господи, мать, как тебя в партии-то держали!

— Ты перед матерью не умничай! Мы в другое время росли! Это у вас телевизоры! А мы с шестнадцати лет у станка!.. И вот что я тебе еще скажу: дед мне велел не болтать о трубе и о прочем. Секретно это все. Можешь сколько угодно не верить — просто позвони. Сделай это для меня.

— А при чем тут гараж?.. — начал Сигизмунд и запнулся. Он вдруг понял, что связь есть. Какая-то. Сам тщился разгадать, когда чертил план двора.

— Ох, чуяло мое сердце, что добром все эти секреты не кончатся, — проговорила мать. — Позарился дед на казенное, а нам теперь расхлебывай. И ты с кикиморой этой связался. Напасть на нашу голову… Ох, Господи! Столько лет прошло… Деда уж давно нет… Думала, все грехи его замолила…

— Да подожди ты!.. То «грехи», то «кикимора»…

— Ушла от тебя, говоришь? А ты видел, как она ушла? Может, она не ушла вовсе. Может, она под асфальтом сгинула… Город-то на болоте стоит да на костях…

Мать вручила ему конверт и отвернулась.

Сигизмунд тут же вытащил сложенный пополам листок. Пять

телефонных номеров с именами-отчествами. Номера были семизначные.

— А дед у нас что, пророком был?

— В каком смысле? — напряглась мать.

— Номера-то современные. А дед когда умер?

— Не умничай. Несколько лет назад приезжал один…

— «Товарищ», да?

— Ничего смешного. Товарищ. Александр Данилович. Привез новые номера. И раньше он раз приезжал. Когда номера меняли, в семидесятом. Дед только-только умер, и года не прошло…

— Мать, а какой он из себя? Ну, товарищ? Александр Данилович? На Меншикова похож?

Мать не поддержала шутки.

— Приличный мужчина. Он на похоронах деда был. Я его вспомнила.

— А кто он?

— Не знаю, кто он. Это дедовы дела, не мои и не твои. И не вздумай болтать. Никому. Понял? Все. Поехали. Вези меня домой. Отец заждался.

— Да позвоню я, позвоню. Только не гони волну, — сказал Сигизмунд недовольно.

* * *

Когда Сигизмунд приехал домой, настроение у него испортилось окончательно. Досадовал на деда с его тайнами, на мать с ее дурацкими суевериями, католичеством и партийной дисциплиной — на все. Под конец решил никуда не звонить и послать все подальше. Скомкал листок с телефонами и сунул кобелю в услужливо подставленную зубастую пасть. Кобель листок помусолил и выронил. Попятился, отступил на несколько шагов и залег, поглядывая на Сигизмунда печальным коричневым глазом.

— А ну тебя, — сказал Сигизмунд. Подобрал листок, расправил. Тяжко вздохнул. Права Виктория. Настоящий Генеральный Директор в подобные истории не вляпывается. Настоящий Генеральный Директор сидит в дорогом кабаке и лапает дорогих девочек. Потому что не вляпывается, мать его ети, в подобные истории, а делает деньги.

Для начала позвонил минхерц-товарищу Александру Данилычу. Этого, по крайней мере, мать видела. Во плоти.

Скрипучий старушечий голос осведомился:

— А вы Алексашу по делу или как?

— По делу, — сказал Сигизмунд.

— А вы Алексаше кто?

— Сослуживец, — соврал Сигизмунд.

Там помолчали. Слышно было, как орет кошка. Сигизмунду даже показалось вдруг, что он чует едкий кошачий запах.

Потом бабка спросила:

— Сослуживец — это по какой линии?

— По партийной, — молвил Сигизмунд веско.

Бабка еще помолчала. Переваривала, должно быть, услышанное. Потом осведомилась:

— А вас как по батюшке?

— Сигизмунд Борисович.

— Ой! — почему-то всполошилась бабка. И тут же яростно крикнула: — Брысь, проклятая! Это я не вам… Так что же вам не сказали-то, Сигизмунд Казимирович… Помер Алексаша, год уж как помер…

— Как? — растерялся Сигизмунд. — Как это помер?

— Так помер, — зачастила бабка, — вот уж годовщину справили… Инсульт. На боевом посту. Гражданская панихида была, выступали много… А что же вам-то, Сигизмунд Казимирович, никто не позвонил?

— Извините, — сказал Сигизмунд. — Здоровья вам.

— И вам, и вам… — отозвалась бабка.

Сигизмунд положил трубку. С трудом удержался, чтобы не шарахнуть телефоном в стену. Кретин! Бабка тоже хороша. Распереживалась, что «Сигизмунду Казимировичу» не сообщили. А чего ему сообщать, коли он помер аккурат на двадцать пять лет раньше «Алексаши».

Дурацкая затея, от начала и до самого конца.

С другой стороны, если один из этих старперов до сих пор жив и в здравом уме, то, возможно, у него-то как раз и хранится ключ. К тайне. К Лантхильде.

Номером два шел какой-то Арсений Сергеевич.

На звонок ответил молодой парень.

— Кого? — переспросил он. — Здесь такие не… Погодите, КОГО?

Сигизмунд повторил.

— Арсения Сергеевича? Так он уж лет пять как того…

— Извините, — буркнул Сигизмунд.

— На здоровье, — ответил парень.

Третьим шел Федор Никифорович. Сигизмунд собрался с силами, набрал номер и жэковским голосом потребовал его к телефону.

— Это я, — спокойно сказали в трубку.

Сигизмунд от неожиданности чуть не выронил телефон.

— Простите?

— Вам Федора Никифоровича? Это я. С кем имею?..

Что-то подтолкнуло Сигизмунда ответить:

— Это Стрыковский.

Возникла пауза. Потом Федор Никифорович осторожно осведомился:

— А по имени-отчеству… можно?

— Сигизмунд… Борисович.

— Вы сын Ангелины?

— И это тоже, — сказал Сигизмунд.

Еще одна пауза.

— У вас что-то случилось?

— С гаражом.

— К вам приехать?

— Ну что вы поедете… У меня машина. Я сам к вам приеду. — Тут Сигизмунд вдруг смутился и поспешно добавил: — Если позволите.

— А гараж? — спросил Федор Никифорович.

Изнемогая от идиотизма ситуации, Сигизмунд выдавил из себя «пароль»:

— Гараж… он… понимаете, в гараже сперва… ЗАВОНЯЛО… а потом… ВЫВЕТРИЛОСЬ…

Но Никифорович отреагировал не так, как отреагировал бы любой нормальный человек. Он не стал смеяться — он разволновался. Даже как будто разгневался.

— Выветрилось, говорите? Давно? И вы допустили?

— Понимаете… — Сигизмунд замялся. — Мне трудно объяснить… Не совсем завоняло… Давайте я лучше к вам приеду. Когда вам удобнее?

— В любое время, — твердо сказал Никифорович. — Чем раньше, тем лучше.

— Я заеду завтра. В девять вас устроит?

* * *

Сигизмунд положил трубку и вышел на кухню — курить. Его бил озноб. Странно, но он смертельно устал. Будто вагон разгрузил. А всего-то — по телефону позвонил. Он не знал — и знать не хотел — что именно его перевозбудило: мысль о Лантхильде или скорая разгадка дедовской тайны. Завтра, думал он, завтра. Нужно поскорее лечь спать. Проклятье, теперь ведь будет не заснуть.

Пытаясь унять нервную дрожь, прошелся по квартире. Постоял перед фотографией деда. Дед, как всегда, был всеми недоволен, но толку с этого немного: безмолвствовал дед.

— Ну что, дед, — сказал Сигизмунд, — подобрались мы к твоему партийному капиталу?

И тут раздался телефонный звонок. Сигизмунда передернуло. Нехороший это был звонок. Не звонок, а крик.

Метнулся в комнату, схватил трубку, крикнул:

— Да?..

Был почти уверен: сейчас ему сообщат, что Федор Никифорович скоропостижно скончался.

Но это звонила Виктория.

— Я вас разбудила?

— Почему? — оторопело спросил Сигизмунд.

— Голос у вас какой-то странный… — Вика помолчала. — Сигизмунд, у вас… У вас Анастасии нет?

— Аськи? Нет… Ее здесь и не бывает почти… А в чем дело?

— Ее дома нет.

— Господи, и всего-то…

— Давно нет.

— С утра?

— Меня не было три дня… Я пришла — дома никого. Сегодня она не приходила. И не звонила. А реж ничего не знает.

— С Аськой еще и не такое бывало, — сказал Сигизмунд. — Загуляла, небось.

Вика странно всхлипнула в телефон.

— Сегодня из театра приходили. Искали… Говорили, два дня уже ищут. Она всегда звонит. Хоть в каком загуле, хоть из вытрезвителя, хоть из ментовки… — Вика помолчала и призналась: — Мне страшно.

Сигизмунда взяла досада. Взрослая баба, университет, Рейкьявик, редуплицирующие глаголы — а звонит с разными глупостями. Страшно ей, видите ли.

— Чего вы испугались, Виктория?

— У нас календарь на стене…

Сигизмунд поморщился, вспомнив тошнотворно-сладкий ужас с котятами и бантиками, которым Аська преискусно маскировала матерную надпись на обоях.

— Я уходила двадцать третьего… Ну, в день Советской Армии… Они и гуляли по этому поводу…

— Им только повод дай, — проворчал Сигизмунд.

Но Вика как будто не слышала.

— А следующий день, двадцать четвертое, на календаре замазан. Черным маркером.

— Ну и что?

— Не знаю… Гляжу и страшно… И еще…

— Ну что там еще?

— Поперек котят… Котят помните?

— Да помню! — взорвался Сигизмунд. — Что поперек котят? Вы можете говорить по-русски или разучились?

Вика сказала еле слышно — сдерживая слезы:

— Она написала черным маркером: «ЭТОТ МИР — СРАНЬ!»

У Сигизмунда разом все оборвалось.

— Да ничего, найдется, — сказал он нарочито небрежно. — Мало ли что Аське в голову стукнуло.

— Вот именно, — деревянно отозвалась Вика. — Мало ли, что ей стукнуло.

И положила трубку.

Глава пятая

Федор Никифорович жил на Московском проспекте, недалеко от станции метро «Электросила», в просторной квартире, где было полно вещей шестидесятых годов. Вещей в деревянных корпусах. Вещей, с которыми аккуратно обращались. Вещей, в свое время очень престижных и дорогих. Из нового в квартире была только стальная дверь.

Сигизмунд вошел и мгновенно погрузился в мир своего детства. Мебель Федор Никифорович с дедом, очевидно, брали в одном распределителе.

Правда, сам Федор Никифорович мало походил на зачарованную королевну из заснувшего на сто лет замка. Это был очень старый человек, костлявый, с пигментными пятнами на тонкой, пергаментной коже рук. Легко было представить себе его в гробу. Он улыбнулся Сигизмунду, показав длинные желтые зубы.

— Вы Стрыйковский! — сказал он, открывая дверь. — До чего же похожи на Сигизмунда!

— Я и есть Сигизмунд, — отозвался Сигизмунд.

Старик понравился ему с первого взгляда.

Федор Никифорович сразу потащил Сигизмунда на просторную кухню, загроможденную круглым массивным столом, деревянным диванчиком с плюшевой обивкой и неизбежным ковриком на стене — с грузинкой, горами и оленем. На подоконнике, рядом с проросшим луком в майонезной баночке, стоял старый телевизор «Горизонт».

Проходя мимо открытой двери в комнату, Сигизмунд машинально бросил туда взгляд. Все как у деда. Только на необъятном, как аэродром, сталинских времен письменном столе стоял компьютер. На экране змеились нарядные разноцветные графики (ай да дедок! идет в ногу со временем!)

— Садитесь, Стрыйковский, — кивнул Федор Никифорович на диванчик, — а я пока чайку соображу…

Сигизмунд уселся на диванчик.

— Простите, Федор Никифорович, можно я закурю?

— Курите, курите, — не оборачиваясь, отозвался старик. — Берите «Беломор», если хотите.

— Спасибо, у меня свои.

— Ну, как угодно…

Старик поставил чайник и принялся ворчать, что чая хорошего не стало, что индийский со слонами совершенно испортился, а все эти новомодные — сущая дрянь.

Сигизмунд с охотой поддержал старика. Федор Никифорович заварил крепкий чай, разлил по тонким стаканам в подстаканниках, поставил на стол рафинад в коробке, сел напротив Сигизмунда и задымил «Беломором».

— Так что у вас стряслось, Стрыйковский?

На очень краткий миг, но от этого не менее остро, Сигизмунд ощутил яростную зависть к большевикам. Блин, какая защищенность! Как одна семья! Видит старика пять минут — а кажется уже ближе отца…

— В общем, так, — начал Сигизмунд осторожно, — появился у меня в гараже запах… А потом выветрился…

Старик пристально глядел на Сигизмунда и курил.

— Бывает, — согласился Федор Никифорович, — запахнет да выветрится… Я-то здесь при чем?.. А долго запах держался?

— Три дня, — бойко сбрехнул Сигизмунд.

Федор Никифорович придавил папироску. Помолчал. И сказал с неожиданно доброй улыбкой:

— Вы что, врать сюда пришли, Стрыйковский? Зачем звонили?

— Гараж, — сказал Сигизмунд.

— Рассказывайте, — приказал Федор Никифорович. — Только правду. Иначе я не смогу вам помочь. Постарайтесь не врать. Правдоподобности не нужно. Я пойму. И еще: мы с вам оба сейчас — неофициальные лица. Это уж вы мне поверьте.

— В общем, не воняло у меня, — сознался Сигизмунд. Выговорил — и сразу стало легче.

Старик сразу подобрался, напрягся, вцепился в новую папиросу. Стал молча сверлить Сигизмунда глазами. Сигизмунд мимолетно подумал о том, каким был этот человек в молодости. Небось, одним взглядом впечатлительных интеллигентов в обморок ронял.

— Не знаю, с чего и начать…

— Только не надо мямлить, Стрыйковский, — совсем уж жестяным голосом промолвил Федор Никифорович. — Вы не институтка.

— Хорошо, не буду мямлить, — слабо улыбнулся Сигизмунд. — В общем, в первых числах декабря нашел я у себя в гараже девушку.

Старик закашлялся. Выронил изо рта папиросу — прожег дырку на скатерти. Кашлял долго, надрывно. Сигизмунд даже испугался. Вскочил, стал Федора Никифоровича стучать по спине, поить его чаем. С перепугу чай ему на брюки пролил. Все еще кашляя, старик выговорил:

— Что за порода такая… Аспид тоже нашел… Да уберите вы

стакан, Стрыйковский, вы меня удушите…

Сигизмунд, смущаясь, вернулся на диван.

— Рассказывайте! — все еще кашляя, прикрикнул старик. — Во всех подробностях!

Сигизмунд честно поведал, как утерял ключ, как гараж сутки стоял со сломанным замком, как в гараже была обнаружена странная девка, принятая поначалу за угонщицу, а затем за наркоманку. Про все рассказал. Даже про золотую лунницу.

Старик слушал очень внимательно, не позволяя Сигизмунду пропускать «неинтересное». Мгновенно улавливал и впивался вопросами, ликвидируя пробелы.

Когда Сигизмунд сказал, что оставил девушку у себя, чтобы не подвергать ее опасности, старик с партийной прямотой осведомился:

— Вы с ней сожительствовали?

Сигизмунда покоробило, но тем не менее он ответил «да». Федор Никифорович заметно повеселел. Вопросы сделались еще въедливее.

— Вы ее осматривали?

— В каком смысле?

— Во всех. Она здоровый человек?

— Вначале она болела… грипп.

— Это естественно, — перебил старик.

— А вообще она была абсолютно здоровым человеком. И токсикоза у нее не было, не то что у нынешних… — Сигизмунд отогнал видение блюющей Натальи.

Федор Никифорович аж подпрыгнул.

— Вы хотите сказать, что она забеременела?

— Именно.

Вот тут старика действительно проняло. Он вскочил и забегал по кухне, нещадно дымя «Беломором». Наконец остановился перед Сигизмундом и закричал, брызгая слюной и дыша тяжким табачным смрадом:

— Да вы понимаете, Стрыйковский, что это значит!

— Понимаю.

— Что вы понимаете? Что вы МОЖЕТЕ понимать?

— Что потерял любимую женщину и ребенка.

— Ни хрена вы не понимаете, Стрыйковский! НИ-ХРЕ-НА!.. Извините. Дальше, дальше. Как она исчезла?

Сигизмунд послушно рассказал и это. Не пропустил даже своих хождений с иконой.

— Время! Когда она исчезла? Вы помните, сколько было времени?

Сигизмунд поднатужился и выдал примерное время.

Старик помолчал, глядя в окно, а потом страшно выругался, помянув Аспида и его дурацкие затеи.

— Кто такой Аспид? — спросил Сигизмунд.

Федор Никифорович повернулся к Сигизмунду, глянул с ухмылкой.

— А вы что, не знали?.. Это ваш дед. Его многие под этим прозвищем знали…

Федор Никифорович уселся за стол.

— Значит, так, Стрыйковский. Сейчас я буду говорить, а вы — слушать. И не перебивать. Как я вас слушал.

— Вы меня перебивали.

— Когда вы начинали вилять. Я вилять не буду.

* * *

В 1915-м году от второй роты Галисийского полка оставалось всего полсотни человек. Стояла осень. Елозя животом по мокрой глине окопа, штабс-капитан Арсеньев бессильно смотрел на деревню Кнытино, откуда ему предстояло выбить немцев.

Легко сказать — выбить немцев! Стоило высунуться из окопа, как с колокольни начинал бить пулемет. Бой шел, то оживая, то замирая, вторые сутки. Поднять солдат из окопов не удалось.

В третьем часу дня немцы пошли в атаку. Арсеньев крикнул что-то сорванным голосом, но его даже не услышали.

Тогда-то и случилось ЭТО.

Подпоручик Стрыйковский медленно встал и оглядел окоп.

— Что, суки, перессали? — спросил он, выговаривая слова с очень сильным польским акцентом. После чего, цепляя длинными полами шинели скользкую глину, выбрался на бруствер. И пошел навстречу немцам.

Снова начал бить пулемет с колокольни. Стрыйковский даже не стрелял. Он просто шел. Даже когда его обогнали с надсадным «ура-а-а». Он словно не замечал происходящего. Солдаты потом клялись, что пули обходили Стрыйковского стороной, ложась в грязь у его сапог.

После боя, уже в деревне Кнытино, штабс-капитан Арсеньев молча ударил Стрыйковского по лицу. Стрыйковский утерся, плюнул и ушел.

В следующем бою Арсеньев был убит выстрелом в спину. Об этом никому не доложили — погиб и погиб.

* * *

Образование подпоручик Стрыйковский получил в Пажеском корпусе. Когда ему было тринадцать лет, корпус посещал Великий Князь. Здороваясь с воспитанниками за руку, Великий Князь каждого спрашивал о фамилии и добавлял доброе пожелание. Великий Князь знал всех по именам и каждый год давал себе труд знакомиться с новыми воспитанниками. Услышав фамилию «Стрыйковский», он радушно пожелал тому «успехов», а после, уже украдкой, обтер руку платком. Поляков официальный Санкт-Петербург не жаловал.

Стрыйковский этого не забыл.

* * *

Тогда или позднее — трудно сказать — Сигизмунд Казимирович Стрыйковский начал все более укрепляться во мнении, что славяне подвержены вырождению не менее других народов. Он ненавидел пьяных. Ненавидел их люто, утробно — именно за то, что поганят породу, как он говорил.

Уже в армии Стрыйковского хотели судить за зверское обращение с солдатом. Придя домой и обнаружив денщика пьяным, подпоручик начал его бить. Бил смертным боем — когда отобрали, солдат еле стонал. Объяснить свое поведение подпоручик Стрыйковский отказался. От суда его спасла война.

* * *

Товарищ Стрыйковского по Пажескому корпусу, подпоручик Волгин, пытался объяснить невероятный поступок с денщиком «великошляхтетским высокомерием», однако спустя полгода Стрыйковский доказал, что Волгин прискорбнейшим образом ошибался.

Они находились в Галиции. И отступали. В ходе отступления теряли людей. Волгин был ранен. Рядом с Волгиным лежало несколько человек, двое или трое из них еще были живы. Волгин уже совсем было отчаялся выбраться из гиблого места, как вдруг увидел Стрыйковского.

Рослый, светловолосый, тот был заметен издалека. Ни хворь, ни простуда, ни тиф, ни пули окаянного поляка не брали. Волгин начал звать его по имени. К великой радости Волгина, Стрыйковский услышал. Остановился, повернулся, направился к окопу.

А затем произошло нечто невероятное. Мельком глянув на

Волгина, Стрыйковский вдруг утратил к нему всякий интерес, подхватил под мышки лежавшего в окопной глине простого солдата — Волгин знал его, это был архангельский старовер — и потащил. Простого, неотесанного, бородатого мужлана! Воспитанник Пажеского корпуса! Волок на себе несколько верст до лазарета.

Волгин выкарабкался сам. Спустя месяц, встретив Стрыйковского у той самой деревни Кнытино, Волгин бросил ему в лицо:

— Ну, вы и говно, Стрыйковский!

Стрыйковский не удивился. И не оскорбился. Вежливенько осведомился — почему пан Волгин столь категоричен. «Пан Волгин» взбесился. Пояснил, что бросать старых товарищей… Стрыйковский слушал с холодным, непроницаемым лицом. Исчерпав проклятия, Волгин крикнул:

— Почему, черт побери, вы бросили меня и спасли какого-то…

И вот тут Стрыйковский его огорошил:

— Он нужнее, чем вы.

— Почему? — Волгин был так изумлен, что даже забыл о своем гневе.

— Потому что даст более здоровое потомство. Вы пьете, Волгин. Вы в свои двадцать пять уже ни на что не годны.

* * *

Спустя несколько лет Волгин бездарно погиб на Дону. Стрыйковский после революции некоторое время носил погоны и даже получил капитана, но затем был изгнан офицерами своей части.

Случилось это вскоре после расстрела царской семьи. Все были подавлены, переживали случившееся как великую катастрофу. Один прапорщик пытался застрелиться. Стрыйковский, по своему обыкновению отказавшись пить водку, сказал отчетливо:

— Это могло быть преступлением, но это не было ошибкой.

Повисла тишина. Потом чей-то надтреснутый голос потребовал от Стрыйковского, чтобы он повторил свои слова. Стрыйковский невозмутимо повторил.

И добавил:

— Большевики при всем их хамстве — сильные люди. Они знают, чего хотят, и не боятся этого добиваться.

Поднялся невообразимый шум. Недостреливший

прапорщик рыдал в голос. Кто-то рвал из кобуры маузер, стремясь пристрелить Стрыйковского. Несколько человек требовали суда чести и дуэли.

Стрыйковский наблюдал за этим холодными серыми глазами и молчал. Потом все так же молча встал и вышел. Никто не посмел его остановить.

* * *

В 1921 году Стрыйковский находился в Петрограде при Дзержинском. Блистательно провел несколько операций по обезвреживанию белогвардейского подполья. С Железным Феликсом Стрыйковского связывали странные отношения: несомненно признавая за ним определенные таланты, Сигизмунд Казимирович Стрыйковский вместе с тем откровенно презирал Дзержинского за «вырождение». Дзержинский был болен. Стрыйковский не болел никогда. Тело, этот совершенный механизм, повиновалось бывшему подпоручику беспрекословно. Расово безупречный человек болеть не должен.

Но в иных делах Стрыйковский был незаменим, поэтому ему позволялось иметь собственное мнение. В частности, полагать, что из Дзержинского мог бы получиться великий человек, если бы не порода: байстрюк и есть байстрюк, а косит под пана.

Не слишком лестного мнения держался Стрыйковский и касательно вождя мирового пролетариата, особенно после введения новой экономической политики. В минуты всеобщей скорби по поводу кончины Ленина Стрыйковский был единственным, кто позволил себе высказать общую мысль: «Давно пора».

Куда большую симпатию вызывал у Сигизмунда Казимировича Сталин. Именно Сталин направил красного командира Стрыйковского в распоряжение Аржанова.

Николай Борисович Аржанов, участник II съезда РСДРП, возглавил в 1919 году проект «Конец времен», в то время — самый засекреченный проект Советской России. В группу Аржанова были включены выдающиеся математики и физики, согласившиеся работать с большевиками. В конце концов, власть меняется, но Россия остается.

Стрыйковский вошел в группу в 1929 году, когда после некоторых успехов программа исследований стала топтаться на месте. Он был назначен на должность заместителя Аржанова. Таким образом Стрыйковский перешел из НКВД в военную разведку. Хотя, по большому счету, и к военной разведке проект

«Конец времен» имел весьма косвенное отношение.

Год спустя из первоначальных участников проекта остался один Аржанов. Судьба прочих неизвестна, равно как и роль в их исчезновении Стрыйковского.

В это же время Стрыйковского все чаще начинают называть Аспидом. Кто назвал его так впервые — Железный Феликс, Сталин или Берия — выяснить уже невозможно. Малоосведомленные о жизни бывшего подпоручика неофиты всерьез полагали, что Аспид — его старая большевистская кличка.

Группа «Конец времен» занималась исследованием проблемы переброски живой материи во времени. Изначальная цель, которую ставил перед собой Аржанов, формулировалась следующим образом: возможно ли перенести биомассу молодой Страны Советов прямо в светлое будущее, минуя тяжелые промежуточные этапы строительства коммунизма, и одновременно с тем выводя Республику из враждебного империалистического окружения. Стрыйковский быстро доказал невозможность этого и вместе с тем поставил перед группой другую, более реальную задачу: переброска из прошлого в настоящее людей — носителей неосквернённой и здоровой славянской породы. Людей, подобных тому архангельскому староверу, которого Стрыйковский спас во время империалистической войны. Людей, которые могли бы поставлять идеальный «строительный материал» для выведения породы жителей коммунистического завтра.

Эта новая цель, одобренная Сталиным, вдохнула в проект вторую жизнь. К тому времени было уже доказано, что переброска материальных объектов во времени возможна лишь по оси «прошлое — будущее».

Устройство, предназначенное осуществлять такую переброску, называлось Анахроном.

Первая рабочая модель Анахрона была готова к 1931 году. Полигон разместили в Архангельской области, в безлюдной местности. Группу испытателей возглавил молодой физик, Федор Никифорович Корсук.

В это время уже существовали теоретические работы в области физики времени, которые убедительно доказывали, что активизировать Анахрон возможно лишь в строго определенные временные «окна». Поскольку в осуществлении временных переносов очень важную роль играют изменения гравитационного поля, то определяющим фактором становится распределение массы внутри Солнечной системы. Следовательно, необходимо учитывать расположение планет, а также положение Солнца

относительно Галактики в целом. В оставшиеся десятилетия двадцатого века Анахрон мог быть активизирован всего два раза: в 1938-м и 1946-м годах. Других шансов забросить в прошлое зонды у человечества в текущем столетии не было.

Сразу после начала испытательных работ обнаружилось, что среди сотрудников полигона резко повысилась заболеваемость. Наблюдения показали ослабление иммунной системы. Несколько человек спустя два года умерли от лейкемии.

Стрыйковский бесился, лихорадочно изыскивая возможность уберечь кадры. О лучевой болезни в те годы почти ничего не знали. Люди продолжали умирать. Новые специалисты шли на полигон по партийному призыву. Квалифицированных среди них было немного. Впрочем, много и не требовалось. Корсук был почти сразу отозван с полигона — это и обеспечило ему впоследствии долгую жизнь.

Стрыйковского же не брали ни пули, ни лучевая болезнь. Правда, в середине сороковых годов он уже однозначно определил у себя бесплодие. Собственно, это не играло никакой роли. К тому времени у него была дочь Ангелина.

* * *

Аспид женился в 1932 году. Жена его была из семьи врагов народа, и увел он ее прямо из кабинета следователя НКВД. Аспид явился в управление НКВД, имея при себе распоряжение лично от товарища Сталина: набрать десяток осужденных для черных работ на полигоне. В коридоре Аспид остановил конвойных, ведших из следовательского кабинета молодую женщину. Как потом объяснял Аспид, его привлекла осанка арестованной. Отстранив солдат, Аспид взял ее за подбородок и несколько секунд вглядывался в ее лицо. Затем, опустив руку, велел конвойным вести обратно в кабинет.

После кратких переговоров со следователем Аспид приказал доставить женщину к нему вместе с группой осужденных, что и было выполнено в точности.

Женщина происходила из семьи путиловских инженеров, обвиненных во вредительстве. Звали ее подходяще — Любовью. Ей было двадцать четыре года.

Аспид вчистую отмазал ее от обвинений, заставил отречься от родителей и дяди, после чего зарегистрировал с нею брак. Спустя год Любовь родила ему дочь Ангелину.

Никаких неприятностей брак с дочерью врагов народа Аспиду не принес, поскольку Аспид со свойственной ему

предусмотрительностью позаботился о том, чтобы всю родню Любови расстреляли.

Лишь однажды Аржанов поинтересовался у Аспида, для чего было затевать столь сложную историю с женитьбой, когда кругом полно партиек с безупречной анкетой. Кривя губы, Аспид ответил, что эти партийки годятся разве что в поломойки и что от пьющих родителей рождаются уроды. На дворе стоял 1937 год. Нужно было быть Аспидом, чтобы безбоязненно высказывать подобные мысли.

Быть Аспидом — и иметь за спиной Берию…

Берия начал курировать работы по Анахрону через несколько месяцев после разоблачения ежовщины. Именно тогда группа была переведена в ведение НКВД.

Первый запуск зонда в 1938 году оказался малорезультативным. Работал Анахрон -1 нестабильно в силу ошибки конструкции, обнаруженной, к сожалению, слишком поздно. Приемник так и остался пустым. В 1938 году не была еще известна следующая особенность Анахрона: приемник должен находиться на максимально большом удалении от базового блока. Это было неоспоримо доказано физиком-теоретиком, введенным в состав группы «Конец времен» в начале 1939 года, Александром Даниловичем Найденовым. Поэтому если и был осуществлен перенос материальных объектов, то обнаружить их не представлялось возможным. Косвенные признаки неоспоримо свидетельствовали о том, что Анахрон работал и некоторая масса действительно была перемещена из прошлого в настоящее.

На запуск Анахрона-1 возлагались очень большие надежды. Когда проект не дал ощутимых результатов, группе пришлось выдержать ураганный гнев Берия и недовольство Хозяина. Аржанову и Аспиду пришлось пожертвовать практически всем инженерно-техническим составом. Аспид взял на себя труд отстоять одного только Корсука.

После неудачи 1938 года проект «Конец времен» формально был закрыт. На самом деле было произведено более глубокое засекречивание. Отныне группа называлась «Возрождение» и для НКВД и ГРУ занималась сверхсекретными разработками в области ракетной техники. Буквально единицы знали, над чем на самом работает «Возрождение». Подобные меры сверхсекретности существовали не на пустом месте, так как стало известно, что фашистская Германия также ведет исследования в этом направлении. Правда, германская контрразведка оказалась на высоте и к немецкому «Анахрону» даже не удалось подобраться. Этим было продиктовано решение Берия закрыть проект «Конец времен», переместить полигоны и сменить состав группы. В ГРУ и

НКВД были произведены соответствующие операции зачистки.

Теперь о группе «Возрождение» знал Хозяин, который знал далеко не все; знал Лаврентий Палыч, который считал, что знает все. Еще один человек, который считал, что знает все, был Аржанов. На самом деле ВСЕ знал один только Аспид. Но об этом никто не знал…

* * *

Любовь Стрыйковская умерла в годы войны в Челябинске. Перед смертью она написала мужу письмо, прося забрать к себе Ангелину. Письмо с адресом «В/ч 341-Б капитану С.К.Стрыйковскому» было доставлено на берег моря Лаптевых, куда был перебазирован полигон. Группа интенсивно готовилась к 1946 году, когда возникало «окно» для вторичного запуска зондов.

Стрыйковский прилетел в Челябинск на самолете спустя месяц после смерти Любови и забрал Ангелину из детского дома.

Аспид увез дочь в Якутск, где она и провела несколько лет у семьи Корсука. Ангелине было десять лет. Шел 1943 год.

* * *

В 1944 году на Ленском полигоне произошла малопонятная история. Один из сотрудников группы «Возрождение», коммунист «ленинского призыва», получая инструкции лично от Аспида, неожиданно набросился на руководителя проекта с обвинениями в античеловечности и в приверженности силам тьмы. Публично названный «антихристом», Аспид, по своему обыкновению, сохранил полную невозмутимость. Спустя три дня этот сотрудник был найден замерзшим насмерть в полукилометре от поселка. Вскрытие показало, что он находился в состоянии алкогольного опьянения, вследствие чего, видимо, и заснул в снегу. Причины, по которым этот человек ушел в тундру выпить спирта, остались неизвестными.

* * *

Примерно раз в месяц Аспид наведывался в Якутск — привозил сгущенку, крупы, оленину, медвежатину.

* * *

В 1944 году сразу после освобождения Украины начались работы по монтажу нового Анахрона. Частично Анахрон был уже изготовлен на уральских заводах. Монтировали на Днепре, маскируя работы сумятицей околофронтовой полосы. Линия фронта, когда начались работы, проходила менее чем в сотне километров. Внешне объект представлял собой лагерь для военнопленных.

Работы велись в бешеном темпе. К 1946 монтаж объекта А-2 был завершен. Базовый блок на этот раз находился на сорокаметровой глубине под землей в мощном бетонном саркофаге. Для питания энергией была специально построена ТЭЦ. Сохранению режима секретности благоприятствовало также и то обстоятельство, что в окрестностях не осталось практически не одного населенного пункта — здесь два года назад шли наиболее ожесточенные бои. Немногочисленные уцелевшие местные жители были под благовидным предлогом эвакуированы сразу же после занятия этой территории советскими войсками.

После завершения монтажных работ «лагерь для военнопленных» исчез, а на его месте возник один из поселков, в который были переселены жители соседнего района.

Днепровский бассейн был избран для реализации проекта «Возрождение» отнюдь не случайно. Именно здесь, по мнению теоретиков евгенической программы, Анахрон-2 мог черпать идеальный генетический материал для грядущих строителей коммунизма. Днепровский бассейн, место расселения полян, считался колыбелью Киевской Руси, а сами поляне — наиболее подходящим и наименее «испорченным» славянским племенем.

Александр Данилович Найденов спросил однажды Аспида:

— А что мы будем делать, если доставим сюда, к примеру, Святослава, а Святослав не захочет?

— Чего он не захочет? — с недовольным видом переспросил Аспид.

Найденов слегка смутился.

— Давать гены.

Аспид хмыкнул.

— А знаете ли вы, товарищ Найденов, что ответила Матка-Бозка святому Варсонофию?

Член ВКП(б) с 1930 года А.Д.Найденов этого, разумеется, не знал. Аспид ехидно поведал:

— «Не умеешь — научим, не хочешь — заставим».

И неприятно засмеялся.

* * *

Для прикрытия проекта в недрищах хозяйства Берия и была запущена кампания по борьбе с генетикой — «продажной девкой империализма». Срочно был изъят из небытия и вознесен на недосягаемую высоту Лысенко, пионеры занялись массовым разведением мичуринских яблок. Цинизм этой кампании невероятно развлекал Аспида.

Аспид ненавидел профанов от науки, Аспид ненавидел христиан (особенно католиков), Аспид ненавидел любые проявления слабости. За это он беспощадно карал.

Когда Флоренского упекли в лагеря, Аспид пытался — через подставных лиц — его завербовать. Флоренский отказался. Это был первый и последний случай, когда Аспид сделал попытку вступить в диалог с христианами.

* * *

В отличие от Анахрона-1 А-2 был куда масштабнее. В прошлое предполагалось забросить не один, а несколько зондов. Мощность базового блока позволяла раскидать в прошлом зонды на значительно большее расстояние — до 200 км. Была построена целая сеть терминалов-приемников, разработкой которых руководил Найденов. Им же были выполнены теоретические исследования.

Еще перед войной группа Найденова произвела обширные исследования на местах, где находились древние капища. Для установки терминала требовался особый геомагнитный фон. Думали использовать для терминалов Киево-Печерскую лавру, Кирилло-Белозерский монастырь и Валаам. Однако замеры показали, что оптимальным местом для размещения такого терминала является Ленинград. Видимо, не случайно Петр Великий, личность в высшей степени экстатическая, задумал основать город на этих болотах.

Ленинград давал дополнительные возможности, поскольку там велось интенсивное строительство — город восстанавливался после блокады, и масштабные строительные работы не привлекали там внимания. Хорошее энергоснабжение и близость к научным центрам также играли не последнюю роль.

Строительство ленинградского терминала-приемника было замаскировано под расширение канализации и подготовительные работы к созданию метро.

Всего было десять терминалов.

* * *

В 1946 году произвели запуск. Зонды ушли в прошлое.

Разрабатывал зонды совершенно неизвестный общественности видный советский конструктор Рыгалин. За создание зондов он был удостоен Сталинской премии.

Серьезным недостатком Анахрона-1 была именно чрезмерно усложненная конструкция зонда. Зонды А-2 были просты, как трехлинейка. Многие разработки Рыгалина использовались впоследствии при создании автоматических межпланетных станций.

К 1946 году положение группы «Возрождение» стало довольно сложным. В то время уже наметилось противостояние между Хозяином и Берия.

По расчетам, зонды должны были быть заброшены в 650 год нашей эры. Практически сразу после старта Анахрон-2 дал результат. На приемник, находящийся недалеко от города Николаева, была перемещена овца. Овца была всесторонне исследована. Исследования показали, что это овца ОТТУДА! Овцу не без торжества предъявили Хозяину, который остался более чем холоден и лишь заметил, вынув изо рта знаменитую трубку: «Плохо кормит Лаврентий свой скот. Для шашлыка слишком тощая». После чего заметно утратил интерес к «Возрождению».

Вслед за овцой с интервалом в месяц с небольшим был получен здоровенный валун. Очевидно, передавший зонд находился на склоне холма. Затем этот же зонд вобрал в себя часть оползня. После чего, судя по всему, у зонда была изменена ориентация.

Поскольку повлиять на зонд возможности не было, оставалось ждать — вдруг ориентация зонда самопроизвольно восстановится. Тем более, что оставалось еще два других зонда. Однако один из них, по всей видимости, был разрушен, так как ни разу не активизировался. А второй, похоже, изначально получил неудачную ориентацию, поскольку часто давал ложные сигналы на перенос. В январе 1955 года этот зонд вдруг переслал последовательно на четыре терминала более тонны жидкой грязи и ила, из чего было заключено, что он попал в небольшое озеро или болото.

Ни валун, ни жидкую глину Хозяину не предъявляли. Берия же, осмотрев валун, недвусмысленно дал понять Аспиду, что тот раздобыл себе неплохой памятник на могилу.

Послевоенный период оказался самым сложным и для Аспида, и для Аржанова. Берия явно ожидал от проекта усиления своих позиций. Для этого нужны были практические результаты.

Результатов же не было.

В 1948 году у Аржанова случился первый инфаркт, и фактическим руководителем проекта стал Аспид.

В то время, как Аржанов лежал в больнице, Аспид собрал на полигоне шесть человек — старых сотрудников проекта, каждый из которых давно связал свою жизнь с Анахроном. Лаконично и откровенно Аспид обрисовал ситуацию: проект висит на волоске, а из этого проекта люди уходят только под пулю. Кроме того он, Аспид, не может допустить, чтобы невежды, ублюдки и выродки похерили великое дело лишь потому, что их заплывшие жиром мозги не в состоянии вместить всех целей и возможностей Анахрона. Поэтому вносится предложение: перевести Анахрон на автономное, а впоследствии, возможно, и подпольное существование.

Несколько секунд царило ошеломленное молчание. Затем один из старейших сотрудников поднялся и спокойно сказал Аспиду, что участвовать в антикоммунистическом заговоре он не намерен. Не изменившись в лице, Аспид выстрелил ему в голову. Пистолет лежал у Аспида наготове — под бумагами.

Затем Аспид обрисовал свой план. План заключался в том, чтобы вывести Анахрон из-под наблюдения. Терминал, как известно, не требует большого количества энергии. Энергия нужна только базовому блоку да и то лишь в момент запуска. Блок может быть в короткие сроки законсервирован. Это в любом случае не останавливает работу уже запущенных зондов.

Десять терминалов-приемников автономной группе явно ни к чему. Достаточно двух-трех в наиболее активных зонах — зонах наиболее вероятного переброса.

— Господа! — увлекшись, обратился к своим сотрудникам Аспид. (Этих «господ» потом часто вспоминали.) — Мы с вами уже немолоды и думаю, когда нам предложат уйти на заслуженный отдых, мы воспользуемся этим предложением.

По идее Аспида, после неизбежного закрытия проекта «Возрождение» шесть «посвященных» — в случае, если им удастся избежать пули — приступают к работе на себя, образовав подпольную организацию. Поэтому первоочередная задача — автономизировать Анахрон и подготовить себе путь к отступлению.

Эти шестеро остались не потому, что боялись Аспида — в группе задерживались только люди абсолютно бесстрашные — а потому, что всем была невыносима мысль о предстоящей бездарной гибели их сорокалетнего труда. Практически все они были фанатиками науки. А точнее — фанатиками Анахрона.

Когда Найденов спросил Аспида, ради чего он пошел на

такой колоссальный риск, Аспид ответил:

— Я хочу дожить до того времени, когда вид людей, идущих по улице, не будет вызывать у меня рвотной реакции.

— Вы имеете в виду возрождение славянской расы? — спросил Найденов.

Аспид ответил:

— Можете называть это и так.

Так началось автономное существование Анахрона.

* * *

Все участники заговора были бездетны — кроме Аспида. Бесплодие было результатом долгой работы на полигонах.

Аспид строго следил за своей дочерью. Ангелина смертельно боялась отца. Первый роман Ангелины завершился — после вмешательства Аспида — полным крахом. Бориса, морского офицера, Аспид стерпел. Ангелина вышла замуж. В день свадьбы Аспид отвел дочь в сторону и негромко пригрозил ей, что сделает ей аборт столовой ложкой, если она вздумает забеременеть раньше, чем через два года. И чтоб в эти два года ни дочь, ни ее муж не брали в рот и капли спиртного.

Два года молодые жили при Аспиде. Иной жилплощади все равно пока не было. После рождения внука в 1960 году Аспид снял свое вето, и Борис снова начал попивать. Через год Борис уже получил кооперативную квартиру. Каким чудом это произошло — никто не дознавался, а Аспид молчал.

* * *

Последние годы перед выходом на пенсию все члены группы Аспида провели в закрытом КБ, занимавшемся проектированием автоматических межпланетных станций.

* * *

Автономизация Анахрона была произведена через несколько лет после «исторического совещания». Найденов нашел изящный способ отсечь терминалы от центра слежения. Теперь если бы на терминал и поступил какой-то материал из прошлого, центр слежения остался бы в неведении.

Под административным руководством Аспида была

произведена полная консервация базового блока, рассчитанная примерно на двадцать лет. Аспид, который находил затопление плодороднейших земель под водохранилища ГЭС дебильной затеей, тем не менее сполна воспользовался ею как блестящим предлогом для консервации своего объекта. Пятнадцатиметровая толща воды сделала Анахрон практически недоступным. Была обеспечена сверхнадежная система автономного питания.

Ленинградский терминал рассматривался Аспидом как наиболее перспективный, поскольку именно там наблюдался очень сильный специфический «анахронный» фон. К началу 50-х годов этот терминал был уже «невидим» для центров слежения. А после расстрела Берии исчезла и реорганизации его ведомства исчезла и вся документация по проекту «Возрождение».

Итак, имелись: ленинградский терминал, возможность скрытно попадать в подземную приемную камеру, квартира поблизости от терминала, гараж в непосредственной близи и скромный персональный пенсионер, полковник в отставке, С.К.Стрыйковский. И еще несколько скромных пенсионеров, любителей собраться у бывшего сослуживца по престольным советским праздникам.

Система сигнализации была выведена из приемной камеры терминала в гараж. Отличалась она предельной простотой. Несколько раз А-2 срабатывал. Один раз он принес труп мужчины. Трупное окоченение еще не наступило, из чего следовало, что человек этот погиб в процессе переноса. Аспид не без сожаления погреб его в подземной штольне.

* * *

Одна из загадок Анахрона мелькнула на похоронах Аспида. Корсук, повинуясь безмолвному взгляду Найденова, оттащил рыдавшую над гробом белокурую женщину от покойного Стрыйковского и силой затолкал в машину. Там-то и состоялся их краткий разговор.

— В каком году вы родились? — спросил Корсук, резко трогая с места.

Ничуть не удивившись, женщина назвала 1792-й.

— Место рождения?

— Полтава.

Корсук выругался. Женщина вдруг рассмеялась сквозь слезы.

— Совсем как он, — пояснила она.

— Где он вас прятал?

Она назвала адрес.

— Вы замужем?

— Нет. Он не хотел…

— Выходите замуж, — посоветовал Корсук. — Сколько вам… э… лет?

— Двадцать девять.

— Как перенесли… э… полет?

— Очень страшно. Все равно что умереть.

— Работа у вас есть?

— Да. Я давно здесь.

— В Питере?

— Нет, ЗДЕСЬ.

Слушая рассказ женщины, Корсук не переставал проклинать Аспида. Развел таинственность! Девятилетняя Маруся, приблизительно 1792 года рождения, пошла погулять на речку, попала в овражек, оступилась, вдруг потеряла сознание и очнулась в ленинградском терминале. Там она провела, без пищи и света, двое суток, потому что попала как раз на выходные, и Аспид уезжал на рыбалку. Аспид вытащил ее из терминала полуживую, выходил на тайной, неведомо как добытой квартире и, скрывая от всех, вырастил. Дал ей образование. Устроил на работу. Маруся в нем души не чаяла.

* * *

Аспид состарился вдруг, в один год. Тогда же он изменил систему сигнализации. При переносе в камере возникают очень сильные магнитные поля. В нехитрой схемке индуцируется ток. Включается электромагнит, который включает другую цепь с электромагнитом, в результате чего раздавливается ампула с пахучим веществом. Вещество безвредное, но пахнет крайне неприятно.

Ангелине Аспид скормил легенду о «медицинской трубе» и дал четкие указания с номерами телефонов, объяснив, что и в каких случаях надлежит делать. Любой из группы Аспида был готов произвести натурализацию «новоприбывших».

В конце 1996 года, когда Анахрон сработал в очередной раз, из всей группы в живых оставался один Корсук…

Глава шестая

Конечно, Федор Никифорович рассказал Сигизмунду не все. Кое о чем умолчал, постарался представить Аспида в более приглядном виде. Но и услышанного вполне хватило, чтобы погрузить Сигизмунда в глубокий ступор. Скептический разум выпускника ЛИТМО отказывался принимать машину времени. А между тем глядя на вполне будничного дедушку-пенсионера, Сигизмунд понимал — той частью рассудка, что верила и Лантхильде, и Виктории — что дедок не врет. Косвенно убеждало в этом и наличие компьютера. Ну для чего, скажите, пенсионеру компьютер? Не в «DOOM» же играть! Поколение не то…

— Так что же это выходит, Федор Никифорович, — вяло проговорил Сигизмунд, когда Корсук умолк, — получается, я теперь держу за яйца самую жуткую тайну сталинского режима?

Федор Никифорович поморщился, но признал:

— В самых общих чертах — да.

— А не боитесь?

— А чего мне бояться?

— Ну там… газетных разоблачений… какой-нибудь новый ров с расстрелянными откопают… с умученными на полигоне… У деда небось немало душ на совести?

— Не боюсь, — повторил старик. — Чего мне бояться? У этой тайны теперь два хранителя: я да вы. А вы — один из нас.

Сигизмунд взвился, сделал попытку отмазаться.

— Когда это я стал «одним из вас»?

Но сбить старика с толку не удавалось. С добрым ленинским прищуром Федор Никифорович ответил:

— А когда решили свою таинственную гостью у себя оставить. Тогда и стали, Стрыйковский. Я скоро умру, так что владеть этой тайной вам.

— А если я пойду и сдамся? — спросил Сигизмунд, мутно копошась воспоминаниями в каком-то старом советском шпионском фильме.

— Кому вы пойдете сдаваться, Стрыйковский? — Федор Никифорович явно осерчал. — Кому вы, на хер, сдаваться-то будете? ВЧК? ГКЧП? Местному участковому?.. Вы кем работаете, Стрыйковский?

— Тараканов травим… муравьев… — машинально ответил Сигизмунд. И, подумав, добавил: — Крыс — можем. По желанию заказчика.

— Тараканов… Хорошо что Аспид до такого позора не дожил. — И не давая Сигизмунду возразить, продолжал с

завидным напором: — Послушайте, Стрыйковский. Вы что, всерьез хотите отдать Анахрон в руки этой власти? Это же воры. Разбогатевшие — но воры. А шахтерам Воркуты Анахрон не поможет. И в Приморье от этого электроэнергии не прибавится… Про зарплату учителей рассказывать?

— И врачей.

Словно не расслышав последней реплики, Федор Никифорович заключил:

— Не говоря уж о том, что базовый блок Анахрона находится сейчас на территории другого государства. Да если вы на вашей машине с питерским номером «78 Rus» вздумаете пересечь границу незалэжной Украины, вас обшмонают так, что горячие эстонские парни в Нарве покажутся вам Божьими ангелами…

— А вы что, ездили? — не сдавался Сигизмунд.

— Да. Анахрон дестабилизирован. Я проводил кое-какие измерения на водохранилище… Консервация Анахрона была рассчитана на двадцать лет. Вот и считайте.

— А что мне считать?

— Да то! — Федор Никифорович вскочил и заходил по кухне, нещадно дымя «Беломором». — Да то, что сорок лет прошло! Сорок лет! Вода проникает в саркофаг. Возможно, Анахрон скоро окончательно будет выведен из строя.

— И что это означает?

— Да ничего. Вырубится — и все. И никаких контактов с прошлым.

— Сколько, по-вашему, он еще протянет?

Федор Никифорович остановился и, подобно паровозу времен гражданской войны, выпустил едкое облако дыма прямо в лицо Сигизмунду.

— Не знаю! Не знаю я, Стрыйковский, сколько он еще протянет! Может быть, день! Может, десять лет! Ничего не знаю!

— Может, заинтересовать… власти… или банк какой-нибудь… все-таки исследования… — забормотал Сигизмунд.

— У властей денег нет канаву по-человечески выкопать. Все разворовано. А документации, между прочим, все равно никакой не осталось. Лавруша по своему ведомству все уничтожил. А Найденов — по нашему. Тю-тю, концы в воду. В прямом смысле.

— Так что же делать? — растерянно спросил Сигизмунд.

— Вы прямо как тимуровец: сразу делать. Сходите дров наколите… Ждать! Больше ничего не остается. Вы — наследник, других нет. Не родились.

В голове Сигизмунда вдруг мелькнула совершенно идиотская картина: он, Сигизмунд, голый, в кожаном фартуке и мастерком в руке, передает тайну Анахрона подросшему Ярополку… Масоны,

блин.

— Ну хорошо, — сдался Сигизмунд. — Ответьте мне на прямой вопрос, НЕ ВИЛЯЯ: я смогу вернуть ту девушку?

Федор Никифорович посмотрел на Сигизмунда в упор и после краткой паузы ответил:

— Нет. Отсюда вы не можете ничего. Вы можете как рыбак в лодке сидеть и ждать — авось клюнет. Единственное что — рыбка ваша сорвалась, глядишь и всплывет.

— Это как? — не понял Сигизмунд.

— Кверху брюхом, — рассердился Федор Никифорович. — Неужто не понимаете? Хорошо, представьте себе генеалогическое древо. Огромное, разветвленное, с множеством ветвей. Представили?

— Представил, — угрюмо сказал Сигизмунд.

— Хорошо. Теперь представьте себе, что на этом дереве есть ветки, от которых не отходит новых ветвей. Так сказать, тупиковые.

— Представил.

— В теории Анахрона такие ветки соответствуют людям с малой «бытийной массой». Эти люди могут быть либо больны, нежизнеспособны, либо обречены в силу каких-то внешних факторов. Например, войны или просто личной склонности к риску. Эти люди — в тамошних условиях — не определяют будущего. Скажем, они не дадут потомства.

— Ну.

— Анахрон переносит любой объект, лишь бы он был подвижным и соответствовал заданным параметрам массы. Точнее, ПЫТАЕТСЯ перенести. Если объект обладает большой «бытийной массой», Анахрон не может его перебросить, и объект возвращается в изначальную точку.

— Живой? — ядовито поинтересовался Сигизмунд.

— Эта проблема не изучалась. Поскольку в ходе наших экспериментов изменений в историческом процессе не наблюдалось — это мы отслеживали специально — то, вероятно, все объекты возвращались назад живыми и невредимыми… Вы поймите, мы очень торопились. От нас требовали быстрых результатов. Время было такое…

— Угу, — сказал Сигизмунд. — И к чему вы это?

— Ваша девушка обладала малой «бытийной массой». Вероятно, в скором времени ей предстояло погибнуть. Поэтому Анахрон ее благополучно переправил.

— А почему, кстати, ее перенесло не в приемную камеру? — спросил Сигизмунд.

Федор Никифорович пожал плечами.

— В ходе экспериментов подобные сбои наблюдались. Возможно, сказалась расфокусировка… Радуйтесь, что она не оказалась в двадцати метрах над землей… или под землей. Ничего удивительного. После того, как мы установили терминал на канале Грибоедова, землю еще несколько раз тревожили. Прокладывали метро, сейчас новую линию тянут…

Сигизмунд сжал зубы.

— Продолжайте, пожалуйста.

Федор Никифорович глянул на него хитро.

— Заинтересовались? Ну так вот. В своем времени ваша девушка обладала малой «бытийной массой».

Сигизмунд вдруг вспомнил, что Лантхильда была близорука.

— Оказавшись здесь, — продолжал Федор Никифорович, — она… — Он замялся, подбирая слова. — Вы знакомы с мичуринской практикой? Черенок можно привить другому дереву… В нашем мире девушка была привита к новому стволу — и привита успешно. Вы говорите, она забеременела. В перспективе, судя по всему, у нее должно было появиться жизнеспособное потомство.

Сигизмунд яростно боролся с потребностью напасть на партийного старца и нанести ему увечье. «Жизнеспособное потомство»! Прямо как об овце рассуждает… Человек-винтик…

Если Федор Никифорович и подозревал о подавляемых порывах Сигизмунда, то виду не подавал. Продолжал невозмутимо:

— Таким образом, бытийная масса вашей подопечной резко увеличилась и — Анахрон не смог ее удержать. Вот тут-то и кроется, Стрыйковский, главная загадка… Не буду посвящать вас в теорию, это ненужно… Если воспользоваться грубой аналогией с удочкой, то рыба может сорваться с крючка. Это понятно. Но, будучи пойманной, снова самонасадиться на крючок, отправиться назад в воду и там отцепиться — такого просто не может быть. Поверьте, Стрыйковский, такого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Все равно, что камень покатится вверх по склону горы.

— А дестабилизация Анахрона? Вы же сами говорили…

— Не городите чушь, Стрыйковский. Причем здесь дестабилизация?

Рыбка на крючке, стабилизация-дебилизация, бытийная масса… Блин!.. Сигизмунд не на шутку разозлился.

— Я не Стрыйковский! Морж моя фамилия! Сигизмунд Борисович Мо-орж!

Федор Никифорович хлопнул ладонью по столу.

— Пожалуйста, без истерик! Вы не у этого… как его… психоаналитика! Говорите, вы на машине? Поехали. Посмотрим

место. Заодно хозяйство примете.

— Какое хозяйство? — ошеломленно спросил Сигизмунд.

— Ваше, товарищ Морж. ВАШЕ! Отныне — ваше. Спецовка у вас дома найдется?

— Скафандр, что ли?

— Неумно. Ватник есть, роба?

— Найдется. А мы что, прямо на зону? — глупо сострил Сигизмунд. — Номер там выдадут или здесь пришивать… из старой простыни… «Ща» там, цифирки…

Федор Никифорович на эту выходку не обратил внимания. Полез в кладовку, вытащил оттуда окаменевшие кирзовые сапоги и… синий зековский ватник без воротника. Затем со страшным лязгом извлек старые ржавые ограждения с привязанными загодя красными тряпочками. Такие ставят дорожные рабочие.

— Несите в машину, — приказал Федор Никифорович. Сигизмунд только подивился: вот ему, Сигизмунду, почти сорок лет, генеральный директор — и какой-то ветхий полузнакомый старец гоняет его как мальчишку! Но закалка у Никифоровича была, как говорится, стальная: возражать ему было не проще, чем едущему на тебя танку.

И прихватив ограждения с кумачовыми тряпками, Сигизмунд потащился во двор. Никифорович сказал ему в спину, что сейчас, мол, выйдет.

Ждать старика пришлось долго. Сигизмунд с угрюмством стал уже подумывать, не хватил ли дедка удар, когда рядом с машиной нарисовалась неприметная фигура. Ничто в этой фигуре не ласкало глаз. В ватнике и кирзовых сапогах, в мятой кепчонке и «беломориной» на губе Федор Никифорович как на родного брата походил на дядю Колю-водопроводчика.

И с ходу напустился:

— Что вы тут стоите как столб? Грузите ограждения!

Сигизмунд послушно упихал одно ограждение в багажник. Второе не влезло. Сунул его на заднее сиденье. Никифорович уже сидел на «лантхильдином месте», дымил.

— Поехали, — сказал он нетерпеливо.

Сперва ехали молча. Потом Сигизмунд, тяготясь молчанием, завел беседу.

— Я вот, гляжу, компьютер у вас, Федор Никифорович…

— Хорошая вещь, — охотно согласился старик. — Нам бы такое да в 38-м году! Ведь на логарифмических линейках первый Анахрон обсчитывали… А второй на «железных „Феликсах“ и на „Мерседесах“… Вот вы человек молодой, небось, не знаете, что это такое…

— «Феликса» видел, — обиделся Сигизмунд. — Арифмометр

как арифмометр…

— А «Мерседесы»?

— Тоже.

— Эх, вы… Это электрический арифмометр… Громадина такая, вроде носорога. Там, где считали, грохот стоял как в забое.

— М-да, — сказал Сигизмунд.

— Молодое поколение тех трудностей не знает, которые нам преодолевать пришлось, — молвил Федор Никифорович.

— У нас свои трудности, — сказал Сигизмунд. — Еще более трудные. Вот вы говорите — «бытийная масса» должна быть маленькой. Стало быть, бесперспективным должен быть человечишко, иначе не перенесет его Анахрон. А ежели хворые да убогие бы посыпались? Как бы вы от них получали строителей коммунизма?

— Понимаете, молодой человек, вы не думайте, что мы тогда глупее вас были. Аспид рассуждал так: чтобы зонд переносил людей физически крепких и обреченных на гибель в своем времени, требуется разместить его в таком месте, куда стекаются люди, соответствующие этим двум характеристикам. То есть — в места отправления культа. Туда рабов приводили в жертву приносить, туда воины приходили. Жрецы, кстати, тоже люди не хворые — хворому да увечному жрецом не стать.

— А как вы узнали, где у этих древних находятся места отправления культа? По раскопкам, что ли?

— Зачем по раскопкам? Где мы решим — там и были!

— Как это? — не понял Сигизмунд.

— Это была идея Аспида. Древние люди видели в камнях странной формы или большого размера воплощение неких надприродных сил, которым они поклонялись. Энгельса-то читали?

— Ну.

— Вот Аспид и решил создать такие камни. Чтоб поразить воображение суеверных древних людей. В то время по лагерям всяких художников-формалистов, кубистов разных, было, извините, как грязи. Аспид завербовал несколько человек, дал им задание: разработать проект каменного сооружения, которое соответствовало бы представлениям древних людей о чудесном. Чтобы они сделали его предметом своего культа. Зондам Анахрона была придана форма таких камней. Снаружи — камень, внутри — зонд.

— А вокруг капище, да? С язычниками, жрецами и вакханками, — сказал Сигизмунд.

— Именно. А-2 забрасывал несколько зондов. Всем им была придана одна и та же странная форма. Это, вероятно, подогрело

суеверия местных жителей. Во всяком случае, так предполагалось. Странные камни, разбросанные на маленькой территории. Ни цветом, ни формой не похожи ни на что… И петроглифы на них. И больше таких нет нигде.

— А с художниками потом что было? — заинтересовался Сигизмунд.

— Не знаю…

Сигизмунд резко затормозил у светофора, и почти тотчас же к нему подошел гаишник. Вторая фигура в бронежилете угрюмо маячила на небольшом расстоянии.

Гаишник отсалютовал, неразборчиво представился. Сигизмунд сунул ему права.

И почти тотчас же, матерясь через слово, принялся крыть городские власти. До чего дошло! Во дворе кабель замочило, приходится за сантехником как за министром к нему на дом ехать… Гаишник изучил права, не нашел повода оштрафовать хозяина потертой «единички» и, отсалютовав вторично, нехотя отступился.

Сигизмунд тронулся с места.

— Молодец, — вполголоса похвалил его Федор Никифорович.

Сигизмунду почему-то стало очень приятно.

* * *

Федор Никифорович осмотрел гараж, покружил на том месте, где исчезла Лантхильда.

Затем они вдвоем поднялись к Сигизмунду.

— Давненько я здесь не был, — проговорил Федор Никифорович, входя в квартиру. — Изменилось все как…

Наталья действительно настояла в свое время на том, чтобы избавиться от многих вещей деда. От них и вправду тянуло ощутимым «сталинским душком».

Кобелю Федор Никифорович очень не понравился. Долго и настороженно рычал на гостя, то подкрадываясь сзади, то отскакивая и разражаясь оглушительным гавканьем.

Глянув на «пацифик», старик и вовсе поджал губы. Не одобрил.

— Может, чайку, Федор Никифорович?

— Да нет, спасибо. Напились уж. Давайте, ищите какую-нибудь робу. А материальные свидетельства у вас сохранились?

— Какие свидетельства?

— Ну, вещи после вашей подопечной какие-нибудь… характерные. Ведь вы меня тоже поймите — сколько работаю, ни

разу НАСТОЯЩЕГО результата толком и не видел… Разве что Марусю… Ведь всю жизнь на это, можно сказать, положил…

Да. Жаль, конечно, дедка. Всю жизнь на «это» положил… Вот на этом самом подоконнике Лантхильда сидела, тоскливо глядела в окно — бедная, растерялась. Страху натерпелась. От аттилы с айзи и брозаром ее оторвали — а за что, не объяснили. Оказывается, это и был НАСТОЯЩИЙ результат. Чья-то цель жизни. Сплошной бред!

Ладно, хочет старик материальных свидетельств — будут ему материальные свидетельства! А что еще предъявлять? «Чуйства»?

Пошел, молча вытащил рубаху, золотую лунницу, монетки — и вывалил перед дедком на стол: нате!

Федор Никифорович по луннице пальцами провел легонько, глянул странно и молвил, усмехаясь непонятно чему:

— Эх, жаль, партайгеноссе Шутце не видит… Его бы удар хватил от восторга!

— Это еще кто такой? Он тоже к «беспокойному хозяйству» приписан?

— Да нет, это, по некоторым косвенным данным, был визави Аспида в Германии…

Сигизмунд вдруг заинтересовался. А что, может еще одного старичка осчастливить?

— А он жив, этот Шутце? Давайте ему телеграмму дадим!

— В пятидесятые годы просматривался, вроде, смутный след в Боливии… Но я давно уже от дел отошел. Что вы о ней узнали? Кто она была?

Сигизмунд вовремя сообразил, что Вику к этой истории приплетать не следует.

— Понятия не имею. Выучил кое-какие слова из ее языка.

Произнес несколько. Федору Никифоровичу они ничего не сказали.

— Значит, не славянка, — подытожил Федор Никифорович.

— Да какая уж славянка, если свастики!

— У вас мышление, молодой человек, такое, будто вас геббельсовская пропаганда вскормила. Свастика — солнечный знак. Она у всех примитивных народов была. Должно быть, финка эта ваша подопечная. В тех краях, по нашим данным, финны водились…

— По каким данным?

— По оперативным, — неожиданно ядовито сострил Федор Никифорович.

Зазвонил телефон. Сигизмунд дернулся было снять трубку, но тут услышал в автоответчике голос Вики:

— Сигизмунд, вы дома? Снимите же трубку! О Господи, что

же мне делать… Сигизмунд!

— Что вы стоите? — сказал Федор Никифорович. — Снимите трубку, поговорите с барышней. Только быстрее, у нас еще много дел.

Сигизмунд послушно снял трубку.

— Алло, Вика!

— Наконец-то! Я вам целый день звоню.

— Нашлась Аська?

— Да нет, нет ее!

У Вики в голосе появились истеричные нотки. Только этого сейчас не хватало: под пристальным взглядом партийного старца утешать по телефону Викторию.

— Вика, я вам вечером перезвоню. Мне сейчас очень некогда.

Вика швырнула трубку.

— Все? — нетерпеливо спросил Федор Никифорович.

— Все, — сказал Сигизмунд.

— Переодевайтесь.

— Во что?

— Ну, в робу, в ватник — что у вас там?

— А куда мы идем-то?

— В оперу. «Жизелю» слушать.

Сигизмунд облачился в ватник, в котором возился в гараже, натянул старые джинсы, говнодавы. Никифорович придирчиво оглядел его, остался доволен.

— Ломик у вас есть?

— В гараже.

— Возьмите.

Сигизмунд с Никифоровичем вышли из квартиры. Дедок остался во дворе курить, а Сигизмунд отправился в гараж. Взял ломик, выгрузил из машины заграждения.

— Боец Морж для дальнейшего несения воинской службы прибыл! — отрапортовал Сигизмунд.

Никифорович усмехнулся. А затем проговорил серьезно:

— Пойдемте, Стрыйковский. Сегодня самый важный день в вашей жизни.

* * *

Обремененный заграждениями Сигизмунд покорно тащился за Никифоровичем по каналу Грибоедова. Миновали несколько подворотен. Свернули в одну из них.

Оглядев двор, Никифорович вполне искренне выругался.

Снегоуборочные машины навалили в углу двора большую

неопрятную кучу снега. По закону подлости, именно под ней и находился заветный люк.

Никифорович торжественно вручил Сигизмунду ломик.

— Давайте, Стрыйковский. Это где-то здесь.

Ощущая себя декабристом в Сибири, Сигизмунд продолбился к крышке люка. Та ответила гулко и глухо. «Так вот ты какой, самый важный день в моей жизни!»

— думал Сигизмунд, счищая наледь.

Никифорович установил ограждения, кивнул на люк.

— Поднимайте.

В арку вошла тетка с сумками. Сигизмунд поддел крышку ломиком. С пятой попытки крышка поддалась. Никифорович, искоса глянув на тетку, деловито заматерился. Тетка миновала «работяг», поджав губы, и скрылась в подъезде.

— Спускайтесь первый, — велел Никифорович. И видя, что Сигизмунд нерешительно топчется на месте, прикрикнул: — Да не бойтесь вы!

— Да кто, бля, боится-то? — сказал Сигизмунд и бойко прибавил матерную фразу.

Спустился. Корсук — следом. В свои годы Федор Никифорович лазил на удивление ловко.

Они оказались в помещении примерно два на два метра со стенами, выложенными кирпичом. Кирпич заиндевел. Сигизмунд задрал голову. В круглом проеме на фоне вечереющего неба мотались под ветром голые ветки деревьев.

Никифорович вытащил из кармана фонарик и посветил в самый темный угол, куда не доставал свет из люка.

— Встаньте туда.

— Куда?

Никифорович повел лучом фонарика.

— Вон туда. На ту плиту.

Старик прижался к стене, чтобы Сигизмунд мог протиснуться мимо него. Луч поднялся по кирпичной кладке.

— Видите третий кирпич от потолка? Со щербиной?

— Вижу.

— Упритесь в него рукой. Сильнее! Толкайте! Ногой на плиту, рукой в кирпич!

— Поддается, — сказал Сигизмунд.

— Теперь быстро отойдите.

Сигизмунд отскочил назад. Часть кладки повернулась вокруг вертикальной оси, открыв зияющее чрево подземного хода.

— Чего встали? Идите туда, быстро. Держите фонарик. Будете светить.

Они ступили в ход. Никифорович показал, как закрывается

дверь с обратной стороны. Закрывалась незамысловато — железным рычагом, уходившим в стену.

— Хитрая механика, — с уважением сказал Сигизмунд.

— Примитивная механика, — возразил Федор Никифорович. — Зато безотказная.

Дверь наглухо закрылась за их спиной. У Сигизмунда мурашки пробежали между лопаток.

— Идите смело, — подбодрил его старик. — Под ногами все ровно, бетон. Не споткнетесь. Привыкайте. Теперь это ваше.

— Подарочек от Аспида внучку, — пробормотал Сигизмунд. — Аспид-младший и компания.

— Что? — не расслышал Никифорович.

— Далеко идти-то?

Голоса в подземелье звучали странно.

— До вашего двора.

Тоннель шел под уклон и привел наконец в большое помещение, где имелась массивная металлическая дверь, отпиравшаяся, видимо, рычагом, торчащим из стены. Вид рычага подействовал на Сигизмунда угнетающе. Видимо, своей оголенной утилитарностью. Никакими попытками дизайна здесь не пахло.

Войдя в помещение, Федор Никифорович привычно хлопнул ладонью по стене и включил свет.

В углу, в полу чернел колодец. Он был метра два в диаметре. Из черного провала несло канализацией. Над колодцем с блока свисал крюк лебедки.

— А это зачем? — спросил Сигизмунд.

— Сейчас все объясню. По порядку.

Помещение напоминало заботливо оборудованную кладовую. Все предметы, как и вещи в квартире Федора Никифоровича, несли на себе яркий отпечаток сороковых и пятидесятых годов. Все было массивное, цельнолитое, добротное, никакой тебе ДСП. Правда, эстетики здесь тоже не было.

Вдоль одной стены тянулся стеллаж. На полках выстроились какие-то никелированные цилиндры сантиметров тридцать высотой. Они напоминали снарядные гильзы. Ниже имелись запас лампочек, бухта провода, плоскогубцы, отвертки, два молотка, специальные кусачки для зачистки проводов, паяльник, нож и топор. Сбоку к стеллажу были прислонены два багра.

Рядом находился силовой щит. В углу стоял ручной насос. На гвозде висел костюм биологической защиты, чудовищное дитя советского ГРОБа. Из кармана высовывались резинки респиратора.

— Главное — это камера, — заговорил Никифорович,

предварительно дав Сигизмунду время осмотреться. — За этой дверью находится приемная камера ленинградского терминала. Предположим, вы получили сигнал о пересылке материального объекта в камеру. Ваши действия. В возможно кратчайшие сроки, не привлекая внимания посторонних — то есть, НИЧЬЕГО внимания! — проникнуть сюда. Далее. Вы не знаете, что именно находится за этой дверью.

— Насмерть перепуганная девчонка, — проворчал Сигизмунд, вспомнив историю Маруси.

— Или опасное животное крупных размеров. Или вода. Или что-либо иное. Пока дверь приемной камеры закрыта, объект находится в изоляции и не представляет опасности. Прежде чем открыть эту дверь, вы должны выяснить: что именно за ней находится. Конструкция терминала предусматривает для такого случая специальное оптическое устройство типа перископа. Идите сюда.

Поначалу Сигизмунд не обратил внимания на то, что сбоку от металлической двери виднелось нечто напоминающее окуляр перископа подводной лодки.

— Здесь имеется выключатель. С помощью этого выключателя вы включаете дополнительное освещение внутри камеры приемника. В обычное время приемник освещается одной лампочкой. Кстати, вам предстоит их заменять. Они иногда перегорают. Осветив камеру терминала-приемника, вы можете вести наблюдение за объектом. Смотрите.

Сигизмунд прильнул к окуляру. Его глазам предстала картина «тюремная камера, вид сверху».

— Если объект, находящийся внутри камеры, может представлять опасность, вам придется самостоятельно принимать решение либо о ликвидации объекта, либо о его эксфильтрации и натурализации.

— А яснее нельзя?

— Чего уж тут яснее. Либо вы берете его под белы ручки и выводите на белый свет, либо отправляете вон туда. — Федор Никифорович кивнул в сторону колодца.

Сигизмунд резко отпрянул от окуляра.

— Вы меня, конечно, простите, Федор Никифорович. Насколько я понял, ваша задача была поставлять Сталину быков-производителей для выведения расы строителей коммунизма. Эдаких воинов, косая сажень в плечах, борода в две косы заплетена. Так? Такой воин по определению опасен. Как же его брать под белы ручки, когда он за эдакое надругательство просто порвет вас пополам…

— Вы совершенно правильно заметили, Стрыйковский, —

невозмутимо отозвался Федор Никифорович. — Перенесенный объект может находиться в состоянии шока. Не следует обольщаться его мнимой неподвижностью. Судя по всему, наши предки были чрезвычайно хитры, ловки и агрессивны. Иначе они не выжили бы во враждебном окружении. Поэтому если вы приняли решение о сохранении объекта, вам необходимо его обезопасить. Для этого служат седативные средства.

Федор Никифорович подошел к стеллажу и взял один из «снарядов».

— Вот здесь находятся химические вещества. Седативные помечены зеленым цветом, отравляющие — красным. Видите? Приняв соответствующее решение, вы берете баллон, подходите вот сюда, ввинчиваете баллон до отказа в гнездо и нажимаете вот эту кнопку. Содержимое баллона будет распылено в камере-приемнике.

— Газовка, значит. Понятно…

— Отравляющее вещество полностью распадается в течение получаса. Седативное — в течение сорока минут. Если вы желаете сохранить объекту жизнь, то его необходимо извлечь из камеры в течение первых пятнадцати минут действия седативного вещества. Для этого служит респиратор. Седативный эффект держится порядка трех-четырех дней. Кроме того, имеются побочные действия: ослабление воли, увеличение внушаемости, что весьма полезно на начальных этапах натурализации объекта.

— Простите, это вы мне чью диссертацию пересказываете? Вашу или Аспида?

— Я вам не диссертацию пересказываю, а инструкцию. Считайте ее плодом коллективного творчества.

На мгновение опять возник Сигизмунд в кожаном фартуке, благоговейно передающий наследие предков Ярополку. «Ибо завещано Аспидом: да не подойдет к краю колодца умудренный… Ярополк! Кому сказано — отойди от колодца!»

— А отравляющие вещества? — спросил Сигизмунд.

— Это вам решать. Объект может оказаться больным. Например, чумой. Кстати, отравляющее вещество произведет также частичную санацию камеры, но в данном случае после ликвидации трупа необходимо провести дополнительную санацию.

— А что, чумного тоже в канализацию? Как-то это… негигиенично.

— Видите, там, в углу, большой металлический ящик?

— Что это, гроб?

— Да. А вон там хранится негашеная известь. Пользоваться умеете? Костюм биологической защиты надевать доводилось?

— Разберусь.

— Вероятность очень мала, но все же… Кроме того, человек, зараженный чумой, — это крайний случай. Вряд ли вы также будете возиться с натурализацией медведя или кабана. Для разделки туши — топор. Для транспортировки — лебедка. Здесь она включается.

— А этого кабана нельзя употребить в пищу?

Федор Никифорович посмотрел на Сигизмунда неодобрительно, но все же ответил:

— Нет. Во-первых, неизвестно, какая у этого кабана микрофлора. Во-вторых, он будет убит посредством отравления, а это может повредить вашему здоровью. — Спохватившись, Федор Никифорович вдруг проговорил, едва ли не смущенно: — Забавно. Вам удалось произвести полную натурализацию транспортированного объекта, а я вас инструктирую и объясняю, как это делается… В принципе, все, о чем я сейчас говорил, — это очень редкие случаи. Но все равно знать об этом полезно. Теперь давайте осмотрим камеру.

Сигизмунд потянул за рычаг.

Камера представляла собой прямоугольное помещение меньших размеров с бетонным полом и крашеными тускло-зеленой краской влажными стенами. Потолок оказался неожиданно высоким — метров шесть. В одном из углов под потолком Сигизмунд увидел объектив наблюдательного устройства.

В камере имелись нары с брошенным на них тощим солдатским одеялом и кран над ржавой раковиной. Из крана сквозь раковину в дырку в полу бесконечно текла вода.

— Питьевая, — сказал Федор Никифорович.

Сигизмунд огляделся еще раз по сторонам, сел на нары.

Вот когда вся ледяная бесчеловечность экспериментов с перебросками «объектов» во времени раскрылась перед ним, точно бездна! Он ощутил ее именно в то мгновение, когда опустился на деревянные нары посреди камеры. Вид этого помещения сказал ему больше, чем все рассуждения о расе строителей коммунизма; больше, чем зловещая фигура Аспида, чья тень лежала на проектах «Конец времен» и «Возрождение»; больше, чем рассказы о сотнях зеков, погибших на полигонах Анахрона. В этом помещении не было ничего человеческого. За что, собственно говоря, какой-нибудь воин, древний человек, должен быть оторван от своей земли, переброшен хрен знает куда, превращен в животное, накачан химией и «натурализирован»? Вся карамельная сладость советской фантастической литературы о том, как гости из темного

прошлого попадают в светлый мир социалистического будущего, испарилась и осела зловонной влагой на этих крашеных стенах.

— Послушайте, Федор Никифорович, — заговорил Сигизмунд, устраиваясь на нарах поудобнее, — а вы что, всерьез считали, что для «перемещенных лиц» вот эта камера станет преддверием социалистического рая? Хорош предбанничек!

— Вы, молодые, очень много смотрите на предбаннички, — парировал Федор Никифорович. — Предбанничек — он и есть предбанничек, а банька-то впереди. Цель нужно видеть, конечную цель. — И помолчав, добавил: — В этой камере человеку предстояло провести максимум несколько часов. А потом… Потом он выходил на просторы огромной страны. Страны, которой можно было гордиться! Страны, которая давала столько социальных гарантий, сколько не было за всю историю человечества. Сейчас — да, согласен. Сейчас хер знает что творится. Но ведь это же не навсегда.

— А вы знаете, Федор Никифорович, сейчас ведь Россия опять находится в границах XVII века, — сказал Сигизмунд. Лежать на нарах было жестко.

— А в гражданскую войну и такого не было. Бросьте, Стрыйковский! Все будет. Все вернется. Польска — и та не сгинэла, так что говорить о России! Что до вашего гнилого гуманизма — то имейте в виду: человек с большим будущим в эту камеру не попадает. А тот, кто здесь оказался… Ему, между прочим, там, в своем времени, карачун светил — и ничего иного. Причем, в самые краткие сроки. Усвоили? Вставайте, хватит тут из себя страстотерпца давить.

— Как вы догадались? — спросил Сигизмунд, неохотно слезая с нар.

— Для этого семи пядей во лбу быть не надобно. И почему это у революционеров внуки всегда диссиденты? Не первый раз замечаю.

— Я не диссидент, — сказал Сигизмунд.

— А кто вы? — с издевкой осведомился Федор Никифорович. И не дождавшись ответа добавил: — То-то и оно.

Желая сменить тему, Сигизмунд спросил:

— Сейчас перебои всякие бывают с током. Ежели обесточится тут все в момент переноса?

— Насчет этого не беспокойтесь. Чего-чего, а система энергоснабжения тут имеет многократное дублирование. Пойдемте, я вам еще кое-что покажу.

Они заперли камеру и вышли обратно в помещение, где хранились инструменты. Федор Никифорович снял со стеллажа металлическую коробку из-под чая, открыл. Там лежали

запаянные стеклянные ампулы.

— А это что? — спросил Сигизмунд.

Вместо ответа Федор Никифорович взял одну ампулу и метнул ее в стену над колодцем. Осколки канули в провале. По помещению немедленно расползлась вонь.

— Фу, мерзость какая! — сказал Сигизмунд.

— Это еще одно хитроумное изобретение Аспида, — пояснил Федор Никифорович.

— Так будет пахнуть у вас в гараже, буде в приемной камере появится объект.

— А что, ничего поприятнее не найти было? — спросил Сигизмунд, отчаянно морщась.

— Вещь абсолютно не токсична. Зато запах держится неделю. Может случиться, что вам несколько дней не придется заглядывать в гараж. Скажем, заболеете. Такой срок объект вполне способен продержаться. Вода есть, а за неделю без еды не умрет.

— Да что вы такое говорите! — не выдержал наконец Сигизмунд.

— Я оговариваю маловероятные варианты, — невозмутимо ответил старик. — Идемте. Я должен показать вам, как менять ампулы в гараже. Кстати, возьмите одну. Пускай хранится у вас дома на всякий случай.

* * *

Простившись с Федором Никифоровичем, Сигизмунд в крайне угнетенном состоянии духа вернулся домой. Побродил по квартире. На душе было погано. В голове звучали прощальные слова старика: «Стрыйковский, вы хоть понимаете, что я только что передал вам труд сотен людей? То, что вы держите сейчас в руках, по масштабам сопоставимо с космической программой».

Сотни людей, титанический труд, трупы, в конце концов… И все ради чего? Ради того, чтобы близорукая готская девка, которой предстояло из-за плохого зрения сверзиться куда-нибудь в овраг и сломать себе шею, оказалась в его, сигизмундовой, постели, после чего бесславно исчезла.

А если она все-таки вернется? Если она разобьет очки и тем снова уменьшит свою «бытийную массу»?

Сигизмунд вспомнил приемную камеру и содрогнулся. Ну уж нет!

Чувствуя, что наконец-то занимается полезным делом, Сигизмунд изготовил и залил в термос сладкого чая, взял банку

тушенки, нож, запаял в пакет четвертушку хлеба, после чего уселся рисовать. Из этого рисунка Лантхильда должна была уяснить себе следующее: ничего страшного с ней, Лантхильдочкой, не приключилось. А пусть она, Лантхильдочка, сидит себе на нарах и кушает, а уж махта-харья Сигисмундс, как только благоухание в гараже оповестит его о прибытии любимой, примчится и вызволит ее. Предварительно усыпив. Чтоб не травмировать впечатлительную душу. А заодно ослабить волю и усилить внушаемость.

В разгар этих трудов затрезвонил телефон. С запоздалым раскаянием Сигизмунд вспомнил о том, что так и не позвонил Вике.

— Сигизмунд! — Виктория захлебывалась плачем. — Сигизмунд, Аська!..

— Что? — устало спросил Сигизмунд.

— Ее нет! Она умерла!

Сигизмунд аккуратно положил трубку. По рукам прошло холодное онемение. Слишком много. Чересчур. Сперва Лантхильда, теперь — Аська. Господи, как надоело.

Вяло подумал о том, что нужно теперь что-то делать.

Встал. Тупо уставился в стену. А что делать-то? Идти? Идти. Куда? К Виктории надо бы пойти. Помочь.

Явилась первая деловая мысль: сейчас машина будет ох как нужна. Ездить там всюду, документы оформлять. Деньги понадобятся. У режа с компанией точно никаких денег нет.

И тут сквозь отупение впервые пробилось: а Аськи-то больше нет! Вспомнились опять слова Федора Никифоровича: «Стрыйковский, сегодня самый важный день в вашей жизни». Сглазил, старый хрен. Как есть сглазил. И Анахрон тут не поможет.

Лихорадочно забегали мысли. Вот бы настроить Анахрон так, чтоб можно было отправляться за людьми во вчерашний день. Вытащить Аську вчерашнюю. Или, скажем, двадцатилетнюю. Бытийная масса у Аськи всегда была, небось, хилой.

Сигизмунд едва не застонал. Близок локоть да не укусишь. И ведь ни у кого во всем мире такого шанса нет! На нем-то, на Сигизмунде, вон какое «хозяйство»! Ни у кого в мире такого хозяйства нет… И все равно без толку.

И тут же спохватился: а хрена ли лысого он сидит, мечтаниям предается, когда Вика… и Аська…

Двинулся к двери. Бдительный кобель, виляя хвостом, побежал вперед — явно рассчитывал на прогулку. Но Сигизмунд досадливо отпихнул пса ногой и закрыл дверь у него перед носом.

Уже сбегая по лестнице, хлопнул себя по карману: на месте ли ключи от машины. Потом сообразил: в таком состоянии за руль лучше не садиться. Вытащил деньги, пересчитал: на тачку хватит.

К вечеру оттепель взяла свое. Все текло. В мире царили мерзость и сырость.

Глава седьмая

Вика открыла, опухшая от слез. Сигизмунд неожиданно для самого себя затрясся.

— Где она?!

— Кто?

— Аська где? Тело, тело где?

— Какое тело?

— В каком морге, спрашиваю!

Сигизмунд опустился на ящик для обуви, потревожив баночку с пересохшим гуталином, и провалился в висящие над головой пальто.

— Почему в морге? — Виктория говорила устало и отрешенно. — Не знаю я ничего. Оставьте меня в покое.

— Вы в милицию звонили? — спросил Сигизмунд из зарослей пальто.

— Почему в милицию… Да отстаньте вы от меня, звонила я всюду! Все ментовки, все больницы!.. Все обзвонила!

— Где ее нашли? — монотонно продолжал допрашивать Сигизмунд, слегка покачиваясь.

— Кого нашли?

— Аську! — заорал Сигизмунд.

— Не кричите! — проговорила Виктория.

— Где ее нашли? — настырно повторил Сигизмунд.

— Да не нашли ее! Не нашли! Не нашли! Все из-за вас! Из-за вас, из-за мудаков! Из-за кобелей!

И, повернувшись, направилась в комнату. Сигизмунд встал, пошел следом.

Котята, перечеркнутые черной размашистой надписью «ЭТОТ МИР — СРАНЬ!», сразу бросились в глаза. В комнате стойко держался дух беды. И все кругом пахло Аськой: ее вещи, ее мебель, самый воздух. Даже то, как наполовину выдвинут ящик, набитый какими-то старыми бигуди и неоплаченными квитанциями…

Вика, не оборачиваясь, пошла за шкаф и там упала на кровать. Несколько мгновений Сигизмунд оглядывался в комнате. Ему стремительно становилось все хуже и хуже. Сунул сигарету в зубы, закурил, роняя пепел прямо на пол. С мокрых ботинок уже натекло. Из-за шкафа не доносилось ни звука.

Сигизмунд стянул с себя куртку, бросил на стул. Походил взад-вперед, скрипя паркетом. Оставил множество грязных следов. Аськино присутствие немного вытопталось. А скоро набегут люди, затопчут, вещи передвинут, выбросят, переделают

все по-своему. И духа не останется. Нет больше Аськи.

Сигизмунд ткнул сигарету в банку, служившую пепельницей, и заорал, с ненавистью глядя на шкаф:

— Кто вам сказал, что она умерла?

— Чувствую, — ответила Виктория сухо.

Сигизмунд это тоже чувствовал. Сел, глядя перед собой. Неужели Аська так много значила в его жизни? Ну, были у них отношения. Но никогда эти отношения не были магистральными. Ни для него, ни для нее. Главным в жизни были «Морена», отношения с Натальей… потом Лантхильда.

Повернув голову в сторону шкафа, Сигизмунд сказал:

— Может, в розыск заявить?

— Делайте что хотите, — отозвалась Вика.

Стало еще тошнее. Банальный компьютер найти не могут, пару дешевых жуликов выловить — проблема.

— Куда она хоть направлялась? Хотя бы примерно?

Вика молчала.

Да, на Вику надежда слаба. На актерскую братию — тем более. Похоже, Сигизмунд остался единственным здравомыслящим человеком во всем этом бедламе.

Заболела голова. Проклятье, с утра не ел. «Хозяйство», мать его ети, принимал.

— У вас есть что пожрать?

Вика попрежнему не отзывалась.

Сигизмунд встал, направился на кухню. Там царил полный бардак. Горы немытой посуды, какие-то обглоданные корки, окурки, липкие стаканы. Видимо, с той пирушки, с 23 февраля, так все и осталось.

А Аськи больше нет…

Сигизмунд взял стакан. Следы помады. Фу, мерзость!

Размахнулся, швырнул в стену. Стакан разбился. Сразу стало легче.

Взял второй, метнул следом. Стало еще легче.

Взял тарелку. Раздражился на нарисованного на ней Микки-Мауса. Влепил под потолок. Хорошо.

Тарелка проявила себя неубиваемой, зато отпал кусок штукатурки. Оч-чень хорошо.

Сигизмунд наклонился, поднял тарелку и разбил ее об угол. Отлично!

Взял стопку блюдец и истребил. Ох, как хорошо!

— Прекрати, ты, козел, мудак!

В дверях кухни, бледная и чудовищно некрасивая, стояла Вика.

— Давай, вали отсюда! Остохренел! Кто тебя звал?

Сигизмунд взял пустую бутылку, разбил о край стола и с «розочкой» в руке надвинулся на Вику.

— Ты, сучка! Кончай дурочку валять! Аська где? Объясни все толком!

Вика затрясла кулачками и завизжала:

— Ну давай, давай! Козел, ты, козел!..

Сигизмунд отшвырнул «розочку».

— Да я тебя, сучка… да ты…

В этот момент зазвонил телефон.

Сигизмунд, отшвырнув Вику, рванулся к телефону.

В трубке пьяный мужской голос закокетничал:

— А Анастасию можно?

— Кто звонит? — рыкнул Сигизмунд.

— Что, старик, не узнал?.. Что, упыхался, бля? Старе-е-е-ешь… Что, не узнал?

— Ну, — сказал Сигизмунд.

— Че — ну? Баранки гну!

Сигизмунд обложил его грязно и неизобретательно, после чего шваркнул трубку. Направился в комнату, на ходу утрачивая человеческий облик. Наткнулся взглядом на долбаных котят с черной надписью наискось. С треском сорвал со стены, перепугав засевших за котятами тараканов. Разодрал. Пополам. Еще пополам. Бросил обрывки.

На обоях открылась матерная надпись. Сигизмунд дико оглянулся, нашел и схватил маркер и, давая выход бешеной злобе, стремительно нарисовал под надписью одну из тех сакральных картинок, которыми пачкают стены гормональные подростки.

В этот миг будто пелена спала со слуха, и Сигизмунд услышал, как за шкафом в голос рыдает Виктория. Сигизмунд прошел за шкаф. Постоял. Вика елозила по кровати и захлебывалась плачем. Сигизмунд сел рядом, спросил устало и почти спокойно:

— Ну что?

Вика повернула к нему распухшую, как подушка, физиономию, и с трудом выговорила:

— Аську… жалко…

У Сигизмунда ком застрял в горле. С трудом выдавил:

— Завтра пойдем… заявление подадим. В розыск. Фотография есть?

— А сколько сейчас времени?

— Второй час ночи.

— Во сколько они открываются?

— Часов в девять пойдем. Надо поспать.

Сигизмунд наконец освободился от ботинок и улегся на кровать рядом с Викой. Вика, всхлипывая, прижалась к нему. Она была очень потная и чрезвычайно зареванная. Вздохнув, она проговорила:

— А я сегодня днем заходила… в одну хорошую лавочку… там цены нормальные…

— В какую лавочку? — спросил Сигизмунд, шалея.

— Где венки-и-и… — заревела Вика.

И тут аськина смерть предстала перед Сигизмундом во всей своей отвратительной и невозможной реальности. Ее найдут. И выдадут близким тело для похорон. После волокиты, конечно. Свидетельство о смерти, венки, гроб. Аська в гробу…

Сигизмунда снова затрясло. Он крепко обнял Вику, и некоторое время они лежали молча.

Потом Сигизмунд спросил:

— А в справку о не вернувшихся домой вы звонили?

— Да.

— И что?

— Не знают там ничего…

— Давайте-ка я еще раз позвоню. Может, уже нашли… тело.

— Не надо. Я боюсь.

— Лежите здесь. Я сейчас.

Высвободившись из цепких викиных рук, Сигизмунд прошел на кухню и дозвонился в справку. Попал — на удивление — сразу.

— Я вам уже звонил… — начал было Сигизмунд. Потом поправился: — Я по другому поводу звонил. Это другая девушка. Тут еще одна девушка пропала. Опять белокурая… То есть она крашеная… То есть, она сейчас бритая почти…

— Подождите, — сказали в справке, выловив наконец в бессвязных речах убитого горем клиента рациональное зерно. — Бритая? В губе бритва? Или кольцо?

— В пупе кольцо, — вспомнил Сигизмунд.

— Нет, — отрезали в справке. — Однозначно нет.

И положили трубку.

— Что? — прокричала Вика из комнаты плачущим голосом.

— Да нет там ни хрена! — крикнул Сигизмунд. — Им-то что, зарплату получают!

— А что есть?

— С бритвой в губе!

Кричим, как в лесу, мутно подумал Сигизмунд, но с табуретки не встал.

— Вика! — позвал он.

— Что?

— Я водку нашел!

Вика, пошатываясь, показалась на пороге. Сигизмунд сунул ей початую бутылку.

— Пейте!

Вика отшатнулась.

— Пейте, пейте!

— Что, из горлышка?

— Да, да! Винтом! Быстро, не спрашивайте!

Вика послушно влила в себя несколько глотков, поперхнулась, закашлялась. Немного пролила. Сигизмунд отобрал у нее бутылку.

— Отдайте, пить не умеете…

* * *

Через полчаса они сидели на кухне, среди объедков и битой посуды. Выпили, вроде, немного — в бутылке еще оставалось — но окосели здорово.

По стенам деловито шастали тараканы. Вика молчала. Сигизмунд в отупении следил за перемещениями наиболее кормленого таракана. Тараканище двигалось короткими перебежками, постоянно перекладывая галсы. Видно было, что ясной цели в жизни ничтожное насекомое не имеет. То ли дело Федор Никифорович Корсук… Или Аспид… Анахрон построили. И не один…

Трудно сказать, сколько времени провели они в полном оцепенении. Час, полтора? Сидели неподвижно, осоловев. А потом вдруг разом очнулись.

— Ну, и на кой черт посуду было бить? — кисло сказала Вика. А потом добавила, дернув углом рта: — Ладно, пойдемте спать. Завтра очень много дел… Деньги надо собрать.

* * *

Они оба мгновенно провалились в сон, как в небытие. И это было благом.

Но через несколько часов Сигизмунд вдруг проснулся. Было еще темно. Когда только кончится эта ночь? Мысль ударила сразу: Аська!..

И тут же шибанул запах табачного дыма. Свежего. В комнате кто-то курил.

Сигизмунд завозился за шкафом, высунул голову. В

призрачном свете городских фонарей, сочащемся в окно, сидело привидение, окутанное дымом.

Оно погасило сигарету и сказало аськиным голосом:

— А это еще что за гондон штопаный?

— Это я, — тупо отозвался Сигизмунд.

— Морж, ты, что ли? Хрена ли лысого ты тут делаешь?

Сигизмунд нырнул обратно за шкаф, схватил Вику за плечо.

— Вика! Проснитесь! Проснитесь, говорят вам!

Вика что-то тоненько простонала.

— Да оставь ты ее к херам! — буркнула Аська. — Не ссы, Морж, пехтерьтесь там на здоровье…

Сигизмунд выкарабкался из кровати. Аська критически уставилась на его ноги. Сигизмунд опустил голову, тоже посмотрел на свои ноги.

— Не дала, что ли? — насмешливо осведомилась Аська. — Что ты в брюках-то залег? Ну ты и извращенец, Морж… Она там что, тоже в колготках лежит?

— Не знаю… Где тебя носило?

Сигизмунд сел напротив Аськи. Отнял у нее сигарету, затянулся.

— Верни! — потребовала Аська. Он отдал.

Аська была зла. Точнее, она была в ярости.

— Что ты тут делаешь, Морж?

— Дрочу! — заорал Сигизмунд. — Где тебя, идиотку, носило? Руки бы отсохли — домой позвонить?

— Там телефона не было! Что ты орешь на меня? Ты мне кто — мама родная, чтоб тебе звонить?

— Мы тут!.. — надрывался Сигизмунд. — А ты!.. Думать надо!.. Головой, а не кольцом в пупе!.. Реж твой!..

— Да пошел он в жопу! Не до него. Слушай, Морж, а что ты разоряешься? Испугался?

— Да! Испугался! Тут… А ты!.. Дура.

— Да у тебя-то что случилось? — спросила Аська отстраненно.

— Ты у меня случилась, ты!.. Не было тебя сколько, не знали, что и думать… Мы ведь утром уже в ментуру собрались… Все морги обзвонили, идиотка…

Аська слушала, казалось, с любопытством. Когда Сигизмунд иссяк, спросила холодно:

— А что тебя, Морж, так заело-то? Раньше месяцами не звонил… Что тебе до меня?

— Весь мир — срань, да? — с новой силой заорал Сигизмунд.

— Да, — сказала Аська уверенно.

— К херам твой мир! Поняла?

— А у тебя что, получше есть, что ли?

— Нет, — признал Сигизмунд.

— Ну и заткнись, — оборвала Аська.

— Где ты была? — угрюмо спросил Сигизмунд.

— Слушай, Морж, сделай мне чаю, — попросила вдруг Аська.

Войдя на кухню, Аська остолбенела. Перевела взгляд на Сигизмунда. Сказала неуверенно:

— Что-то я такого не припомню… Неужто мы так гудели?

— Это я, — сказал Сигизмунд, чувствуя непонятную гордость.

Аська поглядела на него с восхищением.

— Ну ты, Морж, бля, даешь! Чего ты так взъярился-то? Виктория не давала, а ты, значит, на кухню — и сублимировать, сублимировать?

Она прошлась по кухне, хрустя осколками.

— Чашка-то хоть одна цела?

Чашек нашлось целых три. Две из них Аська сполоснула. Сигизмунд поставил чайник.

— Там еще водка осталась, — сказал он.

Аська безошибочно определила бутылку, влила в себя остатки, поежилась.

— Уже не лезет.

— Где ты была-то? — в десятый раз спросил Сигизмунд. — Сестрица твоя чуть с ума не сошла.

— А ты, значит, сразу навострил свою моржовую кость и утешать ее прибежал. Шустрый ты, Морж.

— Разбудить бы ее. Напереживалась…

— Пускай спит. Утром скажем.

Сигизмунд посмотрел на Аську — похмельную, с кругами под глазами — и вдруг ощутил наплыв невероятного счастья. Как мало, оказывается, человеку нужно. Припугнуть — да отпустить.

— Представляешь, Аська, Виктория тебе уже венок присмотрела.

Аська с подозрением глянула на Сигизмунда.

— Какой еще венок?

— Погребальный…

Аська глянула на бегущего по стене таракана и вдруг грохнула по нему чашкой. Чашка разбилась, таракан погиб.

— Черт! — проводила обломки чашки Анастасия. — Вы что тут, Морж, обкурились к едрене фене?

Она взяла последнюю из уцелевших чашек и понесла ее мыть.

— Посуду всю перебили, уроды…

— Я тебе сервиз из буфета отдам, помнишь — тот, навороченый?

— Слушай, Морж, с чего ты добрый-то такой?

— Жива ты, вот чего!

— Кто жив, а кто нет, — отозвалась Аська.

От этих слов у Сигизмунда вновь упало сердце.

Аська пошарила по полкам, нашла в мятом пакетике остатки чая, заварила. Подождала немного, разлила по чашкам — как раз на две хватило. Сигизмунд замолчал намертво. Захочет — расскажет.

Допив чай, Аська заговорила. Она говорила монотонно и долго. Рассказывала. Сигизмунд слушал и пытался скрыть радость оттого, что на этот раз беда обошла его стороной.

В рассказанной Аськой истории не было ничего оригинального или экстраординарного. Но именно это отсутствие необычности и угнетало больше всего.

Аська начала с середины.

— Ты знаешь, Морж, две недели назад я у нее заночевала… — Сигизмунд даже не стал допытываться, кто — «она». — Я нечасто у нее ночевала. Мы, в принципе, не слишком общались. Так, иногда. Тусовка-то одна. Просыпаюсь под утро, глазами вокруг обвела… Комната почти пустая, «баян» на столе… Я еще подумала: а есть ли отсюда выход? Ну, простились, ушла… А через неделю мы ее хоронили.

— Двадцать четвертого? — спросил Сигизмунд.

Аська глянула на него.

— Двадцать четвертого она умерла.

— Отчего она умерла? — спросил Сигизмунд.

— А тебе интересно, Морж? Спалилась она, понял? Дерьмо купила, понял? Торчки говорят: через день еще одного нашли там же, понял? Она обычно осторожничала, в другом месте брала, а тут припекло, соседи говорят — вены резала, посуду била… А потом денег добыла и побежала… Мент сразу сказал: юленькина работа. Наварила, сука, палева и толкала левым… Взять бы эту Юленьку… Это мент так говорил. А не возьмешь, отмазывают. — Аська вздохнула и добавила: — Жуткая штука игла, Морж. Ведь за полтора года баба сгорела…

— И дети остались? — спросил Сигизмунд, чтобы хоть что-то спросить.

— Двое…

— Погоди, — сказал Сигизмунд, являя осведомленность, — люди же десятилетиями торчат — и ничего…

— Кто в шестнадцать лет начал — те и вправду «ничего». Десятилетями тянут. Иногда. А быстро старчиваются, Морж, опускаются и мрут дилетанты. Кто в тридцать начал. Эти — да… Да ладно, тебе-то какая разница… Господи, Морж, как мне херово! Ты себе не представляешь, как мне херово! Ты бы видел

эти рожи на похоронах. Все ходили опрокинутые… Она же как подсела, так сразу почти со всеми разошлась. Кто ее хоронил — все с ней последний год почти и не общались. Друг другу чуть не морды потом били: разбирались, кто «мог» ее с иглы снять и не снял… А кто снимет? Она вон снимала — доснималась, сама села. Никто, Морж, никого снять не может. Можно только подсесть. Понял? О-ох… Тусня все знакомая. Поглядела я на них, Морж, поглядела — рожи все сайгоновские, постарели, потускнели, скучные все, задрюченные… Глазу не на ком зависнуть. Разобщенные, каждый сам по себе. Иные так и вовсе прилично выглядели, обуржуазились, блин… Тусовались по одному, по двое, бродили по крематорию… Сказать-то друг другу уже нечего… Проехали. И она в гробу лежит, незнакомая, чужая, стриженая какая-то… И тоже старая. Морж, у тебя курить осталось?

Сигизмунд сходил в комнату, пошарил в карманах куртки, принес пачку.

Аська задымила.

— И как все быстро, Морж! Еще вчера казалось, что молодость — это навсегда… Еще вчера пели «Сперма бьет, сперма бьет из кальсонов на живот…»

— Да это же Мурр! — почти обрадовался Сигизмунд.

— Так ты Мурра знаешь?

— Ну… Да. Я его… спонсор.

— А, так это ты тот мудила, который вечно ему денег обещает! Мурр тебя отменно крыл. Напился, в драку полез, я его увела гулять — он мне все рассказал: и как без гитары петь не может, и как спонсор, сука, денег жмотится дать…

— Ну нет у меня, — сказал Сигизмунд. — Я бы ему и гитару купил, и студию, и менеджера, и нимфеток — были бы деньги…

— Слушай, Морж, может, ты и других из той тусни знаешь? Грега знаешь?

— Знаю…

— Не изменился ни хрена. А Дракона?

— Это какой?

— Ну, который ремонт делает… Толстый.

— Знаю…

— А Сашу-Льва?

— Такого не знаю.

— Наверняка знаешь. Старый тусовщик… Хороший мужик. А Бодхи с Ван-Бинем? А БМП?

— БМП когда-то знал, а этих… не, вроде не помню.

— Ну и хрен с тобой. А Бодхи меня лапал. Он всех лапает. Он не пьет и опа-асен…

— А этот… Ван, как его… он тоже лапал?

— Нет, он знаешь какой демоничный? Они с Мурром нажрались и ураганили. Потом я Мурра увела. Мурр кричал, что он Юленьке экстрасенсорно сердце остановит — на расстоянии…

— А Витя Колесо был? — вспомнил Сигизмунд. — А Фрэнк?

— Не, сгинули… Витя, слышала, милостыню по переходам просит… Во блин дожили! Слушай, Морж, а что мы раньше-то с тобой об этом не говорили? Может, мы с тобой и раньше встречались? Меня Херонкой звали… «Цаплей», то есть…

— Не припоминаю… Может, и встречал.

— Не, Морж, если бы ты меня в те годы встретил — ты бы меня не забыл, — убежденно сказала Аська. — Да ладно, фиг с ним.

— Да, — вымолвил Сигизмунд. — Странно, что мы с тобой про это раньше не говорили… А реж твой мокрогубый там тоже был?

— Там другой реж был… Хороший мужик. Добрый-добрый. По морде видно.

— А он тебя тоже лапал?

— Да иди ты, Морж… далось тебе: лапал, лапал… Смотри, чего принесла…

Она полезла в карман джинсов, выволокла пригоршню каких-то черных лоскутков. Метнула на стол.

— Что это?

— Ты гляди, гляди, Морж… Золотые руки у бабы были. Она феньки делала на продажу, мы потом с лотка ее фени забрали и на поминках раздавали…

Сигизмунд осторожно взял в руки комок мягкой кожи, выпутал сперва одно украшение, с янтарем, потом второе — с хищной языческой птицей, оттиснутой в глине. Под птицей болталась кожаная кисточка.

— Красиво, — сказал Сигизмунд.

— Слушай, а ты свою деваху-то нашел?

Сигизмунд расправил на ладони кисточку, провел по хищной птице пальцами.

— Нет, — кратко ответил он.

Аська не сводила с него глаз.

— Найдешь — подарю, — обещала она. — Ей должно понравиться.

Сигизмунд неожиданно понял, что именно об этом он и думал. Птица действительно глянулась бы Лантхильде. На мгновение снова мелькнуло видение жуткого «хозяйства» и камеры с нарами.

— Ой, херово мне, Морж, — пожаловалась Аська. — Ой как

херово… Пойдем Вику трахать. Я тебе покажу, как это делается…

* * *

Вика спала как убитая.

— Ее из пушки не разбудишь, — сказала Аська. — Слушай, и в самом деле в колготках дрыхнет. Ну ты, Морж, импотент…

— Это я из-за тебя импотент…

— Будить ее надо, — озабоченно сказала Аська. — Только сперва колготки с нее снимем. Проснется — отбиваться начнет. Раз-два, взяли!

Сигизмунд приподнял Викторию, а Аська ловко стянула с нее колготки вместе с трусами. Аська разоблачилась с исключительной быстротой и прыгнула в кровать.

— Иди ко мне, Морж. Только сними джинсы, извращенец. Жизни хочу!

Сигизмунд послушно разделся, залез в постель и неожиданно подмял под себя Аську. Аська вдруг дико и радостно завизжала прямо в ухо Виктории.

Вика подскочила, распахнула полные ужаса глаза и сумасшедше закричала. Высунувшись из-под Сигизмунда, Аська ухватила Вику за шею, подгребла ближе к себе и дернула за рубашку. Полетели пуговицы. Бюстгалтера под рубашкой не оказалось.

Аська тотчас же просунула туда руку и заверещала:

— Ой, какие у нас тут сисечки… Ой, какие мы остренькие…

— Идиотка, — отчетливо сказала Вика.

— Ага, — согласилась Аська. — Идиотка.

И впилась в ее губы поцелуем.

— Уйди, противная, — промямлила полузадушенная Вика. — Отдай мужчину! Мой!

— Твой? — кричала между поцелуями Аська. — Кто тебе сказал? Он? Он все врет! Он мне тараканов обещал вывести!

— Мне! — мычала под аськиными губами Вика. — А тебе он посуду переколотил! Он зверюга! Хам!

— Он мне сервиз обещал! Навороченый! Поняла?

Сигизмунд скатился с Аськи и проник между сестрицами. Ухватив обеих за шеи, сблизил их головами и велел:

— А теперь деритесь!

— С чего это мы будем драться? — сказала Аська. — Смотри, какая она у меня хорошая!

Вика протянула руку, коснувшись тонкого аськиного затылка, и Сигизмунд вдруг ощутил огромную волну нежности, которую

обрушило это прикосновение. Купол любви и света накрыл их троих и надежно отгородил от холодного, темного, враждебного мира.

* * *

Перед завтраком, часа в три дня, Анастасия вдруг осознала отсутствие котят и наличие на их месте сакрального изображения.

— Какой, бля, мудозвон, к херам, тут постарался?! — завопила она.

— Это твой генеральный директор, — наябедничала Вика, натягивая колготки. — Стерва, колготки мне порвала…

— Морж, мать твою, ублюдок долбаный! У себя все изорвал, теперь ко мне пакостить приперся! Такой дом был уютный! Такие котятки! А теперь что? Пакость какую-то намалевал.

— Это не пакость. Это жизнеутверждающий символ, — сказал Сигизмунд.

— И посуду всю перебил. Мудак ты, а не генеральный директор.

— Я же сказал, сервиз тебе подарю.

— В общем так, Морж. У нас жрать нечего, за квартиру не плачено, водка кончилась, посуда перебита, на стенах срамота всякая. Короче, не хер порядочным людям в таком бардаке сидеть — к тебе жить едем, — решительно объявила Аська.

* * *

Едучи в автобусе навстречу новой жизни, Аська страшно веселилась. Вика стояла в сторонке, как будто ее все это не касалось, и отрешенно смотрела в окно. Аська прыгала вокруг Сигизмунда и то и дело кричала:

— Морж! Гляди, какие уси-пуси там, на домике! Тебе нравится, Морж? Ты сделаешь нам такие в будуарчике? И чтоб рюшечки, знаешь, такие с кружавчиками… Сейчас нарисую.

Она перегнулась через сидевшего старичка и подышала на стекло.

— Вот такие, Морж, гляди… — приговаривала Аська, водя пальцем по запотевшему стеклу.

— Девушка, — возмутился наконец старичок, — вы мне еще на колени сядьте!

— Ура! — завопила Аська, усаживаясь старичку на колени.

— Да вы с ума сошли! — закричал старичок, дергаясь под Аськой и пытаясь стряхнуть ее. — Молодой человек! Что вы смотрите! Это же ваша дочь!

— К счастью, не моя, — высокомерно отозвался Сигизмунд.

— Это моя свекровь, — сказала вдруг Вика и стащила Анастасию за руку. Аська с сожалением покинула старичка. — Она не вполне… Вы уж извините. Оттепель, внутричерепное давление меняется… У нее и справка есть. Анастасия, у тебя есть справка?

— Моя имей справка много-много, — гордо сообщила Аська.

* * *

Дома у Сигизмунда, Аська первым делом вступила во владение сервизом. С торжеством выгрузила его из буфета и предъявила Виктории.

— Я же тебе говорила, что он генеральный директор, а ты — «ханыга, ханыга»…

В это самое мгновение Сигизмунд вдруг осознал, что Аська с Викой не шутили и зависли у него «всерьез и надолго».

Глава восьмая

Несмотря на все «сайгоновские воздыхания» и время от времени пробуждающуюся ностальгию по прошлому, Сигизмунд на самом деле никогда не был настоящим хиппи. Он не подпирал сакральную стену, не вел пустых и многозначительных разговоров, не ходил по трассе — разве что в Крыму, из Ялты в Симеиз, не строил «планов». Магистральная линия его жизни пролегала совершенно в другом месте. Он был студентом, молодым специалистом, кооперативщиком, мужем. Шел в ногу со временем, в общем.

Ну и заходил в «Сайгон». А кто не заходил? Время было такое… Возраст был такой…

Нет, при определенных условиях он МОГ БЫ стать хиппи. Но — не стал же!..

И теперь, когда бесноватые сестрицы вдруг, ни с того ни с сего, переселились к нему; после того, как на стене возле «пацифика» появилась аськина приписка:

Если солнце взойдет,

С ваших крыш съедет снег, -

Сигизмунд неожиданно для себя увлекся этой игрой в хипповскую коммуну. В тусовку, которой у него никогда не было. Появились даже какие-то псевдовоспоминания сайгоновских времен — о прошлом, которого на самом у него деле никогда не было. Он словно проживал второй, нереализованный вариант своей жизни.

А совсем рядом, под землей, притаилось жуткое «хозяйство». Единственное во всем мире. Аналогов нет. Чудовищное наследие Аспида.

Но Сигизмунд, жадно наверстывающий упущенное когда-то хипповство, получил отличную возможность поменьше думать об этом. Чуть-чуть попозже. Когда уляжется смятение. Нельзя же так: обрушить на человека потерю любимой женщины, а потом навалить на него же великую и бессмысленную тайну!

И потому Сигизмунд, проснувшись наутро после «вторжения», расслабленно слушал, как Аська на кухне препирается с Викторией. Сестрицы разбирались, кому идти в магазин за едой. Одной, видите ли, в Публичку надо, а второй — куда-то в другое место. Господи, баб полон дом, а за жратвой сходить некому! И как только они там, на Востоке, гаремами ворочают?

— Ты и так уже неделю дурака валяешь, — мотивировала Вика. — Какая тебе еще фольклорная программа! В каком еще Ивангороде! Ты на себя посмотри! Фольклористка стриженая!

— У меня отрастут! У меня уже вон как отросли!

— Одного режа ей мало, второго завела!

— Виктория, ты ни хрена не смыслишь в искусстве! А что до Эдуарда — то пошел он в жопу! У Моржа отсидимся — глядишь, отвянет.

— Развела Эдичек… Стасиков…

— Но-но! Стасиков мне Морж вывести обещал.

— Да я не про тараканов. Я про Стаса.

— А, ты про этого… Этого тоже Морж выведет, вот увидишь. Купи картошки. Морж картошку любит. Жареную.

— Я ухожу в библиотеку.

— Ну вот на хрена тебе Публичка? Ты и без Публички ученая — мухи дохнут… Не все книжки, что ли, перечитала?.. — Завидев Сигизмунда, Аська завопила:

— Морж, денег дай! Представляешь, эта дура еще учиться хочет. Все ей мало. Ее же такую никто замуж не возьмет. Вот ты, Морж, ее замуж возьмешь?

Сигизмунд мерзким голосом процитировал фильм «Бесприданница»:

— «Милое созданье! Я… женат».

— Не ври, Морж! Ты со своей стервой развелся.

— Не смей называть Наталью Константиновну стервой.

— Какая разница, ей от этого ни жарко ни холодно. Денег дай.

— Чаво тебе дать?

— Де-нег. Пока мы от тебя не скипнем — ты кормить нас должен, по закону гостеприимства.

— Слушай, а когда вы скипнете?

— Ой, Моржик, домой идти бо-оязно… Там такие квитанции за квартплату стра-ашные…

— Нет, ты мне, Анастасия, ответь: скипнешь когда?

— Как выгонишь, бессердечный, так и скипну. Но ты ведь не выгонишь нас, Морж, к этим страшным квитанциям? Там такие долги, такие долги…

— Хочешь, я их тебе оплачу?

— Ну и говно ты, Морж. Деньгами откупиться норовишь? А ты, Виктория, дура. Я же говорю, он генеральный. Видишь, откупиться предлагает. У, барыга!

* * *

Аська при наличии некоторой финансовой поддержки обычно проявляла домовитость. Она очень неплохо готовила — в отличие

от Вики, привыкшей в «своих Европах» к кафе и ресторанчикам.

Судя по некоторым косвенным данным, Аська с радостью ухватилась за возможность пожить у Сигизмунда, ибо преследовала сразу несколько корыстных целей. Во-первых, она вознамерилась перейти от старого режа (мокрогубого) к другому («хорошему мужику»), встреченному на похоронах. Во-вторых, ей требовалось отсечь несколько лишних связей, которые Аська по беспечности в свое время завела. Связи не отличались прочностью, зато характеризовались назойливостью. Третья причина зависнуть у Сигизмунда была, несомненно, богатая ванная. В своем самозабвенном увлечении никелированными кранами, новым блестящим кафелем, душистыми пенами Аська до смешного напоминала Сигизмунду Лантхильду.

У Виктории также имелись свои причины. Сигизмунд подозревал, что не последняя из них — близость к Публичной библиотеке. И, несомненно, видак. Сигизмунд догадывался, что в его отсутствие Вика раз за разом просматривала запись с Лантхильдой. Хотя каждый раз аккуратно убирала кассету на место и ничем не выдавала своих занятий с ней.

Видак и в аськину жизнь внес некоторое разнообразие. Анастасия осознала наличие видака далеко не сразу, но затем, выпросив у Сигизмунда полтинник, прошлась по видеопрокатам и набрала разной гринуэевщины. Видеотека Сигизмунда, любившего кино ясное, без зауми, Анастасию откровенно не устраивала.

В своих увлеченных видеорозысках Аська обошла множество прокатов и видеосалонов и в один прекрасный день забрела в бывший «Сайгон». Впрочем, почему «бывший»? Над магазином висела маленькая вывеска с весело намалеванным словом «Сайгон». Аська помедлила… и вошла.

Вечером она была заметно мрачновата. И только ближе к ночи призналась в том, где была.

— Блин, Морж, ну на хера я это сделала! Вот дура-то! Меня будто сковородкой по харе плашмя огрели. Представляешь, яркий свет, аж глазам больно, витрины сверкают, красотки с обложек лыбятся, мужики скалятся, ракеты взлетают, мать их так!.. В предбаннике, где пьяный Витя отирался, — там компакт-диски. И мажоры какие-то на них лупятся. Выбирают. Ну, на стенке суки какие-то написали «Алиса», «БГ»… В подражание… Обслуживание, евроблинстандарт, вежливые все, красивые, все быстро, без очереди… А раньше очереди были — помнишь? Едрен-батон! Хрен достоишься, если знакомых в середке нет! Понимаешь, Морж, я же не против: видео — хорошая вещь, и продавцы отменно хорошие, но все это… Окна — те, стены — те!

НАС там нет. И не будет. Все, что осталось — эти три окна на Владимирский… Я там десять лет не была. А помнишь, как ждали, что закроют? Говорили: завтра закроют, завтра закроют, и мы сутками там ошивались, все ждали — закроют, не закроют… Эти жуткие последние ночи… Помнишь?

Сигизмунд не стоял там и не ждал. Он не присутствовал при смерти старого «Сайгона». Но в этот миг он словно бы вспомнил обо всем. И потому просто кивнул.

* * *

Проснувшись от звонка будильника, Сигизмунд поглядел на спящих рядом Аську с Викой и на мгновение умилился. И тут же его хорошее настроение улетучилось: Анахрон стережет под землей и только ждет своего часа, чтобы навалиться неподъемной тушей.

Открывая гараж, Сигизмунд заранее принюхивался: ему казалось, что он даже улавливает слабый запах… Но нет, пока что никакого переноса из прошлого не произошло. ПОКА.

Спокойно, Стрыйковский, велел себе Сигизмунд, вишь разнюнился, как институтка! Ежели запах будет, вы его почувствуете. Причем без всяких усилий с вашей стороны.

Однако он твердо решил сегодня же вечером посетить приемную камеру и оставить там хлеб, консервы и записку — благо Аська с Викой на пару намылились в гости к новому режу. За фольклористику трепаться. Этот реж, вроде бы, экс-археолог. А Вика — филолог. Оба, небось, в Публичке иной раз штаны просиживают. Аська считала, что это мистически роднит.

* * *

Разъезжая с Сигизмундом по точкам, боец Федор вдруг проницательно заметил:

— Что-то вы бледный, Сигизмунд Борисович. Неприятности дома?

— Да нет, дома как раз одни приятности.

— А, — сказал Федор, — а у меня неприятности. Повестка в военкомат. На сборы какие-нибудь потащат.

— Ты, Федор, молодой. У нас, стариков, свои заботы.

— Вы, Сигизмунд Борисович, не обольщайтесь. У вас как раз самый неперспективный возраст.

— В каком смысле?

— В смысле сохранения вам жизни, — серьезно ответил Федор. — Вы потомство дали? Дали! Сколько вам лет? Сорок?

— Тридцать шесть.

— Во! Лопатой махать еще можете, а детей делать уже не будете.

— Это еще почему?

— Ну так… по возрасту. — Федор, видимо, полагал тридцатилетний барьер порогом глубокой дряхлости и старческого бессилия. Сигизмунд не стал с этим спорить.

Как всегда, являя потрясающую осведомленность в делах государственной важности, Федор сообщил:

— У них негласная установка, Сигизмунд Борисович, брать на всякие экологические катастрофы, вроде Чернобыля, людей старшего возраста. Чтобы уроды не рождались. А что эти ликвидаторы через два года от рака загнутся — то никого не колышет. У нас тут под боком ЛАЭС, так что с учета вас еще нескоро снимут…

— Все-то ты, Федор, знаешь. И мышление у тебя какое-то тотальное. Прямо как геббельсовская пропаганда тебя вскормила.

— Я смотрю на жизнь реально, Сигизмунд Борисович. Без иллюзий. Давайте вон в ту подворотню, там проезд лучше…

* * *

Сигизмунд не успел.

Как и планировал, уехал с работы пораньше. Зашел в гараж, переоделся в ватник, взял железные заграждения и красные тряпочки, ломик, припасы с запиской Лантхильде — и пошел. Было стыдно идти по улице без бойкого Федора Никифоровича. Однако Сигизмунд старался. Шел как гегемон, глядел строго, исподлобья. Никто не оборачивался ему вслед, и потому он довольно быстро успокоился.

Установил ограждения, сдвинул крышку.

— Ходют тут, двигают, у меня вон телефон отключен — кабель небось нарушили, — забранилась над ухом Сигизмунда какая-то бабка.

— Иди, бабуся, куда шла, — посоветовал Сигизмунд и для надежности сплюнул.

— Кабель твой вон где проходит. Небось, за неуплату телефон отключен.

— Ой, какой умный нашелся! Он еще советует! Сам заплати за телефон!

— Сейчас я тебе газ перекрою! — пригрозил Сигизмунд. —

Иди, иди отсюда!

Бабка, поверив, свалила.

Так. Спуститься в люк. Открыть… Потайной ход. Фильм «Зорро». Сигизмунд не сразу нашел, куда ногой ступать, на что ногой давить. Внезапно открывшаяся дверь едва не вмяла Сигизмунда в стену. Он выругался — уже непритворно.

Коридор. Что-то долго идти… А, нет, вот предбанник. В одиночку ходить здесь было жутковато. Не оставляло ощущение, что за спиной кто-то крадется. Привыкайте, Стрыйковский. Теперь это ваше хозяйство.

Посветив фонариком, Сигизмунд открыл дверь и оказался в предбаннике. Тишина стояла такая, что в ушах звенело. Памятуя о провале «ликвидационного» колодца и заранее пятясь от него, Сигизмунд нащупал на стене выключатель и включил свет.

Здесь ничего не изменилось. Самой жутью веяло от провала в полу. И в то же время сооружение вселяло странное чувство защищенности: прямо «волчье логово», хоть атомную войну здесь пережидай… Или, скажем, аварию на ЛАЭС. И никакой военкомат не доберется. Ишь удумали, падлы, старых мужиков на убой посылать. Лопатой, видите ли, махать еще могут, а детей делать уже не станут. Хрена вам лысого! Клал я отсюда на всех с большим прибором! Они еще тут просчитывать будут, сколько мне лет осталось детей делать! Вот ведь суки.

Сигизмунд прильнул к окуляру «перископа», памятуя наказ. Вот оно, масонское посвящение. Назло вот вам наделаю кучу детей, всех их омасоню, чтоб было кому хозяйство передать!

В камере было пусто. Сигизмунд вошел, постоял немного. Позвал зачем-то:

— Лантхильд!

Несколько раз ему отозвалось гулкое эхо. И снова настала неземная тишина, прорезанная тихим журчанием воды.

Может, выключен он у них? Гудел бы хоть. Все работающие приборы гудят.

Сигизмунд заботливо разложил на столе «передачку». Полюбовался.

И вышел, тщательно закрыв камеру. Мало ли что.

На обратном пути Сигизмунда посещали уже типично хозяйственные мысли: надо бы окуляр протереть, а то пыли там насело — видно плохо… И провал надо бы крышкой накрыть, чтоб не оступиться ненароком. Хотя крышка большая понадобится — как бы ее впереть… Ну да ладно, полиэтиленом накрыть — и то хорошо, а то очень уж глаза мозолит…

Так размышляя, Сигизмунд выбрался наружу, соблюдая все меры предосторожности, как учил Никифорович. Задвинул люк.

Забрал ограждения и враскачку направился к своему двору. На душе у него стало значительно легче.

С сестрицами встретился как раз около арки своей подворотни. Аська, увлеченно рассказывавшая что-то Виктории, вдруг замолчала на полуслове, а потом, повернувшись к Сигизмунду, завопила:

— Морж! Ты что, втайне сантехнком подрабатываешь или металлолом собираешь?

— Заткнись, Анастасия, — прошипел Сигизмунд. — Идем к гаражу.

Аська сделала таинственное лицо и на цыпочках прошествовала через двор. Вика пошла следом.

— Ты действительно подрабатываешь? — спросила она Сигизмунда.

— Да нет, — с досадой отозвался он. — Для гаража железки эти понадобились, вот и устроил маскарад… А что, убедительно?

— Морж, покажи! — потребовала Аська. — Вика, ты отойди сюда. Давай смотреть. Морж, работай.

— Чего? — ошеломленно спросил Сигизмунд.

— Ну давай, работай роль.

Чувствуя себя полным дураком, Сигизмунд грохнул железками об асфальт и рявкнул:

— А ну, прекрати, дура!

Аська восторженно зааплодировала.

— Система Станиславского, — объявила она. — Реализм в искусстве.

Сигизмунд махнул рукой и направился в гараж.

* * *

Дома Сигизмунда ждал сюрприз. Аська приготовила голубцы.

Голубцы были любимым блюдом Сигизмунда. Об этом он сообщал каждой девушке, с которой бывал знаком долее пятнадцати минут. Но хорошо готовили голубцы очень немногие.

Аська принадлежала к их числу. Голубцы были настоящие, в цельном капустном листе, обвязанном ниткой, в остром томатном соусе.

В довершение чуда Аська извлекла из холодильника запотевший шкалик, купленный ею на актерские деньги, и благоговейно нацедила Сигизмунду стопочку.

Он поглядел на стопочку, на Аську. Аська стояла, сложив руки под грудью, — ни дать ни взять прислуга из пьесы Островского — и чинно кивала. Вика откровенно забавлялась в

сторонке.

— Ты кушай, кушай, Морж. Тебе нужно кушать, — весомо проговорила Аська. И даже глаза прикрыла для убедительности.

— Ну, ваше здоровье, девочки! — молвил Сигизмунд, опрокидывая в себя стопочку. Аська тут же налила новую.

Блин, хорошо быть патриархом. Надо бы еще пару жен завести. Или нет, пару — многовато. Тесно будет. Да и передерутся.

Райское блаженство длилось недолго — до того момента, как ужин был окончен и Аська подступилась со своими истинными целями. Цели у Аськи были, прямо скажем, меркантильные. Хотела она, Аська, лишние связи отжечь. И использовать для того Сигизмунда. Тем более, что актерский дар у него немалый и в системе Станиславского он собаку съел.

— Ты, Морж, темная лошадка. Тебя никто из моих не знает, — напирала Аська.

— А играешь ты гениально! Давай, одевай свой ватник, бери железки…

— И? — спросил Сигизмунд, тщетно борясь с разочарованием. Давно пора бы усвоить, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

— И дуй ко мне на квартиру. Слушай, будь другом. Переночуй там две ночки. Они под утро приходят.

— Кто? Вий с компанией?

— Да нет, эти… А днем можешь тут кантоваться.

— Никуда я не пойду, — решительно заявил Сигизмунд. Сперва к нему в дом вселились, теперь и вовсе из дома гонят!

— Моржик, хочешь, я на колени встану? Хочешь, косу отпущу? Хочешь, кольцо из пупа выну? Хочешь, тебе его вставим? Что хочешь сделаю, только отгони ты их.

— Кого?

— Эдика со Стасом. И других… тоже. Морж, надень ватник, возьми монтировку, пса своего возьми для устрашения… или другого… Скажи, что приватизировал эту квартиру. Скажи, что выселили меня за неуплату, а тебе, мол, ордер дали. Что беженец ты. Можешь бить их, не стесняясь, псом травить — я тебе за это только спасибо скажу. Они же хилье сторчанное, они всего боятся. Ты им так сделай, — Аська растопырила пальцы, — они и побегут… Морж, ты же гений, тебе же Гамлета играть можно, все обрыдаются…

— Аська, стократно расплатишься, — сказал наконец Сигизмунд. — И она тоже, — он показал на Вику. — Обе вы. А ты, Вика, языкам меня обучишь. Диким! Тем, которые позлее! Самым что ни есть рыкающим!

— Фарси, что ли? — спросила Вика. — Ну, это как два пальца…

Сигизмунд уже понял, что пути к отступлению у него нет.

* * *

С вечера следующего дня Сигизмунд засел на аськиной квартире. Создавалось странное впечатление: будто народ долго уже стоял под дверью и ждал — когда можно будет войти. Звонили. Сигизмунд, в ватнике (Аська ему заботливо подрисовала под глазом выцветший бланш), охотно открывал дверь.

Гости доверчиво входили. Тусовщики! Сигизмунд заманивал их на кухню и там, угрожая ломиком, отбирал деньги, водку, «план», сигареты, после чего выгонял. Всем охотно объяснял, что чеченский беженец, что прравославный, что ордер ему на эту квартиру дали, а Аську выселили за неуплату, за блядство и за жидомасонство неприкрытое. И так теперь со всеми поступать будут. И это прравильно!

Гости страшно огорчались. Сигизмунд серьезно подозревал, что все они поголовно были греховны абсолютно в том же самом. Еще радовались, что так легко отделались.

Доподлинно выведав об одном гостей, что он — Стасик, Сигизмунд не без удовольствия навешал ему дюлей. Навешал также мокрогубому, выдав себя за чеченского беженца, прравославного и режиссера новой формации. Никто не сопротивлялся. Узурпированное Сигизмундом право сильного разгулялось вовсю.

Выставив напоследок двух тухлоглазых девиц (их пьяный Сигизмунд особо не стращал, просто сказал, что Аська тут больше не живет, а им присоветовал оставить наркоту, блядство и формалистическое искусство), Сигизмунд счел голубцы отработанными. Напоследок протравил тараканов, как и собирался, и с легкой душой поехал домой.

Аська с нетерпением ждала отчета.

— Ну ты, Анастасия, развела зверинец… Вытравил всех. Двоих бил.

— Кого? — жадно спросила Аська.

— Режа твоего… И еще какого-то… мудака. Анастасия! Пить хочу! Чаю дай! Утех хочу! Ящик вруби! И убери ты своего выморочного Гринуэя! И еще чего-то хочу, сам не знаю, чего!

— Женщину? — спросила Аська. И не дожидаясь ответа заорала: — Вика! К роялю! Мужчина требует! Я сегодня не могу!

Пришла Вика, поглядела строго. Сказала:

— Сигизмунд, иди спать.

Уже засыпая, укрытый одеялами и обложенный подушками, Сигизмунд сонно пробурчал:

— Аська, там в сумке военная добыча… трофеи… разберись…

Аська приволокла сумку и тут же вытряхнула на засыпающего Сигизмунда кучу жеваных мелких денег, две бутылки водки, пять пачек мятых сигарет, пакетик «плана» и книги — «Сто лет одиночества», «Мормонскую библию» и прошлогоднее расписание пригородных поездов. Не считая жвачки и пачки презервативов.

— Ну ты, Морж, даешь! Ты просто Стенька Разин какой-то!

Но Сигизмунд уже спал…

* * *

«План» Аська выбросила в канал Грибоедова. Выбросила не спросясь никого, своевольно. Сигизмунд отнесся равнодушно, а Вика неожиданно возмутилась. Сигизмунд даже не думал, что они могут из-за этого так поссориться.

Вика, и без того холеная и гладкая, живя у Сигизмунда, в цивильных условиях, сделалась еще более ухоженной: все время что-то утюжила, застирывала, подкрашивала. Тем более странно было смотреть, как она ярится из-за «травы».

— Ну вот что ты, Анастасия, всюду лезешь! Что ты распоряжаешься? Взяла выбросила. Может, я потянуть хотела? Ты же спросила? Да и вообще это не твоя «трава» была, а Сигизмунда! Чего ты хозяйку-то здесь из себя корчишь?

— Ты, Виктория, заткнись, поняла? Одурела там в своих заграницах! Фиг тебе, а не торчалово… С меня хватит! Насмотрелась!

Аська раскраснелась, ее нешуточно трясло — Сигизмунд ее такой и не видел.

Вика пожала плечами, сказала с подчеркнутым спокойствием:

— Что вы, Анастасия Викторовна, кипеж устроили? Все курят «траву», никто еще от этого не помер.

— Никто больше курить «траву» не будет! — закричала Аська, явно теряя голову. — Еще как помирают! От этого помирают, поняла? Все, хватит! Никто больше не помрет, поняла?

— Да кто здесь помирает-то?

— Да иди ты в жопу! Дурой прикидываешься?

Сигизмунд слушал, обреченно ожидая закономерного финала. Обе сестрицы выжидали — чью сторону он примет. Сигизмунд не вмешивался. Естественно, минут через пятнадцать обе, необъяснимым образом придя к дивному единению,

объявили виновным самого Сигизмунда. Теперь уже выходило так, будто он, Морж, спер у Аськи ключи, проник в чужой дом, вел себя как последний жлоб, разгонал хороших людей, отобрал у них деньги, прикупил дури и приперся сюда — всех тут старчивать.

Претерпев несколько минут бессвязные обвинения, Сигизмунд вдруг заорал:

— Молчать! Достали, дуры! У вас есть чем заняться? Идите и занимайтесь!

Вика ушла из дома почти сразу — строгая, подчеркнуто вежливая. Попрощалась, аккуратно затворила за собой дверь. Сказала, что вернется к вечеру.

Аська сорвалась с места минут через сорок. Естественно, не попрощалась. Естественно, хлопнула дверью.

Затем проявилась Наталья. Слава Богу, по телефону.

Телефонная проповедь Натальи на этот раз была превосходно структурирована и имела отчетливо разделяемые части.

Часть первая. Прегрешения Сигизмунда. Их было множество.

Часть вторая. Просьбы Натальи.

Часть третья. Обещания Сигизмунда.

Третья часть предшествующего разговора в подобных случаях составляла материал для части первой последующего телефонного контакта с экс-супругой.

Сигизмунд давно разработал различные способы прохождения бесед с Натальей. Данная структура требовала особой тактики. На каждый новый попрек Натальи Сигизмунд отзывался все более исступленной щенячьей радостью по поводу ее долгожданного звонка и вообще существования на этом свете. Пробиться сквозь напускной идиотизм бывшего супруга Наталье так и не удалось, поэтому она быстро перешла к части второй:

— Ну, ты еще не забыл свое обещание?

— Какое?

— Насчет обручального кольца. Или у тебя уже из головы вылетело, что я замуж выхожу?

— Ты хоть с женихом-то познакомь, — сказал Сигизмунд по возможности доброжелательно. — Не чужие ведь.

— Мы зайдем на той неделе. Когда тебе будет удобно?

— Во вторник вечером давайте, заходите.

Ну вот, теперь еще с воркутинским бодхисатвой беседовать…

Все-таки напрасно Наталья считает его, Сигизмунда, рохлей. Обходиться с бабами он все же умеет. Обе приструненные сестрицы явились под вечер ласковые-ласковые, что одна, что вторая.

Аська уже с порога затараторила о разном.

— Виктория не проявлялась? Я тут у нового режа была, у него такие идеи, он хочет древние традиции возрождать, ну наши, исконные, языческие. А что? Эти, эстонцы, в Нарве свое Лиго справляют? Это они нам назло свое Лиго справляют, чтоб нам завидно было — мол, вон какие мы независимые, и все-то у нас свое, и Лиго у нас свое. Ну и пусть у них Лиго, а у нас — Солнцеворот. Этот мужик, реж мой новый, так и говорит: хрена им лысого, этим горячим эстонским парням, мы им такой Солнцеворот закатим — наш, славянский! Мы колеса возьмем — ну, от телеги, Морж, ты не подумай чего — и подожжем, в реку с откоса бросим, а река, между прочим, пограничная. А в крепости со всех башен волхвы будут кричать в инфразвуке, эстонцев пугать. А я там на самой главной роли буду. Я голая на плоту вдоль по границе поплыву, вся в цветах. Как живой венок, понимаешь?

— Тебя погранцы подстрелят, — сказал Сигизмунд.

— Что они, живодеры, что ли? Я же там буду жизнь праздновать! Ритуально совокупляться!

— С кем? — изумился Сигизмунд.

— Со скоморохами. Ой, Морж, это такое будет! Все нам деньги дают — и ЮНЕСКО, и мать Тереза, и Гринпис… в общем, усраться! Там сразу Возрождение начнется, а мы будем главными титанами!

— Где там?

— В Ивангороде, я же говорю — мы назло Нарве такой праздник закатим языческий, чтобы инфраструктура поднялась… Морж, у тебя распечататься реально?

— Чего? — изумился Сигизмунд. — Аська, повтори последние слова.

Аська потупилась, застеснялась даже как будто, потом повторила:

— Распечататься, говорю, реально? Кончай, Морж, стебаться.

И предъявила дискету.

— Что здесь? — спросил Сигизмунд.

— План праздника… смета… Слушай, срочно распечатать надо. К завтрему. Чтобы всем разослать.

— Кому?

— Ну, спонсорам. Откуда я знаю, кому. ООНам разным там, ОМОНам… Ну, кто этим занимается…

Сигизмунд, забавляясь, взял дискету, понес к компьютеру. Аська приплясывала вокруг, стремилась заглянуть в лицо.

— Ты распечатаешь, Морж? Ты сделаешь? Слушай, сделай два экземпляра. Или три. А?

— Анастасия, поставь кофе.

— А ты сделаешь?

— Если прочитается.

— Слушай, Морж, а как там все записывается? Я эту штучку отодвигала, смотрела, смотрела на дискету… Ну, на грампластинке — там понятно, там дорожки…

Сигизмунд заложил руки за голову, посмотрел на Аську пристально.

— Аська. Ты такой предмет, как схемотехника, проходила?

— Естественно, проходила! — дернула плечом Аська. — Это у меня профилирующий.

— В конспектик-то загляни, загляни… — присоветовал Сигизмунд. — Много интересного найдешь. Все, иди кофе ставить.

Однако Сигизмунда также ждала встреча с новым и интересным. Содержала в себе это новое аськина дискета. Вернее, дискета ее режа. На дискете обнаружились два одиноких файла. Одиноких и очень маленьких. Они послушно выдали свое содержание старине «Нортону». Один описывал план празднества, призванный поразить утлое воображение ООНов-ОМОНов, в общем — возможных спонсоров. Второй содержал в себе смету.

СМЕТА

1. ПОСТАНОВОЧНАЯ ЧАСТЬ * Дизельное топливо (около 400 литров) * Дрова (2–3 грузовика) * Аренда мобильной связи (8 приемо-передатчиков) * Прожекторы для подсветки водопада * Аренда концертного звука * Костюмы актерской массовки * Атрибутика костюмов * Тележные колеса (10 шт.) * Веревка (3 км) * Канат (1 км) * Стальной тросик (300 м) * Ведра (15 шт.) * Телега (1 шт.) * Факелы (100 шт.) * Изготовление музыкальных инструментов-бревен * Прочие декорации внутри крепости и на берегу реки * Аренда транспортных средств (доставка актеров, реквизита и т. д.)

2. ОПЛАТА ИСПОЛНИТЕЛЯМ * Питание и расселение актеров в Ивангороде на 4 дня * Оплата актерской массовки * Оплата музыкантам и солистам * Оплата фольклорным коллективам * Оплата «огневикам»

* Оплата постановочной группе и администратору

Вошла Аська с кофе. Сигизмунд отвернулся от экрана компьютера, сказал:

— Слушай, Аська, объясни мне две вещи: что за музыкальные инструменты-бревна и кто такие «огневики».

— Это предки наши такую музыку играли, — гордая новыми познаниями сказала Аська. — Богатырскую музыку играли! Они бревна выдалбливали и что-то с ними делали, а потом над головой на цепях вертели. Чтобы звук шел.

— А «огневики»?

— Это ребята, которые костры кислородят. На Иванову ночь костры разводят. Так это реально распечатать?

— Да распечатаю я тебе, угомонись…

— Морж, а зачем тебе компьютер? У тебя «DOOM» есть? Что ты не играешь? Что ты как дурак последний, компьютер завел, а не играешь? От жизни отстаешь.

— С меня ящика хватает, — сказал Сигизмунд. — Чтобы держаться на общем уровне оглупления.

— Да ну тебя, — потянулась Аська. — Скучный ты, Морж.

* * *

Вечером все трое — Вика вернулась вскоре после Аськи — добросовестно оглуплялись, сидя перед ого.

— Виктория, — спросил Сигизмунд, — как тебе в голову пришло взять в прокате такое дерьмо?

Аська безмолвно и торжествующе сверкала глазами. Она так и не простила высокоученой сестрице и гегемонствующему Моржу дружных нападок на Гринуэя.

На экране в течение трех часов неспешно разворачивались приключения безглазого багатура, воспитанника гномов-каратистов, и его верных друзей: кречета, волка и лесного деда. Все они были остро необходимы багатуру.

Кречет, посланный на разведку к хазарам, был опознан теми как тотем, посланник небес и т. д., окружен почетом и опутан магией — чтобы не улетел. Верные друзья отправляются вызволять кречета.

Таинственный холм на болоте оказывается убежищем, возведенным в незапамятные времена дочеловеческой расой лемуров. Люди были выведены ими в доисторическую эру — как кормовой скот.

Героев на холме ждали захватывающие приключения: следы древних битв; встреча с одичавшими и выродившимися лемурами-секьюрити; проход через защитные системы лемуров (заросли, студни, кислоты; эволюционировавшие в гигантов доисторические паразиты).

Багатур и лесной дед находят нечто вроде компьютера, управляющего всей защитной системой лемуров. Воспитанник подземных гномов немедленно вступает с нею в телепатический контакт.

Благодаря активизации древнего компьютера лемуров, из пустоты тут же вылупляется биомеханическое существо —

золотой богомол, называемый также «летучим конем». С ходу выясняется, что предназначение его — уничтожать людей как вид. Между лесным дедом и багатуром завязывается нудная дискуссия: допустимо ли использовать адскую машину против врагов? Однако багатур, не чуждый компьютерам, все же ухитряется управляться с чудовищным приобретением.

Прибытие героев с «конем» к хазарам производит форменный фурор. Создается патовая ситуация: герой боится расстаться с золотым богомолом, а хазары — с кречетом, так как, в свою очередь, опасаются адской машины…

Тут Сигизмунд не выдержал.

— Слушай, Вика, как тебя угораздило взять эту лабуду?

— Мне выдали ее как сверхмасштабную историческую эпопею, — угнетенно призналась Вика.

— И ты поверила?

— Не знаю… У мужика на обложке вполне грамотные доспехи…

Фильм некоторое время вяло катился дальше. Любовь, кровь, американские слюни вперемешку с патриотическими соплями, плюс гумилевские еврейки, соблазняющие простодушных хазар-тюркутов…

В целом семейный киновечер можно было охарактеризовать как «торжество Гринуэя».

* * *

Ночью бродили втроем по каналу, пса выгуливали, себя проветривали. Курили, разговаривали.

Неожиданно Аська повернулась к Казанскому собору и спросила Сигизмунда:

— Морж, ты в Бога веришь?

Вопрос застал Сигизмунда врасплох. Он ответил уклончиво:

— Во всяком случае, знаю людей, которые безусловно верят. А что?

— Да так… У режа сегодня говорили… Слушай, Морж, а чего человек должен ждать от крещения?

— Не знаю… Чего-нибудь хорошего…

— А зачем вообще люди крестятся?

— Я думаю, — сказала вдруг Вика, — что некрещеный человек — он для Бога как нечитаемый файл. А покрестился — и открылся. Будто нужный формат обрел. Ну, лютеранин — тот с трудом открывается, католик получше, но тоже со сбоями и лишними знаками, а православный — сразу и во всю ширь… с

управляющими символами… Правда, лютеране наоборот считают. А иеговисты какие-нибудь вообще не открываются.

— Тут повели двоих… ФОРМАТИРОВАТЬ… в Казанский собор.

— Кого? — удивился Сигизмунд. Аська раньше никогда не проявляла интереса к религиозным проблемам.

— Детей. Помнишь, я на похоронах была, еще двое детей остались… Бабушка решила их покрестить — на всякий случай, вдруг конец света или еще что… Пришли всем кагалом в собор, там сплошь младенцы были, а ребят постарше только двое: один какой-то незнакомый и наш. Тех, кто постарше, поп в сторону отвел и учинил собеседование, как при вступлении в комсомол. Чего, мол, ожидаете от крещения? Не знаю уж, что они там брякнули, но не то, что в уставе или как это называется у попов…

— Катехизис, — сказала Виктория.

— Один хрен, — отмахнулась Аська, — не то они что-то сказали… Ну, поп их и выставил. Идите, говорит, книжки почитайте, а потом приходите. Ответите правильно — покрещу. Все бы ничего, но бабушка расплакалась, стала кричать «как вам не стыдно, дети сироты, у них мать умерла»… После этого поп их за нарушение благочиния и вовсе выставил.

— И что, так и ушли?

— Они во Владимирский пошли. Там ничего не спрашивали. Покрестили и все. Мол, понадобится парню — сам эту книжку прочитает, а не понадобится — ну и фиг-то с ним…

— А что ты так яришься? — сказала Виктория. — В храм не на попа ходят смотреть, а на Бога.

— Какая ты умная, Вика. Поп их выгнал. Сирот обидел. А знаешь, в какой это день было? В самый главный такой христианский праздник, когда прощать положено. Прощеное Воскресенье называется. Я тут думала даже, когда с похорон вернулась, — может, и мне покреститься? Светлого чего-то хотелось. Чтоб настоящее. А теперь передумала. Что я там забыла? Чтобы поп на меня орал? На меня и так все орут: и реж орет, и ты вот, Морж, тоже…

— Нашли куда детей вести, — сказал Сигизмунд. — В Казанский собор! Нехорошее это место, музеем атеизма испоганенное. И сейчас там лучше не стало. Его новые мажоры обсидели. Они Боженьку боятся как налоговую полицию, только чуток поменьше… Вход сбоку, нищих — и тех нет…

— Нашел тоже показатель благополучия — нищие! — фыркнула Вика.

— Морж, слыхал, — Виктория у нас снова за границу лыжи вострит. Зачахла, видите ли. В языковую среду хочет. Знаешь,

Морж, чего она на самом деле хочет? Сытости и благополучия. Буржуазности она хочет. Сквозняки ей здесь не нравятся.

— Меня, между прочим, мое место в университете ждать не будет, пока я тут с вами в смыслы жизни играю, — отозвалась Вика.

— А ты здесь науку двигай, — не сдавалась Аська. — На родине!

— Да кому здесь наука сейчас на хер нужна! — ответила аськина сестрица. — Вот если бы я попкорном торговала или там босоножками…

— Когда ты едешь? — спросил Сигизмунд. Ему вдруг сразу стало грустно.

— К концу месяца. Завтра в консульство пойду.

— А, — сказал Сигизмунд. И замолчал.

* * *

Во время чаепития в «Морене» Сигизмунд вдруг спросил Федора:

— Кстати, Федор, не проконсультируешь ли вот по какому вопросу: что положено человеку ожидать от крещения?

Федор сразу собрался и ответил четко и браво:

— Спасения и жизни вечной. — И осторожно запустил щуп: — А вы что, креститься надумали, Сигизмунд Борисович?

— Да нет, я так интересуюсь, теоретически… Меня мать еще в детстве покрестила, между прочим, в католичество… Мне тут вчера историю рассказали…

Выслушав аськину историю о Казанском соборе, Федор немного подумал и ответил решительно:

— Поп, конечно, говно. Мне вот отец Никодим не поленился полчаса мозги вправлять. А до остального, говорит, Федор, и сам дойдешь, если подопрет… Попы, кстати, тоже разные бывают. Бывают и ничего, а бывают — такие зануды! Но только на наше православие это не распространяется. Православие — оно правильное. Потому как четкое.

От спокойной казарменной убежденности Федора Сигизмунду вдруг стало значительно легче.

— Ты спроси еще этого своего отца Никодима: вот если человек умер и его кремировали — он точно потом не воскреснет или как?

Федор прищурился.

— Помер у вас кто, Сигизмунд Борисович? — очень осторожно осведомился он.

— Да нет, узнать просили… А я не знаю и узнать не у кого, разве что у тебя.

— Считается, что не воскреснет, — озабоченно проговорил Федор. — Но я на всякий случай еще проконсультируюсь дополнительно. Ладно, поеду. — И уже в дверях остановился. — Да, Сигизмунд Борисович, протрава кончается. Завтра привезли бы.

— Хорошо.

Федор ушел.

Светка стала собирать чашки. Она уже собралась идти их мыть, когда Сигизмунд сказал ей в спину:

— Светлана, бумаги для налоговой готовы?

Светлана замерла, излучая страх. Потом сказала:

— Нет.

— Слушай, чем ты занималась два дня? На кой нам штрафные санкции? Поставь ты эти чашки. Иди сюда.

Светка послушно сгрузила чашки, подошла к Сигизмунду и встала перед ним, сцепив пальцы.

— Что?

— Что с тобой происходит?

— Ничего.

— Ты работать собираешься?

— Собираюсь.

— Ты понимаешь, что у нас бюджет!.. — заорал Сигизмунд. — Вот так у нас бюджет!.. — Он провел пальцем по горлу. — Вот так!.. Еле сводим!.. Сейчас еще штрафные навесят!.. Ты это понимаешь, ты, бухгалтер!.. Ты на штате сидишь!..

— Понимаю, — совсем тихо сказала Светка.

— Кому мне зарплату не платить? — спросил Сигизмунд. — Федору или Людмиле Сергеевне?

— Мне, — прошептала Светка.

— Я тебя уволю! В чем дело? Да сядь ты.

Светка села. Помолчала еще немного. Глаза набухли слезами.

— Ну? — уже мягче повторил Сигизмунд.

— Я беременна, — прошептала Светка. — Анализы показали…

— Какой срок?

— Три недели…

— Сколько тебе нужно?

— Чего нужно?

— Денег, чего… Ты будешь прерывать?

— Я не знаю! — сказала Светка и бурно разрыдалась.

Сигизмунд дал ей время поплакать. На душе у него сгущались тучи. В маленьких фирмах, вроде «Морены», главная

нагрузка лежала на бухгалтере.

Потом Сигизмунд взял Светку за руки и проникновенно проговорил:

— Светлана. Мне нужен бухгалтер. Ты без меня знаешь, что беременная женщина — не работник. Кормящая — тем более. Если ты решишься… я тебе помогу. Ну, деньгами. Оформим. Не беспокойся.

— Что — «решишься»? — пролепетала Светка.

— Что, что… Муж-то у тебя бюджетник. Когда он в последний раз зарплату получал? Ты соображай. Ты ему сказала?

— Да…

— А он что?

— Говорит, сама решай…

— Ну вот ты и решай.

— Что?

— Света, я не смогу тебя держать в штате.

Светка встала. Лицо у нее разом сделалось мокрое: текло из глаз, из носа.

— Сигизмунд Борисович, можно, я уйду? — спросила она шепотом.

— Иди, — сказал Сигизмунд. — Ну, иди, иди…

Светка схватила сумку и убежала.

Несколько секунд Сигизмунд тупо смотрел на дверь, а потом схватил себя за волосы и несколько раз стукнулся лбом об стол. Так. Только этого не хватало — остаться без бухгалтера. Не станет Светка делать аборт. Рожать она будет. Нищих плодить. Остаться без бухгалтера — это катастрофа. Особенно при нынешнем положении «Морены». И с улицы просто так бухгалтера не возьмешь…

* * *

В воскресенье Аська, возвращаясь от своего нового режа, нежданно-негаданно притащила с собой Мурра и уже с порога закричала:

— Морж! Смотри, кого я тебе привела!

Мурр был мрачноват, строг и ничем не показывал своего удивления. Чинно выпил кофе. Сдержанно-одобрительно отозвался о проекте фольклорного праздника, в котором собирался принять участие. Никак не реагировал на бурное ликование Аськи.

Сигизмунд держался холодновато — все утро просидел на телефоне, обзванивая своих знакомых в поисках приличного

бухгалтера. Мысли в основном вертелись вокруг этого.

Мурр с присущей ему временами чуткостью видел, что Сигизмунду не до гостей, и потому проговорил тихим, грудным голосом:

— Хотите, я новую песню вам покажу?

— Ой, Мурр, это гениально! Морж, ты должен это послушать! Такая архаика — охренеть, такие корни! Новый реж кипятком писал, весь пол залил!

— Я просто стремился создать сказку, — мягко поправил Мурр. И стал петь.

Сигизмунд даже вздрогнул: он не ожидал, что Мурр просто так запоет, без гитары, без предисловий.

Песня полупелась, полувыстанывалась, полувыкряхтывалась; завораживающий голос Мурра то уходил в распевы, то топтался на речитативах; только за счет голоса, пожалуй, песня и забирала — ритм и стих хромали на все четыре лапы… будто косолапый бежит. Да, будто косолапый бежит. Куда-то. В темную берлогу. В черный провал. Под землю.

Сторожит медведь Мое счастье от всех. Ждет меня медведь, Чтоб мне отдать счастье. Солнце сменит дождь, А дождь сменит снег, Ждет меня медведь В сушь и ненастье — Чтобы счастье не скучало, Ему Он сплетает венки… Он горем удручен, Что я не прихожу. Из сопочки Слушает грай птиц у тропочки: Может, жданный бредет, Может, ветер голос принесет. Вот уже сколько лет Все ждет да ждет, Ждет меня медведь, Все ждет да ждет, А меня все нет, Нет да нет, Меня — нет…

Мурр плел и плел песню, больше голосом, чем словами, и Сигизмунд, как всегда во время его пения, вдруг оторвался от берега реальности и поплыл… И чем дальше он уплывал, тем больше понимал — только вот словами выразить не мог. Нелепые и разрозненные события последних недель вдруг обрели соединенность и смысл, как будто их вписали в некий общий контекст. И исчезновение Лантхильды, и исчезновение Аськи, и возвращение Аськи, и та смерть, что ударила мимо, и Аспид, и Светка, которая не хочет избавляться от своего ребенка… Все.

Мурр пел и пел, казалось — вечность. У Аськи восторженно блестели глаза. И Вика сидела не шевелясь — слушала. А у Сигизмунда вдруг мурашки пошли по спине. Кто-то ждал. Долго ждал.

Чтобы счастье не грустило, Медведь Прибаутки рычит. он сердится порой, Грозит Разбранить меня. И не ведает он, Что давно я сплю в земле сырой — Медяки на глазах — Некому медведю рассказать. И медведь все ждет да ждет — Вот уж сколько лет Ждет да ждет… А меня все нет, Нет да нет… Меня —

не-ет… А медведь все ждет, Ждет да ждет, А меня уж нет, Нет да нет, Ме-еня не-е-е-ет!..

Сигизмунд слушал, слушал… В многократно повторенном «нет» ему все явственнее слышалось исступленное «да», и в постоянном утверждении «меня нет» звучало все громче «я есть, я есть!»

«Жизни хочу», — вспомнил он аськины слова.

Допев, Мурр скупо улыбнулся, не стал слушать похвал, а вместо этого залпом допил остывший кофе и быстро ушел. Сказал, что ему нужно еще в одно место зайти.

— Как он там поживает, не рассказывал? — спросил Сигизмунд у Аськи.

— Херово, как все… Я не знаю, у них своя тусня. Они чужих не любят. Слушай, Морж, а у тебя правда денег нет? Купил бы ему нормальную гитару.

— Правда нет, — сказал Сигизмунд. — Я бы его давно на лазернике выпустил, были б только деньги. А теперь еще бухгалтерша…

И снова его охватила непонятная тревога. Острая, как колика. Мысль лихорадочно заметалась: что?.. где?..

— …Ты что, оглох, Морж? Трубку сними! Замечтался!

Тряхнув головой, Сигизмунд снял трубку.

— Значит так, Сигизмунд Борисович, — прозвучал деловой голос Федора. — Я, как обещал, проконсультировался.

— О чем? — изумился Сигизмунд. — Что, бухгалтер?..

— Какой бухгалтер?

— Нет, ничего… Извини.

— Я насчет кремации консультировался.

Тревога резко усилилась.

— Какой кремации?

— Вы просили дополнительно узнать насчет воскресения кремированных. Опасно или как.

Сигизмунд наконец сообразил, о чем речь. Исполнительность Федора порой ставила его в тупик.

— Ну и как?

— Отец Никодим говорит: что, по-твоему, Бог из пепла не соберет? А если кто при пожаре погиб — тех тоже?..

— Ну спасибо, Федор, утешил.

— Не за что. Всегда рад. Если что, звоните, Сигизмунд Борисович.

Сигизмунд едва дождался конца разговора. Он вдруг определил источник сильнейшей тревоги. «Хозяйство». Берлога. И там стережет… ждет… Кто? Он почти физически ощущал ЗОВ.

— Ты чего с лица такой бледный? — закудахтала Аська. —

Сообщили тебе чего?

— Да нет. Скоро приду.

Он почти бегом выскочил во двор, открыл гараж. Запаха не было. Но ЗОВ становился все сильнее. Лантхильда? Может быть, она под землей? Всего лишь в двадцати метрах, внизу? Бьется под асфальтом в жуткой камере или в коридоре? Или в этом черном зловонном колодце?

Не сразу попадая в рукава, Сигизмунд переоделся в ватник. Он даже не чувствовал холода. Быстрее, быстрее. Стережет медведь. Все взаимосвязано. Все вписано в общий контекст. Древний и жуткий.

Гремя заграждениями, прошел по каналу, нырнул в подворотню. И…

На люке стоял «москвичок». Порыпанный, заслуженный. Явно на трудовую копейку куплен после ста лет очередей. И угораздило же его!..

Недолго думая, Сигизмунд пнул «москвичок» ногой. Машина взвыла. Повыла, помигала — замолчала. Сигизмунд снова пнул. Подождал. Минуты через три хлопнула парадная, и во двор выскочил полуодетый мужик. С первого же взгляда Сигизмунд определил в нем такого же бедолагу, как он сам. Тем лучше. Еще издалека Сигизмунд чудовищно заматерился ему навстречу. На хрена на аварийный люк свою тачку поставил! Давай, откатывай срочно! Там газ травит! Воскресенье, блин, я один на участке!

Сигизмунд сам от себя не ожидал такого вдохновенного вхождения в роль. Может, Права Аська? Только Гамлета ему и играть.

Мужичок во всяком случае поверил, в подлинности образа не усомнился. Покорно залез в «москвичок», заглушил завывания, откатил с люка.

Спросил, сильно ли газ травит. Не рванет ли?

— Да ни хера не рванет!.. — Сигизмунд утопил ответную реплику в чистом мате и свел ее к тому, что задрочили его по выходным тут дежурить…

— Может, помочь, дядя? — совсем мирно спросил мужичок.

Ишь ты, как не хочет, чтоб рвануло! А механизм там, в люке, не беззвучный, и надо бы от мужичка отделаться поскорее. Сигизмунд раздраженно замахал рукой.

— Да иди ты, иди, иди!.. Достали!..

Мужичок наконец обиделся и ушел.

Когда за Сигизмундом закрылась входная дверь, отделявшая подземный тоннель от наружного люка, Сигизмунд перевел дыхание. Всеобъемлющая тишина ударила его, в ушах зазвенело. И вместе с тишиной нахлынул ужас. Он понял, что боится

отходить от двери.

Постоял. В тишине ничего не менялось. Позвал: «Лантхильда!» Метнулось эхо — больше ничего. Поудобнее взял в руку ломик и заставил себя отлепиться от двери. Сделал шаг по коридору, другой.

Включил фонарик, посветил. Все как прежде. Бетонный пол. Серый потолок.

Сигизмунд медленно шел вперед. Наконец впереди открылся «предбанник», он же кладовая. Метнулся луч фонарика — Сигизмунд нашел выключатель и быстро зажег свет. Тусклое мертвенное сияние залило стеллажи, черный провал колодца, дверь с рычагом… После Сигизмунда здесь никого не было. «Предбанник» был пуст.

Сигизмунд осторожно прошел по кладовой. Заглянул в окуляр «перископа». Записка и термос, оставленные Лантхильде, нетронутые, стояли на нарах. Сигизмунд уже собрался было зайти в камеру — для очистки совести, когда его охватило ощущение, будто за спиной кто-то стоит. Почти вплотную. Если сделать шаг назад, то можно столкнуться с… ним. Сигизмунд почти до крови прикусил губу и обернулся. Никого. Он едва не вскрикнул. Теперь присутствие ощущалось в камере. Сигизмунд снова заглянул в окуляр — да нет же, пусто.

Где-то вокруг подземной камеры зародился гул. Будто кто-то, безмерно большой, сказал: «Ох-х!» Этот звук сопровождался мелкой вибрацией. Тихонько звякнуло что-то металлическое на стеллаже. Сигизмунд взвыл от ужаса.

И снова настала тишина. Всхлипывая от страха, Сигизмунд в последний раз заглянул в камеру: вдруг перенос? Но — нет, никакого перенесенного объекта в камере по-прежнему не наблюдалось.

Но пока он стоял согнувшись над окуляром кто-то невидимый невесомо прикоснулся к его спине. По всему телу разбежались мурашки, Сигизмунд утробно закричал и дернулся в сторону.

Никого.

— Аспид! — закричал он. — Стрыйковский!

Тишина.

Теперь Сигизмунд не мог оторвать взгляда от темного провала в полу. Угрозу таил он. Трясущейся рукой Сигизмунд взял со стеллажа гаечный ключ и метнул его в колодец. Перехватил поудобнее ломик, готовясь встретить то страшное, что выметнется оттуда… Секунд через десять раздался далекий плеск. И все.

И снова пришел гул, более тихий, но более продолжительный. Оцепенев, Сигизмунд стоял у стены — ждал,

пока это закончится.

Это закончилось. И больше ничего не случилось.

Сейчас Сигизмунд видел и тоннель, и провал в полу. Надо было бы еще раз подойти к камере, глянуть. Но это означало подставить спину неведомому… тому, что таилось… что ЖДАЛО. Он не смог заставить себя сделать это еще раз.

Вместо этого, сухо рыдая, он двинулся спиной к стене в сторону коридора. Зажег фонарик. Свет в «предбаннике» так и оставил гореть. Пошел сперва медленно, потом все быстрее и наконец побежал на подкашивающихся ногах. Его мотало от стены к стене, колени сделались ватные. Стена! Тупик! Заперто.

Стоп, Стрыйковский. А рычаг здесь для чего? Для украшения?

Сигизмунд буквально повис на рычаге, почти уверенный в том, что дверь перекосило, и она не откроется. Однако дверь спокойно отошла.

Из люка хлынул холодный воздух и дневной свет. Сигизмунд смотрел на него как на чудо. И, не соображая, что говорит, вымолвил:

— …спасения и жизни вечной…

* * *

Аська встретила Сигизмунда восторженно:

— Слушай, Морж, а куда ты все время переодетый бегаешь? С этими дурами железными? Ты, наверное, Морж, нам мозги паришь. Ну какой ты генеральный? Та наверное бандит, Морж! Вон как с моими тусовщиками управился! Сноровка у тебя. Мы с Викой видели в окно, куда ты бегал. Я у окна стояла и говорю: гляди, говорю, Виктория, наш-то как резво побежал! Куда это он опять переодетый с железяками и ломом намылился? А Виктория, девочка наивная — она мне говорит: че ты к нему прибадываешься. Не видишь — на вызов побежал. Полхалтуривает мужик, и пусть себе..

— В Гамлеты готовлюсь, — сказал Сигизмунд. — Систему Станиславского расширяю.

— Врешь, — сказала доверчивая Аська.

— Ладно, откроюсь, — проговорил Сигизмунд, — я, девоньки, ликвидатор. Убираю трупы, стираю следы крови, отпечатки пальцев и прочие улики. Менты, когда приезжают, мажут стены сажей…

— Сажей? — изумилась Аська.

— Да, отпечатки снимают. Но там, где побывал я, сажей мазать бесполезно, все отпечатки уже стерты…

Аська все шире раскрывала рот. Ее воображение мгновенно пленилось неслыханными подробностями о жизни угрозыска, которыми владел Сигизмунд.

— На вызов ходил, — продолжал Сигизмунд. — Работал… Срочное дело.

Он хохмил, но на душе у него было тяжело. Плохо как-то. Угнетало то, что не заглянул в последний раз в камеру — вдруг туда все-таки перенесло Лантхильду. И еще вертелось детское, бессмысленное раскаяние: свет-то в предбаннике так и не погасил…

— Да, — промолвила Вика, — многообразный вы человек, гражданин Морж. Бегаете с железяками, травите тараканов, владеете мертвыми языками…

Аська неподдельно удивилась.

— Какими еще мертвыми языками, Морж?

— Это уж пусть Виктория тебе объясняет, а я не филолог.

Сигизмунд вспомнил о том, что Виктория собирается возвращаться в свой Рейкьявик, и ему стало совсем хреново.

Глава девятая

…Чего Сигизмунд никак не мог понять — так это того, как его угораздило снова оказаться в помещении терминала-приемника. Ведь, вроде бы, только что ноги оттуда в панике уносил, а неведомый ужас гнался за ним по пятам. И слово себе давал — больше носа туда не казать. И вот гляди ты: опять идет по тоннелю, и фонарь прыгает в руке. А батарейки садятся. Хоть бы батарейки заменить догадался, растяпа!..

Одно утешало: в прошлый раз он оставил гореть свет. Но вот и «предбанник»; там темно. Сигизмунд находит выключатель, несколько раз щелкает. Свет не включается. Словно издалека доносится поучающий голос Никифоровича: «Теперь вам, Стрыйковский, здесь лампочки менять».

В темноте, с тусклым фонариком в зубах, Сигизмунд лезет по высокой стремянке. Пол не виден — теряется где-то далеко внизу. Кругом кромешная тьма.

И, как назло, когда Сигизмунд начинает ввинчивать лампочку, снова доносится угрожающий гул. Сигизмунд вцепляется в стремянку. Еще немного — и странная подземная вибрация стряхнет его с лестницы в колодец. Наконец гул стихает. Сигизмунд торопливо довинчивает лампочку и начинает спускаться.

Хлопок по выключателю: есть! Вспыхивает свет. Наконец-то… Теперь можно подойти к окуляру и заглянуть в камеру. Может быть, там и в самом деле кто-то появился…

Сигизмунд склоняется над окуляром. И в этот момент понимает, что за спиной у него действительно кто-то стоит. Ждет.

Очень медленно, осторожно Сигизмунд поворачивается…

Аспид. Белое-белое лицо. Старый. Забытая с годами, но застрявшая в детской памяти дедова бородавка под глазом — на фотопортрете тщательно заретушированная.

Сигизмунд захрипел, силясь крикнуть. Что-то держало горло, не давало прорваться голосу. Наконец Сигизмунд одолел преграду и заорал…

— Ты чего, Морж, цыгане снятся? — сонно пробормотала Аська. И вдруг вскинулась: — Да ты потный весь! У тебя температура? Давай горчичники поставлю.

И снова заснула.

Сигизмунд сел на постели. Огляделся. Ощутил острую благодарность к своей комнате — обжитой, пыльной, теплой. Никакого Аспида здесь не было и в помине. На помойке возле гаража надсадно выли коты. Но и этот звук сейчас не раздражал

— наоборот, приносил успокоение.

Приснилось все. Нет никакого Аспида. Был да весь вышел. Не станут коты учинять свои разборки в дурных местах.

Проклятье, а хозяйство-то и впрямь беспокойное…

Сигизмунд перелез через Вику — она спала с края — и отправился на кухню. Глянул на часы: еще спать и спать.

Покурил. Подумал о том, что надо бы утром позвонить Федору Никифоровичу, поинтересоваться: что за чертовщина такая творилась под терминалом? Принял душ. Решил доспать остаток ночи.

Сестрицы, обрадовавшись отсутствию Сигизмунда, вольготно развалились на тахте. Сигизмунд бесцеремонно сдвинул их к стене, освобождая себе место под одеялом. И на удивление быстро заснул.

* * *

— А что ты, Морж, во сне орал? — спросила за завтраком Аська. — Орал и лягался, между прочим. Всю ночь нам спать не давал, правда, Виктория?

— Не знаю, я спала, — строптиво ответила Вика. — Сигизмунд, будешь сыр?

— Я по утрам не завтракаю… Буду сыр. Это вы всю ночь лягались. С кровати меня выпихнули, я на кухню уходил.

— Только не делай из себя сиротку, Морж. Мы теперь все про тебя знаем. Ты — киллер-ликвидатор.

— Чего? — изумился Сигизмунд.

Аська погрозила ему ножом, вымазанным в масле.

— Сам вчера признавался. Уничтожаешь трупы, следы крови… Крутой ты мужик, Морж. Удивительное все-таки дело, Морж, и чего ты с одними сплошными бабами водишься? Почему, к примеру, дружков-приятелей у тебя нет? Нет, Морж, странное дело: сколько тусовок видела — посреди каждой тусни обязательно вот такой морж лежит, обложенный бабами… моржихами…

— Лежбище котиков, — сказала Вика.

— Кого? Котиков? Морж, ты котик?

— Коток, — поправил Сигизмунд.

— Это психотип такой, — заметила Виктория. — Вот если бы ты, Морж, по субботам посещал баню и пил бы там пиво, завернутый в простыню, а в воскресенье ездил бы на рыбалку в Пупышево и дрался бы там с кем-нибудь из местных…

— То тогда? — спросил Сигизмунд, когда Вика сделала

паузу.

— Тогда ты относился бы к другому психотипу.

— И спал бы обложенный мужиками, — заржала Аська. — Катись ты в свой Рейкьявик, Виктория, с этими психотипами. Морж, телефон, вроде бы, звонит.

Звонила мать.

— Ну что, Гоша, как дела?

— Вроде, нормально, — осторожно ответил Сигизмунд. Он уже по голосу слышал, что мать звонит не просто так.

— Ты звонил по телефонам, что я давала?

— Да, там все нормально, — сказал Сигизмунд как можно более небрежно. — Как отец?

— Что нормально?

— Ну что ты, мать, пристала? Все в порядке.

— Что они сказали?

— Мать, это члены старого гаражного кооператива. Там половина уже померли.

Мать тяжко вздохнула в телефон и ни с того ни с сего поведала:

— Что-то мне дед сегодня твой снился… Нехорошо так снился… Неужели ему до сих пор покоя нет?

— Мать, сходи в костел, помолись.

— Ты уверен, что там все уладилось?

— Уверен.

— А Александр Данилович что говорит?

— Помер он. Давно уже помер. Я с другим дедком разговаривал.

— Ну ладно, — проговорила мать. — Я тебе, Гоша, только добра желаю.

— Знаю, — сказал Сигизмунд. — Выбрось это из головы. Там действительно все в порядке. Я на днях к вам заеду. Отцу привет.

Уф!

На кухне Аська с Викой продолжали муссировать старую тему. Аська радостно набросилась на Сигизмунда, когда он вернулся:

— Слушай, Морж, а ты нам будешь детей делать? Я хочу девочек, знаешь таких, с бантиками в льняных волосиках, чтобы у них такие ручки были… Я вот одну тусню знаю, там тоже такой мужик-котик, он всем детей наделал и тем повязал насмерть… Слушай, Морж, а ты у меня дома тараканов-то вывел, как обещал?

— Вывел.

— Ой, лапушка, ой, хороший… Хочешь, я тебе девочку рожу? С бантиками. Мы ее Эльвира назовем. Или Элеонора. Как тебе нравится?

— Давай тебе, Анастасия, ремонт сделаем?

— И Вика родит. Вика мальчика родит. Мы его Ратибором назовем или еще как-нибудь героически, Сергеем, например…

— Хальвданом, — сказал Сигизмунд.

— Он согласен! — завопила Аська. — Виктория! Он согласен! Значит, так, Виктория: два часа не пей не кури, чтобы потомство здоровое было. И вперед, с песнями! Наш парово-оз вперед лети-и!..

Сигизмунд допил чай, дожевал сыр, поцеловал Аську, поцеловал Вику и на том счел завтрак законченным.

* * *

— Гул? — переспросил Федор Никифорович. — И чувство беспричинного ужаса? Это один из феноменов Анахрона. Мы тоже сталкивались с этим явлением. В первый раз на полигоне поднялась паника… Однако затем мы поняли, что это не опасно. Проводили инструктаж рабочих, объясняли, что бояться не следует.

— И что, не боялись?

— Испытывали ужас… но не боялись. Понимали, что это естественно.

Они разговаривали у старика на кухне. Вокруг плавал густой табачный дым.

— Не боитесь так много курить, Федор Никифорович? — не выдержал Сигизмунд.

— А, мне все равно помирать скоро… Вчера ночью опять приступ был. У меня же, дорогой мой, два года назад имел место инфаркт. Еле выкарабкался. А вчера — точно так же, как тогда начиналось.

— Вчера?

Федор Никифорович покивал.

— Именно.

— А у вас нет подозрений, что это взаимосвязано? — спросил Сигизмунд.

— Что именно взаимосвязано, Стрыйковский? Подземный гул и мой сердечный приступ? Чушь и суеверия! Вы что, со своим холодильником тоже, извините, повязаны… э-э… мистическими узами?

— Так что это все-таки было? Инфразвук?

— Нет. Мы замеряли. Как и многое другое, что связано с Анахроном, это явление никем не изучено. Оно просто ЕСТЬ.

— Насколько я понял, Федор Никифорович, — медленно

проговорил Сигизмунд, — мой дед и вы, вы все, его команда, создали некоего монстра, которого даже не потрудились как следует изучить. Вам известно, что если произвести такие-то манипуляции на входе, то на выходе, СКОРЕЕ ВСЕГО, вы получите такой-то результат. Но что именно происходит в «черном ящике»…

— А вас, Стрыйковский, не раздражает гравитация? — перебил Федор Никифорович. — Не раздражает, что, выронив бутерброд, вы не можете объяснить, почему он падает на пол, а не взмывает к потолку?

— Икрой вниз, — вставил Сигизмунд.

— Мы пользуемся многими явлениями, природа которых нами не до конца изучена. Ну и что? Мы не знаем, что такое гравитация. Мы на самом деле мало что знаем об электромагнетизме. Тем не менее мы летаем в космос и пользуемся электрокофемолками.

— Я ни за что не поверю, что никто не занимался теорией Анахрона. Теорией, а не голой практикой.

— Занимались, — согласился старик. — Как же мы, по-вашему, Анахрон-то построили? Но знания наши неполны.

— Неужели не существует никакой документации? — спросил Сигизмунд. — Может быть, последующие поколения могли бы заняться разработками…

— Последующие поколения, если им это понадобится, создадут новый Анахрон, — твердо ответил старик. — Поймите же, мы уничтожили ВСЮ ДОКУМЕНТАЦИЮ. Не осталось ни одной бумажки. Только устная инструкция о пользовании терминалом. Ее вы знаете. Анахрон-2, как и я, долго не протянет. Это очевидно. Так что «хозяйство» не будет для вас столь уж обременительно, Стрыйковский. Скорее всего, вам вообще не придется что-либо делать.

— Как же вы смогли… уничтожить все… Все, над чем работали всю жизнь? Столько времени, денег, человеческих жизней!

— Мы? — разъярился старик. — Мы уничтожили? Мы верили в наш проект! Мы осуществили его! И когда мы были уже на волосок к успеху, власть в стране сменилась. А новой власти мы были уже не нужны. Неужели вы думаете, что мы оставили бы этим невеждам хоть малейшую зацепку? Когда Никита пришел к власти, его цепные псы перешерстили все лаврушкино ведомство. А мы уже находились в это время, так сказать, в автономном плавании. Вот тогда-то все и было тотально уничтожено. Занимались этим Найденов на пару с вашим дедом, а они профессионалы, люди тщательные.

— А компьютер? — не выдержал Сигизмунд.

Федор Никифорович захихикал.

— Там у меня «Цивилизация». Ворочаю, так сказать, судьбами… хрен знает кого. А вы что подумали?

— Ничего, — пробормотал Сигизмунд. И вернулся к первой теме: — Так, говорите, гул безопасен?

— Если выражаться точнее: мы ни разу не наблюдали никаких ЧП, связанных непосредственно с этим феноменом.

— Кстати, заменяя там лампочки, я дозу не схвачу?

— Если вы такой мнительный, то можете изготовить себе свинцовые подштанники. Но вообще-то на приемнике вы никакой дозы не схватите.

— А какие-нибудь еще феномены… есть?

— Нет. И еще один совет, Стрыйковский: поменьше верьте снам.

Глава десятая

К приходу Натальи с женихом Сигизмунд подготовился заранее. Услал из дома Аську с Викой, подмел пол и накрыл стол в гостиной. Чашки поставил, чайник. От любопытства весь извелся. Интересно же посмотреть, кто на Наталью позарился.

Минут за десять до назначенного времени позвонила Наталья.

— Ты нас ждешь? Мы задерживаемся. Так вышло. Я еще на работе. У Евгения важные дела, он не смог вовремя. Да, сейчас выходит. Я его встречу в Гостинке и сразу к тебе. Жди.

— С нетерпением, — сказал Сигизмунд.

Наталья заподозрила коварство и на всякий случай осадила:

— И чтоб без твоих обычных выкрутасов! Ты там у себя подмел хоть? А то в последний раз была — смотреть противно. Хипповская берлога.

— Нормальный пипловый флэт, — поправил Сигизмунд, желая позлить Наталью.

— Чтоб флэт был прибран, — не сдавалась Наталья. — Да и сам оденься, в рванине не ходи, знаю я тебя. Не переломишься разок.

Женишок у Натальи оказался знатный. В дверях нарисовался обширный дядя, который невнятно поздоровался и с любопытством завертел бородищей по сторонам. Кобель вылетел посмотреть — кого принесло. Дядя кобеля напугал. Отскочив, кобель принялся азартно облаивать дядю.

Евгений сперва устрашился. Осведомился, не кусается ли животное. Узнав, что нет, не кусается, приободрился и засюсюкал.

Передвигался дядя Женя как слон — плавно и неотвратимо. Дождавшись, чтоб дядя Женя освободился от куртки, Наталья деловито поправила ему воротник, чего он почти не заметил. Сразу устремился на кухню.

Сигизмунд преградил ему дорогу и направил в сторону гостиной, сказав, что накрыл чай там. Дядя Женя с нескрываемым сожалением поглядел в сторону кухни и величаво понес свой живот в гостиную.

Сигизмунд хотел было подогреть чайник, но Наталья опередила его:

— Сама поставлю. Займи пока Евгения разговором.

И вышла с чайником в руке.

Занять дядю Женю разговором оказалось непросто. Он и сам себя неплохо занимал. Покачавшись немного на стуле и

освоившись в незнакомом помещении, принялся перемещаться по комнате, оглядывая и ощупывая предметы, бубня себе под нос и напевая.

Перед иконой постоял немного, потом проговорил более внятно:

— Мощный, это самое, поток!..

— Вы верующий? — спросил Сигизмунд.

— Не христианин, — ответствовал дядя Женя строго. — Но иконы люблю. Есть в них, это самое… — И сделал рукой неопределенный жест. — А христианство…

— Тут дядя Женя вдруг разгневался. — Ненавижу! Сексуально депрессивная религия рабов!

Сигизмунд призадумался. Истовый боец Федор не производил сексуально депрессивного впечатления.

Как бы этого слона разговором-то занять? Больно уж Наталью замуж выдать охота.

Но тут дядя Женя узрел и осмыслил пианино. Устремился туда. Охотно и многоречиво стал повествовать о том, как у него дома в детстве было такое же пианино и как его, Евгения, заставляли учиться играть. После чего внимание гостя с пианино постепенно перетекло на кобеля. О Сигизмунде дядя Женя напрочь забыл.

Дядя Женя принялся кобеля стращать. Кобель охотно стращался, прыгал и гавкал.

Вошла Наталья с горячим чайником. Бросила на Сигизмунда гневный взгляд: так-то ты гостя развлекаешь! Сигизмунд виновато развел руками. Мол, кобель с этим делом справляется лучше.

Завидев чайник, дядя Женя заметно оживился. Зачмокал губами в бороде, осведомился о наличии молока, пояснил о влиянии молока на здоровье. Сказал попутно, что сахар положит себе сам — и навалил полчашки. Наталья заботливо размешала ему сахар ложечкой.

— А я, представляете, в ЛЕГО заигрался. Мне, это самое, Ярополк, разбойник, самое, шустрый мальчишка, у!.. — Дядя Женя покрутил головой. — Ну, и опоздал!

Наталья сидела проглотив аршин.

Внезапно дядя Женя перешел к делу.

— Мне, это самое, Наташенька тут говорила, колечко у вас, это, значит, сохранилось, самое, для свадьбы… Вы, Сигизмунд… по батюшке как?

— Борисович.

— Вы, это самое, Сигизмунд Борисович, не подумайте… — Дядя Женя немного поразмыслил, двигая бородой и хмурясь. — Я

верну. У меня кольца-то есть, но каменные все, нефрит там, лазурит. А Наташенька не хочет. Хочет золотое. У-у! — Он погрозил Наташеньке толстым пальцем и засмеялся. — А вы, конечно, по гороскопу Скорпион?

— Я Рыба, — ответил Сигизмунд, гордый познаниями в астрологии. Светка в конторе каждую неделю громко зачитывала прогнозы из рекламных газеток.

— Водная, самое, все равно стихия! — возликовал дядя Женя. — Есть в вас… водное! Нептун выраженный! И залысины характерные…

— Сейчас я принесу колечко, пока мы не забыли, — сказал Сигизмунд.

Пока рылся в ящике стола, отыскивал кольцо, слышал приглушенное рокотание дяди Жени и скрипучий голос Натальи: пилит она его, что ли?

Колечко оказалось дяде Жене безнадежно мало. Лезло только на мизинец и то не до конца. Дядя Женя, подставив Наталье мясистую длань, с виноватой полуулыбкой наблюдал за кобелем. Наталья тем временем тужилась нацепить кольцо на его отставленный мизинец. Все было тщетно. Наталья — Сигизмунд это видел — расстроилась. Дядя Женя необъятно зевнул.

— Не лезет, — сказала Наталья с досадой. — Что же делать?

— А растянуть нельзя? — озаботился Сигизмунд.

Дядя Женя беспечно вытащил из кармана авторучку и стал ею щелкать перед носом у кобеля. Кобель, помахивая пушистым хвостом, лизал его руку.

Потом дядя Женя внезапно заметил суету с кольцом и посоветовал:

— А вы другое возьмите. Побольше.

Наталья сделала вид, что не расслышала.

— А вы правда в Воркуте родились? — спросил Сигизмунд ни с того ни с сего.

— Как это — в Воркуте? — ужаснулся дядя Женя. — В Питере, самое, здесь и живу.

— А Наталья что-то говорила, будто вы из Воркутлага.

Евгений построжал челом. Отвечал сурово:

— Мой первый наставник, от которого и посвящение, самое, получил, — тот жил в Воркуте. Там шаманы, самое, такая магия!.. — Дядя Женя покрутил головой, не в силах выразить словами, какая именно магия. — Так вот… снизу вверх… от нижней чакры — и вверх, вверх!.. Связь, самое, с космосом — такая!.. Там природа, самое, все природное, люди, самое, природные, и камни — аж в чакрах хлюпает…

Оборвав речь, дядя Женя погрузился в раздумья.

Сигизмунд посмотрел на Наталью. Наталья вспыхнула.

— Евгений пишет книгу! Он обобщает опыт! У него уникальные разработки! У него даже иностранные ученики есть! Евгений, оставь собаку в покое, объясни ему сам. Ты же не к собаке в гости пришел.

Дядя Женя с сожалением перестал дразнить кобеля. Начал нехотя и отчасти бессвязно объяснять, что изучает феномен женской сексуальности и что у него самого страх кастрации. Что раньше у него были проблемы, но потом, самое, психоанализ выявил страх кастрации и это сняло первоначальные проблемы…

Сигизмунд был потрясен. И даже не попытался это скрыть.

— Евгений читает лекции, — пояснила Наталья холодно. Еще не хватало, чтобы экс-супруг залился хохотом. — Он ездит с лекциями по всей стране.

Из дальнейших объяснений Сигизмунд уяснил, что Евгений учился у Жихарева и от него же получил первое посвящение; что Евгений учился затем у разных гуру и от всех получал разные посвящения; что Евгений также учит многих учеников, но посвящений им не дает; что Евгений много ездит по стране, где учит и учится, а также пишет книгу. Кроме того… Евгений побывал в раю.

Последнее сообщение настолько потрясло Сигизмунда, что он начал вдаваться в подробности.

— Как — в раю?

— А, самое, вот в раю, это самое, приезжал… Этот, как его, лама приезжал из Бурятии, такой в оранжевой, как называется… Наташенька, как называется?

— Лама, — сказала Наталья.

— Вот, самое, лама приезжал из Бурятии. Практики проводил в дацане, медитации, самое… двадцать долларов… И в раю Будды Амитабхи, самое, это такой Будда, его наемные убийцы чтут, самое, ниндзя…

— То есть, — подытожил Сигизмунд, за годы кооперативной и иной деятельности наученный вылавливать рациональное зерно в мутных речах клиентов, — отстегивай двадцать баксов ламе — и десять минут райской жизни обеспечены?

— Ну, самое, не так прямолинейно. Не так просто, самое… Духовные практики, они… Но в раю — там… это самое…

— А что вы там видели, в раю? — наивно полюбопытствовал Сигизмунд.

Дядя Женя призадумался. Потом громко захохотал, качнулся на стуле, уставясь бородой в люстру.

— О-о!.. Самое… Непередаваемо это… Я вот в книжке все пытаюсь передать… — Он крутанул головой. — Слова, самое, —

пустое… — И дядя Женя вновь принялся пугать собаку.

Понаблюдав за ним некоторое время, Сигизмунд решил сказать что-нибудь хорошее.

— Честно говоря, я рад за вас с Натальей.

Дядя Женя оторвался от собаки, облапил Наталью за плечи.

— О, она у меня такая умница! Она, самое, готовит… самое… балует меня… борщи… и вот это, самое… Наташенька, что ты позавчера… помнишь? Такое… И все понимает так, самое… — Он шутливо погрозил Наталье пальцем. — Книгу помогает… Все помогает… Обобщать, самое, и-и… и-и… и наработки… Я, самое, с тем, чтобы выразить… трудно выразить, самое, наработок много, а выразить — э-э…

— Ну хорошо, — сдался Сигизмунд. — И как лекции, хорошо кормят?

Дядя Женя закручинился. Начал пространно и невнятно жаловаться на непонимание. Здесь, в Питере, в Москве — плохо. Раньше в Москве было хорошо, а теперь и в Москве плохо сделалось. В провинцию, самое, приходится ездить. Там еще ничего. Набирается группа.

С этими словами дядя Женя налил себе третью чашку чая и высыпал туда остатки сахара, перевернув сахарницу. Наталья привычно потянулась размешивать.

Дядя Женя допил чашку до середины в полном молчании и вдруг шумно обеспокоился. Желал знать, сколько времени. По телевизору должна пройти одна передача. Дяде Жене необходимо ее посмотреть и законспектировать. Там мысли. Там могут быть и обобщения.

Оказалось, что времени в обрез. Дядя Женя разволновался, заспешил. Наталья попыталась припахать Сигизмунда — чтобы отвез мыслителя на машине, но Сигизмунд отбрехался разобранным карбюратором.

— У тебя всегда разобранный карбюратор, — сказала Наталья. — Как баб ночами возить — так он у тебя собранный, а как мою просьбу уважить…

Дядя Женя добродушно пророкотал:

— Сейчас, самое, пробки такие… Не успеем. Я сейчас, знаете, на метро — так быстрее…

Влекомый Натальей, рокочущий на ходу дядя Женя скрылся за дверью.

Жених Натальи произвел на Сигизмунда сильнейшее впечатление. Где она только откопала этого большого ребенка? Дядя Женя был безнадежно блаженный. Страх кастрации у него. Книгу он пишет о проблемах. Обобщает. Женскую сексуальность изучает.

Кстати, что это за передача такая мудреная, с мыслями и обобщениями?

Подталкиваемый любопытством, Сигизмунд нашел телепрограмму. Так. Явно не сериал «Страсти Хуаны-Марии». Явно не «Час огородника». Что еще на это время приходится? «Последние известия»… Х.ф. «Пожиратель тарантулов-2», но он начинается за час до означенного времени…

Единственная передача, которая совпадала с вожделенной минута в минуту, была «Волшебный мир Диснея».

Сигизмунд опустил газету. Обручальное кольцо, не налезшее дяде Жене даже на мизинец, так и осталось лежать на столе.

* * *

Сигизмунд проснулся в поганом настроении и почти сразу понял — почему. У него был день рождения. Сегодня полагалось улыбаться и принимать бессмысленные тягостные поздравления. «Ну, как ты там? Как твое ничего? Ну, желаем счастья, здоровья… Как здоровье?»

Однако первый звонок оказался вовсе не поздравительным. Звонил Мурр, пытался занять денег. С деньгами у Сигизмунда было хренововато. Чуть менее хреновато, чем у Мурра.

— Нет у меня сейчас, Мурр, — сказал Сигизмунд, чувствуя себя последним мудаком. — Вообще почти ничего.

— Прости, что потревожил, — мягко отозвался Мурр. Голос его звучал скорбно.

— У меня тут был день рождения, потратился… Не рассчитал.

— А у меня сегодня день рождения, — оправдался Сигизмунд.

— Сочувствую, — произнес Мурр. Сигизмунду сразу стало еще хреновее.

— Благодарю.

— Да не за что.

Они расстались.

Так. Теперь кофе — и на работу. Светка вчера не вышла. Сигизмунд даже звонить ей не стал. Захочет — сообразит. Если не проявится через неделю — уволит. Собственно, он уже сейчас начал подыскивать бухгалтера.

Сигизмунд ушел в «Морену» довольно рано. Аська с Викой еще спали, он не стал их будить. Сегодня нарочно оставил машину в гараже — знал, что предстоит пить.

На работе, как ни странно, настроение немного поднялось.

Прибыл боец Федор. Безмолвно и деловито извлек бутылку водки и нехитрую закуску. Федор принадлежит к правильному психотипу. Наверняка ходит в баню по субботам и пьет пиво, завернутый в простыню. И вместе с шурином ездит в Пупышево рыбу ловить.

— Ну, Сигизмунд Борисович, — молвил Федор, ловко открывая водку, — будьте здоровы! Сколько вам годков-то стукнуло?

— Тридцать семь.

— В самом, значит, соку, — неискренне сказал Федор. — Пушкинский возраст, Болдинская осень…

— Давай лучше выпьем, — угрюмо сказал Сигизмунд. — Что попусту языком молоть.

Заботливо дождавшись, чтобы Сигизмунд выпил вторую и как следует прожевал закусь, Федор сообщил:

— К Сереге, к светкиному мужу заезжал. Узнать, как дела.

— Какие еще дела?

— Ну вы, шеф, даете! У вас подчиненные помирают, можно сказать, а вы и не в курсе!

— Как помирают?

— Ну, не совсем помирают. В больнице Светка. С кровотечением.

— А это у нее… кровотечение… это она сама… по доброй воле? — спросил Сигизмунд, пытаясь обойти слово «аборт» и заранее мучаясь совестью.

— Серега говорит — второй раз за три года выкидывает. Не везет ей. Что-то у ней наперекосяк пошло.

Сигизмунд ощутил облегчение. Но тотчас же муки совести стали глодать его с новой силой. Чему, зверь, обрадовался? Эксплуататор. Совсем Аспиду уподобился. Это все Анахрон, небось, пагубно влияет. Начинаешь видеть в людях винтики. И болтики.

Сигизмунд налил себе третью и, не дожидаясь Федора, проглотил. Федор следил за ним сочувственно, с пониманием.

Поставив стопку на стол, Сигизмунд неожиданно сказал:

— А что, Федор, скисает наш тараканий бизнес.

— Надо бы Светке денег подкинуть, — задушевно молвил Федор. — А бизнес — он да, похоже, того… Вы и сами уж, я погляжу, руки опускаете… Расширяться нам надо, Сигизмунд Борисович, вот что я скажу. Может, объединиться с кем? Или профиль поменять? Скажем, солярий открыть. Пусть бы бабы лежали да загорали…

— Подкинуть-то Светке надо, — согласился Сигизмунд. — Я на Людмилу Сергеевну, пожалуй, оформлю… Какой солярий? По

характеристикам помещения не можем… КУГИ задробит. Да и в уставе у нас медицинские услуги не забиты.

Федор поразмыслил немного. Аккуратно разлил еще водки. Употребил. Проговорил задумчиво:

— Я так думаю, Сигизмунд Борисович, в этой стране оттого бардак такой, что от корней оторвались. На чем прежде Россия стояла? На православии — это раз! На монархии — два! И на народности — это основное!

— К чему ты все это? — изумился Сигизмунд. — Ты что, Федор, предлагаешь мне Господа Бога в компаньоны брать? Или этого, царя, наследника-то, которого по телевизору показывают? «Романов, Морж и компания»?

Федор слегка обиделся.

— Я о почве говорю, Сигизмунд Борисович. При чем тут царь… От почвы отрываться — гибель. Вот шурин у меня… — Тут Федор слегка оживился, заблестел глазами. — Шурин-то на краю говенного болота сидит, в Ботове, — помните, я рассказывал? Со свинофермы в это болото говно свиное десятилетиями сливают…

Сигизмунд смутно припомнил: рассказывал что-то Федор об идиотских похождениях шурина в свиной жиже.

— Ну так и что? Какое отношение имеет свиное болото и твой шурин к самодержавию, православию и народности?

— К почве. К корням. Нам расширяться надо, правильно вы говорите. Так?

— Ну, — согласился Сигизмунд.

— Ну так смотрите сами. Вы сейчас в контакте с этими рыболовами. С прибалтами. Которые девку у вас забыли. А этот навоз — золотое дно. У меня шурину журнальчик подарили иностранный, худо-бедно статейку там одну перевели. В статейке-то как раз про подобные случаи и пишется. Почему навоз так смердит? Потому что реакция идет. Окисление. Эту реакцию надо вовремя погасить. Тогда вони не будет, а микроэлементы полезные все останутся. Свиное говно — оно же со страшной силой втягивает в себя из почвы полезные ионы. Точно говорю, лесок там возле этого свиного болота — хилый! Ничего там не водится! У шурина корешок один есть, физик-ядерщик, он знает, как уран обогащать. Со свиным говном тем более справится. В общем, Сигизмунд Борисович, ежели прибалтам концентрат с ионами толкать, а взамен они бы нам треску всякую поставляли. Озолотимся! Дерьмо-то халявное. Ей-Богу, жалко смотреть, как пропадает по раздолбайству нашему российскому!

— Федор, — спросил Сигизмунд, — а тебе вера православная красть не воспрещает?

Федор не на шутку обиделся.

— Что значит — красть? Я же не цветные металлы предлагаю толкать! Там, в области, нам еще спасибо народ скажет! Власти-то сейчас как собаки на сене. Им только откройся про говно — хрена что дадут разрабатывать. И сами ничего не сделают, и нам весь бизнес на корню погубят. Шурин так предлагает. Мы там якобы ставим дачку. Кредит какой-нибудь возьмите, слепим дом, водопровод. Местным байку толкнем, будто артезианский колодец бурим. Шлангами столичными прикинемся. Пока там сообразят… А качать будем не воду, а говно из болота. Что, кому-нибудь в голову придет, что мы говно качаем?

— Для начала, там все насторожатся, когда мы на краю этого вонючего болота дачку ставить начнем, — заметил Сигизмунд.

— Шурин мой, между прочим, с корешком его ядерщиком, они тоже не лыком шиты. Обкумекали это дело, пока в лесу были. Они там на охоте были. Можно так выставить, будто лоха навороченого кидаем.

— В роли лоха, конечно, я, — сказал Сигизмунд полуутвердительно.

Федор отвечал уклончиво:

— В общем, ботовские хотят с этого шестьдесят процентов. Соглашайтесь. Правда, золотое дно! Опять-таки, не левых людей в долю берем, шурина — он все же свой.

— Я подумаю, — сказал Сигизмунд.

Они допили водку и разошлись.

* * *

Сестрицы поздравили Сигизмунда по-своему. Под громкое, воодушевленное и фальшивое пение Аськи: «хэппи бѣздей ту ю!» Сигизмунду были преподнесены подарки. От Аськи — циклопический разводной газовый ключ в пятнах ржавчины. Каждое пятно служило серединой для множества розовых цветочков, намалеванных масляной краской.

— Вот, Морж, — гордо сказал Аська. И поковыряла ножкой паркет. — Через весь город перла, тяжеленный такой… Умудохалась вся.

Сигизмунд лязгнул ключом.

— Это тебе, Морж, машину чинить, потому как ты у нас автовладелец известный, — пояснила Аська. Она явно ждала бурного восторга.

— Да он сам размером с половину моей машины, — сказал Сигизмунд.

Аська немедленно обиделась.

— Тебе что, не нравится? Тебе не нужен? Давай заберу. Подарю, кому нужен. Вот ты какой, Морж, говнюк. О тебе думают, заботятся…

— Что ты, Аська. Такая вещь в хозяйстве всегда нужна.

Аська тут же воспряла духом.

— Вот я и говорю, полезный предмет, а Виктория что-то бухтела. Говорит, фигней маешься… Про «мерседесы» с «фордами» заливала…

Сигизмунд положил ключ на обеденный стол. Предмет своей несообразностью вызывал ужас. Мелькнула в голове идиотская картина: Сигизмунд передаривает этот ключ Наталье на Восьмое Марта. Жуть-то какая.

Дождавшись, пока тема ключа иссякнет, Вика скромненько преподнесла имениннику титанических размеров белую кружку в форме женского торса. Спереди кружак грозно топорщился двумя парами острых грудей. Положительно, обе сестрицы страдали гигантоманией.

— Ой, — растроганно сказал Сигизмунд, на этот раз куда более искренне, — спасибо. А как из этого пить?

— А ты на видное место поставь, Морж, и любуйся, — посоветовала Аська. — И нас не забывай. Потому как скоро мы тебя покинем.

— Куда это вы собрались? — не очень поверив, спросил Сигизмунд.

— Я — к себе домой. А Виктория — в Рейкьявик. Вон, и билет сегодня взяла…

— Какой билет? На какое?

— Через три дня улетаю, — пояснила Вика. И в сторону поглядела. Как не родная.

— Погоди, Аська, погоди… — совсем растерялся Сигизмунд. — Ну ладно, Вика — в Рейкьявик, в университет… У нее работа, диссертация… А ты-то куда? Кто тебя гонит?

— Домой же, говорят тебе, Морж. К неоплаченным квитанциям и прочим бытовым трудностям. — И видя, что Сигизмунд неподдельно огорчен, добавила: — Ну Моржик, ну не убивайся ты так. Сам подумай. Виктория свалит в Буржуинство, а я что у тебя делать стану? Жить-поживать в суровых условиях моногамности? Ты еще семь слоников заведи… Да ну, не куксись! В одном же городе остаемся, телефон есть, ноги не выдернуты… пока… В гости ходить будем друг к другу, созваниваться, перестукиваться… А-а! — притворно заплакала Аська.

— Это ты перед своим режем так кобенься, — сердито сказал Сигизмунд. — Видишь же, что человеку херово. Могла бы и остаться.

— Морж! Во всем нужно соблюдать меру! Даже в греховодстве! — назидательно изрекла Аська. И потянулась. — Чем тут с опрокинутыми рожами сидеть, пошли лучше на Марсово поле.

— А хрена мы там забыли? — спросила Вика.

— Ну, вы и серые! Ну, дерѣва! Как валенки. Комета прилетела. Аккурат над Марсовым полем видна. С хвостом и прочими делами. «Налетающая, как Ревность, волосатая звезда древних!» Пошли, как раз вечер ясный. Давай, давай, Морж, пошли, не кисни. Будь мужчиной. День рождения все-таки. Соберись! Хэппи бѣздей ту ю! Ну давай, подпевай!

Комета разочаровала. Глобально разочаровала. В начале года газеты сулили хвостатое чудовище на полнебосклона, но потом смущенно поведали, что погорячились ученые-то. И что не Рюрик последним эту комету видел, а Иисус Христос. Это обстоятельство особенно занимало воображение Аськи.

— Представляете — Иисус Христос ее видел! Это же и есть звезда волхвов! Правильно говорят, скоро конец света.

Отыскать комету на небе оказалось делом непростым. Наконец обратившись лицом к Троицкому мосту, обнаружили над Петропавловской крепостью яркую белую точку, возле которой было как будто начиркано светящимся карандашом. Осознав, что это и есть комета, дружно завопили. И не хотелось верить, что этот вечер — почти последний, что через три дня вся эта странная жизнь кончится — и притом самым прозаическим образом.

В конце концов, а чего вы ожидали, Стрыйковский? Что в обмен на фальшивый золотой вам дадут кучу настоящего серебра? Поиграли в хипповскую коммуну — и будет. И хватит делать вид, будто такое житье вам привычно. Довольно выдумывать свое прошлое. Не-бывшее прошлое, к которому вы сейчас запоздало возводите свое настоящее.

— Господи, как мне будет всего этого недоставать! — сказала вдруг Вика.

И обхватила обоих руками.

— Пролетарии всех каст, соединяйтесь, ура-а! — визгливо закричала Аська. — Блин, Виктория, немедленно заткнись, не то я разревусь! Пошли лучше вокруг Вечного Огня прыгать.

Эта инициатива не встретила поддержки. Сигизмунд вдруг вспомнил, что именно здесь его принимали в пионеры. Аська бросила его с Викторией и убежала прыгать к Огню в одиночку.

От Вечного Огня доносились бессвязные выкрики:

— Я, фамилия-имя, вступая в ряды Всесоюзной… греховодной организации… Ой, Ладо-Дид-Ладо!.. Перед лицом бессмертного Будды… Сансара-Сансара!.. Торжественно и

непреклонно обещаю, блин!.. следовать за путеводной звездой… Так вперед, за цыганской звездой кочевой!..

— Что-то Анастасия распереживалась, — вполголоса сказала Сигизмунду Вика.

— А ты? — спросил Сигизмунд.

Вика пожала плечами и отвернулась.

* * *

Возвращались домой около часа ночи — раскисшие от собственной сентиментальности. Остановились у арки.

— Ну, бывай, Морж. Расти большой. Не забывай водить на водопой семь слоников.

— А вы куда? — растерянно спросил Сигизмунд. — Заночевали бы. Довезти я вас не смогу — выпил, на тачку денег нет… Вы что, пешком решили?

— Да нет, — пояснила Аська, — мы здесь, по соседству.

— Что — в гости, что ли, собрались?

— Ну…

— Куда вас в гости в такое время-то несет? Приличные люди спят уже.

— Обыватель ты, Морж. Мещанин. Кто тебе сказал, что мы к приличным людям идем? Да мы сами неприличные. А там хипье живет позлей тебя. Да ты их видел, они к Вике приходили, на научные темы разговаривали…

— Не помню я, — сказал Сигизмунд недовольно. — Не помню я никого.

— Ну и не помни. Иди лучше спать. Мы тебя любим, Морж. Ну-ка, Виктория, раз, два…

И сестрицы дружно чмокнули его в обе щеки, запачкав помадой.

* * *

Вот и закончился день рождения. Тридцать семь. Назойливо вертелся в глазах заголовок газетного интервью с известным актером: «…В КОНЦЕ ЖИЗНИ МЫ ВСЕГДА ОКАЗЫВАЕМСЯ У РАЗБИТОГО КОРЫТА». Осень, блин, Болдинская… А Наталья сегодня не позвонила. То ли забыла, то ли не дозвонилась. Почему-то стало даже обидно. Чуть-чуть.

Сигизмунд закурил. Кобель, преданно лежавший под столом, переместил морду на хозяйский тапок. Вздохнул. Сочувствует,

скотинка. Не такой уж это плохой кобель. Сигизмунд наклонился и погладил собаку.

Да, кончился праздник. Быстро, оказывается, привык к приключениям. Лантхильда с ее тайной, Аспид и жутковатые откровения Федора Никифоровича, невозможные и радостные отношения с сестрицами… И вот все оборвалось и, похоже, навсегда.

Впереди провиделось будущее, серое и безотрадное, как старый, брошенный на стройке ватник. «Морена» неудержимо разорялась. Надвигалось одиночество, все более властно поднимало голову безденежье. Сигизмунд чувствовал себя опустошенным. И заполнить эту пустоту было нечем.

Ярополк? Но когда он вырастет и станет мужчиной, Сигизмунд будет уже стариком.

Да, праздник ушел. Расточился. Отныне Сигизмунд остается один на один с кобелем и «хозяйством» — бессмысленным, зловещим.

Хотелось повеситься от тоски.

Кобель неожиданно встал и, горбясь, безмолвно отошел подальше. Заполз под табуретку. Улегся, положив морду на лапы и поглядывая жалобными глазами.

Ну вот, кобель — и тот захандрил. Хотя вообще-то пес особой душевной чуткостью не отличался и на настроения хозяина обычно не реагировал.

В доме стояла звенящая тишина. Лишь где-то за окном, вдалеке, завывала сигнализация на чьей-то машине.

Неожиданно совсем рядом что-то обрушилось. Показалось — за стеной.

Сигизмунд вздрогнул. Кобель пулей вылетел из-под табуретки и зашелся яростным лаем.

Следом за собакой Сигизмунд вышел в коридор. Пес надрывался под закрытой дверью «светелки». Но и без этого Сигизмунду было ясно, что что-то в квартире изменилось.

Он больше не был один. Там, за дверью, кто-то ждал.

Леденящий страх сковал Сигизмунда. Ранящими стеклянными осколками падали мысли — одна ужаснее другой. НЕЖИТЬ! Правильно мать говорила! Глаза белые… Ушла под землю, вернулась, когда позвали… Ну конечно, «светелка»! Там лунница с нее осталась.

Кобель вдруг лег на брюхо и замолчал. За дверью царила мертвая тишина.

Потом — быстрые, легкие шаги. И снова тишина.

Сигизмунд нащупал тяжеленный газовый ключ. Закусил губу, чтобы не завопить от страха. Прислушался.

Тишина.

Потом — протяжный звон, будто струна запела. И вслед за этим кто-то стал осторожно скрестись в дверь.

Сигизмунд понял, что еще немного — и он просто умрет.

Набравшись сил, позвал еле слышно:

— Лантхильд?

Молчание было ему ответом.

Сигизмунд неожиданно заорал дурным голосом и рванул дверь на себя.

И еле успел отшатнуться!

Сознание зафиксировало ужасное, залитое кровью лицо огромного мужика, волосатого, как йети. Над головой Сигизмунда взметнулось что-то сверкающее.

Спасибо тренажерной молодости — откуда что взялось? — Сигизмунд успел блокировать падающую с потолка молнию разводным газовым ключом. Нестерпимое пение металла и сноп искр, брызнувших прямо в лицо, заставили Сигизмунда зажмуриться. Но только на миг.

С ужасным ревом откуда-то из темного угла поднялся исполинский зверь. Испуская низкое горловое рычание, он обрушился на йети, впился когтями ему в шею и щеки и вместе с ним опрокинулся на спину. Молния выпала из руки йети, описала в воздухе сверкающую дугу, вонзилась в паркет и низко загудела, как шмель.

Сигизмунд стоял, тяжело дыша и держа ключ в обеих руках.

Оба чудовища боролись на полу. Их огромные ноги, дергаясь в воздухе, то и дело с силой били по шкафу. Шкаф трещал и грозил повалиться.

Наконец зверь оседлал поверженного йети и, поставив локти возле ушей упавшего, пригвоздил его к полу. Йети бился и орал:

— Хири ут! Хири ут!!!.. Ик'м ин замма вальхаллам! Ик'м ин химинам! Хири ут!

— Ни-ии, нии!.. — твердил зверь.

Сигизмунд медленно опустил разводной ключ, коснувшись им пола.

И тут он увидел наконец, ЧТО именно, покачиваясь, застряло между паркетин.

Это был длинный тяжелый меч. Не двуручник, но достаточно длинный.

Чудовища, лежа друг на друге, хрипло переводили дыхание.

— Ик'м ин замма вальхаллам, — потерянно повторял йети, мотая лохматой башкой.

— Нии, ни-ии, — уговаривал зверь. — Афлет имма.

Сигизмунд выронил ключ.

Оба чудища обернулись на звук, закопошились на полу и встали на ноги.

Оказались огромного роста, широченные в плечах. Сигизмунд — и сам не маленький — рядом с ними вдруг почувствовал себя недомерком. Может быть, даже и не в росте дело. От пришельцев веяло дикой, первобытной силой. Не привыкли они съеживаться, утрамбовываться.

Ножищи в чунях с ременной оплеткой. Сорок пятого размера чуни-то, не меньше.

Чего им надо? Откуда они взялись? Чего хотят? И, главное, как от них избавиться?

Блин, ведь убить могли! Ведь действительно убить могли. Сигизмунда запоздало затрясло.

Мужики стояли молча и неподвижно. Может, за Лантхильдой пришли? Или мстить?

Долгополые рубахи навыпуск. У одного — безрукавка мехом наружу. Пояса с бляхами на все брюхо. Ножи.

А морды-то, морды! Один наискось пятерней рожу кровью вымазал. Рука оцарапана — вон, на пол капает.

Глаза светлые, водянистые. Туповатые как будто. И холодные-холодные. Убьют — и не поймут.

Тот, что с перемазанной рожей, — рыжеватый. Коты такими рыжеватыми бывают.

У второго патлы как солома. Как грязная солома. Давно не мытая и, видимо, давно не чесаная.

— Вы что, мужики? — немеющими губами пробормотал Сигизмунд. — Нет здесь ее… Исчезла… Не моя вина…

И осекся, чувствуя, что лепечет и вообще выглядит жалко.

А мужики продолжали сверлить его испытующими взорами.

Сигизмунд собрался с духом, подавил неуместную дрожь и рявкнул:

— Эй, вы! Лантхильд — хвор?

Великаны переглянулись. На их лицах проступило искреннее изумление. Можно подумать, только что у них на глазах обезьяна заговорила по-человечески.

Потом тот, что с желтыми волосами, тяжко обронил:

— Лантхильд ист ин замма хузам.

И скрестил руки на груди, слегка выпятив вперед живот.

Очень монументально. У Сигизмунда так явно не получится.

И снова наступило тягостное молчание.

Тоска, отступившая было перед лицом смертельной опасности, вернулась к Сигизмунду и стремительно росла. Он почувствовал себя в осаде. Анахрон осадил его в его же собственном доме.

Может, лунница их притянула? Почему тогда не Лантхильду? Пока не поздно, надо перехватить инициативу. Нам бы ночь простоять, а утром — звонить Никифоровичу. И отгружать перемещенных. Пусть натурализует. Или пусть старому пердуну Шульце или Шутце — как его — в Боливию «молнию» отбивает. Мол, приезжай, партайгеноссе, на этот раз твоих принесло. Арийцев с лошадиными мордами.

И в задницу всех! И звездец!

Сигизмунд, грозно насупясь, уставился на зигфрида с соломенными волосами и рыкнул:

— Брозар! Лантхильд! Аттила! Хуз! Гайтс! Айзи! Аспид! Анахрон! Хрен вам всем!

Желтоволосый согнал с морды заскорузлую хмурость. Просветлел даже. Молвил неспешно, действуя по тому же принципу, что Сигизмунд:

— Лантхильд! Манна! Барнило! Сигисмундс! — И, подумав, добавил еще несколько ключевых слов: — Ого! Озо! Фидвор фоньос! Гизарнис карахо!

И замолчал, как автомат, у которого кончился завод.

Сигизмунд понял, что на эту реплику надо как-то реагировать. Иначе ночь не продержаться.

Поэтому, поднапрягшись, Сигизмунд выдал следующее:

— Ик им Сигисмундс! Ик им микила! Ик им махта-харья! Ик им генеральный директор! Господи, мужики, как мне хреново…

Бросив взгляд на рыжего, Сигизмунд вдруг заметил, что тот — жуткая кровавая маска — виновато помаргивает. И глаза у него голубые и раздолбайские.

Ночь. Конец XX века. Центр Санкт-Петербурга. Комната. В паркетном полу торчит меч. Рядом валяется газовый разводной ключ в розовых цветочках. Неподвижно стоят три патлатых мужика и тупо пялятся друг на друга. Словеса бессвязные выкрикивают.

Вечно вы, Сигизмунд Борисович, в какую-нибудь идиотскую историю влипаете! А другие в это время спят. Или эротический канал по евровидению смотрят.

Сигизмунд обратился к рыжеволосому вполне дружески:

— Зу ис Вавила.

Не узнать его было невозможно. Вавила до смешного был похож на карикатурные изображения, созданные во множестве Лантхильдой.

Тот сперва растерялся, но потом просиял. Стал что-то многословно объяснять. На меч показывал, на разводной ключ. Мол, уж прости, земеля, так уж вышло… С кем не бывает — ошибся…

Сигизмунд махнул рукой:

— Идемте чай пить.

А у самого в голове опять мелькнуло: только бы ночь продержаться.

* * *

Современный стереотип поведения — Hello, Bob! How are you? A drink? — с этими парнями явно не проходил. Препровожденные Сигизмундом на кухню, остановились. Видно было, что табуретки чем-то страшно поразили их воображение.

Сигизмунд показал им, чтобы сели. Те осторожно устроились, Вавила — видимо, от застенчивости — на самый краешек. Как и следовало ожидать, кувырнулся. Хмурясь, поднялся на ноги. Видимо, счел, что над ним подшутили. Посмешищем сделать захотели, за плачевную ошибку отомстить.

Сигизмунд поспешно усадил Вавилу в свое кресло. Чтобы не зарезал.

Вошел кобель. Боязливо обнюхал чуни. Тихонько порычал на Вавилу.

— Хундила, — поведал Вавила Сигизмунду. И глазами спросил хозяина: можно ли настырной хундиле пенделя дать?

Сигизмунд потрепал пса за уши.

— Миина хундила, — пояснил он.

Вавила с сомнением поглядел на животное. Затем разразился чинной неспешной, но очень многословной речью. «Хундсы» в речи мелькали часто. Видать, немало славных хундсов повидал на своем веку Вавила.

Когда тот замолчал, заговорил брат Лантхильды. Вамба его, кажется, зовут.

Вамба высказывался в том смысле, что безмерно много хундсов, свирепых и славных, обитают вкруг аттилиного хуза. И не такие это ублюдки, что при Вавиле трутся, объедками питаясь, а предивные хундсы. И знал бы Вамба, что в дому сигисмундсовом хундсы потребны, пригнал бы целую стаю.

Все это излагалось не только пространными речами, но также с помощью жестов, обильного и разнообразного звукоподражания и великого количества выразительных гримас.

Сигизмунд слушал и смертно тосковал. Ничего, до рассвета осталось недолго. Скоро можно будет озофонировать Никифоровичу о прибытии геноносцев. Быков, так сказать, производителей.

Испив чаю, гости оставили наконец свою угнетающую

чинность. Порывались что-то рассказывать Сигизмунду. Пришельцев буквально распирало от желания общаться. Сигизмунд страшно уставал от бесед на незнакомых языках. Чем бы их таким занять?

И тут его осенило. Он принес из комнаты и выложил перед гостями лантхильдины рисунки.

Результат превзошел все ожидания. Сперва обе головы — желтоволосая и рыжеволосая — сблизились и зависли над рисунком. Потом раздался оглушительный хохот. Вамба подхватил рисунок, Вавила начал вырывать листок у него из рук. Помяли. Оба наперебой тыкали в листок пальцами и что-то бурно объясняли Сигизмунду.

Они не только узнали себя. Они стремились поведать как можно больше подробностей того инцидента, что послужил сюжетом для лантхильдиного опуса.

Сигизмунд смотрел на них с кислой улыбкой.

Остальные рисунки им тоже понравились. Вамба с удовольствием объяснял что-то про хуз, про аттилу.

Затем Вамба отложил рисунки в сторону, сделался снова очень серьезным, встал и потянулся к ножу.

Сигизмунд оцепенел. Ну, всђ! Теперь главное — не заорать. Почему-то не хотелось, чтобы в трусости его уличили.

Видать, обидело что-то Вамбу. Может, в рисунке?..

Вамба снял с пояса кинжал в ножнах, придал лицу суровость и на обеих ладонях протянул кинжал Сигизмунду.

Сигизмунд немного подумал. Сказал:

— Спасибо.

Принял кинжал. Пояса не было. Куда цеплять-то? Покрутил в руках. Вытащил наполовину. Вамба одобрительно закивал. Они с Вавилой внимательно наблюдали за Сигизмундом.

Наконец Сигизмунд встретился с ними глазами и кивнул. Они расцвели широкими улыбками.

Так. Какие у благородных дикарей обычаи? Сигизмунд лихорадочно вспоминал аналогичные сцены в фильмах «Виннету — сын Инчу-Чуна» и им подобных. Вроде, отдариваться положено.

Он быстро обвел взглядом кухню. Что бы Вамбе такого подарить?

Не консервную же банку?

Наручники!

Морж, ты — гений!

Наручники произвели фурор. Вамба пришел в неописуемый восторг. Тут же испытал подарок на Вавиле. Потом на себе. Попытался освободиться — подергал руками, напрягся, побагровел. Внутри у Вамбы что-то с натуги хрустнуло. Затем,

освободившись от наручников цивильным путем и потерев запястья, Вамба обнял Сигизмунда, обдавая того сложной гаммой запахов. Разразился многословной речью.

Сигизмунд смутно понял, о чем тот вещал. У дивного предмета под названием «наручники» открываются широчайшие перспективы в доме у аттилы. Премного он, Вамба, благодарен за столь чудесный дар.

Тут Вавила, бросавший на Вамбу откровенно завистливые взгляды, вдруг вскочил и широкими шагами ушел. Сигизмунд проводил его взглядом. А Вамба положил руку на плечо Сигизмунда и что-то втолковал ему еще. Мол, замечательная вещь эти наручники! Ну уж такая замечательная! Вот угодил так угодил!

Вернулся Вавила. С мечом. Сигизмунд с изумлением заметил, как сквозь жуткую маску грозного варварского воина проступает обыкновенная человеческая робость. Вавила протянул Сигизмунду меч. Возьми, мол. Тебе, мол.

Сигизмунд принял.

На погляд оружие казалось громоздким и неудобным. Но это только на погляд. Впервые в жизни Сигизмунд понял, что такое «хороший баланс». Меч Вавилы был настоящий полуавтомат: «поднимаешь руками, опускается сам». Клинок будто вел руку, направляя удар.

На лице Сигизмунда непроизвольно выступила счастливая, немного задумчивая улыбка, какая появляется у любого мужчины, получившего в руки настоящее оружие.

Вавила поощряюще кивал ему.

Сигизмунд опустил меч острием вниз. Принял героическую позу, сложив ладони на рукояти. Постоял. Стоять в героической позе оказалось удобно.

На лице Вавилы появилось ожидание.

Так. Сигизмунд призвал на помощь надежного консультанта — Виннету. Оружие принято отдаривать оружием.

А где его, спрашивается, взять?

И тут Сигизмунда осенило вторично. Ну что за ночь! Что ни минута, то озарение!

…Разводной газовый ключ Вавила принял обеими руками. Не удержался — метнул в сторону Вамбы торжествующий взгляд.

А Сигизмунд, как мальчишка, все не мог расстаться с мечом.

Вавила, держа ключ в левой руке, правой начал хлопать Сигизмунда по плечам и показывать: как, мол, вышло-то забавно! Ты, мол, Сигисмундс, врываешься, а тут я тебя мечом — р-раз! А ты газовым ключом — р-раз! Чуть не убили мы друг друга! Вот смеху-то! А если бы убили? Так ведь не убили же! А теперь вот и

оружием поменялись.

Брызгая слюной и блестя глазами, Вавила начал хвастать, сколь много подвигов совершит он этим оружием богов. Сигизмунд понимал теперь почти все, потому что Вавила называл имя за именем и всякий раз с грозным видом заносил ключ над головой воображаемой жертвы. Список был велик. Открывал его некий Сегерих — видать, больше всех достал он Вавилу, — а заключал и вовсе уж безвестный одноглазый Ульф-рекилинг.

Ну, кажется, всђ — мир, дружба, жвачка — но где же Лантхильда? Спросить? Поймут ли? Да нет, должны, вроде, понять… Мужики контактные, болтливые. И даже незлобивые, вроде.

Только очень уж шумные.

Но почему не Лантхильда? Почему Вамба с Вавилой? Что за сеть соткала дедова адская машина? Узнать бы, какими законами определяется работа Анахрона… Да только, похоже, этого и сами создатели, мать их ети, не ведали.

Размышления Сигизмунда были прерваны оглушительным хохотом гостей. Вамба — тот просто ржал, а Вавила еще и ножищами топал от восторга.

Блин, и как им объяснить, что сейчас пять часов утра, что вокруг соседи, что слышимость… А соседям что говорить, ежели придут? На этот раз зубной болью не отбрехаться.

Неуемную веселость гостей вызвал викин подарок — кружка с двумя парами сисек. Сигизмунд открыл было рот, желая призвать шумных «родовичей» к порядку, но куда там! Они обрушили на него шквал восторга: хлопали по плечам, по бедрам, себя размашисто хватали за причинное место, радостно скалясь при этом. Мол, здоров ты, мужик! Мол, так держать! Знай наших!

Сигизмунд неожиданно почувствовал себя польщенным.

Затем Вамба, невзирая на то, что все присутствующие были в курсе событий, принялся бурно втолковывать Вавиле — будто слабоумному — какой у нас махта-харья Сигисмундс, оказывается. Ну очень крут! Ну очень свиреп! Чуть что — крушит, рвет, разметывает! Лантхильда — она рассказывала: чуть что не по душе махта-харье Сигисмундсу — всђ: уничтожает бес-по-щадно! Потому и женщин ему потребно много. Много женщин потребно Сигисмундсу. И не удивляйся тому, Вавила. И не равняй Сигисмундса с собой. Сигисмундсу их куда больше потребно, нежели тебе.

Время от времени Вамба оборачивался к Сигизмунду за поддержкой. Мол, ты скажи ему, что я правильно все трактую.

Сигизмунд, как болванчик, кивал и твердил:

— Йаа… Йаа…

Вавила наивно изумлялся.

Неожиданно в дверь позвонили. Настырно так позвонили, нудно: з-з-з-з! з-з-з-з!

Кого это глубокой ночью несет? Небось, соседку снизу. Разбудили-таки стерву.

Сигизмунд нахмурился. Гости мгновенно насторожились, подобрались, сделались неуловимо опасными.

Вавила нежно погладил газовый ключ — мимоходом, неявно.

— Сидите здесь, — сказал Сигизмунд. — Я разберусь.

И пошел по коридору.

Идти страшно не хотелось. А звонок ввинтился в третий раз.

…Вика была очень бледна. С мучнисто-белого лица глядели безумные потемневшие глаза. Приоткрытые губы слюняво поблескивали помадой. За викиным плечом маячила неунывающая Аська.

— Морж! — заорала она. — Мы к тебе спать пришли! Ты только нас не гони. А эта коза ужралась в хлам, научный работник, тоже мне… Ты нас не гони, а? Слушай, нам кассету дали янкину — представляешь, в продаже появились! Дожили! Мы там слушали-слушали, но Виктория совсем с катушек съехала — то ли от портвейна, то ли от Янки. У тебя есть, где кассету переписать, Морж? А то ведь уедет, дура, в Рек…явик свой… Я ей Янку с собой хочу дать. Пущай родину помнит! — взревела Аська. И вдруг хихикнула. — Мы идем, Морж, представляешь, — а она ко всем вяжется! Эта тушка ведь не соображает ничего, так нализалась. Я и не думала, что она может так нализаться. Из-за нее там не остались. Там нас вписывали, а она — «на воздух, на воздух!» В пампасы!

Вика постояла, широко расставив ноги и слегка покачиваясь. Затем, не снимая куртки и сапог, прошла по коридору, остановилась у двери в гостиную и оттуда отчетливо произнесла:

— Ты, Морж, — говно! Там — люди… А ты — говно… А вот там — там люди…

— И взревела, совсем как пьяный грузчик: — ЛЮДИ там, говорю, ЛЮДИ!!!

Аська вдруг замерла, разглядывая что-то за спиной Сигизмунда.

— Ядрена покатуха! — изумилась она. — Эт-то что еще за олени строкопытые?

Сигизмунд обернулся. За его спиной, как две колонны, грозно высились ночные пришельцы. Вавила небрежно поигрывал тяжеленным ключом.

Вика добралась до «светелки» и, задев плечом косяк, ввалилась в комнату. Слышно было, как с размаху упала на тахту.

Спеклась, коза.

Аська освободилась от верхней одежды, открыв стриженую почти под ноль оранжевую голову. Гости рассматривали ее: Вамба — с легким отвращением, Вавила — с неприкрытым восторгом.

— Приветик, — непринужденно обратилась к ним Аська. — А мы с Викторией идем, хорошие-хорошие. Ну, думаю, не дойдем до дома. Завернули сюда во двор — на всякий случай, глядь — а у Моржа свет горит. Я и говорю: давай-ка, Вика, к Моржу оглобли заворачивать, а то он больно обламывался, что мы его покинуть решили. Ну, мы и поднялись. А вы че, мужики, системные?

Аська бесцеремонно потянулась к Вавиле, потрогала свисавший у того на шее металлический — бронзовый, что ли? — предмет на кожаном ремешке.

— Гля, Морж, феня классная… Пацифик!

Только тут Сигизмунд увидел, что на шее у Вавилы действительно болтается пацифик.

Вавила растерялся. Явно не знал, что делать. Был бы это Сегерих или там ихний Ульф-рекилинг — было бы все понятно: пришиб бы ключом, и весь разговор. А с этой блохой как поступать прикажете? Сигизмунд виновато ухмыльнулся Вавиле.

Сказал:

— Это Аська.

Мол, что с Аськи взять!

— Приветик, — повторила Аська с пьяным кокетством.

Вавила въехал мгновенно и тут же взял инициативу в свои руки. Выдернул у Аськи пацифик. Прихватил ее пальцами за подбородок и насмешливо протянул:

— При-и-иветикс!

— Ну ты, мужик, в натуре! — возмутилась Аська и тут же переключилась на Сигизмунда: — Блин, Морж, а они что, по-нашему не волокут?

— Вот именно, — сказал Сигизмунд. — И держи от них руки подальше.

Но тут Аська заметила у Вавилы газовый ключ и возликовала. Показывая на ключ, заверещала:

— Нравится? Правда, классная штука? А Морж рожу воротил, говнился. Вот видишь, Морж, ему нравится. Это только ты у нас такой олигофрен. Ребята, а откуда вы? Морж, откуда они?

Вамба вдруг ухмыльнулся и, скрутив фиги, сымитировал скудный аськин бюст.

— Бади-тиви, — добавил Вамба непонятно.

Вавила заржал и повторил жест Вамбы дважды.

— Сам дурак, — сказала Аська необидчиво и вдруг зевнула. — Все, Морж, отъезжаю. Разморило в тепле.

Сигизмунд довел ее до «светелки» и сгрузил на Вику со словами «разберетесь…»

А сам отправился на кухню — курить, пить кофе, клевать носом и ждать утра, когда можно будет позвонить Федору Никифоровичу. Гости сидели тут же, с удовольствием дегустировали кофе — Лантхильда, видать, им успела нахвалить — глухо переговаривались гортанными разбойничьими голосами.

Окно постепенно светлело.

* * *

Восемь утра. Можно звонить Никифоровичу. Порадовать старичка. Работает, мол, адская машина. Принимайте товар. Махнул не глядя!

Голова побаливала, как обычно после бессонной ночи. Потянулся к телефону.

Дверь приоткрылась. На пороге воздвигся, почесывая грудь, Вавила. С любопытством посмотрел, а потом, радостно осклабясь, поведал:

— Озо!

— Йа, озо, — отозвался Сигизмунд. — Чума на вас на всех.

Стараясь не обращать внимания на Вавилу, Сигизмунд набрал номер. Под пристальным взглядом холодных голубых глаз слушал гудки в трубке: раз, второй, третий…

Отозвался женский голос. Не туда попал, что ли? На всякий случай все-таки попросил:

— Будьте добры Федора Никифоровича…

— А кто его спрашивает?

— Морж. Фирма «Морена». Ремонт компьютеров. Он вызывал.

Женский голос торжественно, с расстановкой, даже не без удовольствия проговорил:

— Федор Никифорович скончался.

Мгновенно потеряв самообладание, Сигизмунд вскрикнул:

— Как скончался?!

— От инфаркта. Сегодня ночью.

— С кем я говорю?

— Молодой человек. Его больше нет. Компьютер чинить не нужно…

Она положила трубку.

Вот и все. Последний сталинский сокол улетел. В ясное небо. Сигизмунду стало по-настоящему дурно. Только сейчас он понял, как рассчитывал на Аспида, его предусмотрительность и всемогущество. И вот последняя нитка к деду оборвалась. Теперь

действительно надеяться больше не на кого.

Вавила все еще топтался вокруг телефона. Шею вытягивал. Сигизмунда вдруг охватила жгучая досада на этого древнего раздолбая. Набрал «08» и приложил трубку к уху Вавилы. Наслаждайся, Вавила!

Вавила с готовностью прильнул к трубке. Судя по его лицу, он ожидал чуда.

И чудо свершилось. Механический голос произнес:

— Днем и ночью вам обед предоставит САМОЦВЕТ! Звоните и заказывайте… — И, после гудка, более буднично: — Восемь часов двадцать ОДНА минута.

Вавила испуганно отпрянул, но тут же взял себя в руки и засмеялся. Сигизмунда стал уже раздражать этот непрерывный смех.

В комнату заглянул Вамба. Вавила повернул к нему сияющую морду и удивительно точно повторил, копируя даже интонацию:

— Восм сасов двасат АДНА минута-а! — И снова засмеялся.

* * *

Угомонились часов в девять утра. Сигизмунд уложил «родовичей» в гостиной. Зашел в «светелку». Опасливо глянул на тахту. Там мертвым сном спали сестрицы. Во сне не шевелились и даже как будто не дышали.

Подаренный меч Сигизмунд положил в гостиной на пианино. Там он меньше всего бросался в глаза. Аспид глядел с фотографии как-то особенно злоехидно. Или показалось?

Перенапряжение дало себя знать. Сигизмунд мгновенно провалился в сон и, казалось, был разбужен тотчас же. Кобель настырно тыкался в него мокрым носом. Требовал понятно чего.

Сигизмунд со стоном сел. Послал проклятье кобелю. Глянул на часы. Уже перевалило за полдень.

На кухне кто-то возился. Оказалось — Вика. Откровенно похмельная, с опухшим лицом и красным носом. Сомнамбулически бродила от плиты к столу, варила кофе.

— И мне, — простонал Сигизмунд, опускаясь на табуретку.

— Привет, Морж. Слушай, что вчера было?

— Вам виднее, что вы вчера вытворяли.

— Нет, а у тебя… я не опозорилась?

— Ты сразу спать завалилась.

Вика замерла посреди кухни с чашкой в руках. Устремила на Сигизмунда тяжелый недоверчивый взор.

— Точно?

— Точно, — лениво ответил Сигизмунд. — Аську спроси, если мне не веришь.

Вика приободрилась. С трудом ворочая языком, защебетала:

— А мы вчера там чего-то нажрались. Там все нажрались. Бутылку разбили об стену. Уговаривали оставаться, а мне плохо сделалось, не хотелось там блевать. Я говорю: мы, ребята, пойдем… А дальше уже не помню. Меня Аська, наверное, тащила… Слышь, Морж, а что у тебя за народ в большой комнаты дрыхнет? Я сунулась — а там мужики какие-то… Тоже пили?

— Да нет, они только что с трассы, — зачем-то соврал Сигизмунд.

— А… — утратила интерес Вика.

И тут в кухне показался Вамба.

Вика неодобрительно оглядела его с ног до головы.

— Это у ролевиков теперь мода новая — по трассе в прикидах ходить? — спросила она вместо приветствия.

Вамба подумал и ответствовал:

— Хайлс!

— Сигис хайлс! — машинально отозвалась Вика и вдруг дернулась: — ЧЕГО?

— Откуда я знаю? — огрызнулся Сигизмунд. — Что ты ему сказала?

Вамба сел на табуретку. Откровенно уставился на Вику. Нашел ее не сексапильной. Мнения своего не скрыл. Все было на роже написано.

Почесался. Непринужденно заговорил — о том, о сем. Мол, какие нынче над хузом погоды стоят! И так далее.

Вика грохнула чашкой об стол. Вамба глянул с недоумением.

— Ты их что, нанимаешь? — резко спросила Вика у Сигизмунда.

— Кого я нанимаю? Работы нет, фирму закрывать пора! Все, прогораем! — разъярился Сигизмунд.

Вика мгновенно дошла до белого каления. Сигизмунд чувствовал: еще немного — и даст по морде.

— Слушай, ты, — прошипела Вика, обращаясь к Вамбе, — кончай прикидываться.

Вамба ничего не понял, а Сигизмунд сказал миролюбиво:

— Да он не прикидывается.

— А ты заткнись!

— Сама заткнись и слушай, пока объясняют. Повторять не буду. Это брат Лантхильды. Все ясно?

— У них там что, групповое помешательство?

— Хрен их разберет.

— А второй в комнате — он тоже?

— Это кореш Вамбы. Вавила.

Услышав последнее имя, Вика окончательно вышла из себя. Она хлопнула ладонью по столу и завопила на весь дом:

— Что ты из меня дуру делаешь, Морж?! Ну вот что ты дуру из меня делаешь?!

Вамба вдруг дружески заговорил с Сигизмундом. Спокойно поглядывая на Вику и кивая, что-то стал втолковывать. Вика прислушалась — она явно понимала, о чем речь, — вспыхнула, залилась краской и, опрокинув табуретку, бросилась вон из кухни.

Вамба пожал плечами, посмеялся и еще раз повторил сказанное, помогая себе жестами. Сигизмунд наконец уяснил, что хотел сказать ему Вамба. «Родович» советовал Вику вздуть — за дерзость и непокорство.

* * *

Когда Сигизмунд был вынужден выйти во двор с кобелем, Вавила настойчиво запросился вместе с ним. Очень уж хотел посмотреть «гизарнис карахо». Ну прямо мочи нет, как хотел.

Тихое отчаяние владело Сигизмундом. Ему было сейчас все равно. Идти на двор? Ладно. «Гизарнис карахо» смотреть? Хорошо. С Вавилой? Да зарасти все говном… В последний миг сообразил, слазил на антресоли, вытащил для Вавилы плащ-палатку. Так оно и теплее, и вавилин прикид не слишком в глаза бросается. Обувки по вавилиному размеру подобрать у себя дома не чаял.

Вавила осматривал двор взглядом опытного хозяина. Потрогал сетку, отгораживающую детский садик. Задрав голову, оглядел дом. Изумился высоте и многоэтажности. Осторожно похвалил хуз. Мол, добрый хуз.

Так же последовательно, без суеты и спешки, осмотрел гараж. Пощупал замок. Сигизмунд открыл дверь. Принюхался. В нос шибануло вонью. А чего вы хотели? Был перенос. Да еще какой!

Стоически превозмогая вонь, Вавила продолжил экскурсию по гаражу. Изумлялся на машину — сил нет. Всю общупал, оглядел, где можно — потыкал пальцами. Тут же предложил ехать кататься. Видать, Лантхильда все уши прожужжала. Сигизмунд предложение отклонил. Вавила не обиделся.

Заперли гараж. Вавила все еще находился под впечатлением увиденного. Губами шевелил, глаза к небу возводил — думал, рассуждал сам с собою.

У мусорных баков остановились. Сигизмунд свистнул собаке.

Вавила сказал что-то Сигизмунду и хохотнул. То обстоятельство, что Сигизмунд его явно не понимал, Вавилу ничуть не смущало. Привык, видать, любую мысль сразу выкладывать. Да и нечасто посещали мысли буйную вавилину голову. Как тут сокровищем не поделиться?

И тут неожиданно в одном из баков завозились, пару раз гулко стукнулись и явно полезли наружу. Вавила заинтересовался, голубыми глазами заблестел. Сигизмунда заранее затошнило. Ну не любил он ЭТОГО. Опять бабка какая-нибудь.

Над краем бака показалась черная борода. Бандитскую рожу украшали ласковые, с прищуром, глаза конокрада.

И хоть ничего общего не было между нордическим Вавилой и цыганистым мужиком из бака, у Сигизмунда неприятно захолонуло сердце: на обоих стоял несмываемый штамп «made by Анахрон». В том, что мужик ОТТУДА, Сигизмунд не усомнился ни на мгновение.

Тем временем мужик, благоухая, чем положено, выбрался из бака. Отряхнулся. Снова сунулся в бак, перегнувшись почти по пояс. Выволок оттуда тяжелый мешок. Отряхнул и его от картофельных очистков и прочей дряни. И двинулся к Вавиле, явно не зная, чего ожидать.

Вавила, не изменившись в лице, звучно заехал мужику по морде. Тот стерпел с какой-то странной радостной готовностью.

Ни слова не промолвив, Вавила повернулся и величаво устремился к парадной. Взвалив мешок на спину, мужик поплелся следом. Замыкал сюрреалистическое шествие Сигизмунд. До этой минуты он и не подозревал о том, что его дурное настроение поддается ухудшению еще на несколько порядков.

* * *

Им открыла Аська в трусах и майке. Ничуть не смущаясь, почесала под майкой живот с кольцом в пупе.

— Ну ты, Морж, и ублюдок! — завелась она с порога. — Что ты с Викторией сделал?

— Ничего, — вяло отозвался Сигизмунд.

— Врешь! Что ты ей натрепал? Я просыпаюсь — она ревет.

— Что, и сейчас ревет?

— А ты не слышишь?

Вавила восхищенно вылупился на Аську. Цыганистый мужик с мешком топтался в дверях за вавилиной спиной.

Из кухни вышел Вамба. На поясе, рядом с пустующими

ножнами, болтались наручники. Завидев мужика с мешком, Вамба ничуть не удивился. Только хмыкнул. Сигизмунд укрепился в своей догадке насчет того, что эти трое знакомы давно и прочно.

Вавила, хохотнув, что-то поведал Вамбе; тот ответил резко. Вавила разразился длинной тирадой. Разговор велся на повышенных тонах. Аська мотала головой, переводя взгляд то на одного, то на другого. Наконец спросила:

— Чего это они, Морж, а?

Из «светелки» доносились истеричные рыдания Вики.

Сигизмунд безмолвно побрел на кухню, налил себе жидкого вчерашнего чая и тупо засел над чашкой. Почти сразу вперся, оставляя грязные следы, цыганистый мужик. Заискивающе улыбнулся, втащил мешок. Водрузил перед Сигизмундом. И отошел на шаг со скромненькой улыбочкой на плутоватой морде.

Сигизмунд, смутно понимая, чего от него ждут, развязал мешок. Что у них там? Один из сорока разбойников?

Мешок был доверху наполнен зерном. Сигизмунд попытался приподнять мешок. Мешок не поднимался.

Цыганистый почтительно ощерился.

Сигизмунд запустил в зерно руку. Поворошил. Просыпал сквозь пальцы. Что это? Городской житель, он слабо разбирался в зерновых культурах.

Рыдания Вики в «светелке» становились все громче. Аська, кажется, пыталась ее утихомирить.

В комнате Сигизмунда шумно ссорились Вамба с Вавилой.

Хотелось удавиться.

Бах! Хлопнула дверь. Простучали шаги. На кухню ворвалась Виктория — растрепанная, красная, с опухшим лицом. Заорала:

— Сука ты, Морж! Гнида тараканобойная! Хули говном-то поливать? Никогда, никогда… в первый раз… и обязательно надо было в последний день… На хера?

— Что на хера?

Вика завизжала:

— Что на хера? Ты, блядь, ты… в последний день… испортить, все, все испортить! Скучно живется, да? Оттянуться негде, да? С бабами оттягивайся! С тещей своей… Дружков твоих, говнюков… я их насквозь вижу! Гондоны штопаные, мать вашу!..

— Погоди… Слушай, Вика, ты же, в конце концов, диссертацию…

— Завидно, да? Завидно? У самого ни хера не удалось в жизни, так зависть гложет? Если человек делом занимается… если любит… дело… так надо все испакостить? Засрать надо, да? Легче тебе, легче? Ну, легче теперь?.. Я с самого начала в тебе

гнильцу подозревала, а Аська — «нет, нет»… Ты из тех, кто сами ни хера не делают, ни на что не годны, только шуточки гадские шутят…

Сигизмунд слушал, как в тумане. Он ничего не понимал и не мог понимать. Все болевые пороги остались далеко позади. На все было наплевать… Только тупо саднило где-то в животе.

Откуда-то прилетела Аська. Клещом впилась в викины плечи.

— Ты чего, Виктория? Ты чего на Моржа наехала? Моча в голову ударила?

Чуть повернув голову, Вика закричала:

— Чего? Он прекрасно понимает, чего! Одна ты слепая!

Чернобородый мужик безучастно стоял посреди кухни. Мол, не мое это дело.

За стеной орали друг на друга Вамба с Вавилой. Уже и мебель какую-то двинули.

Стряхнув с себя Аську, Вика подступила к Сигизмунду. Тот поднял голову, поглядел мутно.

— Кто эти мужики? Морж, я тебя прошу… пожалуйста… перестань хоть сейчас… кто они?

Сигизмунд молчал. Он не знал, что сказать. Если что-то говорить, то слишком многое, а сил на это не было.

Вика истолковала его молчание по-своему. Надсаживаясь, выкрикнула:

— Молчишь? Ну и молчи! Что, ученую девочку из Рейкьявика захотели? Сейчас получите! Игровички херовы! Двух слов связать не можете! Викинги доморощенные! Слушать противно!

И оттолкнув Аську, стремглав бросилась из кухни. Ворвалась в комнату и тотчас же яростно заорала на каком-то непонятном языке.

Аська тревожно сказала Сигизмунду:

— Пошли-ка туда. Спятила баба совсем. Это у нее ностальгия начинается, тоска по родине. Может, месячные скоро? Погодика… — Аська позагибала в задумчивости пальцы, потом мотнула головой. — Не помню. Слушай, Морж, а они ей чего не сделают?

…Вавила с Вамбой стояли — большие и странно примолкшие. Между ними металась, подпрыгивая, Вика. Она выкрикивала что-то, судя по всему, оскорбительное. Язык, на котором разорялась Виктория, был Сигизмунду решительно незнаком.

Но что еще удивительнее — он оказался незнаком также и Вамбе с Вавилой.

Помутненное сознание Сигизмунда с трудом втиснуло в себя мысль о том, что могут существовать ДВА в равной степени неизвестных ему языка.

Заметив Сигизмунда, Виктория вдруг замолчала. Наставила на него палец. Прошипела яростно:

— Парни-то твои прокололись. Это ты их сюда притащил. Я была права. Ну ты и гадина!

— Морж! — завозмущалась Аська. — Что ты молчишь? Это что, правда? Ты правда их сюда приволок? На хрена? Ты правда ее дурачил? Ты че, рехнулся?

Сигизмунд понял, что больше не может.

— Слушайте, я спать хочу… — выговорил он. — Разбудите, когда разберетесь, ладно?

И, не дожидаясь ответа, ушел в «светелку», где действительно сразу вырубился.

* * *

Сигизмунда разбудила Виктория. Тихо потрясла за плечо.

Он зашевелился, сел.

— Что тебе?

— Морж, — безжалостно нависая, спросила Вика, — кто они такие?

— Отстань… — простонал Сигизмунд, норовя опять завалиться на тахту.

Но Вика не пускала.

— Кто они такие? Где ты их откопал?

— А что? — слабо спросил Сигизмунд.

— Они говорят на этом искусственном языке лучше, чем я на русском… Что-то есть и от древнеисландского…

— Ты с ними уже объяснилась?

— Нашли общие слова. Произношение другое, дифтонги другие, вообще многое иначе… Язык тот же, что у твоей девицы.

— Естественно, — сказал Сигизмунд. — Вамба ее брат.

Вика едва не плакала.

— КТО ОНИ ТАКИЕ? Ты можешь мне сказать, КТО ОНИ ТАКИЕ?

— Открой шкаф, — проговорил Сигизмунд, исступленно мечтая избавиться от Вики, — там на ремешке висит… за шмотками. Повороши.

Вика метнулась к шкафу. Зашуршала тряпками.

— Что это?

— Свет зажги.

В темной комнате вспыхнул свет. И тотчас жирно просверкнули три свастики на золоте.

При виде лунницы Вика задохнулась. Краска отхлынула от ее

щек. Она наклонилась над лунницей, будто не смея прикоснуться, стала рассматривать. Потом подняла на Сигизмунда обезумевший взор. Прошептала:

— Это что… настоящая?

— Да.

— Золотая?

— Можешь на зуб попробовать.

— Откуда у тебя это?

— Это на Лантхильде было, когда я ее нашел.

Вика сделалась такая белая, что Сигизмунд вдруг не на шутку встревожился.

— Тебе нехорошо? Давление?

— Идиот! — проговорила Вика еле слышно. — У меня сейчас весь мир рушится…

— Да Вика! Все в порядке. Просто так вышло…

Она помотала головой.

— Нет. Не верю. Не могу.

— Сходи в гостиную. Там, на пианино, лежит… Полюбуйся.

Вика стремительно выбежала из «светелки». Сигизмунд закрыл глаза. Слышно было, как Вика ходит по комнате. Со стуком положила меч на крышку пианино. Вернулась.

— Удовлетворена? — не открывая глаз, спросил Сигизмунд.

— Морж. Что это получается?.. Они говорят, ты их сам пригласил.

— Да не приглашал я никого! У меня жилплощадь не позволяет… А старик умер. Кто же знал, что он помрет? А он в ночь на сегодня возьми да помри. Инфаркт, блин.

— Какой старик? Близкий кто-то?

— Такой старик… Потом расскажу.

— Ой, Морж, я же не знала, что у тебя такое горе…

— У меня горе. Только не такое. Другое. — Сигизмунд сел. Посмотрел на Вику.

— Ты действительно понимаешь, что они говорят?

— Так, с пятого на десятое. Кое-что.

— Пойдем-ка спросим этих парней. Только прими как данность, что они не врут. Я тебе потом все объясню. Все как есть. Но мне сперва надо кое-что самому выяснить. Пошли?

Вика пошла вперед и вдруг остановилась.

— Морж…

— Что?

— Ты не сердишься? — спросила она тихо.

Сигизмунд молча поцеловал ее в макушку. Он был счастлив просто оттого, что скандал наконец прекратился.

* * *

Сидя на коленях у Вавилы, неунывающая Аська демонстрировала собравшимся свое кольцо. Завидев Сигизмунда, соскочила, зачастила:

— Ну что, выдрыхся, Морж? Помирились? Морж, а ребята-то клевые! Они нам целый мешок пшеницы притащили, представляешь? Я оладушек напекла!

— Каких оладушек?

— Из пшеницы!

— Что, из зерен?

— Слушай, Морж, ты действительно такой или прикидываешься? Конечно, из муки. Я в кофемолке смолола. Поначалу коричневое получалось, с кофейком, а потом нормальная мука. Скушай оладушек…

На тарелке действительно громоздилась гора тонких липких оладушек.

Сигизмунд взял одну, машинально сунул в рот. Вавила, жадно следивший за ним, закивал с очень довольным видом. Мол, вот как угодил!

Вспомнив одну из реплик Вамбы, Сигизмунд спросил Викторию:

— Вика, а что такое «бади-тиви»?

Вика подумала немного. Потом предположила:

— Служанка в постели… Наложница, что ли? Что, уже наложницу просит? Ну, обнаглел…

— Да нет, это он тебя так вчера называл… — ляпнул Сигизмунд, не подумав.

Вика побагровела.

— Так вот, значит, как ты ко мне относишься!

— Вика, я тебя очень прошу. Все выяснения отношений — потом, ладно? Я к тебе НЕ ТАК отношусь. И ты об этом прекрасно знаешь.

Переборов себя, Вика заговорила с гостями о чем-то. Вамба, поигрывая наручниками, отвечал с глубоким достоинством. Несколько раз поправлял викино произношение, подсказывал слова, снисходительно кивал, когда она за ним повторяла. С некоторым недоумением Вика обратилась к Сигизмунду с Аськой.

— Я спросила: великий воин Сигизмунд так и не добился от Лантхильды, из каких краев она родом. Вамба же ответил, что Лантхильда вечно путаницу разводит и что весь их род происходит с реки Быстротечной.

— Спроси, как их народ называется.

Вамба неспешно перебрал несколько слов. Вика хмыкнула:

— Он назвал, но все эти слова переводятся как «люди» или «народ». — Она подумала немного и предложила: — Я спрошу, как их народ называется другими народами.

Было произнесено множество других слов. Вика старательно вникала, и вид у нее делался все более и более растерянный. Наконец она промолвила, запинаясь:

— Я не вполне понимаю… Они говорят… что они — виндилы… или вандилы… В общем…

— Вандалы? — завопила Аська. — Морж, я их отвлеку, а ты звони в ментовку! Они сейчас тебе нос отобьют и вообще! Ихний Аттила Рим разграбил и пожег, мы в школе проходили, в пятом классе! Вон, смотри, один уже с наручниками! Сейчас начнется!

Вика поморщилась.

— Морж, приструни ее, быстро.

— Аська! — рявкнул Сигизмунд.

Гости наблюдали эту сцену совершенно бесстрастно.

Так. Вандалы, стало быть. А этот, чернобородый, кто? Сейчас выясним.

Сигизмунд ткнул в сидевшего в углу мужика пальцем и обратился к Вавиле:

— Вандал?

Вавила переглянулся с Вамбой. Оба с достоинством повозмущались. Какой же это вандал? Что, не видно разве — не вандал это? Не бывает у людей народа вандальского столь подлой морды! И это в глаза должно бросаться сразу. А потом Вавила скорчил хитрую рожу, дружески хлопнул Сигизмунда по плечу и заржал. Все-таки большой ты шутник, Сигисмундс, раз так спрашиваешь! Умеешь насмешить других и сам посмеяться! Будто сам не видишь, что скалкс это ничтожный перед тобой!

— «Скалкс» это у нас хво? — осведомился Сигизмунд у Вики.

— Раб, — тотчас уверенно перевела Вика.

Вавила же дальше речь повел. Вика машинально переводила. Она настолько углубилась в лингвистическую суть проблемы, что не сразу вникла в содержание вавилиных разговоров.

Дерзки наложницы твои, Сигисмундс, говорил между тем Вавила. Должно быть, смешит тебя это очень. И то роднит нас с тобой, Сигисмундс, ибо меня бы это тоже очень смешило. А Вамбу не очень смешит. Это потому, что Вамба слишком благочинию привержен. Иной раз и лишним такое оказывается.

Новая удачная мысль посетила Вавилу. Аж голубые глаза засияли. Скалкс — хоть и презрен, а хорош, подлец! Полмира обойдешь — а второго такого скалкса не сыщешь! Давай, махта-харья Сигисмундс, меняться! Ты мне — Ассику бади-тиви отдашь, а я тебе — Дидиса-скалкса! Выгодный обмен! Не прогадаешь!..

— Что? — взревела Аська. — Началось! Звони в ментовку, Морж! Или ты с ними сговорился? Продать меня решил? И фирму свою на том поднять? Предатель! Иуда! Павлик Морозов! Бандера!

Сигизмунд поморщился. Сейчас он был не в состоянии переносить громкие звуки. Вавила, заглядывавший Сигизмунду в глаза — больно уж упрашивал! — заметил недовольство друга. Хлопнул его по плечу, хохотнув. Мол, сейчас все будет о'кей.

Вавила приблизился к Аське, навис над ней, щекоча ей макушку бородой, а потом вдруг наклонился и сгреб в охапку. Аська завизжала, отбиваясь, несколько раз стукнула Вавилу по спине кулаком. Вамба гулко захохотал.

Вавила легко потащил брыкающуюся Аську к «светелке». Сгрузил там. Дидиса позвал.

Скалкс — гигантская лохматая фигура — поднялся и, скребя в бороде, побрел следом за Вавилой.

Виктория побледнела.

— Что он с ней сделает?

— Не знаю.

— Они все-таки… вандалы… — Последнее слово Вика выговорила с усилием.

— Думаешь, нос ей отобьют? — спросил Сигизмунд. — Нормальные они мужики, ничего с ней не сделают… Побесится и утихнет. Боишься — пойдем посмотрим.

Оказалось — и в самом деле ничего особенного Вавила с Аськой не сделал. Просто запер буйную бади-тиви в «светелке», дабы благочинной беседе преград не чинила, а дверь скалксом Дидисом подпер.

Вавила был укушен. Посасывал руку, ухмыляясь. Сигизмунда по плечу одобрительно хлопнул. Мол, какую стервищу в доме держишь и не страшишься!

Слышно было, как запертая в «светелке», колотится в двери Аська.

— Гады!.. Не забуду!.. Урою!.. Всех урою!.. Вика, змея подколодная!.. А ты, Морж, ты!.. Жди завтра угрюмых мальчиков в подъезде!.. — И завыла визгливо:

— Смеясь отдамся королю и плача — палачу!.. Кайф невозможно отсосать назад!.. Будет тебе, Морж, кайф!.. Я тебе ЛСД в кофе подсыплю, гаду! Насмотришься у меня мультиков! Сдам слюноротого!.. Ви-ка! Вавила! Гондон штопаный! Убери этого мордоворота!

Сигизмунд беспомощно посмотрел на Вавилу. По квартире неудержимо неслось:

— Фа-арш невозмо-ожно… проверну-уть наза-ад!.. У, суки!..

Пусти-и-ите!..

— Как бы соседей не переполошила, — озаботился Сигизмунд.

Вика посмотрела на него с откровенным презрением.

— Больше тебя ничего не беспокоит?

— Меня слишком многое беспокоит, Виктория. Ты даже себе не представляешь — насколько.

Из коридора доносилось бормотание скалкса — колыбельную Аське напевал, что ли, или иначе как общался?

Тишину разрывали визгливые аськины выкрики:

— Я отрезанный ломоть, Я оторванный билет, Будет жизнь меня молоть, Словно мясо для котлет!

А тебя, Виктория, я больше за родственницу не держу! Моржу все равно, его сегодня завалят, а тебе плохо будет!..

Я потертый воробей, Я обстреляный калач, Я творец судьбы своей, Я сама себе палач!

И-и-и!!! Я измени-и-ила себе!..[note 1]

С тобой, Морж, с гадом продажным, изменила!..

Однажды Аська орала блатные песни семь часов кряду. А опосля серебристым комариным сопрано пропищала романс «Белой акации гроздья душистые». Голос у нее, видите ли, от природы поставленный. Поэтому — и Сигизмунд знал это слишком хорошо — надрываться Анастасия может о-очень долго. Придется терпеть. В сталинских застенках и не такое терпели. И ничего. Даже Анахрон, гляди ж ты, сляпали.

…Они сидели на кухне и пытались чинно пить чай. Вели беседы.

Вамба, отпив неумеренно сладкого чая, по-сельски кондово — из блюдца, что-то сказал Сигизмунду. Вика перевела:

— Говорит, понравилась ему та штука, «где вода».

— Какая штука? Где вода? — не понял Сигизмунд.

— Унитаз, должно быть.

Сигизмунд неспешно ответил, что непременно поможет родовичу завести у себя в хузе подобное. Отчего же не помочь? И унитазом поможет, и трубами… Оно, конечно, водопровода в хузе нету, но можно ведь и без водопровода. Поставить «белого брата» посередь хуза, а рядом ведерко спроворить. И пользоваться. И глазу приятно, и гигиенично.

Сигизмунд говорил, а Вика переводила, переводила, дурея и плохо соображая. Слова «трубы», «водопровод», «унитаз» использовала русские.

Вамба послушал. Поразмыслил. Ответил так. Благодарен он махта-харье Сигисмундсу за предложенную помощь. Однако ж негоже пред оком богов подобным делом заниматься. За пределы

очага «белого брата» вынести надобно. Так будет правильно. Так богами будет одобрено.

Сигизмунд почувствовал, что краснеет. Превзошел-таки его Вамба благолепием, ох превзошел!

Аська как-то особенно противно проскандировала:

— Как бельмо на глазу старика Денетора,

Рассекая пространство! И время разъемля!

Черный назгул кружит! Над землею Гондора!

Предвещая беду! Мрачно гадит на землю!

Вечером, когда весь мир усну-у-ул!

Пролетал! Над Гондором! Назгу-у-ул!..

Снизу кто-то начал бить по батарее. Аська с новой силой возликовала.

— Спасите! Насилуют! Назгулы!..

Воспаленное воображение Сигизмунда рисовало уже ментов, вандалов… «Откуда у вас, гражданин Морж, золотая лунница?» — «Это приданое моей жены» — «Врете, Стрыйковский. Десять лет без права переписки. Плюс расстрел». И придется отсиживаться в Анахроне. Всегда. А Анахрон вдруг опять взбрыкнет и перенесет куда-нибудь… К деду, в тридцать седьмой. Или в страну назгулью…

Так. Все. Еще охтинского бугра вспомни.

Вавила глядел в потолок и упоенно слушал аськины вопли. Что-то он в них находил, видать.

Виктория тряхнула головой и резко проговорила:

— Пойду заткну Аську. Давай, укладывай спать родственничков. Потом поговорим.

— Может, утром? — вякнул Сигизмунд. — Я утром не такой бесноватый.

Виктория, даже не поглядев на него, встала и направилась в сторону «светелки».

— Заткнись, дура! — послышался из коридора металлический голос Вики. — Не до тебя сейчас! Дело серьезное.

Наступила тишина. Сигизмундом это воспринималось как чудо.

Вандалы оживленно переговаривались — комментировали, видать. Вамба непрерывно острил, Вавила благодарно хихикал.

Вернулась Вика, прямая и строгая.

— Ты будешь их спать устраивать?

Сигизмунд спохватился.

— Переведи.

Вика сказала что-то. Вавила с хрустом потянулся. Вамба хмыкнул и кивнул.

* * *

По возможности соблюдая церемонии, Сигизмунд с помощью Вики-переводчицы упихал гостей-вандалов в гостиную спать. Навалил им на полу курток, шуб и одеял — те зарылись и остались весьма довольны.

Сам же отправился в «светелку» — мириться с Аськой и давать сестрицам объяснения. А от объяснений теперь не отвертеться — это Сигизмунд уже понял.

Перегораживая коридор, перед «светелкой» преданно торчал скалкс.

— Слушай, Виктория, а этот так и будет здесь ошиваться? — шепотом спросил Сигизмунд.

Вика как-то неэлегантно почесала ногой об ногу. Ответила:

— Велели ему, вроде, Аську сторожить.

— Что делать будем?

— Ты хозяин дома, ты и распоряжайся.

Сигизмунд с сомнением оглядел гигантскую тушу скалкса. Сдвинешь такого с места, как же. И морда пройдошливая. И наглая.

— Разбаловал его Вавила, — сказал Сигизмунд ни к селу ни к городу. И крикнул: — Аська! Ты там?

— Иди ты в жопу, Морж! — был ответ.

Да. Надо бы установить взаимопонимание со скалксом. Заодно довести до его дремучего сознания, что хозяин здесь — Сигизмунд. И что Сигизмунда слушаться надлежит.

— Переведи этому, чтоб отошел, — прошипел Сигизмунд.

— Как я ему переведу? Откуда я знаю, как с ним обращаться?

Конокрадовые глаза скалкса перебегали с Сигизмунда на Вику. На Вике задерживались. Ощупывали, оценивали.

Аська крикнула из-за двери визгливо:

— Виктория! Посылай ты этого мудозвона в задницу! Вытащи меня и пошли отсюдова к херам!

Сигизмунд спросил Вику, явно невовремя:

— Кстати, а как ты с ними по-вандальски разговариваешь?

Вика явно теряла терпение:

— Я разговариваю с ними по-древнеисландски. А эти ублюдки еще произношение мне поправляют. И грамматику.

— Ты можешь его попросить отойти? Жалко тебе?

Сигизмунд еще раз прокрутил в голове все имеющиеся факты. В доме наличествуют три вандала. Из них один — его шурин, второй дружок шурина. А третий — раб дружка шурина. Теперь, стало быть, Сигизмунд тоже обзавелся шурином — на зависть Федору. Мелькнула некстати мысль: а если Вамбу да на

федоровского шурина натравить — кто мудаковатее окажется?

— Виктория, — как можно более проникновенно заговорил Сигизмунд, — клянусь, я тебе все объясню. Ты что, не понимаешь — мне Аську вызволить надо? Не разбираюсь я в ихних играх. Как твои древние исландцы в таких случаях поступают?

— Я не медиевист, — холодно процедила Виктория, — я филолог.

Она посмотрела на скалкса и вдруг с размаху пнула его ногой.

Скалкс Дидис уважительно осклабился. Пинок Виктории был для него как укус комара. Видимо, оценил не результат, а участие.

— Шевели задницей, ублюдок! — рявкнула Вика. — Вали отседова!

— Так их, Вика! — бесновалась за дверью Аська. — Пни там Моржа! У, рыло! Ненавижу!

— Виктория, — взорвался Сигизмунд, — ты владеешь второй сигнальной системой? Скажи ему, чтобы шел спать! К Вавиле!

Виктория коротко пролаяла что-то. Скалкс протянул нечто, что можно было понять как «давно бы так…», отлепился от двери, поднялся и двинулся по коридору к гостиной.

Тотчас же дверь распахнулась, и из «светелки», как чертик на пружинке, вылетела Аська. Она была очень красна.

— Ну ты, Морж, жлобяра! — прошипела она. — Ни минуты здесь не останусь! И чтоб не звонил мне! Знать тебя, говно, не хочу! Собирайся, Виктория!

Сигизмунд поймал Аську, которая рванулась было прочь. Аська сопротивлялась отчаянно, но была побеждена и оттеснена обратно в «светелку». Сигизмунд силой усадил ее на тахту. Кивнул Виктории:

— Садись.

Вика села с отсутствующим видом.

— Дай сигарету.

Задымила. Сигизмунд предложил и Аське, но та отвернулась. Поглядывала на курящую Вику, явно злясь.

Сигизмунд заложил руки за спину, прошелся по «светелке», как Ильич по кабинету, остановился и произнес:

— В общем, девки, такие дела…

* * *

…Да, вот как оно обернулось. Была девушка, Лантхильда. Тайна с ней была связана. Любовь — не побоимся этого слова.

Как страдал, когда она исчезла! Как метался, искал, обламывался. Потом выяснил — отчего появилась, отчего исчезла. Сказали, что не вернется. Но все равно — ждал, надеялся. Любовь ведь!..

И вот свершилось… гм… чудо. Вместо девушки — три здоровенных облома, что дрыхнут сейчас в гостиной. Вандалы, понимаешь ли.

Это тебе не подкидыш в пеленке, в приют не снесешь. И не назойливые родственники из провинции, в провинцию обратно их не ушлешь. Куда их усылать прикажете? На реку Быстротечную? Анахрон работает через пень-колоду. И вообще базовый блок — на самостийной Украине.

Для чего, спрашивается, с Натальей разводился? Свобо-оды захотел. Кушай теперь свободу столовыми ложками. Дели теперь потом политую жилплощадь — и с кем? С вандалами. Они у слоников живо хоботы поотбивают… Их же до сих пор за вандализм только и помнят.

Такие мысли мучительно и бессвязно обуревали Сигизмунда, пока он излагал сестрицам краткий курс истории Анахрона. Те слушали: Аська — разинув рот, Виктория — с непроницаемым лицом. Когда Морж завершил повествование, легковерная и чувствительная Аська, забыв свою былую обиду, запричитала:

— Ой, Моржик, ой, бедненький, как же ты крышей-то не поехал? Такую тайнищу в себе носил лютую! За ней сам страшный Берия охотился, а ты сберег! Тебя опасности подстерегают!.. Ой, Моржик, а вдруг тебя убьют…Слушай, может, тебе у меня теперь вписаться? Мы тебя загримируем. Парик там, бакенбарды… Родная мать не узнает.

Виктория, молчавшая все это время, вдруг тряхнула головой и сказала:

— Нет. Не могу поверить. Где доказательства?

Сигизмунд устало потер глаза. Поднял голову. И вдруг уткнулся взором в странную вещь. Не сразу даже понял, что это такое.

С люстры свисала петля, сделанная из бельевой веревки.

— А это еще что?

— Это, — гордо поведала Аська, — я вешаться хотела. В последний миг передумала. Чудо спасло!

— Итак, — сказала Вика, докурив третью сигарету. — Резюмируем. Твой дед, товарищ Стрыйковский, сталинский прихвостень и создатель ГУЛАГа, построил адского монстра. Потом состряпал комплот и с тем почил. Боевой товарищ дедушки, мирный пенсионер-заговорщик, шантажом и угрозами вовлек тебя в дедушкин заговор, и теперь ты влип по уши. Так?

— Так, — мрачно согласился Сигизмунд.

— Что собираешься делать? Отдавать свою квартиру вандалам? А вдруг их сюда целое племя принесет?

— Запросто, — поддакнула Аська. У нее загорелись глаза. — Надо, Морж, идти в ментовку и каяться. У меня тут было тяжелый период, я каждый день ходила к батюшке в церковь и каялась, каялась… во всем каялась. О чем вспомню, в том и…

— Да нет, какая тут ментовка, — сказал Сигизмунд.

— Слушай, Виктория, — вдруг насторожилась Аська, — а что, если он нас с тобой парит?

— Не парит. Попроси, он тебе доказательства покажет.

— Своди нас лучше в Анахрон, Морж. Ну своди, чего тебе стоит? Там что, пещера Лихтвейса, да? Там есть озеро?

— Колодец. А в колодце злой Горлум.

— Да, — задумчиво сказала Вика, — про ментов лучше забыть. Никто нам не поможет. Против призрака коммунизма не попрешь.

Сигизмунд чувствовал, что засыпает. Усталость брала свое. Аська ткнула его твердым кулачком в плечо.

— Ты, Морж, главное — не ссы. И ни в чем не сознавайся. А если менты тебе подземным Анахроном тыкать начнут с отпечатками — говори, будто случайно нашел. Или еще лучше — кричи, мол, они сами же тебе его и подбросили! Меня раз с марьиванной взяли, так я…

Вика вдруг проговорила что-то на вандальском языке. Сигизмунд устало посмотрел на нее. Вика хмыкнула.

— Я сказала: утро вечера мудренее, по утрам могучий юноша-вождь Сигизмунд Борисович не такой бесноватый.

* * *

Аська заявила, что сигизмундов флэт надобно освобождать, ибо от пипла на флэту не продохнуть. И вообще ей, Аське, выспаться бы надо. А то завтра на репетиции день-деньской прыгать-плясать.

Сестрицы двинулись к выходу, стали возиться с шубами и сапогами.

— Куда? Простудитесь! — вскинулся Сигизмунд. Вот еще не хватало… — Погодите, хоть на машине вас отвезу.

Вышли во двор. Аська вдруг повернулась к Сигизмунду и сказала ему вполголоса:

— Знаешь, Морж, это все-таки твои родственники. Попробуй не смотреть на них как на врагов. Они ничего мужики… Славные. Человеку, Морж, нужна надежная опора в этом качающемся мире.

Случаются у Аськи такие всплески человечности. Всякий раз они вызывали у Сигизмунда удивительно теплые чувства.

В гараже пахло. Несильно, но однозначно. Ошибиться невозможно. Ощутимо несло падалью.

С чего бы это? Когда с Вавилой заходили, вроде бы, попахивало, но тогда Сигизмунд не придал этому значения. Сейчас запашок стал, вроде бы, сильнее.

Ох какие неприятные мысли кольнули Сигизмунда!

Аська всунулась в гараж, потянула носом.

— Что у тебя там, Морж? Чем у тебя воняет?

— Я же вам растолковывал. Это дедова сигнализация. Так, Асенька, пахнет тайна, — ответил Сигизмунд.

— Сдох кто-то, что ли?

— Скорее, народился… Поехали.

Всю дорогу они молчали, девицы кемарили, Сигизмунд пытался не спать. Один раз стукнулся лбом о руль — заснул-таки. Потребовал, чтоб Аська пела.

Полусонная Аська спросила:

— У тебя в машине магнитофон есть?

— А что?

— Он техника, он спать не хочет…

И сунула Сигизмунду кассету, вынув ее из кармана.

— На, Морж, просветишься заодно…

За окнами проплывал ледяной заснеженный город, подсвеченный мертвенным сиянием фонарей. Из динамиков, до предела заполняя узкое пространство салона, сквозь отвратительное качество записи, рвался голос — неблагозвучный, утробный.

От лихого ума — лишь сума да тюрьма. От лихой головы — лишь канавы и рвы. От красивой души — только струпья и вши. От вселенской любви — только морда в крови…

Одновременно завораживал и раздражал контраст между интеллектуализмом текстов и исполнением, откровенно бьющим ниже пояса. И это было, пожалуй, сильно.

От бесплодных идей — до бесплотных гостей…[note 2]

Аська вдруг зашевелилась на заднем сиденье.

— А в тему, Морж, а? Ты не спи, не спи. Угробишься. Ну что, нравится тебе Янка?

Сигизмунду Янка не понравилась. На всякий случай сказал неопределенно:

— Ну…

Аська засмеялась, стряхивая с себя сон.

— Она с первого раза никому не нравится. А потом приколешься — не оторваться…

* * *

У подъезда Сигизмунд потянулся через сиденье, неловко обнял Вику.

— Зайдешь еще до отъезда? — спросил он.

— Так простились уж, — сказала Вика. И добавила с нарочитым акцентом: — Долгие проводы… Как это вы, русские, говорите?

Засмеялась и вышла из машины. Хлопнула дверь подъезда. Сигизмунд постоял еще немного. Потом поехал назад.

* * *

Четыре часа утра. Рассветет нескоро. Город уже заснул и еще не проснулся — стоял мертвый час «между волком и собакой». Сигизмунд гнал машину по пустынным улицам, а в голове бешено вертелись мысли.

В конце концов, мы так не договаривались! Что же получается? Хорошо было деду. Ему хоть целое племя сюда депортируй — на него все государство работало, того не ведая. А ему, Сигизмунду, что делать? Что ж теперь, до конца дней горбатиться, чтобы четырех вандалов в Питере «натурализировать»? Паспорта им купить, квартиры… Они же, подлецы, еще женятся, небось… Мужики-то молодые, здоровые…

Мысль вернулась к запаху в гараже. Неспроста там амбре усилилось, ох неспроста!.. Может, конечно, перенос раба таким образом сказывается… А вдруг нет? А вдруг в приемнике еще кто-то сидит? Может, там целый взвод каких-нибудь… Вавил?

От этой мысли Сигизмунду аж дурно стало. Экспе'имент, това'ищи, удался!

* * *

Открывал гараж с опаской. Запах оставался, хотя никаких других признаков вандальского взвода не наблюдалось. Ладно, подождут. Надо бы хоть пару часов поспать.

Сигизмунд вошел в квартиру. Там застоялся чужой тяжелый дух. Кобель пребывал в крайнем возбуждении. С точки зрения пса, гости источали на редкость соблазнительные запахи. Вообще, у кобеля имелась масса новых впечатлений, и он рвался поделиться ими с хозяином.

Сигизмунд отпихнул пса, выбросил из головы все мысли и

направился в комнату. Лег, накрылся с головой одеялом и мгновенно заснул.

Глава одиннадцатая

Сигизмунд решил так: пусть гараж от вони хоть треснет, но не полезет он, Сигизмунд, больше ни в какой Анахрон. И потому провел день в относительной идиллии с Вамбой и Вавилой.

Посмотрели по ого фильм «Конан-варвар». Вандалы сперва хмурились, вникали, потом, вникнув, оглушительно ржали. Охотно пугались чудовищ. Фильм им очень понравился. Особенно эпизод, когда Конан ударил кулаком верблюда, и верблюд упал. По просьбе благодарных зрителей Сигизмунд прокрутил эпизод восемь раз.

Ну, что еще? Посмотрели «Конана» вторично. Вамба упросил. Мол, вникнуть ему нужно во всех продробностях. У себя в селе рассказать. Лиутара, сына Эрзариха, подивить.

Лиутар — это их военный вождь.

Вавила вторично «Конана» не смотрел — он в это время спал. Проснувшись же, предложил Сигизмунду сыграть в кости. Сигизмунд в кости играть не умел, но вандалы быстро его обучили. Правила оказались нехитрые.

Сигизмунд сперва злился. Время бездарно проводить не любил. Но потом неожиданно втянулся — больно уж азартной оказалась игра. Проиграл шесть пуговиц с дедовского мундира. Потом отыгрался. Выиграл у Вавилы «пацифик». Кстати, оказалось — не пацифик, а одна воинская руна.

Во время игры вандалы страшно переживали, как дети, от неудач чуть не плакали, зато при выигрыше бурно ликовали.

Потом Сигизмунд опять проигрался в пух и прах. Играли в этот раз не на вещь — Вавила настоял, чтобы играть на прогулку в гизарнис карахо.

Сигизмунд полностью вошел в роль. Орал, возмущался, хватал Вавилу за грудки, требовал независимой экспертизы игральных костей, угрожал арбитражным судом. Вавила неприкрыто злорадствовал.

Но делать нечего: игорный долг — долг чести. Раба Дидиса дома оставили — и на том спасибо.

Вышли. Был уже вечер. Где-то в синих сумерках медовым голосом кликала своего пуделька соседка, Софья Петровна. Хорошо еще, что вандалов в национальном костюме не наблюдала. Все-таки стемнело.

В гараже стояла нестерпимая вонь. Вандалы сунулись, носами потянули. Вамба осведомился: отчего, мол, друг Сигисмундс, у тебя тут такой запах? Не от карахо ли воняет? Не сдохла ли карахо? Проверить бы надобно. Чем ты ее вчера кормил? У нас в

селе был один человек, именем Гундерих, у него лошадь в сене мышиное гнездо съела и подохла. А дело было жарким днем, и вот наутро приходит Гундерих к своей лошади, а она…

Но Сигизмунд сказал, что это не карахо подохла. С карахо все в порядке. Это иное.

Вавила разговор охотно поддержал. Когда голову врагу отрубишь, поведал Вавила, помогая себе зверской мимикой и оживленной жестикуляцией, надлежит ее высушить как следует. И просолить. И тогда уже можно на поясе носить, как пристало, а то и к воротам прибить. Поначалу-то, конечно, пованивает голова. А у тебя, друг Сигисмундс, чую, много голов тут припасено. Ты опять, небось, с нами шутки шутишь. Ха-ха! И сняты они недавно. Где же битва столь славная случилась? И чьи то головы?

Сигизмунд молча вывел машину. Распахнул дверцу, пригласил гостюшек садиться.

Подсознательно Сигизмунд хотел попасть в облаву. Пусть бы остановили корыстолюбивые гаишники, допросили, потребовали документы. Не обнаружив документов, арестовали бы. Пусть все выйдет на чистую воду и сгорит огнем, но только пусть его, Сигизмунда, от вандалов избавят! НАВСЕГДА.

Не ведая о мыслях Сигизмунда, Вамба с Вавилой жались на заднем сиденье. Пугались. Потом понемногу расслабились. К окнам прилипли. Комментировать начали.

Страдая и ужасаясь, Сигизмунд методично раскрывал перед вандалами сокровища родного города: Ростральные колонны, Биржу, Исаакиевский собор с Медным Всадником, Адмиралтейскую иглу, Петропавловскую крепость с Монетным двором…

Хорош Морж. Кому дорожку торит? Вандалам! Страшно подумать. А в гараже, между прочим, воняет… Может, под землей целые рати таятся…

Весь во власти противоречивых чувств Сигизмунд кружил по историческому центру. Обычно осторожный водитель, сегодня Сигизмунд вел себя вызывающе. Делал запрещенные повороты. Превышал скорость — когда получалось. Как назло, гаишники усиленно штрафовали иномарки. На «единичку» они плевать хотели. В последней жалкой попытке проскочил у Дома Книги на красный свет…

По нулям.

Уныло свернул, где нельзя, и потащился вдоль безлюдного канала Грибоедова. Вандалы о чем-то оживленно переговаривались. Видать, вынашивали комплексные планы грабежа и прочего вандализма. В Эрмитаж их сводить, что ли?

Вдруг Вамба метнулся вперед и ухватил Сигизмунда за плечи. Машина вильнула.

— Ты что, мудак?! — вскрикнул Сигизмунд.

— Лантхильд! Лантхильд! — завопил Вамба, тыча пальцем в сторону тротуара.

У Сигизмунда сердце ухнуло в желудок.

— Где Лантхильд?

И тут он увидел.

Притертый к тротуару «запорожец». Около «запора» отчаянно пререкаются двое: простоватого вида мужичок со смертельной обидой на лице и…

Лантхильда!

Сигизмунд остановил машину. Выскочил. Побежал к «запорожцу». Слышал, как за спиной топочут вандалы.

Мужичок поднял глаза и откровенно струхнул. Попятился спиной к «запорожцу».

Лантхильда была заревана и бледна. Пребывала в откровенной панике. Что-то лепетала наседающему в праведном гневе мужичонке.

И вдруг увидела подбегающего Сигизмунда. Светлые глаза Лантхильды расширились, наполнились восторгом.

— Сигисмундс! Бихве…

Не слушая, Сигизмунд повернулся к мужичонке.

— Что она тут натворила?

Мужичонка с видимым облегчением оставил упрямую нерусскоговорящую бабенцию и набросился на Сигизмунда.

— Так чего? — обиженно и с напором заговорил он. — Тормознула, блин, меня на улице Марата, около бань… Я в другую сторону, может, ехал. Пожалел, дурак, вижу — устала девка, еле ноги тащит. И ручонкой так отчаянно машет: мол, стой, стой! Тьфу! — Мужичок плюнул с досадой. — Я ее сажаю, говорю: куда? А она — ни бе, ни ме, ни кукареку! Глаза таращит, показывает: туда, мол.

— Долго катались? — поинтересовался Сигизмунд.

— Так с полчаса, наверно… Я уж ее высаживаю, время-то… А она — ни в какую. Вцепилась и ревет. Куда, говорю, везти хоть? Скажи — довезу. Адрес-то хоть написан где? АД-РЕС! Не наше, вроде, слово, все понимать должны. Не, не знает. А теперь еще и денег не дает. Нет у нее, так понимать надо. — И к Лантхильде обратился с укоризной: — Денег нет, милочка, так пешком ходи. Или упреждай заранее: так, мол, и так, вышла без денег, помоги, а тебе Бог отплатит…

Сигизмунд полез в карман. Нашел десятку. Всучил мужичонке.

— Больше нет, шеф, извини уж, — сказал Сигизмунд.

Мужичонка хотел что-то добавить, потом глянул на вандалов, еще раз плюнул и полез в свой «запорожец».

Лантхильда посматривала исподлобья, помаргивая белыми ресницами. Сигизмунд вдруг почувствовал огромное облегчение. Как будто гора с плеч свалилась. Притянул ее к себе, обнял.

— Ну, как ты? — спросил тихонько.

Она засопела, захлюпала у него на груди.

Сигизмунд, слегка усмехаясь, поднял голову и увидел, что Вавила и Вамба таращатся на него с откровенным любопытством.

* * *

Сигизмунд сходил в аптеку и закупил большое количество вошебойных препаратов. Вандалы, чтоб им сдохнуть, все длинноволосы и бородаты. И у Лантхильды косища что надо. Да и себе прикупить не мешает. Наверняка успел набраться. В аптеке на Сигизмунда посмотрели странно.

Затем приобрел три больших фуфыря с шампунем для ванны. Помнил, что Лантхильда очень оценила ванну и не сомневался: свое пристрастие очень быстро сумеет внушить и сородичам.

Последнюю покупку совершил у жгучей брюнетки, припозднено торговавшей в переходе метро мужскими тренировочными костюмами. Взял три — больших размеров — и удалился под благодарные вопли:

— Мужчина, не пожалеете! Добрым словом меня вспомяните!

Вавила Сигизмунда ждал с определенной целью. Тайком от Лантхильды и Вамбы отвел в сторону и показал монету, а после ткнул в наручные часы Сигизмунда. Монета была большая, медная, с вытертой харей на одной стороне и какими-то веточками — на другой.

Сигизмунд внезапно разозлился. Достал! Показал Вавиле два пальца, чтобы понял: на две монеты эта тикающая херовинка тянет. Вавила искренне опечалился. Такой наличности у него не водилось. А до банкомата, надо понимать, далеко.

Лантхильда на кухне шумно помыкала рабом Дидисом.

В комнате Сигизмунда надрывался ого. Вамба безнадежно тщился вникнуть в хитросплетения мексиканского сериала. Лантхильду вопросами истерзал.

Вообще Лантхильда, судя по всему, была у бравой компании за эксперта по сложным проблемам современных реалий.

Интересно, а сама-то Лантхильда что во всем этом понимает? И вообще, какая каша в этих белобрысых котелках варится? Как-

то ведь Лантхильда все это, блин, трактует. Вон как оживленно комментирует.

Сигизмунд молча переключил с сериала на футбольный матч. Некоторое время Вамба, не меняя выражения лица, наблюдал за матчем и вдруг просиял — понял. Заорал Вавиле.

Вавила примчался, плюхнулся рядом. Вамба принялся горячо объяснять ему что-то. Вавила не соглашался.

Сигизмунд оставил родственника разбираться с его дружком и направился на кухню. Едва завидев мужа, Лантхильда повернулась к нему. Заискивающе улыбнулась. Сигизмунд поцеловал ее.

История вторичного появления Лантхильды в Санкт-Петербурге была, конечно, незамысловата. Лантхильда рассказывала ее, как умела, путано и многословно. Сводилась к следующему: все орали — и я орала; все бежали — и я побежала.

Вамба пытал Лантхильду: где, мол, коза? Где гайтс, которую ты, дурища, на веревке за собой волокла?

Лантхильда на брозара напустилась. Да уж, конечно. Они-то с Вавилой сюда явилась на все готовенькое. А о Сигисмундсе никто и не позаботился. Сигисмундсу молоко свежее надобно, а не та срэхва, что «ИН СУПЕРМАРКЕТАМ» продается. (Слово «супермаркет» Лантхильда бойко выговорила по-русски — Сигизмунд, заслышав, аж вздрогнул.) Вот и взяла она, Лантхильда, с собою гайтса. Ибо нужен гайтс в хозяйстве, а здесь его не купишь. Днем с огнем не сыщешь. Редкое животное в этих краях. Вот и годиск-квино говорит: йаа, Лантхильд, нужен Сигисмундсу гайтс!

— Где коза-то? — напирал Вамба.

Лантхильда заревела и бросилась к Сигизмунду искать защиты.

Сигизмунд рявкнул на Вамбу:

— А ну, не трожь!

И сам на себя подивился. Лантхильда, чуть отвернув от груди Сигизмунда голову, что-то сказала Вамбе — бесстрашно и победоносно. Вамба обиделся и ушел.

Вынесло Лантхильду — она не ведала, куда. Вероятно, в район улицы Марата. Посмотрела она, бедненькая, туда-сюда, глядь: тачка едет! Уверенно голоснула. Видела, как это делается.

Она-то как думала? Сядет она в тачку, скажет водиле: «Сигисмундс!» — он ее и отвезет. Здесь-то, в бурге, все должны друг друга знать! Вот и у них в бурге все друг друга знают…

А он сперва возил-возил, охотно так возил, разговаривал с ней. Потом вдруг свирепеть стал, выбрасывать Лантхильду из тачки начал. Она, конечно, упиралась. Но он ее все-таки

выставил. Стал требовать чего-то. Она заплакала. Он ругаться начал…

А тут… А тут и махта-харья Сигисмундс подрулил!.. Короче, вот как хорошо и презабавно все обернулось.

Сигизмунд слушал и млел от запоздалого страха. Похоже, Лантхильда и не подозревает, что все могло обернуться и иначе.

Скалкс Дидис неумело чистил картошку, недоверчиво поглядывая на незнакомый продукт. Лантхильда время от времени понукала его.

Сигизмунд велел супруге оставить бурную кухонную деятельность. Всучил ей вошебойку, шампуни и три тренировочных костюма. Велел взять на себя руководство операцией.

Так. Веселый квартет с реки Быстротечной на время занят делом и тем самым нейтрализован. Самое время навестить вандальский взвод, сидящий под землей.

Господи, свалились на его голову! А вдруг там действительно еще человек десять? Что с ними делать? Усыпить? Может, и в самом деле усыпить? Почему выпускник ЛИТМО должен решать такие проблемы? Блин, может их всем скопом в монахи постричь? Надо с Федором посовещаться. Вдруг у отца Никодима выходы какие-нибудь есть — на Соловки или еще куда подальше… Все гуманнее, чем казнить. Усыпить, ослабить волю, усилить внушаемость, обратить в христианство, вдолбить догматы — и постричь. На всю операцию — три дня.

Ладно. В самом деле надо сходить и посмотреть.

Сигизмунд облачился в «униформу», взял железки и привычной дорогой потопал к заповедному люку.

* * *

В терминале-приемнике было тихо. Свет горел, как его оставил Сигизмунд. Никаких взглядов в спину, никаких приступов неосознанного ужаса. Только плохело при мысли о том, что за дверью, возможно, сидит один или несколько «родовичей». Сидят и ждут, бедолаги, как бы им усугубить проблемы и без того нелегкой жизни С.Б.Моржа.

Трепеща, Сигизмунд прильнул к окуляру «перископа»…

На нарах лежало животное. Белое. С рогами. Больше всего оно напоминало козу. Даже глядя в наблюдательное устройство становилось ясно, что животное безнадежно мертво. Один козий глаз остекленело глядел в лампочку.

Вспомнились слова покойного Федора Никифоровича — вот

блин, нашел место, где о покойном вспоминать! — «Не обольщайтесь мнимой неподвижностью объекта. Это может быть военная хитрость».

Ладно уж. С козой, даже с пустившейся на военные хитрости, он как-нибудь справится.

Сигизмунд отомкнул дверь и проник в камеру. Постоял, опасливо глядя на козу. Из ржавого крана тихо капала вода. Коза по-прежнему не подавала признаков жизни.

Сигизмунд приблизился к нарам. Коза лежала себе, вольно разметав раздоенное вымя. Несчастная скотина. Подпала под эксперимент.

Преодолевая брезгливость, Сигизмунд ухватил ее за рог и сбросил с нар. Коза стукнула об пол, как полено, но не издала ни звука. Сигизмунд подождал еще немного — нет, дохлая. Раз-два взяли!..

Выволок ее из камеры, подтащил к краю колодца, взял багор. Стараясь держаться подальше от края, спихнул животину в бездну. Внизу шумно плеснуло. Готово. От трупа избавились.

Сигизмунд хозяйским глазом оглядел предбанник: все ли в порядке. Ощутил вдруг нелепое желание покрасить стеллаж.

Ладно, на хрен. Нельзя в это с головой втягиваться, иначе или крыша поедет, или… Кстати, все-таки непроясненным остается вопрос: насколько связаны с Анахроном его хранители. Не оттого ли дедок помер, что темпоральный монстр рыгнул? Может быть, конечно, и совпадение…

Перед тем как закрыть камеру, зашел туда еще разок. Заботливо перестелил на нарах одеяло. Непонятно, откуда и как приземлилась туда злополучная коза, но одеяло оказалось совершенно скомкано. Непорядок… Для бодрости напевал «Марш энтузиастов»:

Нам нет преград На суше и на море…

А одеяло-то, небось, лет тридцать в химчистку не отдавали…

…И тут это случилось. Накатило. Сперва пришел гул. Ничего, умудренно утешил себя Сигизмунд, обычный феномен Анахрона. Об этом еще в дремучие тридцатые знали и боялись, но не страшились — так, кажется, покойный Никифорович объяснял?..

Старательно не страшась, Сигизмунд шагнул к выходу — от греха подальше — и в этот момент его скрутило. Все вокруг сделалось угольно-черным… и потеряло цвет. К горлу подкатила невыносимая тошнота, сердце стукнуло и остановилось. Сигизмунд почувствовал, что умирает. Он умирал ВЕЗДЕ, каждой клеткой насмерть перепуганного тела. И прежде чем успел что-то сообразить, упал в тоннель и полетел с головокружительной быстротой. Скорость все нарастала. Он не то падал, не то

возносился, не то несся вперед… Он летел, летел навстречу бесконечно далекому, недосягаемому свету…

…И вдруг — врезался в этот свет! Свет же оказался вязким, точно мед. Сигизмунда обступил густой воздух, который невозможно было вдохнуть. Сигизмунд забарахтался. Со всех сторон наплывали картины, видения, запахи. Все это было незнакомым, странным, все это существовало одновременно, наслаиваясь друг на друга. Сигизмунд отчаянно замахал руками, пытаясь выплыть, точно лягушка из ведра с молоком. На миг картина перед глазами сделалась ясной: невысокий песчаный откос и наверху — Вамба с Вавилой. И еще какие-то люди. Они пялились на него. Их фигуры были неестественно вытянутыми, как бы искаженными. Сигизмунд видел их на фоне яркого синего неба с белыми облаками. Видение длилось всего миг. Небо из синего стало фиолетовым, потом покраснело, сделалось угрожающе-багровым… Сигизмунд понял, что умирает. Легкие разрывались…

…Он очнулся на полу камеры. Скомканное одеяло лежало у него на груди. Сигизмунд шумно застонал, не стесняясь жалеть себя. В предбаннике кто-то кашлянул.

Сигизмунд вскочил, шатнулся к двери. Никого. Показалось. Снова накатила тошнота. Тихонько завывая, он опустился на нары и повалился набок. Полежал немного. Вроде, отпустило. Рот был полон тягучей слюны.

Сигизмунд сполз с нар, прополоскал рот водой из крана. Вода противно отдавала ржавчиной. Тогда Сигизмунд взял термос, заготовленный им собственноручно для «пришельца», и на полном законном основании выхлебал тухловатый сладкий чай.

Глава двенадцатая

В квартире пахло, как в казенной бане. Было жарко и влажно. Навстречу Сигизмунду выскочил кобель; следом степенно вышла Лантхильда с мокрыми волосами. Молоток и ножницы опять висели над входом.

У Сигизмунда раскалывалась голова. Руки дрожали, к горлу то и дело подкатывал комок. Сигизмунд избавился от ватника и, пошатываясь, побрел по коридору — отмывать руки. Сунулся в ванную — там было весело: густая пена перетекала через край, из пены торчала распаренная физиономия с рыжей бородой. Затрясла бородищей, залыбилась. Сигизмунд молча закрыл дверь.

Вымыл руки на кухне. Проглотил две таблетки анальгина и одну аспирина. Пошел и упал на тахту. Только сейчас он понял, насколько вымотан.

В гостиной бубнили три голоса. Дом был заполнен чужой речью.

…Из черного забытья Сигизмунда вырвал ого. Взревел дурными голосами дебильного американского мультсериала. Голосам вторило грубое ржание. Ногам почему-то было сыро. Сигизмунд открыл глаза. Он лежал лицом к стене. В ногах у него разметался мокрый кобель. Когда Сигизмунд, приподнявшись на локте, повернулся, он узрел три спины, обтянутые дешевыми спортивными костюмами: «родовичи» восседали рядком на тахте, пялились в ого, ржали и гортанно переговаривались.

В голове Сигизмунда медленно заворочалась мысль: их же четверо было… где-то в недрах квартиры скрывается четвертый…

Стоило Сигизмунду пошевелиться, как Лантхильда обернулась в его сторону. Она сияла, как медный грош. Любо ей, видите ли. Еще бы, вся родня тут до кучи, одного только аттилы любимого не хватает…

Вамба с Вавилой явно обрадовались пробуждению Сигизмунда. Заговорили с ним, стали по плечу его хлопать, наперебой рассказывали что-то. Видимо, ванна произвела на них неизгладимое впечатление.

Сигизмунд, кряхтя, сел. «Родовичи» подвинулись, дали ему место у экрана. Несколько секунд Сигизмунд тупо глядел в телевизор. На экране мельтешила писклявая муть. У Сигизмунда в голове все гудело. Немного придя в себя, он встал и пошел прочь. Вавила что-то сказал ему вслед. Видимо, удивлялся — куда это Сигисмундс уходит, когда по ящику такое диво показывают.

Сигизмунд не сомневался ни мгновения, что эти мудозвоны

решили не переводить на скалкса драгоценные шампуни. Так оно и оказалось. Раб обнаружился в «светелке», безнадежно грязный. Он дрых.

В коридоре было полно мокрых следов. Сигизмунду сделалось неуютно до смертного воя. Пытался убедить себя хлипкими доводами, вроде того, что куча народу живет в куда худших условиях, что зажирел на дедовой квартире… Но это почему-то не утешало. Хотелось бежать на край света.

Мгновение постоял неподвижно, прислушиваясь. В «светелке» похрапывал скалкс. Из ЕГО комнаты доносилось жизнерадостное ржание и рев ого.

Зашел в ванную — посмотреть, как там после нашествия. Вандалы все-таки. В ванной, противу ожиданий, было чисто и даже сухо. Если не считать влажности, висевшей в воздухе. Видимо, Лантхильда постаралась. Впрочем, это не улучшило настроения Сигизмунда.

Глянул в зеркало. Непривычно бледная, опухшая рожа с кругами под глазами. Скоро сорок. Скоро благородные седины, благородные морщины и благородная подагра. Если, конечно, доживет до сорока — с такой родней и с таким «хозяйством».

А вандалы в тренировочных костюмах и впрямь походили теперь на дальнюю родню из города Задрищенска.

Нет, сволочь все-таки Аспид. И у троцкистского коммунизма лик бесчеловечный…

Замутненным, скорбящим сознанием понимал Сигизмунд: нужно срочно вытравить из скалкса вшей. Иначе придется всех по новой через вошебойку прогонять. В том числе и себя.

С этой мыслью отправился будить Дидиса.

Вообще-то Сигизмунду было диковато иметь дело с рабом. В предшествующие годы он имел дело с рабами лишь в кинематографическом исполнении, в виде фильма «Спартак». Там рабы были угнетенные, прогрессивные и агрессивные.

Вавилин скалкс проснулся с радостной улыбкой и уставился на Сигизмунда. Он не выглядел ни угнетенным, ни прогрессивным.

Сигизмунд принудил его встать и погнал в ванную. Когда скалкс норовил свернуть не туда, Сигизмунд направлял его тычком между лопаток. Скалкс веселился.

Водворив его в ванной, Сигизмунд вернулся в комнату. Безжалостно оторвал Лантхильду от мультиков. Велел ей показать скалксу, как мыть шампунем волосы. Та с недовольным видом удалилась.

Вамба встретился с Сигизмундом глазами. Хлопнул рядом с собой по дивану ладонью: садись, мол.

Сигизмунд уселся. Плечо Вамбы было твердым и мускулистым. Настроение Сигизмунда неожиданно скакнуло, и он подумал с расслабленной благодарностью: все-таки что ни говори, а Аська права. Хорошо иметь родовичей. Особенно таких лосей. Вандалов. Сдохнуть можно…

* * *

Фирма «Морена» переживала тяжелые времена. Точнее, ее пора уже было подключать к искусственной почке. Иначе клиническая смерть грозила превратиться в… как это называется? В общем, когда хоронят.

Светка все еще лежала в больнице. Жалко Светку. Сигизмунд с Федором рассеянно разгадывали кроссворд в бесплатной газете. Заодно вырабатывали стратегию. Искали, где бы разжиться искусственной почкой.

— Надо бы быстро обернуться, — говорил Сигизмунд, — без начальных вложений. Или с минимальными. Другое мы сейчас не потянем.

— Столица Мадагаскара из двенадцати букв? — спросил Федор.

— А хер ее знает.

Федор склонился над газетой, зашоркал карандашом.

— «Ахереезнает»… Не, Сигизмунд Борисович, получается одиннадцать.

— А ты восклицательный знак поставь.

Федор отложил карандаш, молвил задумчиво:

— Может, нам маком торгануть?

Сигизмунд с интересом посмотрел на Федора. Тот не шутил.

— Давай уж сразу коноплей.

— Да нет, Сигизмунд Борисыч. Тут я тоже щупал. Рисково да и грязно. Плохо это — людей травить. Грех это. Я про пищевой мак. Заодно и кожей…

— Какой кожей?

— Искусственной.

Сигизмунд помолчал, осваиваясь с услышанным. Бизнес-предложения Федора никогда не страдали отсутствием оригинальности.

А Федор раздухарился, слегка покраснел даже. Видно было, что сейчас выношенные мысли высказывает, не с бухты-барахты брякает. Процесс мыслительный всем этим речам предшествует. Напряженный.

— Подумайте, Сигизмунд Борисович. Мы тут с шурином одну

телефонную книгу надыбали, «Желтые страницы». Вы по-испански понимаете?

Сигизмунду мгновенно вспомнились индейцы с Сенной площади. Которые в пончо и поют душевно.

— Санта-Мария, — сказал Сигизмунд. — Санта-Лючия. Буэнас эта… ночес.

— Санта-Лючия — это по-итальянски, — поправил Федор.

— При чем тут испанский?

— А, в этом все дело… — Федор сунулся в письменный стол. — Я вот тут приготовил. Гляньте.

Сигизмунд ошеломленно глянул.

Книга представляла собою справочник «Желтые страницы» города Аликанте. Из справочника неоспоримо явствовало, что Аликанте представляет собою курортную дыру с пальмами и живописными развалинами; размерами же вряд ли превосходит город Вытегру.

Справочник был двуязыкий.

— Он что, на французском? — спросил Сигизмунд.

— Нет. Мы выясняли, — бодро ответил Федор. — Язык не опознан.

— При чем тут мак? И кожа?

— Дело такое, Сигизмунд Борисович, — заговорил Федор убежденно. — Вы находите спеца и с его помощью вычленяете из списка те фирмы, которые торгуют пищевым маком и искусственной кожей. Так. Затем мы налаживаем с ними контакты и везем сюда мак и кожу.

— Да почему мак и кожу? Может, лучше трубы и макароны?

— Там это дешево. Мы с шурином выяснили.

— Федор, а кем работает твой шурин?

— Бизнесменом, — не моргнув глазом ответил Федор.

— Хорошо. Дальше что?

— Привозим сюда. Реализуем партию. Мы прикидывали: тут, конечно, все это есть, и мак, и кожа, но накрутка — бешеная. Так что наличествует поле деятельности для энергичных людей.

Сигизмунд опустил глаза. Машинально прочитал: «Популярная российская певица». Из восьми букв. Начал выводить в клеточках: «Мартышка»…

* * *

Было слякотно. «Дворники» с ленцой возили грязь по лобовому стеклу. На переднем сиденье — там, где нормальные люди возят красивых девок, — валялись «Желтые страницы».

Точнее, «PAGINAS AMARILLAS — PAGINES GROGUES» неведомого города Аликанте. Время от времени Сигизмунд косился на справочник. Дожил: женился на вандалке, теперь вот щупальца мелкооптового бизнеса тянет невесть куда.

Конечно, как всякий человек своего поколения, Сигизмунд не хотел бы возвращения в брежневские времена. Безнадегой и тухлятиной оттуда веяло. Но бывали отдельно взятые дни, когда оголтелое разнообразие абсурда начинало угнетать. Возможно, сказывался возраст.

Сигизмунд Борисович Морж, невзирая на солидные реквизиты, зафиксированные в паспорте (тридцать семь, образование высшее, женат-разведен и т. д.), все больше ощущал себя дурочкой-Алисой в Стране Чудес. И чем дальше, тем страньше и страньше.

Уже на лестнице стало ясно: дома на полную катушку идет веселье. Позвонил на всякий случай — нет, не слышат, лишь кобель бесполезно надрывается за дверью. Открыл своим ключом.

Пес приветствовал хозяина преувеличенно бурно и тотчас устремился в гостиную. Оттуда метнулся назад. Явно зазывал туда, где весело.

Из гостиной доносился тяжкий топот и визгливое пение Аськи. В прихожей валялись две большие опорожненные сумки, в каких лоточники обычно таскают товар.

В гостиной Аська, Вика и Вамба ритмично нахлестывали в ладоши. Все были уже красны. Аська выпевала, бренча на гитаре:

Года идут, чего мы ждем? Во имя всех святых, пойдем, — Пойдем плясать в Ирландию, В Ирландию, в Ирландию, — Пойдем плясать в Ирландию!..

В кругу, самозабвенно топоча, отплясывал вандальский раздолбай Вавила. На нем были линялые джинсы и футболка с какой-то глупостью. И темные очки. Светло-рыжие патлы болтались в такт прыжкам.

Лантхильдин брозар был облачен в потертую черную кожу с желтоватыми пятнами на сгибах. Видуха у шурина оказалась еще более бандитской, чем у Вавилы. Прямо дрожь пробирает при виде этой парочки.

Кисло пахло пивом.

Затем Сигизмунд обнаружил дорогую супругу. Лантхильда, судя по всему, была уже в дупель пьяна. Сидела за столом, бессмысленно и радостно улыбаясь.

— Сигисмундс, тиин'квино ист ослиза афдринкья! — закричала Вика, не переставая хлопать.

Вамба заржал, а Лантхильда слабо протянула:

— Йаа-а!

— М-морж! — завопила Аська, прерывая пение. — А Вика-то никуда не едет! Пон'л?

— Йа-а! — подтвердила Вика. И пошатнулась. Вамба заботливо поймал ее.

Несколько секунд Сигизмунд, сатанея, глядел на все это безобразие. Вавила продолжал плясать. Ему было весело.

Наконец Сигизмунд перехватил гриф гитары и зарычал на Аську:

— Ты, дура набитая! Лантхильду-то зачем напоили? Она же беременная, будто не знаешь!

— Г-говорю тебе как многажды беременная… — проговорила Аська и неверной рукой ухватила со стола едва початую бутылку пива. — Вот тут написано, в-видишь? «Экоголически»… «Экологически…» Безопасное, понял, ты? Сам дурак…

Сигизмунд взял бутылку, повертел перед глазами, силясь найти надпись. Влил в себя содержимое.

Стало легче. Окружающие перестали восприниматься как злонамеренные идиоты.

Аська подергала Вавилу за футболку:

— Вавила, кончай выеживаться. Морж посмотреть хочет, чему ты научился. Спелан!

— Спилл, — поправила Вика.

Вавила радостно уставился на Сигизмунда. Сквозь потные пряди волос светились голубые арийские глаза.

— Давай, Вавилыч, что изведал ты в новом мире? — наседала Аська.

«Вавилыч» напрягся, осклабился и выдал по слогам:

— Ян-ка… Ум-ка… Ле-нин… Дай!

— А еще? — Аська так и сияла, явно гордясь.

Вавила провизжал исключительно противным голосом:

— Пиііво!

В другом углу гостиной, прямо под иконой, сидел на полу скалкс, одетый в джинсы и черную футболку с американским орлом на фоне полос и звезд. Он привалился к стене и тоже потягивал пивко.

Аська вдруг сунула Вике гитару и повисла на шее у Сигизмунда. Зашептала:

— Хорошо-то как, Морж! А? Слушай, пускай вон тот, из угла, спляшет! Скажи Вавиле, пусть, а? Он знаешь как пляшет? Я чуть не обкончалась! Наш реж бы обкончался! Его в театр надо. Морж, дай я тебя поцелую… Морж, а он не вандал, представляешь? Он какой-то другой… Я думала, они там все одинаковые. Их же на первый взгляд не различить, все равно как негров…

— Я негров различаю, — сурово сказал Сигизмунд. — У нас в

институте…

— Ну не кобенься, Морж! Попроси, что тебе стоит? А я тебе за это такое скажу! Тако-ое!..

И неожиданно взревела прямо в ухо Сигизмунда:

— Пойдем плясать в Ирландию!!!

Вавила, заслышав знакомые звуки, попытался вновь пуститься в пляс. Но Аська оборвала его.

— Сгинь, Вавилыч! Ты пьян! Пускай этот твой, как его… — Она махнула в сторону скалкса. — Вот он… Сигисмундс, Морж который, — он хочет посмотреть. Вика, зараза, переведи, видишь — Вавилыч совсем осовел, русского языка не понимает…

Вика бросила пару фраз. Вавила просиял ликом и рявкнул что-то скалксу. Тот солидно допил пиво, обтер рот, встал. Тигриной походкой вышел на середину комнаты. Аська, заранее сдавленно хихикая и переступая с ноги на ногу, уставилась на него восхищенным взглядом. Вика вдруг громко икнула.

Скалкс победно огляделся по сторонам, охорашиваясь, расправил плечи. Задрал бородатое лицо к потолку. И неожиданно заорал престрашным голосом. Сигизмунд впервые в жизни понял, что такое «кровь застывает в жилах».

Легкие у скалкса оказались замечательные. Он орал, не переводя дыхания, очень долго. Нескольких зубов у него не хватало, что придавало его разинутой пасти устрашающий вид.

Затем он запел и стронулся с места. Пляска почти мгновенно сделалась оргиастической. Скалкс кружился на месте, размахивая черной гривой, подпрыгивал, поворачиваясь в прыжке, падал оземь и тут же вскакивал, метался взад-вперед. И не переставая пел.

Даже Сигизмунд слышал, что поет он не по-вандальски. Это был абсолютно другой язык. Древний и страшный. Чужие ломаные, скачущие ритмы завораживали.

Тут в дверь позвонили. Кобель очнулся, взлаял, устремился выполнять долг.

За дверью стоял сосед сверху, тот что залил Сигизмунда зимой. Имя-отчество у него еще смешное такое: Михаил Сергеевич.

Сигизмунд с тоской приготовился выслушать совершенно справедливые нарекания соседа по поводу шума и топота. Но Михал Сергеич и сам был изрядно поддавши.

— Вы извините меня… Нет, но вы меня извините. Вы меня извинили? Вы уж меня…

— Да о чем речь, конечно, — с облегчением сказал Сигизмунд. — Вы проходите. Хотите пива?

Сергеич, разом просветлев ликом, переступил порог.

— Вы уж тоже не побрезгуйте… Вот.

В руках он держал две бутылки водки.

Компания встретила новое действующее лицо дружным ревом восторга. Скалкс, весь потный, тяжело дышал посреди комнаты. В его помутневших глазах медленно остывало бешенство.

— Это, — засуетился Михал Сергеич. Пьяный он разительно отличался от трезвого. Трезвый был деловит, пьяный же мельтешил. — Вот, значит.

И выставил бутылки на стол.

Аська коршуном пала на одну из них, ухвалила, поднесла к носу Вавилы.

— Глянь, Вавилыч. Ливизовка. Ну-ка, скажи: вод-ка! Дай!

— Воткадай! — выпалил Вавила.

— Во! Это по-нашему! — обрадовался Михал Сергеич. И к Сигизмунду: — Иностранец, что ли?

— Товарищи из дружественной Норвегии, — пояснил Сигизмунд. — Мы тут их национальный праздник йоль отмечаем.

— Вишь ты, йоль… Слово-то какое… А у меня по-простому, день рождения… Вот только выпить не с кем. А тут слышу — у вас веселье. Дай, думаю…

— Как это — не с кем? — изумилась Аська. — Чтобы в Стране Советов — да выпить не с кем?

Лантхильда вдруг ожила в своем углу. Покачиваясь, завела печальную бесконечную песнь. Вамба, повернувшись, цыкнул на нее исключительно грубо. Лантхильда не обратила на это внимания. Продолжала тоненько выть.

Вамба заговорил с Сигизмундом. Тот — спьяну, видать, — понял. Извинялся Вамба за сестрицу. Мол, и в хузе родимом все так, бывалочи. Как празднество или жертвоприношение там — Седьмое Ноября какое-нибудь местное — пиши пропало: нажрется и голосит.

— Сергеич, — заговорил Сигизмунд с соседом, — а ты в Аликанте был?

— Не довелось, — пригорюнился Михал Сергеич.

— Эх, все у нас впереди! — ободрил его Сигизмунд. — И в Аликанте сгоняем! Под пальмами прошвырнемся. Ананасами рыгать будем!

— Морж, при чем тут Аликанте? — поинтересовалась Вика.

— А, — Сигизмунд облапил Вику и притянул ее к себе, — а это наш прохвессор. Она все знает. Она филолог.

— А иностранцы-то кто будут? Познакомиться хоть с ними, а то неудобно.

— Вон — Вамба. Вавила.

— Совсем по-нашему, смотри ты! — изумился сосед. — Вавила.

Заслышав свое имя, Вавила повернулся и некоторое время созерцал Михал Сергеича. Сосед, крякнув, решительно откупорил бутылку водки.

Вамба оживился. Отвинчивающуюся пробку изучать потянулся. Все-то ему любопытно.

Сигизмунд достал стопки, расставил. Выказывая изрядную сноровку, Михал Сергеич недрогнувшей рукой аккуратно разлил водочку.

— Ну, — молвил он, держа стопку на отлете, — за знакомство, значит, за дружбу, чтоб все были здоровы!

И отправил водку по назначению.

Сигизмунд последовал его примеру. Аська с Викой — тоже.

Вавила проглотил водку бесстрашно и залихватски, после чего вытаращил глаза, поперхнулся и чуть не умер. Вамба нахмурился, опустил в стопку палец. Облизал. Подумал немного. Потом подозвал скалкса, велел тому выпить. Тот заупрямился. Башкой патлатой затряс.

Вавила прокашлялся и бросил Вамбе что-то презрительное. Вамба побагровел. Проорал:

— Во-о-тан!

И заглотил стопку. Ужасно закашлялся.

— Ты заешь, заешь, — сказала Аська, суя ему огурец. — Быстренько закушай. У вас что, и самогонку не варят? Как вы живете-то?

Хрустя огурцом, Вамба победоносно посмотрел на Вавилу.

Михал Сергеич озабоченно оглядывал иностранцев.

— Странно, — проговорил он, — не понравилось им, что ли? Знавал я и норвежцев, жрали за милую душу почище наших…

— Эти с островов, дикие, — сказал Сигизмунд. — Природа у них там нетронутая, лососи…

Глаза Михал Сергеича заволокло пеленой мечтаний. Неожиданно он запел хорошим, сочным баритоном:

— Раскинулось море широко, где волны бушуют вдали…

В углу Лантхильда продолжала выть свое, бабье.

По второй прошло легче. Вавила пытался подпевать Михал Сергеичу. Вамба стремительно косел. Что до Аськи, то она, похоже, чувствовала себя все лучше и лучше. Здоровья в ней явно поприбавилось.

Скалкс не пил. Ему никто не наливал. Точнее, Михал Сергеич пытался вовлечь скалкса, но Вавила с любезной людоедской улыбкой пресек. Мол, нефиг продукт переводить.

Тогда Михал Сергеич, добрейшая, кстати говоря, душа,

озабоченно обратился к Сигизмунду:

— А что же те товарищи-то не пьют?

Сигизмунд объяснил:

— Та баба в углу — она беременная. Нечего ей. И без того пива насосалась. А мужик — язвенник.

— Такой молодой! — посочувствовал Михал Сергеич. — Ну что, Борисыч, еще по стопарику?

Сигизмунд поднес стопку к губам, и тут его поднятую руку стиснули чьи-то пальцы.

Вика.

— Пойдем-ка Морж на кухню да покурим, — сказала аськина сестрица.

Сигизмунд отставил стопку.

— Сейчас вернусь, — обещал он Михал Сергеичу.

И проследовал за Викторией на кухню.

— Слушай, Вика, — заговорил Сигизмунд, — я что-то не понял… Ты что, в Рейкьявик не поехала?

— Ага! — крикнула вдруг Вика. — Не поехала!

Виктория явно выпила лишку.

— Как это? — отупело спросил Сигизмунд.

— А вот так — взяла и не поехала. Из-за тебя, говнюка!

— Погоди, погоди… Почему из-за меня?

— И вообще, ты меня теперь должен трудоустроить. У меня здесь работы нет. Тю-тю! Ахнулась моя работа! А у тебя своя контора.

— Да я вообще думаю закрываться. Или перепрофилироваться. В Аликанте…

— А меня не парит, что ты там думаешь. Гуд бай, я блевать пошла.

И, пошатываясь, вышла.

По квартире неслось громкое аськино пение:

— Над цепью Кордильерных снежных гор Летит кондор, Парит кондо-ор, Голодный, зло-о-ой… Пари-ит… …э-э… Парит гондон, Парит гондо-о-он, Порватый, зло-о-ой…

Аське вторил Вавила:

— Гон-дон…

Когда Сигизмунд вошел в гостиную, Михал Сергеич держал за подмышки обмякшего брозара.

— Упал, — пояснил Михал Сергеич, глядя поверх поникшей головы Вамбы. — Давайте его на диван какой-нибудь положим.

Общими усилиями Вамбу сгрузили на тахту в «светелке». Вамба устрашающе захрапел.

— Один готов, — отметил Сигизмунд.

— Вроде, хорошая водка, — сказал Михал Сергеич. — Не

бодяжная.

— Вот и я про то. Хорошо идет. Ребята просто непривычные.

Ближе к ночи сосед, совершенно счастливый, просветленный, ушел. Вавила и скалкс дрыхли на полу — напоследок Вавила ухитрился влить в скалкса стопку-другую. Для равновесия, надо полагать.

В комнате Сигизмунда мирно спали Вика с Лантхильдой.

А Аська потянулась и сказала:

— Ну что, Морж, пойдем, что ли, собачку выгуляем?

* * *

Наутро Сигизмунд имел честь созерцать в зеркале собственную похмельную рожу. Мешки под глазами, синяки там же. Бриться не стал. Это была аськина идея. Она проснулась вместе с ним.

— Ой, Морж, ну ты и… Не, все нормально, только не вздумай бриться — так эстетнее…

— Что эстетнее? — сипло спросил Сигизмунд. Голова трещала.

— Образ законченный. Цельный. Сам посмотри.

И вот Морж стоит перед зеркалом и любуется. Да. Образ совершенно законченный.

Сигизмунд понимал, что сейчас придется тащиться в супермаркет за кефиром для всей честной компании. Скоро остальные проснутся. Их тоже похмелять надо. Так, сколько народу-то на флэту вписывается?

Сигизмунд начал считать, загибая пальцы. Получилось — семь человек.

Взял полтинник, выбрался из дома.

Фонари уже погасли, стояло промозглое черно-белое мрачноватое утро. Оскальзываясь на гололеде, Сигизмунд добрел до супермаркета. Пытался контролировать неприятные физические ощущения. Ощущения были еще те. Водку клали на пиво, чудили часов с пяти вечера и до… Ночью с Аськой, пока пса выгуливали, на водку положили еще пивка — по приколу показалось.

Вон они, приколы. А в двадцать лет, бывало… И в двадцать два — тоже…

Оставляя грязные следы на белом полу супермаркета, Сигизмунд направился в «молочный угол». Загрузил в корзину семь пакетов кефира.

Рядом остановился еще кто-то. Сигизмунд украдкой

покосился — и вдруг узнал. Видел он этого мужика. И в супере видел — тот еще из-за молока с Лантхильдой едва не поскандалил. И потом, у Аськи. В то утро после страшной ночи, когда пропала Лантхильда. Филолог или историк, кто он там. Хрен разберет.

Мужик был неопрятен и откровенно похмелен. И тоже небрит.

— Привет, — хрипло сказал Сигизмунд.

Мужик глянул неузнающе. На всякий случай буркнул:

— Привет.

И загрузил в корзину три пакета кефира. С мужиком было все ясно. Еще один флэтодержатель.

Гуськом двинулись к кассе. Злая после бессонной ночи кассирша долго рассчитывала — сперва одного, потом второго. Выбрались на снег. Мужик сразу канул в подворотне. В той заветной, с люком.

* * *

— Мама пришла, молочка принесла от бешеной коровки, — обрадовалась бессильная Аська. — Моржик, дай! Ле-нин — вод-ка — дай!

Они взяли по пакету, приложились. Стало легче. Как-то приятнее. По истомленному организму прошел холодок.

В дверях показался Вавила. Выглядел плачевно.

— Я загляну за синеву твоих ленивых глаз![note 3] — пропела Аська. — Иди к нам, Вавилыч. Ты крепкий мужик. На-ка, выпей. Целебный напиток.

— Приветикс, — просипел Вавила. И опростал пакет.

Аська с интересом наблюдала за ним. Когда он опустил пакет, осведомилась:

— Ну как? Лучше стало?

Вавила поморгал. Подумал. Поприслушивался. В животе у него заворчало.

— Годс, — резюмировал Вавила. И вдруг озарился внутренним светом. — Иди-на-хер. Ну-у…

— Ты че, Вавилыч? Охренел? — возмутилась Аська.

— Иди-на-хер! — повторил Вавила. — Годс!

— Морж, чего он, в натуре?

— А ты чего от вандала ждала, Анастасия? От тебя, небось, и нахватался.

— Нуу… — поддержал беседу Вавила. И потянулся к аськиному кефиру.

Аська хлопнула его по руке.

— Хрена тебе! Это мой!

— Мой.

— Йа! — сказал Сигизмунд. — Миина.

— Мой? Миина? Мой.

И забрал у Аськи кефир.

Аська повисла у Сигизмунда на локте.

— Морж, скажи ему!

Но внимание Сигизмунда неожиданно приковалось к футболке, в которую был облачен Вавила.

— Погоди, погоди… — Он даже наклонился вперед, рассматривая картинку и надпись под ней. — Это что еще за хренотень?

— А, это у нас в театре прикалывались, делали… Философские футболки. Телега такая была.

Футболка и в самом деле была крутая. Спереди красовалась окружность, из которой во все стороны торчали лучи-стрелы. Вроде солнышка, но с векторным устремлением. И надпись: «ЭТО ХАЙДЕГГЕР, ОН ВСЕСТОРОННЕ ПОЛЗУЧ И ЗАКОВЫРИСТ». Сзади же вилась спираль со стрелкой на конце. Текст пояснял: «ЭТО ГЕГЕЛЬ, ОН НЕМНОГО САМОНАДЕЯН, НО КРУТ». note 4

— Сильно, — вымолвил Сигизмунд наконец. — Кто это до такого додумался?

— Понятия не имею, но сильно, правда?

— Да, сильно, — согласился Сигизмунд.

— Сил-но! — вскричал Вавила. — Ле-нин!

Совместными усилиями пробудили и похмелили Вамбу. Затем — Вику. Лантхильду пока что не трогали — пусть спит. Скалкс неприкаянно бродил по квартире.

За завтраком Вика спросила:

— Кстати, Морж, что ты там вчера про Аликанте бубнил?

— Просто так… Вика, а на каком языке там говорят?

— На испанском.

— Нет, на каком-то другом.

— Ну, не знаю. Может, диалект какой-нибудь. А что?

— Да так. Любопытно.

— Туристическим бизнесом решил заняться?

— Вроде того. Слушай, а ты с испанского перевести сможешь?

— Я германист, — сухо сказала Вика. — Кстати, из-за этого и осталась в Питере. Работу потеряла.

Тут Вамба порылся в карманах своей кожаной куртки и вдруг извлек шипастый кастет. Оглядел, одобрил. Надел. Ткнул Вавилу в бок.

— Ой, — сказала Аська. — Откуда это?

— Тебе видней, — отозвался Сигизмунд. — Это ведь вы с Викой одежку притащили.

— Точно, — сообразила Аська. — Был у нас персонаж с кастетом. Мэкки-нож, только похуже. Ой, вытащить забыли!

— А кастет настоящий?

— Ну да, настоящий! Бутафорский некогда было делать. Взяли у одного… А потом его самого взяли, кастет и остался…

— Ценная вещь, — одобрил Сигизмунд. Флэтодержатель, блин.

— Ой, Морж, отними у него! Он же вандал! Перемочит ведь нас.

— Вика, — обратился Сигизмунд к Виктории, — скажи им, что кастет — это оружие. Оружие при богах нельзя.

Вика переговорила с вандалами. Криво усмехнулась.

— Они говорят, Сигизмунд Борисович, что эта фитюлька — никакое не оружие. Дескать, такое при богах можно.

Вавила с завистью смотрел на кастет. Вамба легонько ткнул себя шипами в лоб, попробовал кастет на зуб. Покуражившись, спрятал обратно в карман.

— Годс, — сказал он. И ласково улыбнулся Сигизмунду.

* * *

Утренние часы в прояснившееся сознание Сигизмунда назойливо вливалась бесполезная информация о далеком валенсийском городе Аликанте. Сигизмунд узнал:

— что на 1 января 1996 года в этом городе проживало 276 526 человек, включая женщин, стариков и грудных младенцев;

— что расположен сей град аккурат посреди Коста Бланка;

— что был он последовательно под финикийцами, греками, карфагенянами, римлянами. Знаменитый карфагенский полководец (Сигизмунду решительно не известный) по имени Гамилькар Барка возвел здесь свои укрепления. Их стены до сих пор сохраняются на территории замка Санта-Барбара. (При этом названии Аська хихикнула);

— что римский город располагался примерно в 3 км от нынешнего и назывался Люцентум. А?! — что после эпохи германских вторжений сюда пришли арабы. При арабах на этом месте стоял большой город, именумый Аль Лукант. После отвоевания в ходе Реконкисты, город вошел в состав Арагонского королевства.

Кроме того, Сигизмунд обогатил свою память известием о том, что обсаженная пальмами Эспланада де Эспанья доходит до

парка Эль Каналехас.

Ну, что еще сказать? Церковь Сан-Николас (17 век). Церковь Санта-Мария (15 век).

Замок Санта-Барбара. Воздвигнут на 200-метровом скальном основнии. Намного старше города.

Археологический музей. С карфагенскими артефактами. И портянками Гамилькара Барки.

Город известен по сорту вина «Аликанте». Может, лучше винишком торговать? Да нет, здесь наверняка все схвачено.

Ну вот, Сигизмунд Борисович, узнайте, что сумки, ремни и пр. производит фирма ARTESA. Из кожи, разумеется. С нею, вероятно, яростно конкурирует фирма CASTELL: искуственная кожа — изготовление ремней, поясов и пр., а также заготовки для ремней, поясов и пр. SOMOS FABRICANTES незатейливо предлагает кожгалантерейный ассортимент. Впрочем, SOMOS, кажется, — это семейство. Семейство фабрикантов. Тогда «предлага-ют».

Вика монотонно переводила. Сигизмунд слушал и тупел.

Фирма TOSMA настырно лезла в мозги с оборудованием для обработки кожи. Аналогично — господин PREZIOSI: оборудование, кожи, пр. Частник, стало быть. Аликантийский Морж. Интересно, какой у него оборот?

Когда Вика добралась до D'Pell S.L.: ремонт изделий, раскрой, искуственное старение, Сигизмунд взмолился о пощаде. Довольно с него похождений на эспланаде дель — как ее.

— Все, Вика, хватит.

Но Вика неумолимо дочитала до конца. Сурово осведомилась, почему Сигизмунд не записывает.

— Ненавижу что-либо делать впустую, — заявила она.

— Ой, Морж, как здорово, хочу-хочу! — заговорила зачарованно слушавшая Аська. — Отвези нас в Испанию! Косточки погреть, ананасом рыгнуть!

— Косточки? — переспросила Вика, водя пальцем по желтым страницам. — Сейчас… Сейчас… А, вот. Нужен тебе, Анастасия, господин Санчес. Х. «Остеология». И телефончик есть для предварительной записи.

— А код у них какой? — спросила Аська.

— Не вздумай отсюда звонить, — забеспокоился вдруг Сигизмунд. — Разоришь меня. Или себя. Да ты и испанского-то не знаешь.

— Я теперь по-вандальски шпарю хоть куда. Йа-а!

Вика отложила наконец злополучный справочник в сторону.

— Кстати, Морж, насчет работы. Я не шутила. Сыщи мне работу.

— Так что ты в свой Рейкьявик-то не поехала? Я вчера спрашивал, а ты пьяная была.

— Избавиться от нас захотел? — встряла Аська.

Вика помолчала, потом проговорила задумчиво:

— Видела я в одном журнале рекламу мягкой мебели. Полуголая девица задирает ноги на кожаный диван. Это когда я еще в университете училась. За такую рекламу девице платят две тысячи долларов. Призавидовали мы, конечно, а наш научный руководитель вдруг сказал: мол, многие из вас и за пять не согласятся в полуголом виде по мебелям валяться…

— Это ты к чему? — ошеломленно спросил Сигизмунд.

— Да так… — ответила Вика неопределенно. — Просто. Есть вещи поважнее денег.

— Любовь, например, — снова всунулась Аська. — Любовь за деньги фиг купишь. Или вот ум. Талант — тоже.

— Информация, — сказала Вика. — Новая. Принципиально новый лингвистический информационный пласт. Ты, Морж, просто, видать, умишком своим куцым не въезжаешь…

— Где уж нам, мы простые кооперативщики, кофточки шьем и на рынке продаем… — обиделся Сигизмунд.

Вика на его обиду никак не отреагировала. Глядела холодно, как на чужого.

— Ты что, вообще ничего не понимаешь? Или придуриваешься? У тебя в гараже стоит машина времени. Ну да и хрен с ней. В квартире у тебя болтаются носители — ЖИВЫЕ НОСИТЕЛИ! — двух языков. Понимаешь? Вандальский — мертвый язык. Ни одного текста. Пара надгробных надписей, только имена — и те сомнительные. Отто Шмидт в «Die vandalische Sprache» такую ахинею несет! А тут… Это же по науке такой грохот пойдет! А ихний скалкс, между прочим, сдается мне, вообще фракиец. Ты про фракийцев что-нибудь слышал?

— Восстание Спартака, — глупо сказал Сигизмунд. — Кино было, с этим…

— С Кирком Дугласом.

— Это который с ямкой на подбородке, — вспомнила Аська. — И одноглазый. Только не в «Спартаке», а в «Викингах».

— Вы меня вконец достали, — разозлилась Вика. — Как идиоты. Вы что, не врубаетесь? ЦЕЛАЯ ГРУППА ЯЗЫКОВ! И вообще ни один не дошел! Про этрусков слышали? Их надписи так и не прочли. Гадают — не фракийский ли язык. А тут — такая перспектива!

— Погоди, погоди… — Сигизмунд медленно начал соображать, к чему клонит Виктория. — Ты что, сейчас сюда целую ораву ученых нагонишь? Нас тут всех задрочат до смерти!

— Ну уж фиг! — взвилась Вика. — Хрена я допущу сюда этих болванов! Сама чугунной задницей сяду!

— И куда ты пойдешь со своей чугунной задницей? — осведомилась Аська. — Так, мол, и так, наш с сестрицей общий любовничек — хипарь-кооперативщик — поимел машину времени, нагнал полон флэт вандалов и прочих языконосителей — нате! Я их тут поизучала маленько… Вот мой диссер. Где мой Нобиль, где мой грант? Йа-а, Вика, это у тебя в башке того… переклинило.

— Анастасия, кстати, совершенно права, — поддержал Аську Сигизмунд. — Как ты будешь представлять результаты своих исследований широкой публике?

— А никак!

— Ты, Виктория, не выдрючивайся, — решительно заявила Аська. — Не хрен нам тут из себя Софью Ковалевскую корчить. Ты вникни, в какие беспредельные времена живем. Машинку-то сразу тю-тю. А нас тут всех… — Она поводила пальцем, очерчивая круги. — Скажи спасибо, если просто по психушкам пожизненно распихают.

— Без права переписки, — добавил Сигизмунд зачем-то.

У Вики по лицу пошли красные пятна.

— Да идите вы в жопу! В общем так, Морж. Работу мне как хочешь — а найди. И по профилю. Либо бери на содержание — выбирай.

— Ты понимаешь, что сколько ты ни изучай носителей, а результаты опубликовать не сможешь? — спросил Сигизмунд. — Ситуация-то безвыходная.

— Понимаю, — хмуро отозвалась Вика. — Но не могу я просто так… Может, изменится все? Когда-нибудь. Лет через пятьдесят. Не навеки же этот бардак.

— Ну ты, мать, долгоиграющая… — насмешливо сказала Аська. — На тридцать три оборота…

— Не то, что вы, — огрызнулась Вика, — дальше сегодняшнего вечера не заглядываете.

Аська авторитетно заявила:

— Ты, Морж, Виктории лучше не перечь. Она у нас Козерог. Козероги — они все со скалой внутри, я про них в газете «Ваша звезда» читала. Там про них такие ужасы написаны, такие ужасы, прямо хоть в одной комнате с ними не ночуй… Слушай, Морж, баба твоя и вправду рожать собирается, я ее тайком оглядела. Хочешь — я на себя ребеночка запишу? Чтоб хоть дите с нормальным документом было.

— Да им всем документы бы надо, — сказал Сигизмунд и поморщился, как от головной боли. Это ж какие расходы

предстоят!

— За беженцев будем их выдавать или как? — деловито спросила Аська.

— Только ты, Аська, в это дело не лезь, — предупредил Сигизмунд. — Я сам все сделаю.

— Интересно, — проговорила Вика, — а что они сами-то обо всем этом думают? Порасспросить бы их надо.

Глава тринадцатая

Весна в этом году яростно боролась с зимой. Та не отступала. Вот и сегодня к вечеру город утонул в мокрой снежной каше.

Весь день Сигизмунд убил на техосмотр. Потом совершил несколько поездок по делам. Прикупил набор гаечных ключей у пьяноватого мужичка. Тот долго благодарил.

Потом, повинуясь неведомому инстинкту, подъехал к дому, где жила Наталья. Поставил машину, зашел во двор, долго смотрел на натальины горящие окна. Там, за окнами, шла нормальная жизнь. По телевизору — сериал. У ребенка — комиксы. Теща кудахчет. Евгений, самое, варенье кушает столовой ложкой. Наталья ему сладкую слюнку с бороды обтирает. Евгений, перекрикивая мексиканский сериал, Наталью учит-наставляет. И никаких, блин, вандалов, никаких фракийцев-носителей, никакого, чтоб ему пусто было, Анахрона…

Так. Все. Хватит ныть. Вы, Стрыйковский, — везучи. Многим ли удавалось вот так на старости лет захипповать? Обзавестись сразу двумя подругами и женой-вандалкой? Что это — второй шанс? Может, лингвистом стать? Вдвоем с Викой языковую целину поднимать! Нобеля возьмем. Пропьем, конечно.

Бросил последний взгляд на чужое окно. Вздохнул.

Недостижимо.

* * *

Родимый флэт встретил Сигизмунда дружеским ударом молотка в лоб. Опять болтался над входом. То ли отвораживал, то ли приворaживал чего. В компании с ножницами. Спасибо, входя, глаз себе не выколол.

Ни Аськи, ни Вики дома не было. Лантхильда открыто одобряла их отсутствие. Мол, без бади-тивьос — оно ощутимо лучше. Да и вообще, Сигисмундс, гнал бы ты своих бади-тивьос куда подальше. Шум от них один и безобразия.

Интриги Лантхильда плела простодушные, вандальские. Кормила Сигизмунда ужином, а сама вливала ему в уши ядовитые речи. Вот так и при королевских дворах, должно быть, дела делались. Сигизмунд слегка понимал, о чем супруга зудит. Ухо уже попривыкло.

На противоположном конце стола скалкс увлеченно разбирал мясорубку. Развинчивал, заглядывал внутрь, хмурился. Собирал. Совал палец. Видимо, никак не мог понять принцип работы. Надо

бы котлеток наделать, мелькнуло у Сигизмунда.

От котлеток мысль плавно переползла к деньгам. Деньги таяли, как снег на весеннем солнце. И самое ужасное — новых не предвиделось. А кормить всю эту ораву… Может, и правда с Аликанте связаться?

Из комнаты доносились вопли ого. И как только Вамбе с Вавилой не надоест? Целыми днями, похоже, только и делали, что пялились в ящик. Глядели все подряд. «Культуру» в себя жадно впитывали.

На кухню вальяжно вошел Вавила. Молча залез в холодильник, достал минералку, налил в стакан. Выпил. Ишь, освоился, паразит.

Вавила почесал под футболкой грудь. Глянул на Сигизмунда. И вдруг очень похоже изобразил автоматную очередь: та-та-та-та-та! Расстрелял раба. Раб Дидис польщенно хмыкнул. Лантхильда поджала губы.

Опешив, Сигизмунд уставился на Вавилу. А тот, взяв табурет, подсел рядом. Стал о чем-то жарко спрашивать. За колено хватал, в глаза заглядывал.

С грехом пополам Сигизмунд проник в нехитрые мысли Вавилы. Мысли эти неспешно текли по двум основным руслам.

Первое. Правда ли, что эта хреновина, которая делает та-та-та-та-та, может кучу народу на расстоянии положить?

Сигизмунд подтвердил: еще как может.

Вавила начал вдаваться в тактико-технические характеристики. Пробьет ли доску? А вон ту доску? А стену пробьет? Сигизмунд отвечал: йаа, пробьет к херам и эту доску, и ту, а стену не пробьет, но все равно — вещь полезная.

Второе, что занимало Вавилу: где бы такое добыть?

Сигизмунд теоретически знал, что такое добыть можно. Да и не такое можно добыть! Поискать — так и «стингер» добыть можно.

Вавила глядел алчно. Видно было, что автомат прочно занимает его воображение.

Сигизмунд развел руками. Мол, не знаю я, браток, где такое берут.

В разгар беседы явился Вамба. Согнал с табуретки скалкса, уселся сам. Скалкс с мясорубкой уединился в углу на полу.

Идиллия. Ужин в семейном кругу.

Вамба заговорил о чем-то совсем непонятном. Убеждающе говорил, ухал, рычал. Наконец не поленился — принес клочок бумаги, неумело накарябал танк. Сигизмунд не сразу врубился, что это танк — нарисовано было в очень непривычном ракурсе. А потом понял и засмеялся.

Вавила тоже хохотнул. Мол, дурак Вамба. Еще бы в самолеты поверил! И вертолеты! Где это видано? Чтоб по воздусям-то? А вот автомат — это да. Автомат существует. Реальный, научно доказанный факт.

Тут скалкс оторвался от мясорубки и хозяину возражать начал. Мол, где у Вавилы глаза были, когда такая штука вон там за окном пролетала? Он, Дидис, видел. А Вавила в это время бездарно дрых. И Вамба дрых. А Дидис своими глазами видел.

Вавила высказался в том смысле, что вырвет сейчас Дидису зенки, чтоб лишнего не видели. Впрочем, раба угроза не устрашила. Как ни в чем не бывало опять уткнулся в дивный прибор мясорубку.

Лантхильда, ставя на стол чашки, вмешалась в разговор. Завела что-то совсем сложное и, похоже, для Вавилы обидное: мол, у моего махта-харьюшки всего-то в хлеву припасено — и танков, и самолетов-вертолетов, да только все не про Вавилу.

Вот так и поужинали.

Уже засыпая, Сигизмунд вдруг подумал: а ведь Наталья, похоже, тоже по самому краешку абсурда ходит. Евгений сам по себе фигура сюрреалистическая. Странно утешенный этой мыслью, он и заснул.

* * *

Указ губернатора о налоге на подвоз граждан частным транспортом жил и действовал ровно три дня. Потом умер естественной смертью.

Сигизмунд зарабатывал извозом. Отбомбившись, ехал прямиком домой. В конторе делать было решительно нечего. За две недели поступил всего один заказ. Создавалось впечатление, будто гамельнский крысолов увел из города всех тараканов, а заодно и все деньги. Здесь «Морена» не была исключением. Бизнес замер везде и повсюду. Костлявая ручонка голода протянулась даже к горлу операций с недвижимостью.

С наступлением весны атмосфера в Петербурге резко переменилась. Будто страницу перелистнули.

Город покрылся пеплом скуки и застоя. Сделался провинциален и почти невыносим.

Виктория подрабатывала в трех лавочках одновременно. Переводила на шведский и норвежский разные деловые предложения. Искренне веселилась. Все эти деловые предложения, по глубочайшему убеждению Виктории, пойдут сразу в мусорную корзину. Потрудившись на Западе не один год,

она хорошо представляла себе, как там дела НЕ делаются.

Взять хотя бы бордели. На Западе человек будет много лет подряд посещать один и тот же бордель — и всегда за одну и ту же цену. В борделе его будут хорошо знать. Будут делать ему подарки на день рождения. Но никому и в голову не придет спросить с него меньше, а сам он не станет требовать скидок. У нас же, сняв девочку, новый русский отмаксовывает кучу денег, зато начиная со второго раза норовит пользоваться ею на халяву. Мол, я теперь «постоянный клиент».

В бизнесе — то же самое. Наиболее выдающиеся опусы Виктория зачитывала Сигизмунду с Аськой. Комментировала.

Аська поддерживала беседу. Рассказывала, что вот и один знакомый наемный убийца жаловался. Заказов не стало, прежние заказчики облагородились, стали законопослушными и цивильными, новых нет. Цены падают.

Подняли кварплату. Стон прошел по Святой Руси. Ветераны и пенсионеры бросились в бухгалтерии и выстроились в очереди — за компенсацией. Кое-кому дали. Родители Сигизмунда, окрыленные успехами соседей, тоже попытались было, но получили отказ. Кто посмелее — те просто перестали платить.

По вечерам Вика все чаще уединялась с Лантхильдой в «светелке» и подолгу с ней о чем-то беседовала. Просила у Сигизмунда видеокамеру — мол, артикуляцию надо бы записать — но камера принадлежала Генке, а ехать сейчас к тете Ане Сигизмунд не хотел.

Вандалы стремительно приобщались к благам цивилизации.

Сигизмунд добыл им в «секонд-хенд-паласе» у Сашка более-менее сносные теплые куртки. Сашок был весел и оживлен. Вот у кого дела хорошо пошли, так это у него. Однако ж не зажлобился.

— Разбирают все, — поделился он с Сигизмундом. — Выметают подчистую. До чего народ довели! А иногда ничего шмотки бывают, приличные. Я тут даже благотворительностью занялся. По средам выдаю пенсионерам тряпье бесплатно. До пяти кэгэ — приходи и бери по пенсионной книжке. Некоторые ушлые старушки по пять оборотов за день делают, выйдет, а потом опять зайдет. И еще хитрит, панамку какую-нибудь нацепит, чтобы я ее не узнал… — Сашок хохотнул. — Пусть их. Они все неликвиды у меня вычищают… А, Гошка? Думали ли, что до такого доживем? Ну, блин!.. Во дела пошли!.. Ты бизнесмен, я театры спонсирую… барахло им отдаю, они его на декорации стригут. Тьфу! — Сашок вдруг разозлился. Постоял, подумал, рот покривил. — Знаешь что, Гошка, я тебе скажу? Линять отсюда надо.

— Куда линять?

— Во-во, и я о том же. Нас нигде не ждут. Нам — так, старое тряпье скидывают. Ну ладно, бывай.

Обрядив вандалов в обноски с американского плеча (неплохие обноски — тут Сашок, надо отдать ему должное, постарался), Сигизмунд покатал их по городу. Медного Всадника показал. Исаакий продемонстрировал. Вандалы щупали огромные колонны, восхищались.

Родовичи — особенно Вавила — настырно требовали, чтобы Сигизмунд дал порулить. Пришлось решительно пресечь. Однако поездкой все равно остались довольны. Вечером шумно обсуждали, Вавила показывал, как рулят, Вамба хохотал, вспоминал что-то.

Вамба настойчиво интересовался у Сигизмунда, нельзя ли еще пару-тройку автомобилей прикупить. Больно уж вещь хорошая.

Вообще же поведение вандалов ставило Сигизмунда в тупик. Они не были похожи на растерянных людей, которые боятся будущего в незнакомом мире. Ни фига подобного. Похоже, они чувствовали себя в мегаполисе как на курорте. Радостно осваивались с действительностью, впитывали информацию, пользовались благами. То и дело любопытствовали насчет цен и перспектив добыть то или это. И — ни малейшего страха.

— Виктория, — заговорил как-то Сигизмунд с Викой, — ты бы у них узнала, как они жить-то собираются? Раз уж такие дела… А то свалились мне на голову и не шевелятся…

— Ты, Морж, сиди на жопе ровно, — отвечала ученая-филолог. — Они варвары. С их точки зрения, верх невежливости завалиться в гости и сразу же — о делах. Даже несмотря на то, что ты их пригласил.

У Сигизмунда отвисла челюсть.

— Я? Я их пригласил? Ты это… Ты чего? Это они?..

Вика глядела на него усмешливо и отстраненно.

— Не знаю уж, что там у вас с Вамбой… Они говорят: стоял ты у них в овраге, недалеко от этой самой Быстротечной, зазывал… Руками махал, жесты приглашающие делал… Вот они сюда и ломанули.

Сигизмунд убито молчал. В голове — будто все извилины в манную кашу смяли. Стало быть, в овраге. Недалеко от реки Быстротечной. Зазывал, значит. Вандалов. В Санкт-Петербург, колыбель трех революций. Четвертую, блин, делать. Крейсер «Аврору» утопить, в Эрмитаже нагадить…

Вика нехорошо постукивала по столу пальцами.

— Борисыч. Ты хоть расскажи, как там. Раз уж видел. Ну, воздух тамошний не в пример нашему, это ясно — вандалы

наперебой на здешний жалуются: мол, дышать нечем. А остальное-то как, а?

— Ты что, Виктория, одурела? Да не был я нигде.

— Не крути, Морж. Я ведь с самого начала просекла, что ты нам с Аськой горбатого лепишь. Не все рассказываешь. Старичок-то тебя, видать, крепко вербанул. Ты что, думал, я дурочка? Я с твоей Лантхильдой-то побеседовала, а та возьми и выложи мне все. И как ты ее от смерти спас, когда сельчане порешить ее хотели. И как в овраге выкаблучивался. Бледненький такой, говорит. Сказать тебе, отчего ты бледненький был? Нажрался как свинья. За тобой это водится. Нажрался, пошел в свой Анахрон — и давай куражиться.

Сигизмунду стало противно. И тоскливо. Так же, как во время некоторых скандалов с Натальей, когда та заставляла его выслушивать разные нелепые измышления — а фантазия у Натальи в этом направлении работает что надо.

Не обращая внимания на плачевное состояние Сигизмунда, Вика безжалостно продолжала:

— Я еще Лантхильду твою спрашиваю: может, он нетрезвый там, в овраге, был? Она соглашается. Йа-а, йа-а, говорит, еще какой нетрезвый… Да, Морж, видать, ты хорошо тогда на грудь принял… А после этого говно туда всякое кидал.

— Куда? — тупо спросил Сигизмунд.

— К ним в село.

— Я кидал в вандальское село говно, — проговорил Сигизмунд, пробуя эти слова на зуб.

— Это вы прокурору, гражданин Морж, будете объяснять. Ты, Борисыч, хуже всякого вандала. На фига было у них в селе-то пакостить?

— Пакостить, — повторил Сигизмунд. — Ага, конечно.

— Мусорный бак зачем туда бросил?

— Я?

— Нет, я! — озлилась Вика. — Кто Анахроном баловался? Ты, разумеется!

— Ну да. А перед этим, нажравшись до скотского состояния, бродил по ихнему селу и приставал ко всем. Заводки искал. На том и с Вавилой-раздолбаем скорешился. А Лантхильду я умыкнул. Я ее еще с пятилетнего возраста присмотрел, когда дедушка обучал меня с Анахроном управляться. Бывало, зайдем с дедулей куда-нибудь в Вандалию, схитим бедолагу безвинного — и в ГУЛАГ, в ГУЛАГ…

— Не знаю, — сказала Вика. — Ты, Борисыч, конечно, можешь врать что угодно. Недосуг мне тебя слушать.

* * *

Теперь Сигизмунд жил с угнетающим ощущением одиночества. Он был решительно никому не нужен — ни родовичам, ни Вике, ни супруге своей Лантхильде. Лантхильда образца второго пришествия разительно отличалась от той испуганной девушки с летящим профилем, которая ворвалась в его жизнь и наполнила ее тайной. Она превратилась в угнетающе-домовитую беременную даму. В последнее время увлеклась лоскутом, изучив это искусство по журналу «Бурда-моден». По всей квартире валялись какие-то клочки, тряпочки и ниточки. Лантхильда вырезала их треугольничками и квадратиками и сшивала в узоры по образцу. Сигизмунда это невероятно раздражало.

Вика часами разговаривала с ней. О чем можно столько болтать с Лантхильдой? Неужто о германской филологии? По дому Вика бродила отрешенно, то и дело утыкаясь носом в толстые растрепанные блокноты. Их у Виктории завелось штук пятнадцать, не меньше. Европейский лоск куда-то бесследно канул. Волосы отросли, модельная прическа обернулась заурядным хайром. В три часа ночи Вику можно было видеть сидящей на подоконнике на кухне, стряхивающей пепел в пустую банку из-под шпротного патшета и сомнамбулически бормочущей слова на непонятном языке.

На Сигизмунда Вика откровенно злилась — непонятно почему, кстати. Аська утешала: «Брось, Морж. У нее и раньше такие задвигоны бывали.»

Вамба с Вавилой и скалксом Дидисом квартировали то у Сигизмунда, то у Аськи. Денег хронически не хватало ни на что.

Светка вышла из больницы желтая и тощая, со скорбным выражением лица, и была немедленно отправлена в неоплачиваемый отпуск. Боец Федор подрабатывал на стороне. Иногда угощал шефа пивом. Тема Аликанте пока что заглохла, но видно было, что изобретательный ум Федора лихорадочно изыскивает новые возможности для обогащения.

Блин. Может, и правда — бросить все да податься в Ботово, поставить дачку на краю дерьмового болотца? Рыбалка, охота. Раки.

Пару раз звонила Наталья. Пыталась жаловаться на жизнь. Была грубо отослана к Евгению.

Апофеоз одиночества настиг в начале апреля. Вамба валялся на диване, пялясь в ого, Лантхильда сооружала лоскутное покрывало шириною в Черное море. Ни Вики, ни Вавилы со скалксом в доме не было — третий день обретались у Аськи.

Зазвонил телефон. Чувствуя непонятное облегчение — хоть кому-то понадобился! — Сигизмунд снял трубку.

Мужской голос деловито произнес:

— Сигисмундс! Вамба — дай!

Звонил Вавила. Вамба разговаривал с ним весьма взволнованно, махал руками, корчил рожи, кивал. Положил трубку и накинулся на Сигизмунда, о чем-то прося.

Вслед за Вавилой позвонила Аська. Поведала:

— Морж, приезжай срочно. Тут нашего раба в ментовку загребли.

Сердце у Сигизмунда упало. Подсознательно он ожидал от вандалов чего-нибудь в этом роде.

— Что он натворил?

— Ой, Морж, ну не время! Бери Вамбу и дуй сюда.

— Ты из дома звонишь?

— Да. Давай быстро.

Ничего особенного ни Вавила, ни скалкс не сотворили. Ну, просто Аська взяла их в один дешевый молодежный ночной клуб. Пусть мужики протрясутся, а то загрустили что-то. Ну, пошли. Девочки-мальчики, все как положено. Ди-джей несет ахинею, музыка орет, толпа топчется на месте — пляшет. Над головами висит густое гормональное облако. Адреналин и все остальное.

Дидис сходу девочку склеил. Дидис — он же пляшет круто. Девочки млеют. Он еще одну склеил. С двумя плясал.

Вот тут и началось. Аська покурить пошла, начала не видела. Вавила за ней отправился. Вернулись — Дидиса уже метелят…

В общем, повинтили менты Дидиса и одного из тех гопников, с которыми он дрался. Вавила делся куда-то. Аська домой побежала — там Вавилы тоже нет. Что делать?

Ну, Дидиса отыскала быстро. Аська — великий знаток всех близлежащих ментовок. Перебывала почти везде — по буйности нрава и любви к демократии на ее ранних анархических этапах. Винтили Аську и на демонстрациях, и просто за мелкое хулиганство.

Вавилы в ментовке не оказалось. Уже к утру его приволокла какая-то писилявка лет шестнадцати. Очень сильно пьяного. Писилявка была смущена. Мол, не ожидала, что клиент так быстро и мощно нажрется.

— Сопли сперва утри, прежде чем с иностранными депутатами якшаться, — сказала ей Аська высокомерно. Отобрала Вавилу и захлопнула перед писилявкиным носом дверь. Вот так.

Очухавшись, Вавила явил богатырскую разъяренность. Ругался по-черному. Виру какую-то требовал. Мол, менты ему за ущерб заплатить должны. Мол, за то, что раба лишили, обязаны

менты отстегнуть энную сумму денег гражданину Вавиле Вандаловичу. Во как! Менты ему обязаны! Представляешь, Морж?

А она, Аська, и говорит: мол, протри глаза, Вавилыч, ты где находишься? Где это видано, чтоб тебе менты что-то были обязаны? Да нам с тобой надо Дидиса вытаскивать, и хорошо бы еще так сделать, чтобы нас особо ни о чем не спрашивали. А уж Морж как прознает — шеи нам посворачивает. Дюлей всем навешает!

А Виктория бледная сидит, проку от нее ноль. Только одна Аська и не растерялась. Вавила на рожон прет. Говорит, раз такие дела — пускай тогда в натуре главный рикс решает! Ну, который в городе самый основной — вот он пусть и решает!

В голове у Сигизмунда услужливо нарисовалась следующая картинка. Приемная питерского губернатора. Гордо входит Вавила. Следом — безвестный гопник с подбитым глазом. На цепи волокут Дидиса. Начинается разбирательство. Мол, этот раб Дидис заступил дорогу свободному, за что был от свободного бит, хотя по закону полагается за это вира. И платить виру должен он, Вавила, поскольку является хозяином Дидиса. Избитый же гопник свои претензии выкатывает: а чего этот мужик… а чего он как нерусский…

Губернатор орет:

— А подать сюда прокурора!

Входит прокурор. С кандалами.

— Кто тут во всей компании главный?

Ну тут-то сразу и выяснится, что главный во всей этой богадельне — С.Б.Морж. «Гражданин Морж, вы арестованы навсегда». И — знакомой дорожкой в Анахрон, до конца жизни…

Сигизмунд тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Дальше-то что было, Анастасия?

— Что дальше? Ну, дальше… Дальше мы с Вавилычем план действий разработали.

Усилием воли Сигизмунд взял себя в руки. Он даже подумать боялся, какой план могли «разработать» Аська с Вавилой. Вплоть до рытья подземного хода из отделения милиции на улицу. Сквозь асфальт. Запросто.

Однако план оказался гениален и прост. Правда, Виктория обвиняла Аську в нарушении авторских прав — мол, это ее, Викин, план. А Аська вела себя как распоследняя дура.

Главный расчет плана был в том, что все окружающие — законченные микроцефалы.

— А что, — сказал Сигизмунд вяло, выслушав план до конца, — может, и сработает.

* * *

Начальник ментовки. где томился плененный раб, был Аське хорошо знаком.

— Ты не гляди, Морж, что морда у него красная и орет страшно, он мужик не вредный.

Невредный мент в чине капитана мутно смотрел на трех взволнованных граждан Российской Федерации, которые дружно несли сущую чушь.

— Времена, между прочим, изменились, товарищ капитан, теперь уже зверства не в чести. Да и в этом отделении никогда зазря не били, я же помню, товарищ капитан, у вас все всегда тип-топыч было, гуманно… Да разве так можно, это же зверство какое-то… Гопоту всякую покрываете, да? Отпускаете, да? Вы хоть знаете, кого задержали?

— Гражданочка, — мягко прервал Аську невредный мент, — поймите: у него нет ни одного документа.

— А откуда им быть, документам-то, когда все они сгорели, понимаете, сго-ре-ли! Он беженец, натуральный беженец, — въедалась в мента Аська. — Семью убили! Убили на глазах! Представляете? Нет, они жили в Приднестровье, в Дубоссарах! Они драматурги. Семья драматургов. Отец, и мать — все драматурги, я в их пьесах играла, знаете? Про чайку. Нет, про чайку — это другая пьеса. Ну вот, и он тоже драматург, албанец. Понимаете? Они албанцы. И жили в Дубоссарах. А в Тиране жить не могли. Там же красный террор был, помните? Закрытая страна! Какая там драматургия! Там этот… Али-баба какой-то правил. Террорист. А эти в Дубоссарах жили. Понимаете? Они драматурги. А пьесы их тайком в Албанию пересылали, и вся Тирана рыдала! Они же были как наш Высоцкий! Этот же, кого вы задержали, он же еще и поет… Дидис, спой!

Дидис, сидящий тут же рядом в загончике возле мирно спящего пьяницы, растерянно моргал.

— Пой! — крикнула Аська и, растопырив пальцы, завопила: — Ну! А-а-а!.. Понимаешь? Пой!

Дидис понял. Налил глаза бешенством. Возвел их к низкому грязноватому потолку. И завопил на своем древнем и страшном языке, пробудив пьяницу. Тот заворчал, сильно осуждая Дидиса за нарушение тишины.

Перекрикивая пение Дидиса, Аська визгливо погнала дальше:

— Ну вот! И поехали они в Тирану! Когда коммунисты слетели! Сразу взяли и поехали! И погибли! Вся семья! Только приехали — а там сразу беспорядки начались! Там беспорядки начались, помните? У нас по телевизору показывали! А они

погибли! Вся семья драматургов! Все-все! А они прописаться не успели! У них дубоссарская прописка! Они туда тайно поехали! И все погибли! На его глазах погибли! Его тут пять психоаналитиков откачивали! Талантище!

— А по-русски почему не говорит? — спросил мент устало.

— Я же говорю, товарищ капитан! Албанец он! А в Дубоссарах тоже война! И националисты! Там линия фронта через их дом прошла! Все сгорело! Все бумаги!

Дидис прекратил орать так же неожиданно, как и начал.

— А я в его пьесе «Фетяска» играю! — продолжала Аська. — Все, Вика, бери бумагу, пишем заявление! Три заявления пишем! Мы все его знаем! И родителей его знаем! И подтверждаем! Мы всем литературным объединением к нему в Дубоссары ездили! Поклониться! Мэтру! Отцу его, в смысле! За него Балканский фонд при ЮНЕСКО хлопочет, он все равно уедет за границу. По нему Париж плачет!

— Гражданка. Как я его отпущу? У него ни документов, ни объяснений никаких. Кто он такой? — раздельно проговорил невредный мент.

— Так я же вам объяс…

— Все, гражданка. До свидания. Разберемся, отпустим, зря держать не будем.

— Напрасно вы так! — со слезой выкрикнула Аська. — Но все равно, вы заявления обязаны принять! И завизировать! Пойдем, Вика!

Они вылетели из ментовки.

Мент помолчал. Перевел взгляд на Сигизмунда.

Сигизмунд достал из-под куртки бутылку хорошей водки и сказал спокойно:

— Мы вас очень просим.

Мент бутылку взял. Спросил:

— Он что, правда драматург?

— Правда. И очень серьезный.

— Дела, — хмыкнул мент. — Да ладно. На мужике, вроде, не висит ничего, кроме мелкого хулиганства… Штраф придется заплатить…

* * *

Узнав о том, что виру за жлобское поведение Дидиса внес Сигизмунд, Вавила разволновался. Попытался компенсировать ущерб. Даже Дидиса ему всучить попробовал. Объяснял через Вику, что Дидис даром что скалкс — очень хорошего рода.

История приобретения Вавилой Вандаловичем гражданина Дидиса, албано-дубоссарского драматурга, раба и поэта, выглядела исключительно странной и дикой.

Как понял из сбивчивого перевода Вики Сигизмунд, разразилась как-то раз в Вандалии какая-то война. Точнее, интервенция. Вторглась огроменная рать неведомых Сигизмунду людей — гепидов. Видать, особая разновидность дикарей, из Петербурга от вандалов не отличимая.

И была между ними великая сеча. И жестокая. В ходе той сечи и вышло так, что продали гепиды Дидиса Вавиле-воину за мешок жратвы. Плохо у них со жратвой в ту пору обстояло. А Дидис был у гепидов на подхвате. Уже тогда рабствовал. Тот же человек, который продал, страшный и свирепый (по утверждению Вавилы), между двумя взмахами боевого топора успел поведать, клянясь и божась, что откуда этот Дидис — то неведомо, но рода, по всему видно, очень хорошего.

Дидис, сидевший рядом, отсвечивая битой мордой конокрада, согласно кивал. Мол, да — хорошего он рода. Весьма хорошего.

— Мутная история, — сказал Сигизмунд. — Слушай, Вика, спроси его: когда это я их в гости приглашал?

Вика перевела вопрос. Вавила изумился, вытаращив голубые глаза, а потом пришел в неистовое веселье. Начал бить кулаком по колену, хохотать и подпрыгивать. Ну ты, махта-харья, и даешь! Экий все-таки ты шутник! А в овраге кто стоял? И жесты зазывающие делал?

— Какие жесты… — простонал Сигизмунд. — Вика, спроси у него… Пусть покажет, что ли.

Вавила с готовностью вскочил. Встал, отклячив зад, будто живот у него схватило. Сделал умильное лицо. Рот разинул. Глаза выпучил. И начал двигать руками в замедленном темпе, будто загребал под себя что-то. Затем за горло ладонями схватился, будто блевать наладился.

Дидис что-то сказал. Вика перевела, злорадствуя:

— Половина села вас, Сигизмунд Борисович, в таком виде наблюдать изволила.

— И прошипела: — Свинья пьяная!

Сигизмунд задумался. Смутно забрезжила какая-то разгадка. Овраг. Овраг…

— Как я руками делал? — переспросил он.

Вавила не без удовольствия повторил. Добавил что-то.

Вика перевела:

— Он говорит, ты бледный был.

Вамба уточнил. Вика сообщила:

— И дерево сквозь тебя просвечивало.

Овраг!

Анахрон. Странное видение, провал, уходящий вверх склон… попытка выбраться… спастись… удушье… Точно, овраг!

— Это Анахрон, — сказал Сигизмунд. — О господи! Это я в Анахрон провалился. Накатило… А коза там была?

— Какая коза?

— Ме-е-е-е… Гайтс!

Услышав слово «гайтс», Вавила разразился длинной тирадой. Ты, Сигисмундс, слушай-слушай, как оно было-то. Мы Лантхильду уже совсем живьем в землю зарыть надумали. А тут оппаньки — приглашение! От тебя! Мол, кончайте, мужики, фигней маяться, лучше дуйте ко мне — озолочу! Руками-то как загребал, все показывал, зазывал! Мани-ил!.. А? Лантхильда и говорит: попасть, говорит, в ту землю просто — как будет гул, ступайте в овраг, вас и подберут.

— Кто подберет?

— Хрен знает, — вольно переводила вандальские речи Вика, — может, боги… Может, духи какие… Ты, кстати, кому поклоняешься?

Сигизмунд подумал немного и сказал:

— Ну… Икона есть Божьей Матери, а вообще — не знаю…

…И вот, — зудел Вавила, — все случилось по слову Лантхильды. Земля загудела. Пошли мы в овраг — Вамба, я и скалкс с нами. Скалкса взяли, чтобы добро перетаскивал. А Лантхильда-то уж как заслышала, что боги из-под земли заговорили, — так подхватилась и бежать. Не удержали… И козу за собой тащит…

Сигизмунд призадумался над услышанным. Сказал Аське с Викой:

— Выходит, там не я, а что-то вроде голограммы моей было? Спроси, а что я еще делал в овраге?

Вамба захохотал.

— В точку, Сигисмундс! Знаешь, как оно было? Сперва ты махонький нам явился. А потом раз! — и до небес взметнулся. И скривился непотребно. Зубищи — во! Глазищи — ужас!

— Ты, Вамба, точно под себя наложил, — перебил Вавила. — Вы все там под себя наложили. А я сразу смекнул: это махта-харья Сигисмундс нас в гости к себе зазывает веселиться-тешиться.

Вандалы приветливо лыбились. Сигизмунд смотрел на них, и делалось ему все пасмурнее и пасмурнее.

— Пойду-ка я пройдусь, — сказал он Вике. — Вернусь через полчасика.

* * *

Добрел до «культурного центра». Пошарил в карманах. Набралось на четыре бутылки пива. Одну выпил прямо у ларька — с мыслями собирался.

Стало быть, вот как оно в глазах Вамбы с Вавилой все выглядит. Вернулась Лантхильда, беременная, при очках от «Мильденбергероптик» и в секондхендовском шмотье. Рассказывала разные чудеса. Ее, натурально, мудрые сельчане решили убить. Чтоб другим неповадно.

Но тут Анахрон дернулся в темпоральной судороге и — спроектировал в овраг подобие С.Б.Моржа. На переброс, видать, силенок у ржавеющего монстра не хватило. Подобие было сперва мелким, и поэтому вандалы к нему даже и прислушиваться не стали. Но затем, по неведомой прихоти Анахрона, подобие вдруг невыносимо возросло и сделалось устрашающим. Тут все варвары разом зауважали и начали вникать.

Вникли.

Стукнуло им в голову, будто зазывает их С.Б.Морж к себе в гости. Лантхильда, разумеется, именно эту теорию всячески пропагандировала. Ее понять можно. Конечно, зазывает! Ее, Лантхильдочку, с братиком. Ну и Вавилка противный пусть идет тоже.

Старая сволочь Анахрон молчал пятьдесят лет, а тут вдруг ожил — ровно Везувий. Заизвергался, блин. Дальше — по тексту: подземный гул, вся честная компания устремляется в овраг, полная радужных надежд… Лантхильда козу на веревке тащит… Странно, а что их так мало явилось? Шли бы уж целым племенем. Что мелочиться-то? Вика вон ему все уши прожужжала своим Великим переселением народов…

Вывод. Вандалы не подозревают о том, что их появление здесь — случайность. Это первое. И второе: они явно не знают, что домой им так просто не вернуться. Ближайшая задача — выяснить, как они видят программу своего пребывания в Северной Пальмире.

С этими мыслями Сигизмунд вернулся домой.

Выставил три бутылки пива. Молвил серьезно:

— Так, дамы и господа. А теперь поговорим начистоту.

* * *

Как и подозревал Сигизмунд, «родовичи» предполагали качать товар с реки Быстротечной в Петербург и из Петербурга на

реку Быстротечную. В челноки рвались. Главное, втолковывал Вавила Сигизмунду (а глаза у Вавилы ясные и чистые, как небушко), чтобы Лиутар, сын Эрзариха, раньше времени не наложил загребущую лапу на петербургскую соль. Лиутар — это ихний военный вождь. Чрезвычайно алчный мужик. Он, Лиутар, из-за соли смертно воевал с гепидским вождем, Афарой-Солеваром. Афара на соли сидит, богатый — страсть! Лиутар ему завидует. Лиутара все равно в бизнес главным брать придется. Но это надо как-то по-умному обтяпать.

А если Вамба с Вавилой начнут из Питера соль возить в свою Вандалию, то обогатятся через то невыносимо и процветут. Это Сигисмундсу понятно быть должно.

Ты, махта-харья, не опасайся, внакладе не останешься. На реке Быстротечной тоже, между прочим, не лаптем щи хлебают. Есть, что на рынок выкинуть. Мед. Шкуры звериные. Кстати, можно и рабами приторговывать. Конечно, рабы — это так, подспорье. Главное — пшеница там неплохо урождается.

Слушал Сигизмунд бизнес-планы Вавилы и мрачнел все больше и больше. Схематически идеи Вавилы с Вамбой можно было представить следующим образом:

//схема номер 1: Санкт-Петербург — река Быстротечная //

Сигизмунд вдруг поддался азартному напору Вавилы. Размечтался: а если пшеницу посеять на черноземах в ста эпохах и в один год снять сто урожаев — это же как можно процвесть! Черноземы-то нетронутые! А сорта взять наилучшие, нынешние! Ух ты, подумать страшно. А можно и не пшеницу сеять. А например кукурузу.

В голове замелькали образы сенокосилок, всяких там плугов и борон…

Тут вмешался Вамба.

…Чушь говорит Вавила. Иначе надо. Бронетехнику надо возить, стволы и прочее там. К Лиутару надо идти и говорить про танки и автоматы. Лиутар поднимется над всеми. Теодобада-рекилинга к ногтю прижмет! А через Лиутара и ты, Сигисмундс, поднимешься. Станешь велик. Лиутар — он там будет. А ты — здесь. Клятвами верности обменяетесь. Ты ему — подарки, конечно. Он тебя тоже не обидит. Коня даст. Лиутар — мужик отличный. Да что коня! Что хошь даст. Сбрую, оружие. У него же до фига всего припасено. А вокруг тебя и мы жить станем. Ведь не обидишь же нас, родню?

Слушай, Сигисмундс, когда ты сперва в овраге воздвигся, к веселью нас приглашая, а после нам железный сундук с разным бросил, шуткуя, — мы ведь самого Лиутара позвали. Лиутар приехал. Самолично содержимое сундука перебрал, все как есть

осмотрел и ощупал. Дивился много. А потом сундук-то исчез. Расточился! Прямо при Лиутаре. Дружина тоже видела. Дивились все.

…Стало быть, пропавший мусорный бак нашелся. Воистину — иные вещи, как и люди, имеют свою судьбу. Сперва шоферюгу мусоровоза до глубины души потряс — исчезновением, затем вандальского вождя с дружиною — появлением… В каких ныне эпохах, любопытно бы узнать, обретается неприкаянная собственность «Спецтранса»?

Ладно, к херам бак. Что же там на самом-то деле произошло?

* * *

Оказалось — вот что. Это Вамба Сигизмунду — с викиной помощью — доверительно начал рассказывать.

…Когда убилстайна из земли вылез, — случилось уже после того, как ты, Сигисмундс, приходил нас звать, — так вот, когда вылез убилстайна — Сегерих забеспокоился. И то сказать, — ведь его поле выходит узким концом прямо к месту, где убилстайна из земли вылез.

— Что еще за убилстайна? — спросил у Вики Сигизмунд.

Та пожала плечами.

— Не знаю. Что-то вроде «зло-камня». Если дословно.

Вавила слушал, поблескивая глазами, на месте ерзал — видно было, что только и ждет мгновения вклиниться.

И дождался. Влез с подробностями.

…Лантхильда всему селу с детства посмешищем была. Вечно в какие-то истории влипала. А тут — сев. Перед севом что надо делать? Правильно. Поля объехать. И чтоб девственница ехала. Так вышло, что Лантхильду-то и выбрали. Все еще смеялись — думали, что же нелепая на этот раз выкинет?

Поле Сегериха — оно прямо к оврагу выходит. Ну вот, идут волы краем оврага, Лантхильду везут. У ней лунница золотая на шее. Едет, красуется, гордится. Не была бы такой косорукой, так и вовсе хороша девка.

И вдруг — ба-бах! Гул пошел. Волы — животные серьезные, не понесут. Все как было, так и осталось. Ну, повозка накренилась немного… Эка невидаль. Так эта дура ухитрилась сверзиться в овраг — и тю-тю. Думали, шею себе сломала… Искали-искали. Нету! А через два дня является. И уже беременная. И в шубе из шкуры невиданной. Говорит, это махта-харья Сигисмундс, муж мой, такого зверя убил…

Сбить Вамбу с мысли оказалось не так-то просто.

Дождавшись, чтоб Вавила сделал паузу — дыхание перевести — Вамба повел расказ дальше.

…Вылез, значит, убилстайна — черный, страшный. И стоит. А Сегерих ходит и смотрит. День ходит, два ходит, покоя не знает — будто порчу на него навели. Подойдет, встанет и смотрит. То пальцем его потрогает, то в голове почешет. А убилстайна грозен.

— Похоже, это зонд-передатчик, — пробормотал Сигизмунд.

Вамба глянул на Сигизмунда и кивнул.

— Йаа, Сигисмундс, убилстайна.

Солнце уже на зиму повернуло, а Сегерих все сам не свой. В поле трудится, а нет-нет, да на убилстайну взгляд бросит.

Толковали старейшины промеж собой, как с убилстайной быть. К убилстайне ходили. Но молчал убилстайна.

Хотели к жрецам в капище послать и в бург к военному вождю. Вот бы приехал Лиутар, сын Эрзариха, и решил, что делать. И с Лантхильдой бы что-нибудь присоветовал: убить ли ее, как многие в селе предлагали, или же в капище отвести, посвятив божеству Сигисмундсу, от которого понесла…

Вавила подхватил — невмоготу, видать, было слушать, как Вамба рассказывает, слова вставить не дает.

…Мы-то сперва как думали? (Это Вавила зачастил.) Думали Лантхильду-то на месте порешить. Мало ли кто под видом дочери Валамира в село явился. А после так соображать начали. Божество, что Лантхильду схитило, по всему видать, незлое. Плодородное. Вот и девка вернулась непраздная. И одета хорошо. На носу стекла как глаза вторые. Все перепробовали. Чудно сквозь них смотреть. Она говорит — ей так лучше видно. И то заметно, не такая неловкая стала.

Но тут хуз у соседа сгорел. И Лантхильда сидит какая-то хмурая, будто сглазили ее. И народ в селе болеть вдруг начал через одного. Хворь вредная, дети — те особенно сильно болели. А раб один так и вовсе помер. Тут уж всем ясно стало, точно — несчастье баба принесла, того и гляди урожая лишимся. Решили Лантхильду, дочь Валамира, в землю зарыть — и зло вместе с нею истребить.

И уже совсем к Лантхильде с этим подступились, как вдруг ты, Сигисмундс, в овраге появляешься! Ростом был поначалу мал, а ликом грозен. И ногтями себя за горло в священной ярости терзал. Затем вдруг ростом увеличился безмерно, до небес возрос, изогнулся радугой, за край земли уйдя. И разными цветами переливаться стал. Все на землю попадали в страхе и изумлении. А ты, Сигисмундс, опять уменьшился, голову из-за леса выпростал, ликом подобрел и руками нас зазывать стал к себе…

Вавила сделал несколько приглашающих жестов, показывая, как именно Сигизмунд «зазывал».

Вамба хмыкнул. Заговорил опять.

…А после того вскоре земля начала трястись. Край оврага ополз, и убилстайна из земли вышел. — Вамба посмотрел на Сигизмунда виновато. — Мы бы раньше к тебе пришли, ждать бы не заставили, но не знали — как. Ибо мнится нам: чудесные то пути, богам лишь ведомые, — Вамба с чувством взял Сигизмунда за руку. — Не думай, мы после твоего заступничества Лантхильду пальцем не трогали. Под богами ее посадили. Она под богами сидела, лучший кусок ела и спесью исходила. Вавила, понятно, уж и времена те позабыл, когда сватался к ней. Не вавилиного полета птица стала наша Лантхильда! Аттила ею гордился. Вот, мол, какую дщерь выпестовал!

— Погоди с дщерью, — остановил Сигизмунд. — Лиутар-то что? Сюда придет?

У Сигизмунда от всех этих «убилстайнов» и лиутаров ум за разум заходил.

Вамба остановил нетерпеливого «родовича». Мол, погоди, не спеши. По порядку надобно излагать. Не скакать речью туда-сюда, подобно блохе.

…У нас в селе, после столь великих чудес — и ты, Сигисмундс, появился, и убилстайна страшный вылез — опять судить-рядить начали. И решили Лиутара призвать. Пусть разбирается…

Тут Вамба криво усмехнулся. Не без насмешки заметил, что к вождю Вавилу послали — как самого бездельного в селе.

Но известно всем и каждому, что скудоумен Вавила и двух слов сплести, как надлежит, не умеет. Не внял речам вавилиным Лиутар, сын Эрзариха, и лишь посмеялся. И вся дружина изрядно повеселилась, ибо так выходило, что желал Валамир, сын Гундамира, позор дочери своей скрыть и для того затеял самого военного вождя в сообщники и потатчики привлечь. А не умея измыслить чего-либо достойного, звал Валамир вождя и дружину страшиться простого булыжника и брюхатости дочери своей. Дескать, вместо того, чтобы булыжник сей с поля убрать, в слабомыслии своем Валамир, сын Гундамира, камня простого испугался и все село трястись от страха заставил. И смеялся Лиутар, а после страшно гневался и печалился над участью своей: о, Эрзарих, какая доля выпала сыну твоему — о благе народа печься, имея вместо опоры трусов и недоумков.

Так навлек позор на род валамиров скудоумный Вавила, а после винился и каялся.

В этом месте рассказа Вамбы Вавила встал и, хлопнув дверью,

вышел. Осмотрительный скалкс, поразмыслив над случившемся, последовал за господином. В соседней комнате почти сразу забубнили голоса. Вавила что-то гневное говорил, скалкс поддакивал. И даже подзуживал, вроде. Скотина.

— Что это они, Морж? — спросила Аська.

— Вандалы, — пояснил Сигизмунд.

Вамба, судя по всему, был доволен. Речь его стала еще более доверительной.

…Ну вот, значит, Сегерих-то все ходил и смотрел на убилстайну. На третий же день после того, как Валамир никчемного Вавилу палками со двора гнал, сел Сегерих в хузе своем и сидеть стал. Думать-печалиться. Даже когда виру Валамиру присуждали за то, что Вавилу-воина палками гнал, не пошел Сегерих на тинг. Сидел и мучил себя — размышлял тяжко.

Истинно говорю тебе, Сигисмундс, поверь мне, так оно было. Иду, бывало, и вижу: Сегерих поутру корову выгоняет — а сам думает. И днем в поле работает — думает. У него лицо особенное, когда он думает. А к убилстайне ходить перестал.

И вот как-то раз в лютую непогоду, устав от дум, сорвался Сегерих с места и в бург поехал, к Лиутару. О чем с Лиутаром толковал — неведомо, но прислушался к речам Сегериха Лиутаррикс.

А Лиутара в ту пору своя печаль грызла. Она всех нас грызет — для того и нужна нам бронетехника, чтобы от печали той оборониться. На полдень от нас племя появилось неспокойное. Неведомое племя. Говорили в бурге, дескать, с земель племя это кто-то сильный согнал. И вот ходит оно, где осесть ему — ищет. Оттого и мучили всех в бурге предчувствия войны большой. И из капища от жрецов вести неутешительные. Уста всех богов о Радагайсе говорят, кровавом и страшном. Мол, идет, идет Радагайс!

Последние слова Вамба произнес с трагическим подвывом. И глаза сделал страшные.

— Что за Радагайс? — спросил Сигизмунд. — Пугалка такая?

— Да нет, — сказала Вика, — не пугалка. Был такой страшненький товарищ. Кровушки попускал. Кстати, теперь я могу вам сказать, из какого года они прибыли.

— Из какого?

— Около четырехсотого.

— Нашей эры?

— Нашей.

— А с чего ты взяла?

— Радагайс. Не помню точно, в каком году, но где-то в самом начале пятого века откуда-то с севера на Римскую империю упал

некто по имени Радагайс. Или Радагаст.

— В каком смысле — «упал»?

— В наихудшем. Явился во главе большой орды, навел страху на всех, в том числе и на германцев, кричал, что доберется до Рима и выпустит кровь из тамошних сенаторов… Его разбили в Италии. Всех, кого захватили в плен, распродали в рабство, а самому отрубили голову.

— А кто он был хоть, этот Радагаст?

— Ты знаешь, — медленно проговорила Вика, — есть такое мнение, что славянин.

— Начало пятого века, значит… — сказал Сигизмунд. — Полторы тысячи лет назад…

И посмотрел на Вамбу. Вамба явно не тянул на такой солидный возраст.

— Йай! — с жаром продолжал посланец седых веков (Вика переводила). — И в самом деле! Вникни же, Сигисмундс: на полдень — народ лютый, неведомый, к землям нашим подбирается, а где-то за горами, за долами, за лесами — ходит-рыщет Радагайс, еще более лютый! Вот как плохо, вот как страшно!

И хоть велик и могуч народ вандальский, но не бесконечна сила его. Посему внял Лиутар словам Сегериха. Про все доподлинно выспросил. И про то, как Лантхильда, дочь Валамира, сына Гундамира, в овраг сверзилась и что из этого проистекло. И про то, как убилстайна из земли чудесным и страшным образом выпростался. И как ты, Сигисмундс, муж великий и щедрый, махта-харья со всех сторон, допрежь убилстайны в овраге появился и к себе всех зазывал, добро суля. И в то вник Лиутар, сын Эрзариха, что края твои добром изобильны, людом же населены простоватым. И случилось так, что склонился Лиутар к уговорам Сегериха и решил приглашению твоему внять. С дружиною и со всеми родами вандальскими…

«Махта-харья» похолодел. Вика прыснула. Сигизмунд страшно озлился на нее, но смолчал.

— Так было решено промеж Сегерихом и Лиутаром, о чем и старейшинам доложить было велено: ежели ты, Сигисмундс, еще раз явишь себя, принять тебя с почестями, одарить и приглашению твоему последовать. И еще говорил Лиутар, что осенью поедет он по селам кормиться — тогда и привезет дары тебе.

Тут Вамба заметно пригорюнился.

…С Лиутаром-вождем так вышло. Сам он на убилстайну смотреть не поехал, недосуг было. Дружинников послал, а с ними

одного своего десятника. Этот десятник… — Тут Вамба омрачился. Даже замолчал на время, собираясь с силами.

— Что? — с упавшим сердцем спросил Вику Сигизмунд. — Десятника еще ждать?

Вика переговорила с Вамбой. Перевела не без ехидства:

— Десятник тот — ох какой бедоносец. По правде сказать, жуткий он человек. Да и то вопрос, человек ли… Сам, говорит, из рекилингов-волков, отцом был в священной ярости зачат, матерью в священной ярости извергнут.

— Что значит — «человек ли»? — изумился Сигизмунд. — Оборотень, что ли?

— Может, кое-кто шутки ради такой облик принял…

— Кто?

Вамба многозначительно прикрыл один глаз ладонью. Вторым свирепо глянул на Сигизмунда. Вот, мол, кто!

— Вотан, — пояснила Вика. — Одноглазый бог. Отец богов.

— Вотан? Он что, тоже сюда намылился?

— Я думаю, Вотана не существует, — твердо сказала Вика.

Вамба услышал имя «Вотан» и испугался. Зашипел, головой затряс. Мол, зря не поминай, девка, кого не след!

Но про десятника рассказал.

…Этот десятник собой таков: один глаз у него выбит, бьется двумя мечами сразу, а щитом пренебрегает, кольчугой же — нет. Хищен, как волчище матерый. И удача у него своеобычная: все в бою полягут — он непременно живым выйдет. Израненным — это обязательно — но живым. Свое племя, рекилинги, давно уже его изгнали за неудачливость да свирепость. А Лиутару он чем-то глянулся.

— А что его к Лиутару-то, блин, понесло? — осведомился Сигизмунд. Он с удивлением обнаружил, что постепенно вник в длинную, мутную историю, рассказываемую Вамбой. Даже дикие, несусветные имена запоминать начал.

— Как оно вышло? — неспешно заговорил Вамба. Вика, переводя, прикрыла глаза и эпически покачивалась на табуретке. — Ушел этот бедоносец-то одноглазый от своего народа, от рекилингов, в одно село вандальское. Не в наше село, в другое. Наше село от бурга далеко стоит, а то село к бургу близко. Живет там человек по имени Велемуд. Этот Велемуд нам родня. Он нам такая родня, что если все дети и братья Велемуда умрут, а самого Велемуда убьют, то виру за Велемуда платить будут нашему отцу Валамиру. Такая вот родня.

Сигизмунду начало казаться, что ему пересказывают один из бесконечных мексиканских сериалов с непременным перечислением свадеб, рождений, родственных связей и похорон.

Он сделал последнюю отчаянную попытку разобраться.

— А этот одноглазый тебе кто?

— Вот я и говорю, — продолжал Вамба как ни в чем не бывало, — Жена Велемуда, — она одноглазому племянницей приходится. Понял теперь? И вот этот одноглазый вошел в доверие у Лиутара, и дал ему Лиутар большой десяток воинов.

— Что за большой десяток? — спросил Сигизмунд у Вики.

— Ну, это десять человек, только больше.

— Больше чего?

— Больше десяти. Большой же десяток.

— Может, дюжина?

— Ты знаешь, такая дюжина и пятнадцать человек может насчитывать…

— Господи, ужас какой! Как же они в числах разбираются? — простонал Сигизмунд, представив себе Вамбу в супермаркете у кассы.

— Не беспокойся, — сказала Вика сухо, — они хоть и варвары, но своего не упускают.

— Бог ты мой! — возопил Сигизмунд.

— Вот и я о том, — подхватил Вамба, поняв эту реплику по-своему. — Опечалились все вандалы, когда Лиутар одноглазого приветил. Ибо опасались, как бы не принес бедоносец новой беды.

Сигизмунд сидел, подперев щеку рукой и глядя в одну точку. Терпеливо ждал окончания пространного повествования Вамбы.

— И вот этого-то одноглазого, — с удовольствием вещал Вамба, — и отрядил Лиутар убилстайну смотреть. С ним еще трое из бурга отправились. Не пристало воину долго распространяться о таких делах и болтать языком, точно женщина у колодца, и потому не стану я подробно рассказывать, кем были те трое воинов, что вместе с одноглазым убилстайну смотрели. Ни о родстве их не расскажу, ни о подвигах их не поведаю. Однако пускай поверит мне Сигисмундс, что были то знатные и испытанные воины, умом не обделенные.

— Слушай, Виктория, как ты все это переводишь? — спросил Сигизмунд.

— Сама дивлюсь! — ответила Вика. — Впрочем, после исландских саг… Схема-то обкатанная. Может, он что-то другое говорит, но в том же стиле. Я ведь понимаю с пятого на десятое. А тебе-то, Морж, какая разница? Основная-то информация, она же стимул к действию, вон, перед тобой сидит. Родичи к тебе нагрянули из дальнего далека, из пятого века. Так что внимай повествованию да помалкивай в тряпочку.

— А спроси его, Вика, насчет Лиутара. Может, Лиутар тоже

наш родич? — язвительно осведомился Сигизмунд.

— Ты бы, Морж, с этим не шутил. У германцев родство до седьмой степени считается.

— Что значит — «до седьмой»?

— А то, что семиюродные братья тебе как родные. Понял? Так что крепись, Моржик. Привечать обязан всех. Лиутар-то, похоже, тут у тебя опорную базу для вторжения организовать вознамерился.

— Иди ты! — сказал Сигизмунд. — Не пущу!

Вика нехорошо хихикнула.

Вамба же солидно вел историю дальше:

— И вот приезжает одноглазый с теми тремя воинами и спускается в овраг. А Сегерих с ними. Все рассказывает, все свои думы перед одноглазым обнажает. Поглядел одноглазый на убилстайну, поглядел, плюнул, Сегериха дураком обругал да и прочь поехал. И трое воинов, что с одноглазым были, тоже плюнули. Даже к Валамиру не зашел одноглазый. Обиделись и Сегерих, и Валамир, да только одноглазому это безразлично. На одноглазого многие обижались и все без толку.

— Что, и всѣ?

— Да. Оно и к лучшему, что бедоносец уехал, — сказал Вамба.

Сигизмунд поразмыслил немного. Стало быть, зонд не вызывал особых эмоций у тех, кто видел его впервые. Просчитались создатели!

— Что, этот убилстайна — действительно простой булыжник? — спросил Сигизмунд.

Вамба ответил заковыристо:

— Воистину, весельем исполнено сердце твое, Сигисмундс! Ну какой же он простой? Он — особенный! Черный, как уголь, большой — как два Вавилы, выступ на нем имеется. Если сбоку посмотреть — вроде морды медвежьей. Оскаленной. — Вамба для наглядности повернулся в профиль и оскалился. — Две впадины на нем — будто глядит убилстайна. И еще один выступ — если приглядеться, то вроде бы уд детородный. Особенный камень. Нигде в округе о таком не слыхивали.

Сигизмунд слушал, поглядывая то на обстоятельного Вамбу, то на насмешливо-серьезную Вику, и думал: «Господи, какая чушь! Убилстайна какой-то… Одноглазый… Родство седьмой степени, придурковатый вождь, Сегерих, выступ как уд детородный… И с этой публикой придется теперь как-то ладить, жизнь какую-то настраивать. А как с ними ладить, когда они мхом поросли от дикости? Надо же, глупостей нагородили сколько!»

…После отъезда одноглазого Сегерих несколько дней ходил как оплеванный. Все село над ним смеялось. Кроме Валамира. Отец Вамбы Сегериху верил.

А через несколько дней вдруг случилось новое диво. Приходит Сегерих к оврагу — глядь, а перед убилстайной железный сундук лежит. (Мусорный бак, то есть. Прибыл на место назначения.) Сегерих все село созвал, показал с гордостью.

Хорошо, Лиутар поблизости оказался. На охоте был и в соседнем селе гостевал. Зазвали и вождя на диковину поглазеть. А заодно и одноглазого посрамить. Да и разобраться во всех этих чудесах не мешало бы.

Лиутар прибыл скоро, дар богов осмотрел охотно — а тут еще одно чудо свершилось. Расточился железный сундук на глазах у всего честного люда.

Увидел Лиутар железный сундук, увидел убилстайну, увидел он и Лантхильду брюхатую. Гневался вождь на одноглазого — за явленное скудоумие и маловерие. Укрепился вождь в мысли дружбу с божеством Сигисмундсом свести, видя в том для себя и народа своего и пользу немалую, и почет великий. Повторил то, что прежде Сегериху говорил: ежели сам Сигисмундс явиться изволит — с почестями превеликими в бург его вести. И долго с Лантхильдой беседовал Лиутар. Выспрашивал. Затем Лиутар отбыл.

После этого Сегерих еще больше в вере своей укрепился.

И вот однажды земля опять затряслась. А Лантхильда все рвалась в овраг, только не пускали ее, ибо аттила не велел. Она говорила: «Это Сигисмундс меня зовет, так зовет, аж земля содрогается». Сегерих же пошел в овраг.

— Ну, и куда он делся, этот Сегерих? — скучно осведомился Сигизмунд. Его уже изрядно утомила эта бесконечная повесть.

— Сгинул! — поведал Вамба. — Не видели его с тех самых пор.

— Спроси, Виктория, почему они не стали бояться оврага? Ну, после того, как этот Сегерих сгинул… Что их в овраг-то всех понесло? Медом там намазано, что ли?

Вика переговорила с Вамбой и сообщила:

— По понятиям аттилы Валамира, Сегерих — самый правильный человек во всем селе. Уж коли Сегерих что считает, значит, мол, так оно и есть. Сегерих зря не скажет и не сделает. Вот почему Вамба без опаски пошел в овраг, когда земля затряслась.

— А Вавила-то откуда взялся?

О, с Вавилой глупо вышло. Да и когда с Вавилой по-умному выходило? Вот земля в очередной раз задрожала, и решено было

в хузе у Валамира, что негоже столь настойчивым зовом Сигисмундса, родича их нового, долее пренебрегать. Отправился он, Вамба, к оврагу, к убилстайне. А когда подходил уже, то заметил, как несется, сломя голову, Вавила. Благами решил попользоваться, к роду валамирову примкнуть и через то проникнуть в милость к Сигисмундсу. Следом за Вавилой раб его бежал и мешок на шее нес. Дары, видать, какие-то. Вавила так спешил, что даже Вамбу обогнал. А раб его споткнулся и растянулся на тропинке. И мешок уронил.

Совсем уже в овраг спустились, к убилстайне приблизились — и тут видит Вамба, как Лантхильда поспешает. Вырвалась! Сама торопится и козу за собой на веревке тащит. А коза упирается…

— Вот скажи, Сигисмундс, мне — родичу своему, — в упор спросил Вамба, — звал ли ты сюда Вавилу? Я Вавиле ничего не стану передавать из нашего разговора. Это между нами, между родичами, останется. Истинно ли хотел ты Вавилу у себя в гостях видеть?

Сигизмунд не ответил. По правде сказать, сейчас он сомневался в том, что хотел видеть у себя дома даже Лантхильду.

* * *

Вамба замолчал. Из-за стены доносился голос Вавилы. Вел нескончаемый монолог — видимо, излагал рабу, за неимением других слушателей, свою версию истории.

Вика выжидающе смотрела на Сигизмунда. Он сказал:

— Похоже, Анахрон и впрямь агонизирует. Железный монстр заплутал во времени. У нас: сперва исчезает бак, потом появляется Лантхильда, потом она исчезает. Потом меня проецирует в ихний овраг, едва не убив при этом… У них: сперва исчезает Лантхильда, затем она возвращается — заметь, через несколько дней, а не месяцев; потом появляюсь, так сказать, «я», следом — мусорный бак…

— Ты хоть понимаешь, теоретик, к чему тебе Вамба все это тут рассказывал? — неприязненно осведомилась Вика.

Сигизмунд тупо посмотрел на нее.

— К чему?

— Домой хочет. Спрашивает, как это устроить. Они с Вавилой думают с товаром в село вернуться. Организуй товарищам, раз просят. Можешь меня с ними направить, кстати…

Сигизмунд, в принципе, ожидал чего-то неприятного. И все-таки ему стало хуже, чем он даже предполагал.

— Так. Клятвами верности, говоришь, с ихним Лиутаром обменяться?.. Вот что. Пойди-ка позови Вавилу. И раба. Его также касается.

Вавила вошел в гостиную один. Был высокомерен и замкнут.

— Дидиса тоже! — рявкнул Сигизмунд.

Вавила пожал плечом. Свистнул, не оборачиваясь. Дидис бочком вошел, уселся на корточках у двери. Тревожно поглядывал то на Сигизмунда, то на Вавилу. Чуял, что дело хреново.

Сигизмунд прошелся взад-вперед, помолчал и наконец выговорил — будто в воду прыгая:

— Значит так, мужики. Не знаю, есть ли вам отсюда ход домой. Не могу я Анахроном управлять. Этим чудищем никто управлять не может — все перемерли…

* * *

От этих каменных систем в распухших головах теоретических пророков, напечатанных богов, — от всей сверкающей, звенящей, пылающей хуйни — домоооооооой! ааааааааа!..note 5

— Анастасия, хорош выть! Достала, — сипло сказала Вика.

Всемером они потерянно сидели в гостиной, остывая после недавней бурной сцены в духе Ф.М.Достоевского.

Обхватив живот руками, раскачиваясь взад-вперед и глядя в одну точку опухшими глазами, Аська немелодично завывала страшненькую янкину песню. Вика расхаживала взад-вперед. Тоже зареванная.

Вавила потерянно следил за ней глазами. Сигизмунд потирал скулу.

Аспид с фотографии взирал с холодной кривой усмешкой.

Да. Услышав последнюю реплику Сигизмунда, Вика каменно замолчала. Несколько раз сглатывала.

— Чего молчишь? Переведи им! — сказала Аська.

Не глядя ни на кого, Вика заговорила. Вандалы не понимали. Вика что-то им яростно втолковывала. То и дело мелькало слово «Анахрон». Один раз проскочило «Тро-оцкис». Вавила недоверчиво переводил взгляд с Аськи на Вику и обратно. Вамба угрюмо уставился в пол. Скалкс хмурил брови, покусывал губу.

Наконец Вика зло посмотрела на Сигизмунда. Процедила:

— Я объяснила им, что все мы — пленники злого бога по имени Анахрон. Иначе бы они не поняли.

Вамба спросил о чем-то. Вика ответила ему и показала на фотографию Аспида. Вамба глянул на фотографию, встал и резко вышел.

Вавила посидел молча, шевеля губами, и вдруг с ревом бросился на Сигизмунда. Опрокинул Аську. Полез драться.

Все, чему обучали когда-то в тренажерном зале Сигизмунда, в данной нетабельной ситуации показало себя полной ерундой. Здоровенный вандал попросту опрокинул С.Б.Моржа и дал ему в рыло. Лантхильда с боевым кличем вцепилась Вавиле в волосы. Вика отчаянно завизжала. Вопли покрыл голос Аськи:

— Всем, блядь, лежать! Руки за голову!

Сигизмунд и насевший на него Вавила осторожно повернулись. Схватив с пианино меч, Аська стояла, широко расставив ноги, упирая рукоять меча в бедро, а левой рукой держа за середину ножен. Переводила «ствол» с Сигизмунда на Вавилу и обратно. Робокопу с М-16 подражала.

Вавила пошевелился. Аська тряхнула мечом и проорала:

— Ни с места! Лагьянд, падлы! Лежать!

— Аська, не дури! — крикнул Сигизмунд, полупридавленный Вавилой и наседающей на Вавилу Лантхильдой.

Вавила оторвал от себя Лантхильду, метнулся к Аське. Та визгнула и отпрыгнула, но наскочила на пианино. Вавила легко отобрал у нее меч и ткнул Аську в грудь кулаком — больше для порядка. Аська закашлялась. Вавила что-то назидательно сказал и положил меч обратно на пианино.

Скалкс из угла вдруг подал голос:

— Ми тепер вся дорога драца.

Вика разрыдалась. Сигизмунд даже испугался — не задохнулась бы. Потом сквозь рыдания понесся словесный поток:

— Я же не верила!.. Я думала, ты… Я думала, ты можешь! В самом деле можешь — туда… К ним!.. Посмотреть, одним глазком!.. Темные Века, понимаешь?.. Все, все увидеть самой, понимаешь? Я поэтому… Поэтому и не уехала… Думала, ты можешь!.. Ты сделаешь!.. Что тебе стоило?.. Думала… Ой. Я ведь им да-аже объясни-ить не могла-а… у них концепции времени не-ет… У них время цикли-ическое… сезо-онное… по урожаям считают…

— Видишь, скотина злобная, до чего девушку довел? — сказала Аська Вавиле.

Вавила слегка пожал плечами.

Вика продолжала убиваться, точно деревенская баба по покойнику:

— У-них-про-стра-анстве-енное-мышле-е-ение-е… А вре-емя цикли-и… Как они попадут теперь домо-ой?..

— А никак, — сказал Сигизмунд зло. — Будут здесь жить. Вкушать блага цивилизации. Стекло-бетон, телики-видики, мудаки-шмудаки.

Вика вдруг разом осушила все свои слезы.

— Ты, Морж, что — по уши деревянный?

— Да нет, — сказал Сигизмунд, дивясь собственному спокойствию. «Глаз тайфуна», да и только! — Просто я уже давно с этим дерьмом живу. Привык.

Вика замолчала. Сидела несчастная, с покрасневшим носом.

В углу зашевелился скалкс. Неторопливо подошел к Вике, погладил ее по плечу. Затем, не спеша и с достоинством, встал на голову. Подергал в воздухе ногами, поглядывая на Вику снизу вверх. Завалился набок. Сел на полу, улыбнулся. Еще раз погладил Вику по плечу.

Вавила бросил что-то насмешливое. Скалкс, судя по тону, в ответ надерзил. Вавила стерпел.

Понимая, что фракиец желает ее утешить, Вика слабо улыбнулась.

* * *

И вот Аська раскачивается на стуле и завывает на все лады «домоооой!», а все прочие маются и не знают, как жить дальше.

Впрочем нет, не все.

Похоже, скалкс как-то исключительно быстро свыкся с новым положением. Изворотливый ум, точно горная речка весной, помчался по новым руслам, изыскивая наилучших проходов к полноводным равнинным водоемам. Не впервой, видать, Дидису-из-хорошего-рода изыскивать способ существования в новом для него месте.

Во всяком случае, раб не выглядел сильно опечаленным.

Угнетенным и расстроенным выглядел его хозяин. Вавила совсем раскис. Бравость утратил напрочь, даже воинственно торчащие рыжеватые волосы уныло обвисли.

Вика цивильно сморкалась в кружевной платочек и тихонько щелкала косметичкой — пыталась подкрасить распухшие губы. Аська таращила глаза, силясь понять: хорошо или плохо быть в пленниках у злого бога Анахрона. Конечно, не хило бы сгонять на реку Быстротечную, там можно было бы такого кайфа словить — да и раки там, должно быть, водятся… Но нет так нет, можно ведь и на Вуоксу всей компанией податься — тоже неплохо.

Вамба хмуро посмотрел на Сигизмунда и заговорил, резко обрубая фразы.

— Я убить тебя хотел. Ты обманул нас. Завлек в западню. Потому я и ушел. Не хотел быть рядом, пока желание убить не избыл. Нежданный родич — тоже родич. Для Лантхильды ты

хороший муж. И добра у тебя много.

Вика переводила суровые речи вандальского воина Вамбы, пудря нос и всхлипывая. От себя добавила:

— Если они тут и вправду навсегда, то имей в виду, Морж: для твоих детей Вамба — самый близкий родственник. По их законам.

— Почему? — растерялся Сигизмунд.

— Пережитки матриархата. Дядя со стороны матери ближе отца, понял? Это по германскому праву.

— А для Ярополка? Тоже Вамба — самый близкий родственник?

— При чем тут Ярополк? У твоей Натальи есть брат?

— Она не моя… и брата у нее нет. У нее жених есть. Евгений.

— Да ладно, мне-то что, сами разбирайтесь, — еще раз обиделась Вика. Убрала косметичку. Вздохнула.

— Пойду-ка я водки куплю да с ближайшим родственником моих детей потолкую, — сказал Сигизмунд. Порылся по всем карманам. Денег не обнаружил. Сказал бесстыдно: — Виктория, дай на водку, а то у меня кончились.

Вика снова щелкнула косметичкой. Протянула полтинник.

— Держи. Только дерьмовую не покупай.

— Да, Вика, и помоги мне с переводом.

— Знаешь что, Морж? — сказала Вика, пристально глядя на стоящего перед ней Сигизмунда снизу вверх широко раскрытыми глазами. — С завтрашнего дня — интенсивный курс русского языка для вандалов. Задергал ты меня своим «переведи, переведи». Я бы на твоем месте давно уже по-вандальски шпарила!

— А ты и шпаришь. На своем месте.

— Иди уж, — сказала Вика устало. И зевнула. — И закуси возьми. Не могу же я просто так голую водку жрать…

— Курева не забудь! — всполошилась Аська.

— Может, сразу весь супермаркет на полтинник скупить? — осведомился Сигизмунд.

* * *

Разговор с Вамбой получился на удивление теплый и сердечный. Сигизмунд даже не ожидал. Разговаривали Сигизмунд и Вамба через Вику; остальные присутствовали, но молчали. Аське было отдельно растолковано, что вклиниваться неприлично. По германскому праву.

Аська погрузилась в какие-то свои аськины думы. Лантхильда

притащила с собой рукоделие, прилаживала треугольнички и квадратики. Знала: мужчины и без нее все обрешат. В лучшем виде. Безутешный Вавила безмолвно жрал водку, когда наливали. Заботливый скалкс отдавал скорбящему хозяину свои стопки.

Беседа Сигизмунда с Вамбой свелась к следующему. Жить нам теперь, братцы, одной семьей, так что надо как-то притираться. Выживать. И быть готовыми ко всему. Вдруг Анахронище еще как-нибудь харкнет? Это тоже надо учесть. И не бояться. Как там Федор Никифорович покойный говорил? Страшиться — да, но — не бояться.

Вамба с таким решением в принципе соглашался. Уточнил: женой или наложницей берет Сигисмундс Лантхильду. Чтобы с имуществом определиться. Сигисмундс ответил, что женой.

Вамба сказал, что коли они с Вавилой здесь не в гостях, то надобно установить, какую долю работы и какую долю имущества выделит им Сигисмундс. Ибо совместным трудом можно любое имущество изрядно приумножить. С точки зрения Вамбы, Сигизмунду повезло заполучить в хозяйство трех крепких работников. Да и воины они с Вавилой не из последних.

— Может, не все так уж и плохо обернулось, — заключил Вамба. — Завтра пойдем, покажешь нам твои поля и покосы, Сигисмундс.

* * *

Спал Сигизмунд тревожно. Со сновидениями. Виделось ему, как серым промозглым утром в город Петербург бесконечным потоком входят варвары. Они появились вдруг и стали повсюду входить. Силовые структуры были парализованы. Даже не высовывались.

Стоял Сигизмунд на углу Владимирского и Невского, у «Сайгона». Работал «Сайгон». Сигизмунд подпирал стену среди нечесаного вялого хипья. И пялился. А варвары шли, ехали. Скрипели громадные арбы, кое-где уже полыхали пожары — отчетливо тянуло гарью. А варвары все шли и шли.

Ехал мимо Лиутар — вождь. Весь страшный, в звериных шкурах. В плечах косая сажень, бородища лопатой, глаза белые. Хищные. Увидел хипье, стену подпирающее, заржал, с седла наклонился, ногами в лохматых стременах качнув. Стал куски сырого мяса в раззявленные хиповские рты совать. Как птенцов кормил.

Потом вдруг оказался Сигизмунд дома. Телевизор был включен. Перед нацией выступал Президент. Это был Лиутар.

Втулял сперва готской мовой, потом фракийской, затем и вовсе запел, выкатив бешеные белые глаза.

В какой-то момент Сигизмунд понял, что это сон ему снится, но даже и осознав, проснуться никак не мог. Повсюду преследовали его вандалы. А заправлял безобразием Аспид — в долгополой шинели, метя снег, открывая двери подъездов ударом сапога, в каракулевой шапке, съехавшей на ухо. На погонах — непонятные зигзаги. Аспид ругался по-польски. Лиутар уважал Аспида. На бедре у Аспида висела длиннющая кавалерийская шашка.

Сигизмунд кричал Лиутару сквозь тяжелые метельные хлопья:

— Это не Аспид! Это партайгеноссе Шутце, старый пердун! Остановите Анахрон!

Но никто не останавливал Анахрон. Аспиду повели коня. Поручик Стрыйковский ловко вскочил в седло, расправил длинную шинель, поехал по Невскому, сопровождаемый дикой ордой. Разбили витрины. Выбросили на асфальт и снесли голову золоченому манекену из «Пассажа». Разграбили «Север», обкидали тортами друг друга и окна близлежащих домов. Потом лизали стекла и морды друг друга.

Нет, никто не останавливал Анахрон.

И знал Сигизмунд, нет, видел, как посреди заснеженного поля, далеко в Тамбовской губернии, из оврага все лезли и лезли варвары.

* * *

Под впечатлением этого сна Сигизмунд проходил весь следующий день. Уже к вечеру посетила безотрадная мысль: наладить бы, в самом деле, эту адскую машинку да махнуть в родимые восьмидесятые годы на часок-другой! Попить кофейку в «Сайгоне», потусоваться. Отдохнуть.

И тотчас же в уши с нехорошей готовностью ломанул надсадный янкин вой:

— ДОМОООООЙ!..

Глава четырнадцатая

Сигизмунд ошибался, тоскливо думая о том, что обучить счастливо обретенных родовичей российской речи будет невозможно. Бездарность ли его как педагога, отсутствие ли способностей к языкам у Лантхильды — Сигизмунд даже разбираться не стал. Факт оставался фактом: Лантхильда по-русски почти не говорила. И не стремилась.

Сейчас она носила ребенка. Все остальное ее мало интересовало. Она уже начала толстеть. Лантхильда похорошела, обзавелась румянцем во всю щеку, чем разительно отличалась от большинства знакомых Сигизмунду дам, пораженных беременностью. Урбанистическая беременная дама истерична, токсикозна, сварлива и бестолкова. От Лантхильды же исходил неземной покой. Больше от нее, правда, ничего не исходило.

После достопамятного разговора Вавила злобился на Сигизмунда еще с неделю. Даже жить ушел к Аське. И скалкса увел.

Через пару дней позвонила Вика. Уксусным голосом осведомилась:

— Как вы считаете, гражданин Морж, я нанялась вам тут бегать по всему городу репетиторством с вандалами заниматься?

— Каким репетиторством? — опешил Сигизмунд.

— Русскому языку твоих дружков кто обучать будет? Пушкин? — мрачно сострила Вика. — И вообще, у тебя Высоцкий есть?

— Что?

— Кассеты, говорю, есть? Высоцкий нужен.

— Нет Высоцкого.

— Тогда купи. Лирические купи. И о войне. Про спорт и шуточные не бери, не поймут.

— Кто не поймет?

— Дед Пехто. Морж, ты совсем отупел? Я их русскому языку обучаю. Может, тебя тоже обучить? Высоцкий лучше всего подходит, он самый простой, без зауми. Прост как правда.

Вамба вкупе с двумя кассетами Высоцкого был послушно доставлен к Виктории. Сигизмунду было дозволено поприсутствовать на уроке.

Виктория применяла к вандалам дифференцированный подход. То есть каков ученик, таков и подход. Вавила с Вамбой принуждались ею к диалогам. Скалкс, с которым высокомерные воины вести диалогов категорически не желали, обучался с помощью Высоцкого. Вика растолковала Дидису содержание

песен, после чего напялила ему на голову наушники и нажала кнопку PLAY. Учись, Дидис!

Рабу Высоцкий сразу понравился. Дидис тряс головой, дергал себя за бороду, гримасничал, шевелил губами, пытался подпевать — все, процесс пошел.

Вавила с Вамбой сидели на стульях, оба красные и напряженные. Молчали, сверля друг друга глазами. Вика расхаживала между ними, преувеличенно жестикулировала, толкала их к диалогу — как показалось Сигизмунду, преискусно ссоря вандалов между собой. Затем хлопнула в ладоши и посмотрела на Вамбу.

Вамба вытужил:

— Йа-а Вам-ба! Ти кто?

— Молодец, — подбодрила Вика, кивая и улыбаясь, — правильно. Вавила?

— Йа-а Вави-ла! Ти кто?

— Йа-а Вамба!

— Стоп, — сказала Вика. — «Мне тридцать лет». Мне — трид-цать — лет. Начали! Вамба!

— Мне-е три-ицат лет!

— Вавила?

— Мне-е три-и… тсат лет… йа-а… му-зик…

Вика заулыбалась, желая поддержать инициативу ученика.

Вамба подумал-подумал и высказался:

— Йа-а крут! Ти-и эта… иди-на-хер.

Вика нахмурилась. Похоже, Анастасия также успела приложить руку к обучению. Вавиле русская речь сородича была вполне внятна. Насупившись, Вавила отвечал вполне достойно:

— Са-ам эта… на хер, мудо-дзон!

Вамба приподнялся на стуле.

— Йа-а, — обрадованно повторил Вавила, — зу ис зата мудо-дзон! Йа казал! Я знат! Ти знат! Ассика знат!

И вызывающе захохотал.

Вамба молча ударил его кулачищем в переносицу.

Скалкс неожиданно пропел:

— В очесвеном париском туалетэ ист натписи на роском ясике.

* * *

Таким образом, адаптация вандалов была отдана в крепкие педагогические руки Виктории. Хотя бы на этот счет Сигизмунд мог быть спокоен. Он и был спокоен.

Впрочем, окружающие заботились о том, чтобы жизнь С.Б.Моржу на тридцать восьмом году медом не казалась. В частности, позвонила Наталья.

— Сигизмунд? Еще не забыл нас? Или мне уже пора представляться?

— Всех не перезабудешь, — неудачно ответил Сигизмунд.

— Ты вообще-то отец или кто? Ты знаешь, что дети обычно растут?

— Ну, — дипломатично отозвался Сигизмунд.

— «Ну!» Ярополк из всего вырос. Ботинки нужны, резиновые сапожки на лето, все такое дорогое…

— Притормози, Наталья. А Евгений-то что?

— Евгений — не отец. Отец — ты! Ярополк тебя уже забывать начал. Скоро «дядей» станет звать.

— Наталья, нет у меня сейчас денег. Бизнес стоит.

— У тебя вечно все стоит где не надо. Нам-то что прикажешь делать?

— Да я сам ночами извозом занимаюсь. Тем и живу.

— Да ты хоть тараканами питайся. Эгоист ты все-таки, знаешь ли. Махровый. А лысую свою на что содержишь?

— Какую лысую?

— Ну эту, актерку погорелого театра. Я видела вас на улице. Парочка! Мы с Ярополком сразу на другую сторону улицы перешли. Чтобы хоть ребенок не видел. Позорище.

— Высказалась? — разозлился Сигизмунд, готовясь бросить трубку.

— Только не бросай трубку! Есть у тебя такая милая привычка. И не молчи. Не выношу, когда молчат в телефон.

— Да я не молчу.

— Нет, молчишь! Отвечай!

— Что отвечать?

— Я тебя только что спрашивала.

— Повтори еще раз. Я не помню.

— Хорошо. Повторю. Ярополк вырос из старого. Ему на дачу ехать не в чем будет. Ты о ребенке хоть думаешь?

— Иногда.

— Оно и видно.

Сигизмунд решил, что настала пора поговорить с Натальей о чем-нибудь приятном.

— Ну, а как дела у Евгения?

— А тебе-то что?

— Да так. Симпатичный дядя.

— Не издевайся! — подозрительно сказала Наталья. — Получше тебя будет.

— Так я и говорю: симпатичный. Чем он сейчас занимается?

— Евгений пишет книгу. Кстати, у тебя сохранилась «Кама-сутра»? Помнишь, фотографии в коробке?

— Что-о?!

— Не для ЭТОГО, не думай. Я спрашиваю: сохранилась или ты выбросил?

— Сохранилась, вроде…

— Ну, тебе она явно не нужна. Твоя лысая и без «Кама-сутры»…

— А тебе-то она зачем нужна?

— На пару месяцев дай.

— Приезжай, — сказал Сигизмунд, пожав плечами.

— Ты не думай только. Это Евгению, для работы.

Сигизмунд громогласно заржал. Наталья разозлилась.

— Для книги. Просто сейчас все очень дорого, если покупать. А денег НЕТ.

— Да ладно, ладно. Приезжай. Если хочешь, приезжай с Евгением. Дам я вам «Кама-сутру». Считай, свадебный подарок.

* * *

Наталья и впрямь приехала с Евгением. Дядя Женя оказался еще более нелеп, чем сохранилось в воспоминаниях Сигизмунда. Вошел, застрял на пороге, разинул рот, начал озираться, поворачиваясь всем грузным туловищем. Наталья впихнула его в квартиру.

Навстречу гостям выплыла Лантхильда. Толстая, как вертолет. Заважничала. Дабы дорогая супруга от спеси не лопнула, Сигизмунд спровадил ее в «светелку». Лантхильда степенно удалилась.

Наталья стояла прямая, как столб, с поджатыми губами.

— Может, все-таки поможешь пальто снять? — процедила она.

Кобель с любопытством обнюхивал ботинки дяди Жени. Дядя Женя стоял оцепенев — остерегался, видать, не хватил бы его кобель зубами.

— Он не кусается, — напомнил Сигизмунд, снимая с Натальи пальто.

Дядя Женя хохотнул. С опаской погладил пса.

Из «светелки» доносилось монотонное пение.

— Что, так и живешь с этой? — осведомилась Наталья неприязненно. — А лысая твоя где?

— Ее Анастасия зовут.

— Чаю дашь? МЫ замерзли.

Дядя Женя уже протоптанной дорожкой побрел в гостиную. Осмотрелся, забубнил что-то под нос — видать, вел нескончаемый диалог с самим собою. А затем узрел меч. Топоча, устремился к пианино. Бесцеремонно общупал ножны, попытался извлечь клинок. Клинок не выходил. Ножны были завязаны на ремешок. Этого дяди-женин мозг уже не вмещал, поэтому дядя Женя легко отказался от идеи обнажить меч. Повернулся к Сигизмунду сияющий. Заговорил взволнованно:

— Самое… ну, самое… это… и-и-и… значит, ну оружие — это самое у меня, значит, было тоже… я собираю.

Наталья нахмурилась.

— Что это у тебя там такое?

Сигизмунд подошел к пианино. Взял меч. Развязал ремешок, извлек из ножен.

— Ну вот, — сказал он, — полуавтомат. Поднимаешь руками, опускается сам…

— Купил? — агрессивно осведомилась Наталья.

— Да вроде того, — сдуру брякнул Сигизмунд.

Евгений потянулся к мечу трепещущими руками.

— Настоящий?

— Да.

— Двенадцатый век?

— Пятый.

Евгений осмотрел клинок из рук Сигизмунда — тот не на шутку опасался, что дядя Женя порежется — и засмеялся. Толстым пальцем погрозил, будто шалуну.

— Самое… Новодел, самое, видно… Я обучался, самое, металловедению, это… знаю… Да и в музее видел. Пятый век — они корявые, ржавые, закалка у них не та. У них закалка была примитивная, в землю закапывали да потом счищали, это самое, не настоящий закал. Вот у самураев — катаны… самое… настоящий закал.

Наталья каменно молчала. Сигизмунд без труда слышал ее безмолвный монолог. На Ярополка, значит, денег нет! А на всякую ерунду деньги, значит, есть! Какой-то бутафорский меч купил, да еще поддельный! Скоро по лесам начнет бегать с подростками, в хоббитов играть!

— Да нет, — сказал Сигизмунд со вздохом, — настоящий он. Пятый век. — И завел с вамбиных слов: — Представляешь, Наталья, думал я даже обоерукому бою научиться, инструктор мне хороший попался. Вот, меч… Представляешь, он говорит: поверье есть, будто иной раз в обличьи обоерукого воина божество скитается. Был у них в соседнем селе один такой, левой

рукой бился не хуже, чем правой, а глаз у него всего один — другой враги выбили.

На Наталью это не произвело ни малейшего впечатления. Дядя Женя воспользовался тем, что Сигизмунд отвлекся, завладел мечом и попытался залихватски взмахнуть. Не совладал с «полуавтоматом» — выронил. Меч тяжело воткнулся в пол и с низким гулом, дрожа, затих. Расщепил паркетину.

— Что ты мне тут всякие глупости рассказываешь! — накинулась Наталья на Сигизмунда. — Убери эту железяку. Нам некогда. Давай сюда «Кама-сутру», и мы пойдем.

Сигизмунд все-таки заставил гостей выпить чаю. Ему страх любопытно было выяснить, что же за книгу ваяет дядя Женя и для чего ему «Кама-сутра» понадобилась. Наталья безучастно смотрела в окно. Дядя Женя возбужденно булькал:

— Оргазм, самое… Два часа должен быть! Нормальный оргазм, значит, два часа. У меня один раз… два с половиной было, самое, оргазм был. — И вдруг заревел, стуча кулаком себя по колену: — Ненавижу, эта извращенная цивилизация, извращенная, самое, пять минут — и все!

— Иногда и меньше бывает, — поделился опытом Сигизмунд. — А иногда не бывает и вовсе. И нестояк случается.

— У меня, самое, страх кастрации, самое, вы про это не говорите мне, — разволновался дядя Женя. — С детства, значит, вбитый страх. Потом только открыли, самое, вывели с глубинного уровня на сознательный. Я ведь по жизни десантник. Воин! Мне надо завоевывать! Горизонты! Высадиться и завоевать! Деньги, самое, власть, секс!.. На этом, самое, все стоит! На этом! На этом! — ярился безобидный, как головастик, дядя Женя и сильно бил себя по колену.

В дверь позвонили.

— Что сидишь? — холодно спросила Наталья. — Открой. К тебе же пришли.

Сигизмунд открыл. Влетела Аська, следом за нею — Вамба. Оба ржали.

Сигизмунд похолодел. Аська с ходу сунула ему в руки какой-то мягкий зеленый пакетик и затарахтела:

— Представляешь, Морж! Там на Невском какой-то хрен зеленый надули, воздушный, такую штуку рекламную! И две девки стояли как вареные, у них еще мешок был, они из этого мешка вот эти херовины всем раздавали! И мне дали! Ты гляди, гляди, чего тут написано!

Сигизмунд машинально глянул на пакетик. Это была рекламная пробная упаковка шампуня какой-то иностранной фирмы. Укрепляет волосы, питает от корней…

— Здесь, здесь гляди! — выплясывала вокруг Аська. — Ты здесь читай! Во — «шампунь с глюкасилом»! Слово-то какое! ГЛЮКАСИЛ! — Она повернулась к Вамбе. — Глюкалово! А? Помыл башку — и неделю глюки бродят!

— Иди в зад! — с готовностью отозвался Вамба. И заржал. Будто невесть какую удачную шутку отмочил.

Тут Аська наконец заметила Наталью и дружески поздоровалась.

— Приветик!

— Привеетикс, — поддержал и Вамба.

Наталья не ответила.

— А это кто у нас такой хороший? — заблажила Аська, завидев гигантского дядю Женю. — Ой, Морж! Где ты это нашел? Ой, кончу! Ой, умру! Вамба!..

Дядя Женя испугался. Съежился, переполз поближе к Наталье.

Вамба для пробы рыкнул. Гулко захохотал. От Вамбы сильно пахло пивом. Пояснил дружески:

— Махта-харья! Унзара скурин!

— Это мой шурин, — представил Вамбу Сигизмунд. — Собственно, это его кореша меч.

— Так ты шурину меч купил?

— Да нет, дружку… То есть, он сам его купил.

Оказалось, что Вамба сделал довольно большие успехи в русском языке. Выслушав диалог Сигизмунда с бывшей супругой, «скурин» ухмыльнулся и пояснил:

— Нэй купил. Убил — забрал! Так. Вавила — меньял. Многа авизьос — меньял. Так. Вавила — муди-дзон.

— Проводи нас, — процедила Наталья. — До двери.

Из окна Сигизмунд видел, как они идут по двору. Наталья явно пилила дядю Женю. Тот невозмутимо вышагивал впереди, задрав бородищу и счастливо держа под мышкой коробку с «Кама-сутрой».

* * *

Наконец-то великая битва «Зима — Весна — 97» завершилась вялой и малоубедительной победой Весны. Вместе с грязноватым снегом растаяла в городе и последняя наличка. Денег у населения не стало вовсе. Замерло все. Создавалось странное впечатление, будто все федеральные, муниципальные и Бог еще знает какие бюджеты, что еще оставались в городе, были вброшены в эту битву, подобно тому, как два года назад все государственные

деньги сожрала чеченская война.

По ого день-деньской толстомясые дяди жевали тему «недоимок». Мол, все оттого, что собираемость налогов дерьмовая. Мол, поднимем сейчас собираемость — и завтра-послезавтра, максимум через месяц, наступит райская жизнь. Только бы собираемость поднять. Настойчиво убеждали обнищавший народ: в этом, мол, все дело.

Город угрюмо смотрел «Историю любви», «Девушку по имени Судьба», «Санта-Барбару», «Даллас» и прочие бессмысленные тележвачки. Из навороченных кафе по утрам выносили на помойку скисшие пиццы и прочую невостребованную снедь. Там их находили и разогревали на костерках нищие. Любопытствующих домашних псов и алчущих бездомных собак нищие отгоняли палками и ножами. Сигизмунд знал об этом не понаслышке — кобель что ни день обеспечивал все новые прецеденты.

Повсюду на рекламных тумбах воздвиглись принципиально новые щиты. На них самодовольные хлыщи с лакейской улыбочкой изнемогали от желания поделиться деньгой с родимой налоговой инспекцией. И призывали граждан следовать примеру.

Проезжая мимо дома Натальи, Сигизмунд в который раз пожалел, что нет с собой видеокамеры — кадр глазам представал блестящий: вечно пьяная пожилая бомжиха в необъятном сером платке — известная обитательница станции метро «Горьковская» — как раз похмелялась пивком с чебуреком, сидя на тумбе под хлыщом.

Вообще народ к идее «недоимок» относился более чем прохладно. Как-то утром, выйдя из арки, Сигизмунд невольно глянул на самодовольного хлыща — раздражало его все это без меры. И не сумел сдержать удовлетворенного смешка. Кто-то не поленился — забрался на двухметровую высоту и приложил немало усилий, дабы вогнать ржавый железнодорожный костыль плакатному ублюдку прямо в радостный рекламный ярко-синий глаз. Не оскудела еще земля Русская!

На Вербное воскресенье с утра пораньше к Сигизмунду явилась Вика. Была странно возбуждена и одновременно с тем смущалась. Попросила разрешения поработать на компьютере.

— Только, Морж… Можно, ты пока в ту комнату ходить не будешь?

— Что это на тебя вдруг нашло?

— Просто. Одна идея. Потом расскажу.

Сигизмунд пожал плечами и отправился в гараж. Полдня возился. Когда вернулся домой, Виктория все еще бойко молотила по клавишам. На Сигизмунда не обратила внимания.

Видно было — очень увлечена.

К вечеру явилась Аська, а с нею — весь вандало-фракийский кагал. Все были с веточками вербы и немного навеселе.

Едва завидев на вешалке куртку Виктории, Аська возопила:

— Так вот она где!

— Она просила ее не беспокоить, — предупредил Сигизмунд.

Аська повернулась к Вавиле.

— Представляешь, Вавилыч? Беспокоить ее нельзя!

«Вавилыч» солидно отозвался:

— Обзверет!

Вандалы явились не пустые. С собой у них было. Сигизмунда охватило совершенно сюрреалистическое ощущение, когда Вавила подмигнул ему голубым глазом и медленно развел в стороны полы куртки. В каждом из внутренних карманов плотно сидело по бутылке «Агдама».

— У тебя зажрать чем есть, Морж? — деловито осведомилась Аська, пока Вавила выставлял бутылки.

— Хлеб есть, колбаса… Вы что, целыми днями теперь пьете?

— Да нет, это мы празднуем.

— Вербное воскресенье?

— Куда там, круче! Вавилу на работу взяли!

— Что?!

— Ну, к нам, в театр. Точнее, не к нам, а к тому старому режу, я еще ушла от него…

Старый реж, как явствовало из аськиного рассказа, оказался на диво необидчивым. Будешь тут необидчивым. Встретил он Аську на улице, начал ей ныть: вот, мол, послезавтра премьера, совершенно улетная новая трактовка «Идиота», реклама уже есть, деньги твердые. Сорвется спектакль — все, труба. Спонсор серьезный, сил нет — если что, сразу его, режа, в асфальт закатает. А Рогожин, сука такая, запил. Шел пьяный по парку Лесотехнички, получил от кого-то в чавку, от кого — непонятно, за что — тоже. Может, перепутали его с кем, а может, и за дело. Теперь валяется в «скорой» на Будапештской — с проломленной башкой, похмельный и под капельницей. Играть не в состоянии…

В общем, Анастасия, нет ли у тебя, мол, актеришки подходящего типажа для Рогожина? Это реж так говорит. Насчет бабок, мол, не беспокойся — не обижу. С золота хавать будете — я ж говорю: спонсоры крутые. В общем, мать, не сомневайся.

Аська, естественно, тут же набила три мешка крутого плана и потащила к режу Вавилу. Мол, вот вам гений из Швеции. Улав Свенссон. По-нашему почти ни бум-бум, кроме «Ленин», «перестройка» и «водка», ничего не знает.

— И не надо! — завопил мокрогубый реж. — Так оно

стремнее!

Рослый, голубоглазый, патлатый Вавила произвел на режа с первого же взгляда неизгладимое впечатление.

Затем от Вавилы потребовалось продемонстрировать гениальность. Подученный Аськой Вавила слегка ткнул режа под ложечку локтем и вымолвил:

— Мудо-дзон!

Реж пришел в неописуемый восторг. Аська сообщила, что гений только что испытал сатори. Мол, реж — дебил. Будда шведскому гению это сообщил. Реж — он все по старинке делает. Роль, сценарий, Станиславский… Все это — чушь! Улав сторонник системы Гордона Крэгга. В ней и взрос.

— А-а! — закричал реж. — Актер-марионетка!

— Точно! — ответствовала Аська. — А ты — тулово, понял? Где декорации? Декорации дай! Как он тебе без декораций проявится? Ты его поставь в декорации — он все сделает! Зрители обкончаются.

— И что? — потрясенно спросил Сигизмунд. — Что, этот мудозвон действительно Вавилу взял?

Аська закивала.

— Не засветимся? — озабоченно спросил Сигизмунд.

— Бог не выдаст, свинья не съест, Морж. Надо же парней как-то в свет вытаскивать. Ладно, Вавилыч, разливай.

Только успели пройти по первой, как появилась Вика. Вид имела расхристанный, глаза воспаленные. Безмолвно налила себе полстакана «Агдама» и заглотила, как извозчик.

— Э, Морж! — крикнула Аська. — Ты что тут с моей сестрицей сделал, урод?

— Она сама, — оправдался Сигизмунд.

Вика сидела неподвижно, водя глазами и ожидая, пока хмель начнет забирать. Все глядели на нее.

— Что уставились? — сердито спросила Вика. — Я работала. — И вдруг заговорила запальчиво: — Достало! Ни поговорить, ни поделиться!.. Информация — цены нет, а тут молчи!.. Я рассказ написала. Морж, ты мне распечатаешь?

— Ленточку только сменю — и распечатаю, — растерянно отозвался Сигизмунд. — А про что рассказ?

— Про это.

— Улет, — сказала Аська и налила всем еще портвейна. — Давайте за нового писателя! Ура, товарищи!

— Ура, — поддержал раб.

Вика сказала что-то Вамбе с Вавилой.

— Я им объяснила, о чем мы тут базарим. А то они по-русски не все еще понимают.

Судя по реакции вандалов, они не очень-то поверили викиному объяснению. Вамба потребовал, чтобы ему показали, как это Виктория работала. Где это она работала? Сигисмундс говорит, полей у него нет.

Глаза у Вамбы уже расползались — портвейн забирал свое.

— Йаа, — горячился Вамба, — да, да! Где-е работа?

Вика машинально переводила, когда Вамба перескакивал на родной язык: «Пахать — работа. Сеять — работа. Жать — работа. Работа — мучиться».

— У них одно и то же слово обозначает «работу» и «мучение», — пояснила Вика.

— То ли дело у нас, славян! — возрадовалась Аська. — Мы народ трудолюбивый. Это все историки пишут. Славяне любили труд. Только тех, кто любит труд, славянинами зовут.

— У нас тоже однокоренные, — сказал Сигизмунд. — «Страда» и «страдать».

— Ну ты, Морж, филолог! — восхитилась Аська. — Ну ладно, на сегодня мы свое отстрадали, так что давайте допьем портвейн да и пойдем себе. Виктория, ты остаешься?

— Нет, я с вами.

— Слушай, — сообразила вдруг Аська, — а жинка-то твоя где?

— Спит она, — ответил Сигизмунд. — Она теперь по шестнадцать часов в сутки дрыхнет.

РАССКАЗ ВИКИ.

Одни считают дьявола испанцем, другие — немцем. По этому признаку люди разделяются на романистов и германистов.

Поздней осенью 1941 года германистами были почти все.

А Мирра, хоть и называлась «германистом», в дьявола вовсе не верила и о нем почти не задумывалась. Она была коммунистом, атеистом и сознательным научным работником.

В Ленинграде свирепствовал голод. Брат Мирры ушел с ополчением и сгинул где-то под Старой Руссой; от него вестей так и не пришло, зато пришло письмо от сына соседки, с которым вместе уходили. Соседкин сын тоже больше не отзывался, так что решено было, что погибли оба. Только оплакали, как проклятые фрицы разбомбили дом, и соседку свою Мирра потеряла.

Перебралась в другое жилье, где все вымерли еще в середине осени. И тут неожиданно привалила удача — свела знакомство с одной чрезвычайно ушлой бабушкой. Та по давним партийным связям получила доступ на помойку Смольного, о которой в городе ходили легенды. Отбросы с той дивной помойки по дешевой цене продавала Мирре, так что та почти что и не голодала.

Что бы сказал дедушка, владелец часовой мастерской в Витебске, если бы увидел, как все нажитое уплывает в жадные лапки старушки-партийки? «Береги себя, Мирра», — вот что бы он сказал.

Кутаясь в необъятную, молью траченую, семейную шаль, сидела Мирра в Государственной Публичной Библиотеке, под черной, будто бы скорченной лампой. Сегодня дали свет и можно было заниматься делом, а не в бомбоубежище время попусту расходовать. Ее очень раздражали эти вынужденные отсидки среди оцепеневших от страха людей с безнадежными глазами. Хотелось совсем другого: в три рывка распахнуть три тяжеленные двери, одну за другой (как в боксе детской поликлинике, куда ее водил давным-давно покойный дедушка), в три прыжка подняться по плоским, как в Критском дворце, ступеням, приспособленным к степенной ходьбе, но никак не к бегу, схватить книги и погрузиться в работу. Ибо любила Мирра свою работу, как ничто иное, и потому могла быть счастлива в этом страшном, погибающем мире.

Редкая красавица была Мирра, с огромными черными глазами в махровых ресницах, которые росли, казалось, в три ряда, с гордыми бровями, с большим, трагически изогнутым ртом. Ежедневная близость смерти придавала ее прекрасному лицу почти неземную одухотворенность. И многие — и женщины, и мужчины, и особенно дети — провожали ее тоскующим взором, словно в надежде, что этот ангел, сошедший с небес, подаст им руку и заберет к себе на небеса, где нет ни Гитлера, ни голода, ни бомбежек.

В Публичной Библиотеке, несмотря на войну, было немало читателей. Из-за холода окон не открывали, и потому в библиотеке застоялся отвратительный запах бессильной человеческой плоти. К нему было привыкнуть еще труднее, чем к постоянному чувству голода.

Поэтому когда рядом с Миррой, тихонько извинившись, пристроился совсем уж вонючий старикашка, она недовольно дрогнула ноздрями и отодвинулась.

— Простите, — прошептал старикашка спустя некоторое время, — позвольте полюбопытствовать, чем так увлеченно может заниматься такая красивая девушка?

Мирра бросила короткий взгляд на своего соседа. Оказалось, что он был не так уж и стар. Волосы, которые она приняла было за седые, были просто очень светлыми, льняными. Старили его две резкие морщины вокруг прямого рта. На соседе был тулуп — видимо, эта одежда и источала козлиный запах. Яркие синие глаза уставились на Мирру с нескрываемым восхищением.

— Меня интересуют некоторые лингвистические проблемы, — нехотя сказала Мирра. Заставила себя быть вежливой.

— А, вы научный работник? — Человек в тулупе страшно оживился. — И как вы думаете, с научной точки зрения, почему этот город проклят во веки веков?

— Простите, — с достоинством сказала Мирра. — У меня мало времени. Завтра меня могут убить, а я еще ничего не успела написать толкового.

— А вы должны, да? — Острый нос мирриного собеседника едва не клюнул ее в щеку. — Должны? Задолжали всему человечеству?

— Не могу же я прожить свою жизнь напрасно, — ответила она. — Пожалуйста, отодвиньтесь. Вы меня совсем задушили.

— Ах, пардон. — Человек в тулупе торопливо отодвинулся. И, видя, что Мирра опять потянула к себе книгу, заговорил: — Вам ведь известно, что в первые века существования Петербурга, ходили юродивые и кричали: «Быть Петербургу пусту»?

Мирра как германист ничего подобного не знала. О чем и сообщила не без злорадства.

— Это не входит в круг моих научных интересов, — добавила она.

— А крысы? — возбужденно спросил человек в тулупе. — Об этом-то вы слышали? Крысы ушли из города прямо перед началом блокады. Знающие люди уже тогда говорили…

— Да, — нехотя согласилась Мирра. — О крысах моя соседка много беспокоилась.

— Так было и в Гамельне, — заявил странный человек.

О Гамельне Мирра знала, ибо легенда немецкая. Возразила:

— В Гамельне был еще этот крысолов с дудочкой, который сманил не только крыс, но и детей.

Сосед ее тихо засмеялся.

— Вот именно, вот именно, дорогая моя. Это ведь я был.

Сумасшедших в городе находилось уже немало, потому Мирра ничуть не удивилась.

— Вот и поздравляю с хорошей работой, — сухо проговорила она. — А сейчас позвольте мне заняться, наконец, делом, пока ОНИ опять не начали свои дурацкие бомбежки.

Незнакомец глядел на нее с плотоядным восхищением.

— Вашим полководцам было бы лучше сдать этот город, — сказал он. — Это было бы умнее. Я повидал на своем веку немало осад и знаю, чем они обычно заканчиваются. О, я помню Масаду…

Это было уж слишком. Дедушка Мирры тоже ПОМНИЛ

Масаду. Не найдется еврея, который бы не помнил.

Но незнакомец евреем не был. Он был похож…

Да! Он был похож на немца! На настоящего, «чистокровного арийца», каким его рисуют на карикатурах. Не хватало только уродской пилотки, надвинутой на уши.

Мирра покачала головой. Когда началась война с этим Гитлером, она немало выслушала упреков в свой адрес. Разве настоящий патриот может быть в такое время германистом? Едва сдерживая слезы, Мирра отвечала, что отдала Родине своего брата. И что есть немцы и есть фашисты и между ними — огромная разница. Это касается и идеологической войны, не только той, что на фронте. Мы же не с немецким языком воюем, а с человеконенавистнической идеологией фашизма!

Вот и этот сейчас начнет приставать. «Как вы можете в такие трагические дни…»

Но он опять заговорил неизбежном падении Ленинграда.

— Лучшее, что есть в этом городе, умирает. Поверьте, спасти его можно только одним способом: открыв ворота… Когда Аларих осадил Рим, Вечный Город погиб бы в кольце голода, если бы одна благочестивая женщина не впустила врага… Она хотела спасти горожан. И они спаслись, укрывшись от варварского меча в храмах.

— Гензерих, — машинально поправила Мирра.

— Что?

— Гензерих, — повторила она. — Алариха никто не впускал, он сам ворвался.

— А, так вы тоже там были? — живо спросил незнакомец.

— В какой-то мере.

Незнакомец испытующе сверлил ее своими синими глазками.

— Я хочу сказать, — поправилась она, — что я про это читала. Но я вовсе не считаю поступок той женщины правильным. Это был предательский поступок, если хотите.

Незнакомец пожал плечами.

— Ваши комиты и префекты обжираются у себя во дворце, пока вы пухнете от голода. Будет еще хуже. Зима предвидится очень суровая, а склады, как известно, разбомбили. Кстати, я знаю, что и тут без предательства не обошлось. Вас предали, Мирра. Ваши начальники предают вас каждый день, каждую минуту.

Мирра широко распахнула глаза. Быстро оглянулась по сторонам: не слышит ли кто. Потом к незнакомцу повернулась, так и пронзила его огненным взором огромных своих черных очей.

— Предатель! — выкликнула она и влепила ему звонкую

пощечину. — Как вы смеете!

Незнакомец захихикал и потер щеку.

— Вы чудо, Мирра.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— А? — Он пожал плечами. — Понятия не имею. А что, вас не Мирра зовут?

Она не ответила. Тяжело дыша, смотрела на него. Он почему-то не боялся. Может быть, это провокатор?

— Я дьявол, — сказал он в ответ на ее мысли. Теперь он был серьезен и даже печален.

И хотя Мирра не верила в дьявола, она мгновенно поняла, что человек в козлином тулупе говорит чистую правду.

Будучи медиевистом, Мирра хорошо знала верные средства от нечистой силы. Подняла свою толстую книгу, изданную в Гейдельбергском университете при Веймарской республике, и надвинула ее на дьявола. И поскольку ни одной молитвы по-русски никогда не знала, то заговорила на том, который исследовала, и выпалила «Отче наш» единым духом.

Дьявол обиженно морщился и ежился, елозя по вытертому черному коленкору библиотечного кресла. Видно было, что ему и неприятно, и больно, и уходить не хочется.

— Зачем вы так… — начал он. И перевел дыхание, утирая пот, когда она замолчала. — Уф… Давно я не слышал готской речи. Вы меня даже порадовали, только для чего такой текст выбрали?

— А других не сохранилось, — просто ответила Мирра.

— Как это?

— Да вот так.

Дьявол улыбнулся, показывая широко расставленные желтоватые зубы.

— Расскажите мне об этом, — попросил он. — Может, я вам помогу.

— Сомневаюсь.

— Мирра, — заговорил дьявол вполне серьезно, — вы верите, что я дьявол?

«Я, фамилия, имя, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина… Горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин… всегда выполнять законы пионеров Советского Союза…» — промелькнуло вдруг в голове у Мирры.

Но она верила.

— Да, — выдавила она. — Я верю, что вы дьявол.

Он с чувством пожал ее руку. У него была сухая, очень холодная ладонь. Почти как у любого в Ленинграде в эти дни.

— Я помню их всех, — сказал дьявол тихо.

— Товарищи, — не выдержал наконец пожилой профессор, сидевший у них за спиной, — вы мешаете. Если вам так нужно поговорить, выйдите, будьте настолько добры.

— Извините, — прошептала Мирра.

И они с дьяволом вышли в длинный коридор библиотеки.

— Я помню их всех, — повторил дьявол. — Только сделайте одолжение: не читайте больше эту… ужасную книгу.

Мирра кивнула.

— Почему вы выбрали именно готский язык? — спросил дьявол. — Мне всегда казалось, что сикамбры… то есть, франки, пошли куда дальше, чем ваши готы.

— Просто потому, что это единственный германский язык той поры, который сохранился до наших дней. Остальные исчезли.

— А этот?..

— Готы перевели на него биб…

Дьявол стремительно протянул руку, прижимая ладонь к губам Мирры. Она вздрогнула от брезгливого чувства, и он поспешно отнял руку.

— Вы обещали. Мне очень трудно держаться, когда вы произносите эти слова.

— Хорошо, я постараюсь следить за своей речью, — послушно сказала Мирра. Она трепетала от волнения.

— Кстати, почему вы говорите «готы» перевели этот текст? Был совершенно конкретный человек, который проделал всю эту каторжную работу. Кстати, попортил мне немало крови. Я пытался ему мешать, но он просто не замечал меня. Один раз только сказал: «Уйди, не до тебя». Лютер хоть чернильницей бросался…

— Я видела, — сказала Мирра. — То есть, я хочу сказать, я была в Вартбурге вместе с нашей пионерской дружиной, по братскому приглашению союза немецкой коммунистической молодежи. Там показывали какое-то грязное пятно и рассказывали эту легенду. Разумеется, Вартбург как памятник истории и архитектуры…

— Там сейчас неподалеку концлагерь, знаете? — перебил дьявол. — Ладно, не будем уклоняться от темы. Ваш драгоценный текст перевел некий Ульфила.

— Послушайте, — горячо сказала Мирра, — неужели вы хотите меня убедить, что один-единственный человек может выступать создателем литературного языка? Литературный язык, даже если его основы и были заложены деятельностью какого-то гения-одиночки, всегда есть результат деятельности масс… В конце концов, ваши заявления ненаучны.

— Ульфила перевел эту книгу, — повторил дьявол мрачно. — И никто не смог ему помешать. Даже смерть. Потому что он воспитал целую ораву учеников, таких же твердолобых и упрямых, как он сам. И они закончили его черное дело.

— А Skeireins кто написал? — алчно спросила Мирра.

— Это еще что?

— Комментарий к еван… — Она закашлялась. — Пояснения к тому тексту.

— Не знаю, — сказал дьявол, поглядев на нее со снисходительной благодарностью. — Но вы совершаете ошибку, недооценивая вклад Ульфилы. Он не был оригинальным мыслителем, что правда то правда. И образования хорошего не получил. Собственно, никакого не получил. Но лингвистическое чутье у мужика было отменное.

— Я читала об этом у Филосторгия в изложении патриар… э-э… Фотия, — сказала Мирра. — Но думаю, что Филосторгий преувеличивает заслуги Ульфилы. В конце концов, и Филосторгий, и Ульфила — последователи арианской ереси… Слово «ересь» можно произносить? — спросила она на всякий случай. Когда дьявол кивнул, продолжала: — Естественно, этому историку хотелось выпятить заслуги своего товарища по арианской партии. Марксистское же языкознание полагает…

— Я ничего не полагаю, — перебил дьявол. — Я ЗНАЮ, как оно было, вот и все. Вы можете спросить меня, о чем угодно. Вам интересен этот Ульфила?

— В определенной степени.

— Упрямый, черствый как сухарь, настойчивый и начисто лишенный чувства страха человек, — сказал дьявол. — Мне было бы легко с ним справиться, если бы он не предался с детства другому господину.

— Текст, который сохранился, принадлежит ему?

Дьявол кивнул.

— Но ведь Ульфила жил среди везеготов и писал в 4-м веке, а списки, которые до нас дошли, относятся к 6-му и сделаны были остроготами, — сказала Мирра.

— Вы не могли бы взглянуть и откомментировать те изменения, которые…

Лицо дьявола исказилось.

— Вряд ли я смогу взять в руки ваш фолиант, — сказал он с тихой угрозой. — Не говоря уж о том, чтобы прочесть его.

— Но как же быть? — Мирра почувствовала, как к горлу подступает комок. Получить такую возможность узнать — не выстроить доказательную гипотезу, а достоверно узнать из первых рук — ответы на множество научных вопросов, над

которыми бьются ученые, начиная с 16 века, когда впервые были открыты готские кодексы… и вот все рушится из-за пустого и глупого суеверия!

Дьявол почувствовал ее отчаяние. Произнес примирительно:

— Давайте сделаем так. Вы будете называть мне отдельные слова, а я комментировать. По крайней мере, кое-что прояснится.

Мирра улыбнулась.

— Вы знаете, — доверительно сказала она, — я совершенно ни с кем не могу поговорить по-готски. Во всем Ленинграде этот язык понимали всего три человека, но один погиб, а второй в эвакуации.

— Thudiska zunga, — задумчиво сказал дьявол. — Языческий язык. Deutsch. Достается вам, наверное, за то, что занимаетесь им в такое время.

Мирра кивнула. И тут же стала деловита.

— Прежде всего, меня интересует произношение гласных. Собственно, почему я вслед за большинством ученых (начиная с Вреде) предполагаю, что дошедший до нас вариант готского языка есть живой остроготский язык 6-го века, а не тот, давно отмерший ко временам создания рукописей, везеготский 4-го, на котором писал Ульфила?

Дьявол слушал с искренним интересом. Мирра зарделась, разрумянилась.

— Как известно, грамматики готского языка до Ульфилы не существовало. Эту грамматику создал Ульфила в 4 веке. Вопрос. Стал бы он писать слова не так, как они слышатся? То есть, я хочу сказать, на самом раннем этапе становления орфографии написание слов соответствует их произношению. И лишь впоследствии, когда произношение по тем или иным причинам изменяется, а орфография как более консервативная область, остается прежней, возникает различие между тем, что слышится, и тем, что пишется. Вы согласны?

— Совершенно.

— Итак, зачем бы Ульфиле усложнять задачу и с самого начала создавать различные орфографические исключения, плодить трудности правописания?

— Незачем, — согласился дьявол.

— Следовательно, орфография Ульфилы отражает произношение, которое господствовало среди везеготов в 4-м веке. Эта орфография механистически была перенесена на язык остроготов, которые произносили слова уже совершенно иначе. Анализ написания некоторых имен ясно доказывает это.

— Вы не могли бы написать мне хотя бы несколько слов, чтобы я мог лучше вас понять?

Мирра поспешно вырвала клочок из своей тетради. Нацарапала несколько слов, протянула дьяволу. Тот взял, посмотрел пристально, потом прочитал вслух.

— Да, — сказал он наконец. — Разумеется, остроготы произносили это иначе. Но и везеготы тоже.

Мирра раскрыла рот.

— Тогда я не понимаю…

— Я тоже. Хотя… Постойте! — Вдруг дьявол разразился счастливым хохотом. — Дошло! — закричал он. — Дошло! Мирра! Если бы вы только знали, какую радость мне доставили… — Поглядел на нее сбоку, по-птичьи. — Дьявол ведь обожает науки, теории, изыскания. «Теория, мой друг, суха, но зеленеет древо жизни» или как там в переводе Холодковского. — Он так лихо процитировал Гете, что Мирра невольно улыбнулась в ответ.

— Вы не будете кидаться в меня этой авторучкой? — опасливо спросил он. Мирра поглядела на перо в своей руке. Выскакивая из читального зала, она прихватила его с собой. Это было обыкновенное перо, испачканное в фиолетовых чернилах. — Если в глаз попадете, то будет неприятно.

— Что за дикая мысль… — начала Мирра и вспомнила Лютера.

— Да, да, я о нем, о Мартине, — сказал дьявол. — Я предложил ему несколько хороших идей, и он отблагодарил меня чернильницей по голове.

— Я всего лишь научный сотрудник, — сказала Мирра гордо.

— Вы знаете, моя дорогая, кем был Ульфила?

— Епископ… то есть, церковником.

— Для начала, он не был готом.

— Значит, это правда, что он принадлежал к эксплуатируемому большинству?

— Ну… если считать пленных, которые освоились среди своих победителей, эксплуатиру… тьфу, ну и лексика у вас, моя дорогая! В общем, он действительно был урожденный каппадокиец. Покидая младенчество свое и переходя в детский возраст, он учился говорить и тогда освоил именно греческий, а не готский. Готскому учился потом, уже вне родительского дома.

— И что с того?

— А то, что каппадокийский греческий, моя дорогая, — это было нечто ужасное. У настоящих греков судороги делались, когда они слышали каппадокийца. Эти белые сирийцы… вы знаете, что каппадокийцев называли белыми сирийцами?

— Знаю, — сказала Мирра. — Об этом есть у Брокгауза и Эфрона.

Дьявол поглядел на нее с нежностью.

— Умница. Так вот, каппадокийцы не различали долгие и краткие гласные. Лепили все подряд. — Он помолчал и с торжеством заключил: — Ульфила создал грамматику под свое собственное ужасное каппадокийское произношение. А вы тут голову ломаете.

Мирра взвизгнула и повисла у дьявола на шее.

Он отечески похлопал ее по спине.

— Ладно, будет вам. Можете включить мою гипотезу в вашу книгу.

Она затрясла головой.

— Вы что? Я же не могу присвоить себе чужое открытие. Вы должны пойти со мной… Вы должны написать… Вы…

Он отстранился.

— Мирра. Вы забыли одну маленькую деталь. Я — дьявол.

— Это чертовски осложняет дело, — согласилась Мирра.

Дьявол склонил голову набок.

— Вы так и будете довольствоваться этими жуткими текстами, Мирра? Хотите, я научу вас живой, настоящей лексике? Вы же не знаете по-готски ни одного ругательства. Просто потому, что в этой книге их нет.

— Есть одно, — машинально сказала Мирра, — но оно еврейское. Рака.

— Вот видите. Я научу вас ругаться по-готски. А как на этом языке будет кошка? Сорока? Крыса?

Дьявол говорил, Мирра торопливо записывала.

И тут противно взвыла сирена.

— Опять бомбежка, — сказала Мирра. Она была страшно раздосадована. — Может, не пойдем никуда?

— Ну вот еще, — заявил дьявол. — Я не ангел, чтобы оборонить вас от такой напасти.

— Разве дьявол не может спасти человека? Я читала…

— Может, — перебил дьявол. — Но для этого он должен заключить с человеком договор. Вы же не станете заключать со мной договор, Мирра?

Он посмотрел прямо ей в глаза. Пронзительным взглядом своих ярко-синих маленьких глаз. И Мирре стало очень холодно и одиноко.

Она плотнее закуталась в свой платок.

— Нет, — сказала она. — Вряд ли. Хотя вы мне очень помогли. Я благодарна вам. А вы… То есть, нам на лекции по истории средних веков говорили, что суеверные люди средневековья… что они верили, будто дьявол может совратить и заставить человека…

— Мне почти невозможно заставить вас, — грустно сказал дьявол. — В вас нет ничего, за что я мог бы уцепиться. Вы совершенно не дорожите собственной жизнью. И у вас нет близких.

— Мой брат?.. — спросила Мирра и вдруг поняла, что до этого мгновения смутно надеялась на то, что он все-таки жив.

— Убит под Старой Руссой, — подтвердил дьявол. — Вы совершенно неуязвимы. Боюсь, вы даже не честолюбивы. Вы просто любите свой готский, а других слабостей, вроде бы, у вас и нет.

— Ладно, идемте в это чертово убежище, — согласилась Мирра. — Раз уж никак не можем иначе помочь друг другу. Глупо умирать так рано.

Она выбежала из Публичной Библиотеки.

Мирра даже не заметила, когда дьявол исчез. Его просто вдруг не стало рядом.

Впрочем, ей не слишком хотелось с ним встречаться. От него для этого чересчур дурно пахло.

Сведениями же, полученными от него, воспользоваться так и не смогла, поскольку не имела возможности указать достоверный источник.

* * *

— Ни черта не поняла, — сказала Аська, дослушав рассказ. И пугнула кобеля:

— Филосторррргий!

Кобель с готовностью залаял.

* * *

Спектакль именовался «Побратимы». На афише пояснялось: «По мотивам novel'a Федора Достоевского». Мокрогубый реж находил это очень остроумным.

Декорации были, как водится, — две веревки, три доски. На премьеру явился весь актерский состав плюс немногочисленные зрители — друзья и знакомые актеров. Сигизмунд пришел под ручку со спесивой Лантхильдой. Аська приплясывала между Вамбой и скалксом. Раб откровенно забавлялся; Вамба же зачем-то напустил на себя свирепый вид.

Играли в каком-то подвале. Фойе с пирожными и газировкой, равно как и знаменитая «вешалка», с которой надлежит

начинаться театру, тотально отсутствовали. Театр не без оснований назывался «Бомбоубежище».

Подвал постепенно заполнялся людьми. Двое или трое случайно забрели с улицы и купили билеты по пять тысяч. Остальные, естественно, собирались насладиться искусством бесплатно.

Сидели на стульях. Безмолвствовали. Покашливали. Так требовал этикет.

Благолепие нарушалось лишь резкой вандальской речью. Вамба со скалксом, не чинясь, обсуждали что-то. Иногда Вамба обращался к Лантхильде, та охотно отвечала. Обнищавшая петербургская публика, еще не утратившая спеси, некогда приобретенной походами в Филармонию, косилась на невоспитанных иностранцев неодобрительно. В голове у Сигизмунда подстреленной голубицей билась одна-единственная мысль: ОХ, ЗАСВЕТИМСЯ!.. Он с трудом утешал себя соображениями о том, что шансы встретить здесь людей, способных опознать готско-вандальскую мову, равны нулю.

А, гори все синим пламенем. В крайнем случае в Анахроне отсидимся, вдруг мелькнула другая мысль.

Спектакль начался неожиданно, как нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. В колонках вдруг зашипело, а потом понесся мрачный речитатив:

Мне уже до звезды, кто здесь есть кто Кем я продан и кем вознесен Я проклят святошами, я обречен На жизнь Я тянул руки вверх, услышал: держись Вцепился зубами в трухлявый карниз Я поверил ему Падая вниз Я подумал: пиздец, но это был не конец Я возвращался с небес Я сам себе сын, брат и крестный отец.[note 6]

Музыка и речитатив Лантхильде не понравились. Она громко осведомилась:

— Хвас ист, Ассика?

— Это К.О.Т., — ответила Аська. — . Олди это. Молчи.

Лантхильда надулась. Она ничего не поняла.

«Господи! — мысленно воззвал Сигизмунд. — Сижу с вандалами в театре под названием „Бомбоубежище“, смотрю спектакль „Побратимы“ по Достоевскому под музыку какого-то „К.О.Та“. И это, товарищи, не сон. Это реальность. Как говорил покойный Федор Михалыч, „какие страшные вещи делает с людьми реализм“! В свое время эту фразу постоянно повторяла Наталья. Впрочем, Наталье такой „реализм“ и не снился. Ну ничего, с дядей Женей она не соскучится.»

Между канатов, свисающих с потолка, в круге света на сером заднике вдруг замерла черная изломанная фигура. Постояла. Потом начала двигаться, говорить. Спектакль пошел.

Как уяснил Сигизмунд — Достоевского он знал исключительно плохо, не любил — то была Настасья Филипповна. Она была исключительно развратна и по совместительству исключительно несчастна. А еще она была страшна как смертный грех: высокая и тощая, совершенно плоскогрудая, с огромным черным ртом и гигантским носом. По отзыву Аськи, «гениально танцует фламенко, все кончают, а она отвязная напрочь — то крылья себе пришьет, то вообще вторые руки, то пляшет обнаженная эстатические танцы, в поту купается… а потом ходит одетая в черное платье, ворот под горло, вся ледяная — не подойти».

Новая концепция режа заключалась в следующем: князь Мышкин и купец Рогожин побратались и сообща убили Настасью Филипповну, которая стояла между побратимами и мешала им на полную катушку осуществлять их побратимство.

Эта идея оказалась чрезвычайно близка Вавиле. Когда он уяснил ее себе, то весьма одобрил.

Настасья Филипповна с князем Мышкиным — немолодым актером, игравшим всю жизнь малозначительные роли в «традиционных» театрах, — вела все действие. В углу, как столб, стоял, скрестив руки на груди, Вавила. Время от времени комментировал:

— Мудо-дзон!

Или:

— Ду-ра!

Это вызывало бурное ликование Вамбы и скалкса.

Остальная публика деревянно молчала.

В заключительном эпизоде Вавила вдруг покинул свой угол. Подошел к Настасье Филипповне, блеснул большим жестяным ножом. Танцовщица фламенко изломанной тенью пала к его ногам и замерла.

Вавила строго посмотрел на зал. Перевел взгляд на жестяной нож. Сказал:

— Срэхва!

Отбросил нож за спину. Князь Мышкин сидел на полу, обхватив голову руками и покачиваясь. Блестя белками глаз, Вавила дико оглядел помещение. Сорвал со стены пожарный топор на красной рукоятке и с оглушительным ревом обрушил его на хлипкий журнальный столик, стоящий посередине «сцены».

Столик разлетелся. Зрители онемели. Вавила загнал топор в пол, разогнулся, провел руками по лицу, царапая щеки, запрокинул голову к потолку, завыл и вдруг пустился в какой-то дикий кружащийся пляс.

— Гениально! — прошептала Аська. — Ай да Вавилыч! Какой

психологизм!

Собственно, это было финалом спектакля. Вавиле много хлопали. Какая-то неопрятная системная девочка преподнесла ему ранний цветочек мать-и-мачехи, сорванный, должно быть, на пустыре где-то в новостройках.

По меркам «Бомбоубежища», успех у спектакля был оглушительный.

* * *

Несколько дней спустя торжествующая Аська заявилась к Сигизмунду и метнула перед ним на стол газетку «Глас Терпсихоры». Судя по полиграфическому исполнению, «Терпсихора» ковалась энтузиастами где-то в подвале, на самодельном гектографе.

Вот что поведала театральная муза:

«…Принципиально новое пластическое решение, соединяющее трагизм испанского фламенко и психологизм русского фолка, было продемонстрировано в спектакле «Побратимы» известного петербургского режиссера А.Я.Жлобцова… Подлинным открытием для петербургских ценителей театрального искусства стало участие в спектакле известного шведского актера, ученика Гордона Крэгга, Улава Свенссона, вплетшего в напряженную психологическую ткань спектакля мрачную патетику скандинавских саг… В эксклюзивном интервью нашему корреспонденту господин Свенссон сообщил о своем предполагаемом участии в новой работе А.Я.Жлобцова «Антигона», которым театр «Бомбоубежище» планирует открытие осеннего сезона.»

Глава пятнадцатая

«Кислотная живопись» на заборах к весне выцвела, но еще не облезла окончательно. Город обвально нищал. Впереди маячило беспросветное лето. Аська с Вавилой внезапно развили какую-то бурную деятельность, в суть которой Сигизмунд даже и не хотел вникать. Вика часами беседовала то с благостной растолстевшей Лантхильдой, то с хитроватым скалксом, что-то до ночи писала в блокноте, сидя на кухне и неумеренно потребляя кофе. Вамба смотрел телевизор и, поскольку Вавила в основном отирался у Аськи, приставал к Сигизмунду с диалогами: «Сигисмундс! Давай руска усит!»

Наталья больше не звонила. В этом тоже слышался зловещий отзвук.

Денег не было. Жить с каждым днем становилось все труднее. А тусовка развлекается себе и в ус не дует.

Наконец, в один прекрасный день, Сигизмунд взорвался. Наорал на Аську, на Вику, вообще на всю эту зажравшуюся, отупевшую, облепившуюся компанию. Мол, не намерен он больше терпеть на своей шее паразитов. Что они думают — нанялся он, С.Б.Морж, с бездельниками нянчиться? И чтоб катились отсюда Аська с Вавилой и лукавым рабом к едрене матери! И Викторию могут прихватить. С ее блокнотами, диктофоном, диалогами и дурацкими затеями.

Аська слушала, противу ожиданий, не возмущаясь. Сказала только сочувственно:

— Ладно, Моржик, мы пошли. Позвони, когда в норму придешь. А то я сама позвоню.

— И чтоб духу!.. — ярился им вслед Сигизмунд.

Лантхильда выплыла, пронаблюдала с некоторым злорадством.

Дверь захлопнулась. С лестницы донеслось разудалое хоровое пение:

— Ми парни бравии, бравии, бравии! И соб не глазили девсонки нас кудравии ми перет вилетом есе!!!

Грохнула парадная. Голоса, слабея, удалились по двору.

Лантхильда плавно повернулась к Сигизмунду и повела сладкие речи. Вот и хорошо, заворковала она, вот и славненько; годс, одним словом — вери-вери годс. Без бади-тивьос куда лучше. И хорошо, что ушли бади-тивьос. И преотлично. А уж она-то, Лантхильдочка, будет за Сигисмундсом ходить как за баарином. Уж она-то его всхолит-взлелеет. И то вдуматься. На хрена нам с тобой, свет-махта-харьюшка, какие-то вздорные бади-

тивьос? Одна морока… И жрут-обжирают. А нам надо для ребеночка…

Вот только сходит она, Лантхильдочка, вздремнет часок-другой — и к фидвор-фоньос, готовить обедик…

Сигизмунд напялил ватник и яростно отправился в гараж. Чинить кормилицу. Что-то в последние дни стук какой-то подозрительный в «копейке» слышится.

Возился долго, с остервенением. Вдруг почудилось что-то неладное в гараже. Обтер руки ветошью и вдруг замер: почудилось или на самом деле легонько понесло падалью? Попринюхивался. Нет, показалось. В гараже успокаивающе пахло бензином, маслом — всем тем, чем пахнет в гаражах. Дедова адская машина спала.

Минут через десять снова ощутил вонь. Тончайшая волна — пронеслась мимо носа и расточилась. М-да. А что будет, если начать мыть голову шампунем с глюкасилом? Аськин голос назойливо зазудел в ушах: «Глюкасил проникает глубоко-о… Глюкасил становится частью структуры воло-ос… И мозго-ов, Морж, тоже-е… Бо-ойся, Морж, глюкасила!»

Отмахнувшись от лишних мыслей, Сигизмунд закрыл гараж и пошел домой.

Жизнь в эти дни представлялась Сигизмунду большим ботовским болотом.

* * *

День Победы традиционно отмечали всей семьей. Пока жив был дед — устраивали грандиозные застолья, приглашали всех родственников. После смерти деда традиция еще держалась какое-то время. Лет десять приезжала тетя Аня с малолетним Генкой. Затем как-то ездить перестала. Отпал и Генка — балбес. Потом уже, когда Сигизмунд начал жить отдельно, все равно в этот день приезжал к родителям. По первости — с Натальей, а в последние годы — без нее. Вероятно, в следующем году придется ехать с Лантхильдой, коль скоро Сигизмунд на ней женился.

В голове нарисовалась дурацкая картинка: двадцать первый век, престарелые родители. Сигизмунд с обеими женами и двумя сыновьями навещает стариков на Девятое мая. Причем ближайшими родственниками сигизмундовых сынков является не сам Сигизмунд, а «скурины» Сигизмунда. У Натальи — виртуальный, а у Лантхильды — вполне реальный Вамба.

Интересно, войдет ли дядя Женя в клан Стрыйковских? Вот бы смеху было!.. Любопытно, как бы Аспид на такого родовича

посмотрел?

Мысли не случайно приняли такое направление. День с самого утра вошел в тональность «хэви»-абсурда. Нелегкая дернула Сигизмунда объяснять вандалам, что такое есть для советского человека День Победы.

Как ни странно, и Лантхильда, и Вамба поняли это с полуслова. Вамба страшно оживился. Рассказал о великой победе, которую одержал Лиутар, сын Эрзариха. Потом еще про Эрзариха рассказывать порывался, в словах обильно путаясь. Затем с жарким интересом спросил: а над кем победу-то одержали? С кем бились?

Насчет Аспида Вамба придерживался такой теории: Аспид — мало того, что верховный жрец злого и могущественного Анахрона, так еще и великий воин. Это встречало у Вамбы полное понимание и одобрение. Главным победителем злого вождя Гитлера Сигизмунд назвал маршала Жукова.

— Зуков — годс, — соглашался Вамба. — Гитлер — хво?

— Главный фашист.

Вамба призадумался. Потом решил уточнить:

— Фаскист — кто? Тьюда?

Деваться было некуда. Вамба бил в самую точку — спрашивал о племени.

— Немцы! — решился Сигизмунд. Будь что будет. Теперь придется объяснять, кто такие немцы.

И точно. Вопрос не замедлил.

— Немтсы — хво? — продолжал въедаться дотошный скурин.

— Немцы-то? — Сигизмунд возвел очи горе. А потом строго посмотрел на Вамбу — как ветеран на пионера во время «урока мужества». — Немцы-то? — повторил он со снисходительно-поучающей интонацией. — Я тебе скажу, товарищ дорогой, хво такие немтсы. Вандалы! Готы! Эти ваши… тормозные… гепиды, во!

А про себя подивился: вот ведь поднатаскался!

— Вандалы? — изумился Вамба. — Виндильос? — И глаза серые выкатил. — Виндильос нэй немтсы! Виндильос… — Он мучительно задумался, сжал кулаки.

— Виндильос, этта… Виндильос! Нэй немтсы!

— Да ты что! — завелся Сигизмунд. — Ты мне тут еще повкручивай! Вандалы — самые-то немцы и были! Они тут такой вандализм в сорок первом году развели! Где Янтарная комната? Молчишь, немчура? Не знаешь? То-то!

— Нет, Сигисмундс, годи. То асдингс! Йаа! Асдингс! Ми — силингс! Даа, ми — силингс! Асдингс — сами-сами немтсы, Вамба — знат! Антарна комната — асдингс списдил! Йаа, они —

йа…

Обнаруживая в сбивчивой и многословной речи уроки как Вики, так и Аськи, Вамба принялся объяснять Сигизмунду, что их вождь, Лиутар, с роски не воевал. И Эрзарих — не воевал. Геберих, может быть, воевал? Аттила Валамир должен это знать. Вамба не знает. Это было давно.

Кто спер «Антарна комната» — неведомо, но, возможно, это были асдинги. Похоже на них. А может, рекилинги то были? Такие волчары! Эрзарих воевал с рекилингами! Хорошо воевал!

Кстати, кто такие роски? Что-то не упомнит Вамба такого племени. Не было в окрестностях реки Быстротечной такого племени. И аттила Валамир наверняка такого племени не знает. Стало быть, далеко бург Сигисмундса от лиутарова бурга отстоит.

Благодаря Вике Сигизмунд кое-что теперь знал. С Викой в последнее время стало невозможно общаться. Любая попытка заговорить с нею выливалась в пространную лекцию об истории готского или вандальского племени. Иные темы Викторию не интересовали.

Поэтому Сигизмунд поневоле поднаторел в истории Великого переселения народов. В частности хотел — не хотел, а запомнил некоторые народы из тех, что переселялись.

— Роски — анты! — выдал Сигизмунд. — И склавины! И венеды — тоже, понял?

У Вамбы отвисла челюсть. Посидев с минуту в таком положении, пока информация укладывалась в неповоротливых вандальских мозгах, Вамба вдруг оглушительно заржал.

— Что ржешь? — недовольно спросил «скурина» Сигизмунд. — Анты — великий народ. Анты — годс тьюда, понял?

Вамба завалился спиной на диван и задрыгал в воздухе ногами от неумеренного веселья.

А потом вдруг посерьезнел и типично американским жестом наставил на Сигизмунда палец — из дурацких ого-фильмов нахватался, не иначе:

— Антс-тьюда — далеко. Вамба знат. Антс-тьюда — нэй велики! Люди-люди — много! Рикс — много-много! Сила — нет. Рикс — много.

Сигизмунд обиделся. Вамба заметил это, дружески хлопнул его по плечу. Мол, не кручинься! Кто же виноват, что угораздило антом родиться?

Но тут по счастью новая тема живо заинтересовала пытливый ум Вамбы. Кстати, нет ли сейчас какой войны? Не хило было бы прошвырнуться. И за добычей, и вообще… А то неудобно как-то на шее у Сигисмундса сидеть. Полей здесь нет, пахать нечего. Оно

и к лучшему. Не любит Вамба пахать. Да и кто любит?

А то, друг Сигисмундс, пойдем на войну вместе. Вдвое больше добычи возьмем. Вавила завидовать станет. А хочешь — и Вавилу возьмем? Конечно, Вавилу возьмем! Вавила — удачливый воин.

По правде сказать, Сигисмундс, скажу тебе как родич — мы уж и с Лантхильдой об этом говорили — закис ты, на одном месте сидючи. Давно пора тебе сходить на войну. Здесь ты все больше в малое умом входишь, а о великом не помышляешь. Так и боги от тебя отвернутся. Плохо это.

Ну так с кем роски сейчас воюют?

— С субъектами федерации, — мрачно ответил Сигизмунд.

* * *

Когда Сигизмунд уходил из дома, Вамба холил меч. Это было его любимое занятие. Лантхильда сидела рядом. Братец с сестрицей лениво перебрасывались словами. Даже не зная языка, легко было представить себе, как в их белобрысых головах мусолится какая-то нехитрая тема. Должно быть, прикидывают, как его, Сигизмунда, в поход спровадить. Чтоб Вавила с Ассикой от зависти померли.

— Я пошел! — сказал Сигизмунд. — Буду вечером.

— Сигисмундс! — окликнул его Вамба. — Липа достан!

Тот остановился, недоуменно посмотрел на скурина.

— Какая еще липа?

— Липа! — повторил Вамба. — Резат! Вавила — три ден резат! — Вамба показал на всякий случай три пальца. — Вавила резат. Скалкс — резат. Ассика — на лоток! Лоток — продат. Вавила — бабки на карман! Вавила — резат — ха! Вавила — руки зопа растут! Ха!

— Хорошо, — рассеянно сказал Сигизмунд, чтобы только отвязаться.

Выводя машину, Сигизмунд вдруг снова почуял тухловатый запах. Слабенький и недолго. Сигизмунд не поленился выйти из гаража на свежий воздух, постоять и снова зайти. Проверить — пахнет или нет. М-да, Сигизмунд Борисович. Пора к невропатологу. Галлюцинации. Таблеточки покушать успокоительные.

Уже в машине Сигизмунд перебирал в мыслях последний разговор с Вамбой. Стало быть, милейший шурин утверждает, будто жопорукий Вавила успешно режет что-то из липовой древесины. Так мало того, что сам режет, еще и скалкса припахал.

Эксплуататор и рабовладелец. А Аська эти липовые фени на лоток поставила, через что Вавила приподняться рассчитывает. На карманные расходы зарабатывает. Неплохо-неплохо.

А где они липовую древесину в промышленных масштабах-то добывают? Аська вроде говорила, во дворе у них липу повалили. Еще переживала по поводу озеленения. Мол, и без того зелени мало. А липа вовсе и не гнилая оказалась. Наверное, из нее и режут. Вторая жизнь старого дерева.

На Садовой, около Летнего сада, Сигизмунд взял пассажира. Старика. Сигизмунд удивился, увидев, как тот голосует. Старики обычно не голосуют, а этот уверенно поднял руку. Оказалось — по дороге. Посадил пассажира, зарядил ему тридцатку. Старик невозмутимо согласился.

Это был типичный петербургский старичок — из той вымирающей породы, что носит черные беретики и вкусно рассказывают презабавнейшие истории из былой жизни.

Старик оказался театральным художником. Считал своим долгом развлекать по дороге молодого человека. А развлекая — поучать. Однако поучал он ненавязчиво, развлекал же любопытно.

Сигизмунд выслушал историю о провалившейся премьере. Дело было в далекие шестидесятые. Шли полувялые гонения на христиан. Львам их, правда, не бросали, а вместо того отправляли в психушку.

— …И вот — представьте себе! — у меня дома прячутся двое беглых из психушки. А я тогда работал в Ленкоме. Мы ставили «Седьмое июля». Вы помните, что было седьмого июля?

Сигизмунд, разумеется, не помнил.

— Седьмого июля восемнадцатого года был мятеж левых эсеров. Работая над костюмами я, естественно, изучал документы, фотографии — осталось довольно много снимков. В тот день была страшная жара, вечером — гроза… Все щеголяли в футболках и майках. Ну, революционные матросы — в тельняшках. Но режиссер запретил и футболки, и тельняшки. На Марусю Спиридонову напялили кожаную тужурку, а на Железного Феликса — шинель до пят. Представляете? Театральное руководство из кожи вон лезло — хотело получить за этот опус Ленинскую премию. И вот — просмотр. Явилось все начальство, партийное и прот-чее. А перед самым началом к режиссеру подходит наш рабочий сцены, такой был у нас Михал Семеныч, и говорит: мол, раз такое дело — проставляйся. И тот — видимо, с перепугу — проставился до спектакля. Что стало, как выяснилось в финале, его роковой ошибкой.

А финал был задуман весьма торжественный. Когда все, кто

остался в живых, примирились и решили совместно строить, так сказать, светлое будущее, появляется Ленин. Ленин говорит речь, а за его спиной медленно восходит солнце. Оно было сделано из веревок-лучей и подсвечено снизу багровым светом. Это солнце помещалось у нас на штанкете номер тридцать один. А рядом, на штанкете номер тридцать, находилась другая декорация — большой черный крест из одной антирелигиозной пьесы. Тоже подсвеченный. И вот, когда Ильич завел свою торжественную речь, Михал Семеныч — а он уже принял — перепутал кнопки, и на глазах у всего партийного синедриона за спиной у Ильича опустился гигантский черный крест! И с подсветкой, представляете? Все онемели, кроме Ленина — он не видел. А кстати, обошлось. Премию, конечно, не дали. А я сижу и думаю: у меня дома двое беглых христиан прячутся, а я тут из-за какой-то глупости переживаю…

Сигизмунд с удовольствием посмеялся. Старичок заговорил об упадке театрального искусства. Чтобы поддержать беседу на должном уровне, Сигизмунд рассказал о премьере «Побратимов» в театре «Бомбоубежище». Старичок поморщился, как от зубной боли.

— Все это… ПУСТОЕ, — выговорил он выразительно. — Атмосфера — вот что ушло. И, боюсь, безвозвратно. Вы, Сигизмунд Борисович, еще застали, конечно, эти вечера в Филармонии? Вы помните те времена, когда люди ходили слушать музыку? Не нынешние богачи, не иностранцы — нет, простые ленинградцы? Они ведь не мыслили своей жизни без музыки, без театра, без Филармонии! Вы помните, каким событием была каждая премьера в БДТ? Вы ходили в оперу? Ходили, конечно. Вы тоже больше любили Малый Оперный? Я — да. Он уютнее Мариинского… — Старичок говорил красивым, звучным голосом, вкусно проговаривая каждое слово. — Взять бинокль, программку. Смотреть, как рассаживаются оркестранты, настраивают инструменты. Этот удивительный шум перед началом спектакля. Волнующийся занавес. Приходит дирижер. Взмахивает палочкой. Устанавливается тишина. И вот — музыка… Сперва медная группа, потом вступает группа деревянных духовых и, наконец, скрипка…

Этот разговор вызвал у Сигизмунда поток воспоминаний. Он вспоминал не столько события, сколько запахи, звуки тех далеких лет. Старичок давно вышел — ему нужно было до Кушелевки — а его голос неотвязно звучал у Сигизмунда в ушах. Аспид любил Мариинский театр. А в Мариинском театре любил «Дон Кихота». Смотрел раз десять, если не больше. И всегда в большом антракте брал шампанское. Когда-то об этом Сигизмунду рассказывала

мать. Потом это прочно забылось, а вот теперь всплыло. Странное дело! Сигизмунду вдруг начало казаться, будто и он ходил с Аспидом на «Дон Кихота». Будто они вдвоем с дедом в большом антракте пьют шампанское. Даже вспомнил, какое. Сладкое. В буфете было и сухое, но дед предпочитал сладкое.

Опрощаться Мариинка начала еще в советское время. В какой-то момент там появились женщины в брюках. И даже в джинсах. У матери это вызывало жгучее негодование.

А сейчас там от иностранцев не продохнуть. И все в «брульянтах». И билеты по сорок баксов.

* * *

Сигизмунд любил Девятое Мая. Даже не потому, что в этот день в городе всегда нагнеталась атмосфера праздника, пусть скорбного — в советское время, или натужно-помпезного — при новой власти, но праздника. И не из-за старых фильмов, которыми в эту неделю обычно полонился телеэкран. Хотя эти фильмы Сигизмунду нравились, особенно комедии.

Просто с Девятого Мая традиционно начиналась весна. Накануне мать всегда мыла окна, открывала рамы. А закрывала их, кстати, перед Седьмым Ноября. Так и жили от праздника до праздника. Как говорит Вика, циклически.

И неожиданно — будто плотину прорвало — хлынули какие-то очень давние воспоминания. Седьмое или восьмое мая шестьдесят-лохматого года, Сигизмунд с другими мальчишками носится по двору, мать моет окно, кричит сверху: «Гошка, на четвереньках не ползай! Опять угваздаешься!»

День такой сегодня, что ли? Сигизмунд ничуть не удивился, когда мать завела разговор о старых кинопленках.

Разговор этот всплывал регулярно. Пару лет назад Сигизмунд рассказал, что сейчас можно переводить восьмимиллиметровые кинофильмы на видео. Тогда только-только эта услуга появилась. Мать загорелась. Кинопроектор — советский дерибас «Русь» — сломался еще в приснопамятные времена. С тех пор пленки валялись невостребованно.

А видеоплейер у родителей был. Сигизмунд презентанул матери на день рождения — тогда же, пару лет назад. В те дни дела вдруг резко пошли в гору — естественно, ненадолго. Успел подарить видак и набор мелодрам. Родители видеоплейером почти не пользовались — побаивались хитрой «вражеской» техники.

И вот мать снова вытащила бобину.

— Давай ее сюда, — сказал Сигизмунд. — В ближайшие дни сделаю.

Ему вдруг показалось, что это очень важно.

* * *

В эту ночь Сигизмунду почти не спалось. Снились бессвязные сны. Становилось то холодно, то жарко. Мучительно боялся ворочаться, чтобы не толкнуть Лантхильду. В свое время Наталья вбила в него накрепко страх задеть будущего ребенка.

Наконец вязкая ткань сна порвалась, и Сигизмунд очнулся. В груди непривычно щемило. Одолевала тоска. Хотелось плакать навзрыд и биться головой о стену. Или кассету с янкиными записями послушать — да магнитофона нет. Разбит.

Встал, решил покурить и выпить чаю. На кухне горел свет.

Вамба.

— Ты что не спишь? — хрипло спросил Сигизмунд. — Слепан!

Вамба попытался объяснить, но запутался в словах и махнул рукой. Сигизмунд так понял, что и Вамбу нынче тоска гложет. Домой вандала тянет.

…ДОМОООООЙ!.. АААААА!..

Посидели. Выпили чаю. Сигизмунд выкурил сигаретку. Потом Вамба сильно сжал его руку чуть выше локтя и ушел спать.

* * *

Первое, что почувствовал Сигизмунд, открывая гараж, — вонь!

Шибануло так, что сомнений не осталось. Пахло уже не трупами, а какой-то откровенно химической гадостью. Ноги у Сигизмунда ослабели. Только этого не хватало! Может, не надо, а? Сколько их там еще? Четверо? Пятеро? Сам Лиутар, сын Эрзариха, с дружиною явился? Где, мол, Вамба, сын Валамира? Он мне недоимку в бюджет задолжал!

Взбодрив себя идиотским смешком, Сигизмунд вдруг решил: а ну их, вандалов, в пень! Посидят — сколько их там — в Анахроне, да и передохнут. Хватит с него натурализаций.

Целый день Сигизмунд проходил, как в угаре. Уже к четвертому часу дня его начала мучительно терзать совесть. Лиутар, сын Эрзариха? Да? А вдруг там ребенок? Как в том случае, у деда. Тогда перенесло девочку. Невинное дитя.

Перепугалась, бедная, наголодалась, настрадалась… А?!

Сигизмунд посмотрел на себя в зеркало и неожиданно плюнул своему отражению в глаз.

Напялил ватник. Взял в гараже железные ограждения — черт бы их побрал! — и обреченно потащился в Анахрон.

В этот раз идти было страшно. Сегодня не было никаких предположений — что да как. Сегодня была уверенность. В Анахроне кто-то есть. И, возможно, не первый день. Не чудилась тогда вонь. Ох, не чудилась! И спал плохо поэтому.

В Анахроне стояла гробовая тишина. Такая, что в ушах звенело. Где-то глубоко в зеве колодца еле слышалось мерное капанье воды.

Сигизмунд буквально заставил себя приблизиться к окуляру наблюдательного устройства. Неприятно. Стоишь спиной к пустому коридору, откуда может в любой момент появиться… кто-нибудь. Или что-нибудь. Но гораздо хуже было то, что за спиной оказывался также бездонный колодец. Веяло от него чем-то… этаким. Не к ночи будь помянуто!

— Ну, Стрыйковский, — проговорил Сигизмунд, старательно разрушая тишину. Тишина не разрушилась. Голос увязал в ней.

Сигизмунд еще раз бросил взгляд через плечо и прильнул к окуляру.

И тут же отпрянул, как от удара.

В камере был человек!

* * *

Человек сидел, повернувшись широкой спиной к наблюдательному устройству, сгорбившись и свесив голову. В слабом свете лампочки Сигизмунд видел его мощные, покатые плечи. Человек был устрашающе огромен. И грязен. Серо-пегие волосы разметались по спине. Он не подозревал о том, что за ним наблюдают. И не шевелился. Но он был жив. Сигизмунд безошибочно ощущал это.

Он был живой, сильный и страшно свирепый. Его глодала ярость.

Сигизмунд перевел дыхание. Вытер пот со лба. Что же теперь делать-то? С этим монстром не совладаешь. Пока разинешь рот, чтобы его уговорить — мол, дружба-фройндшафт, — разорвет. Голыми руками.

Взгляд Сигизмунда невольно устремился к стеллажу, где соблазнительно поблескивали никелированные цилиндры. Одни содержали седативные, другие — отравляющие вещества.

Зеленые и красные. Отравляющие, разумеется, красные.

Ну так что — ввинтить баллончик в гнездо, вон оно, нажать на кнопочку… а завтра, когда все как следует проветрится и будет произведена санация камеры (все-то мудрый Аспид с коллегами предусмотрел!) — багром и в колодец. И никаких тебе проблем.

Решение принимает он, Сигизмунд. Единолично. И спрашивать за это решение с него никто не будет. Некому.

Сигизмунд решительно подошел к стеллажу. Взял в руки запыленный баллончик. И нечего разводить интеллигентские нюни. Вамба, небось, своими руками человек пять — никак не меньше — зарубил. Да и на Вавиле, по здешнему законодательству, столько висит — на вышку потянет. А он, Сигизмунд, их честными людьми считает. За один стол с ними садится.

Сигизмунд ввинтил баллончик в гнездо. Все. Осталось нажать на кнопку. Еще раз заглянул в окуляр. Человек слегка пошевелился, потер затылок. Снова замер.

Ах, чтоб его!.. Сигизмунд живо представил себе нынешнюю ночь и завтрашнее утро. Тоненько взвыл от ужаса. И не то, чтобы трупов боялся… Завтра придет, откроет дверь. Можно респиратор одеть на всякий случай — вон висит. Можно даже костюм биологической защиты напялить.

Труп будет лежать на нарах. Всего и дел — зацепить его багром, дотащить до колодца и спихнуть. Но вот как раз этого Сигизмунд представить себе не мог.

Всхлипывая, он вывернул баллончик. Заставил себя вернуть его на стеллаж. Взялся за зеленый. И похолодел. А вдруг он что-то перепутал?

Да гори оно все синим пламенем!..

* * *

Вся тусовка, за исключением скалкса, была в сборе. Сигизмунд понял это, едва переступил порог. Из кухни доносился голос Аськи и сочный смех Вавилы. Вот ведь необидчивые!

Завидев Сигизмунда, Аська оживленно заговорила:

— Представляешь, Морж, я тут такую статью прочитала про смертную казнь через повешение! Оказывается, человек в петле живет двадцать секунд. А некоторые — больше. Ну, у хорошего палача — двадцать, а у фигового — до минуты, вот ужас-то. Я тут глаза закрыла и стала отсчитывать эти двадцать секунд, слушай, это очень долго, это просто кошмар, как долго. Я бы не

выдержала… Я потом полночи не спала. Меня Вавилыч утешал, утешал… Слушай, Морж, а что ты такой зеленый? Тухлых котлет обожрался?

Сигизмунд понял, что еще немного — и его стошнит. Встретился глазами с Вамбой. Вамба сразу перестал улыбаться. Во взгляде водянисто-серых глаз шурина мелькнула тревога.

— Хвас? — спросил он негромко.

Теперь и Вавила замолчал, построжал лицом.

— Вы чего, мужики? — недоумевала Аська. — Из-за смертной казни? Так ведь это я так. У нас в стране, между прочим, просто мочат, в смысле — расстреливают. А в Америке… Вика, переведи им про электрический стул!..

— Вика, — тихо сказал Сигизмунд, — переведи Вамбе…

Все замолчали.

— Что стряслось? — спросила Вика. — Да ты сядь. На тебе лица нет.

И встала, освобождая ему место.

Сигизмунд тяжело плюхнулся на табуретку.

— Еще один перенос, — сказал он обреченно. — Человек. БОЛЬШОЙ. Переведи им. Мне помощь нужна. Пускай одеваются и идут со мной. Меч пусть возьмут. Только пускай в газету завернут, что ли, а то ведь арестуют нас… средь бела дня… Да, и пусть пока ни о чем не спрашивают, ладно?

* * *

— Уроды, сволочи, гады, фашисты! Все, все мне испортили! Мудозвоны, суки, козлы вонючие, падлы! У человека один раз в жизни! Чтоб вас так! — надрывалась Аська, бежавшая сбоку от Сигизмунда. Сигизмунд в ватнике и оба вандала в куртках мрачно шествовали гуськом, волоча ржавые помятые ограждения. У Сигизмунда на плече лежал громадный разводной ключ. Аська семенила рядом, ругалась, орала и охотно разъясняла всем встречным-поперечным, что вот, эти мудозвоны газовщики свадьбу ей сорвать хотят. Газ перекрыли. Перепутали что-то. Пирог свадебный, конечно, уже погиб! Так прямо в духовке и погиб! Как в Освенциме, в газовой камере! Встречные слушать Аську не хотели, обходили процессию дугой. Только бабка какая-то осудила. Правда, осудила не по делу — аськины туалеты и прическа бабке не глянулись. Их и осудила. Аська попыталась вступить с бабкой в военный конфликт, но была нейтрализована Вавилой.

Вавила, играющий роль жениха-неудачника, солидно

повторял:

— Так бутем зенитса, Ассика?

У Виктории была роль класса «кушать подано». Она вышагивала с другой стороны, держа под мышкой завернутый в газету меч. Вид у Вики был отрешенно-мрачный. Время от времени Вика торжественно возглашала:

— Заткнись ты, Анастасия. И без тебя тошно.

Все это, по мнению Аськи, являлось конспирацией высшего уровня.

По соседству с заветным люком бродили совершенно ненужные тетки с жирными мопсами.

— Аська! Ликвидируй баб! — прошипел Сигизмунд.

Аська охотно перешла на почти-ультразвук. Скандал заполонил собою все пространство двора-колодца, и находиться рядом с люком сделалось невыносимо.

— Лезь, лезь, скотина пьяная! Ишь, налил зенки! Лезь, тебе говорю! Пирог погиб! Все погибло! Один раз в жизни бывает!.. Лезь, животное! Ты, отброс бесплатного абортария!

Сигизмунд молча забрался в люк. Следом втиснулись оба вандала. Аська вдруг замолчала, поспешно огляделась по сторонам и тоже юркнула в лаз. Сигизмунд вдруг почувствовал, как его обхватывают аськины цепкие лапки.

— Не стремайся, Моржик! Я с тобой, — быстро проговорила она.

В конце коридора горел свет. Было очень тихо. Потом вдруг по подземелью прошел отдаленный гул, наполнив тело противной вибрацией.

И стих.

— Что это было, Морж? — прошептала Аська. Ее шепот отозвался в тишине оглушительно.

— Хер его знает, — отозвался Морж. — Иногда здесь так бывает.

Из темноты донесся недовольный голос Вики:

— Кто-нибудь подаст мне руку, раздолбаи?

Сигизмунд поспешно помог ей спуститься вниз. Зашуршав газетой, Вика распаковала меч.

— Газету положи здесь. Пригодится на обратном пути, — сказал Сигизмунд.

— Без тебя знаю, — отрезала Вика.

Они стояли в тоннеле. Сигизмунд закрыл дверь.

— Отрезаны… — прошептала Аська.

— Только не устраивай здесь фильм ужасов, Анастасия, — проговорила Вика.

Сигизмунд вручил Вавиле разводной ключ.

Вандалы, получив в руки оружие, заметно приободрились. Чего нельзя было сказать о Сигизмунде.

Сигизмунд впритирку обошел Вавилу в узком тоннеле. Почему-то отметил, что от того несет кетчупом и луком. Жрал недавно, скотина жизнелюбивая.

Взяв на себя роль командира, Сигизмунд повел свой маленький горе-отряд на штурм Анахрона. Против целого одного потенциального врага.

Новая вибрация настигла их на подходах к предбаннику. Сигизмунд слышал, как сзади ойкнула Вика. И тут же забыл о ней.

Оказавшись перед лицом неведомой опасности, которую, возможно, предстояло отражать оружием, вандалы и двигались, и держались совершенно иначе, чем в обыденной жизни. Ступали бесшумно, как кошки. Неуловимым движением Вамба оказался около колодца. Сигизмунд хотел было предостеречь, чтобы не упал, держался осторожней, но Вамба уже наклонился над краем. Прислушался. Потом бросил что-то Вавиле.

— Он говорит… там кто-то есть… — послышался из-за спин несчастный голос Вики. — А кто там может быть, Морж?

— Да нет там никого… Там глубина — знаешь какая?

— А на фига тут колодец, Морж? — деловито спросила Аська. Переступила с ноги на ногу.

— Только ты хоть туда не суйся! Не вытащить будет… Туда вообще-то жертв неудачного переноса отправляют. Вот и багор для этого. И лебедка…

— А мы его тоже будем… туда? — спросила Аська.

— Заткнис, Ассика, — сказал Вавила. Он тоже прислушивался к безднам колодца.

Сигизмунд видел, что Вавила обменялся с Вамбой понимающим взглядом. Это Сигизмунду очень не понравилось.

— А там что? — Аська повернулась к стеллажам.

…И тут неожиданный приступ ужаса с невиданной доселе силой нахлынул на всех собравшихся. Буквально пригнул их к полу свинцовой тяжестью. Вика шумно задышала ртом. Видно было, что близка к истерике. Так. Остановить. Немедленно остановить истерику.

— Вавила, дай ей по морде! — рявкнул Сигизмунд, разрывая плотную ткань тишины. — Виктория, переведи ему!

Аська резко развернулась и влепила Вике пощечину.

— Тихо, тихо, — проговорила Аська, тут же погладив Вику по покрасневшей щеке. — Морж, это что?

Вика тихонько расплакалась.

— Ничего страшного. Обыкновенный приступ ужаса. Эффект

какой-то здешний. Меня предупреждали, чтобы я не боялся. Все, кто с Анахроном работал, к этому ужасу потом привыкали.

— Кто-то… смотрит… — выдохнула Вика. — В спину…

У нее стучали зубы.

Сигизмунд почувствовал, как по спине у него бегут мурашки.

— Там никого нет, Виктория. Это глюкасилы.

Вандалы озирались, щерясь и диковато поблескивая глазами. Вамба начертил перед собой охранительный знак. Сигизмунду вдруг показалось — расстроенные нервы, должно быть, — что знак на мгновение засветился в воздухе.

Ужас постепенно отступал.

— Все в порядке? — спросил Сигизмунд.

Аська молча кивнула. Она была бледна.

Сигизмунд прильнул к окуляру. Он чувствовал, что все остальные смотрят ему в затылок. Еще бы — здешний «хозяин». Нынешний жрец Анахрона.

Человек был в камере. Теперь он лежал на нарах лицом вниз. Сигизмунд ощутил панический страх. Вдруг он умер? А вдруг болен? Чумой, например? А вдруг сошел с ума? Сколько приступов ужаса ему пришлось пережить, пока он сидел в приемной камере? Не зная о том, что происходит, опасно ли это, кончится ли это когда-нибудь…

— Там он, — хрипло проговорил Сигизмунд, отрываясь от окуляра.

— Пусти-ка! — Аська оттолкнула Сигизмунда. — Точно. Есть там кто-то.

Уставившись на костюм бактериологической защиты, Сигизмунд покусал губу. Надеть? Не надеть? А остальные?

— В общем, действуем так. Виктория, сможешь перевести?

— Постараюсь, — постукивая зубами, отозвалась Вика. Выглядела она — гм — неважно.

— Женщинам в камеру не входить! Я вхожу первый, ребята с оружием пусть подстрахуют у входа. Если этот на меня нападет…

Вика, запинаясь, стала переводить. Вандалы выслушали с бесстрастными лицами.

Была не была! Сигизмунд взялся за рычаг отпирающего механизма. Герметическая дверь с чавканьем распечаталась.

Исключительно ловко оттеснив Сигизмунда в образовавшееся отверстие просочились вандалы и замерли по обе стороны от входа, держа оружие на замахе. Они не произнесли ни слова, не бросили ни одного лишнего взгляда. Сигизмунд явственно понимал, что если сейчас облажается, то вандалы будут презирать его до конца дней.

Стараясь унять внутреннюю дрожь, Сигизмунд заставил себя

войти. Приблизился к нарам.

…Если этот сейчас схватит его за горло и начнет душить… Человек живет в петле двадцать секунд. За двадцать секунд вандалы что-нибудь да успеют. Эта дурацкая мысль почему-то здорово приободрила Сигизмунда…

Наклонился. Взял человека за плечо и рывком перевернул его на спину.

Старик. Без сознания.

— Аттила! — взревел Вамба нечеловеческим голосом. Отшвырнув Сигизмунда, метнулся к неподвижному старцу.

Вид у старика был самый что ни на есть вандальский. Широкое лицо пересекали два шрама: один задевал лоб, правую бровь и правую щеку, второй кривил губу. Судя по обилию морщин и цвету лица, дед за свою долгую жизнь успел предаться множеству пороков, из коих пьянство было наипервейшим.

Спутанные лохматые волосы пятнала неопрятная желтоватая седина.

Старец тяжело дышал, широко раздувая крылья носа. Вамба хлопотал над аттилой, бубня и причитая. Вавила топтался рядом.

— Валамир! — пояснил он Сигизмунду, встретившись с ним взглядом.

В приемник Анахрона всунула голову Аська. Быстро, воровато огляделась.

— Ядрен батон! Гадость какая! Настоящий зиндан!

И скрылась.

Сигизмунд вышел из камеры. Обтер лицо ладонью. И вздрогнул.

Вика стояла, прижавшись спиной к стеллажу и наставив на Сигизмунда багор.

— Уймись! — грубо сказал он ей.

Вырвал багор у Вики из рук, швырнул в угол, дернул Викторию за плечо.

— Иди лучше туда, помоги. Там человеку плохо.

Вика помотала головой. На лбу у нее выступили бисеринки пота.

Из камеры Вамба с Вавилой выволокли бесчувственного аттилу. Тот свешивался, как пьяный, мотал лохматой головой.

Снова прошла вибрация. На стеллаже зазвенели цилиндры.

— Уходим! — выдохнул Сигизмунд. Он задраил дверь приемной камеры, деловито выключил свет. На Анахрон пала кромешная тьма.

— Ой! — послышался викин голос. — Что это было?

— Свет я выключил, дура! Аська, фонарик у тебя! Зажги!

— Ой, а я его, кажется, обронила… А нет, вот он.

В темноте запрыгало желтое пятно.

Компания медленно двинулась по тоннелю. Сигизмунд шел последним. Отойдя метра на два от входа в предбанник, обернулся. По всему предбаннику бегали голубоватые огоньки. А над колодцем сгустилось черное марево. Огоньки туда не забегали, будто обтекали это место.

Сигизмунд нашел в темноте потную руку Вики и сжал ее.

— Все в порядке, — прошептал он. — Сейчас выйдем.

* * *

После пережитого стресса Аська оказалась единственной, кто вспомнил о том, что меч неплохо бы завернуть в газету. Сверток Анастасия всучила Вике.

— Давай, лезь. Только осмотрись сперва. Зря не светись.

Вика, оскальзываясь на лестнице, выбралась первой. Следом — Аська. Сверху понеслось:

— Ой! Солнышко, птички! Цыпа-цыпа!.. Хорошо-то как! — И почти без паузы: — Свадьбу мне изгадили, паразиты, бомжара пьяная! Гайку отвернула! Газ перекрыла! Пирог сгиб в духовке!

Вамба полез следующим. Сигизмунд с Вавилой поддерживали аттилу снизу, Вамба тащил батюшку за подмышки. Вообще старый Валамир был тяжел, как славянский шкаф. Все время норовил грузно осесть на голову Сигизмунду.

Наконец «бомжару пьяную» выгрузили, положили на асфальте. Вавила и Сигизмунд выбрались на свет Божий и закрыли крышку люка. Сигизмунд понял, для кого предназначался аськин концерт. Во дворе возле «ауди» цвета «металлик» стояла, презрительно кривя губы и посматривая на окна третьего этажа, холеная барынька. Ждала, видать, кого-то.

— Что делать будем? — обратился к «коллегам» Сигизмунд, не забывая через слово материться. Его очень устраивало, что барынька вынуждена при сем присутствовать.

— В ментовку его, гада! — театрально вскричала Аська. — Пусть нары жопой давит! Сука! Свадьбу мне сгубил!

От барыньки исходили волны острой неприязни ко всей честной компании. Она из последних сил не замечала скандала.

Вамба был очень встревожен. Он сказал что-то, Вавила кивнул.

Вика перевела:

— Говорит, что быстрее надо его домой нести.

Вдвоем они подхватили аттилу за плечи и, как пьяного, поволокли прочь со двора. Забрав ограждения и ломик,

Сигизмунд пошел следом. Аська, утухая, ворчала. Вика молча шагала рядом. Завернутый в газету меч она несла под мышкой.

* * *

Сигизмунд молил всех известных ему богов, включая Бога Единого, чтобы по дороге не встретить никого из соседей. Боги услышали. Аттилу беспрепятственно дотащили до квартиры.

Лантхильда увидела батюшку. Остолбенела. Вытаращилась. Ужаснулась. Распереживалась, раскудахталась. На Сигизмунда с тревогой и верой уставилась козьим взором.

Аттилу сгрузили на тахту в «светелку». Комната наполнилась булькающим звуком трудного дыхания старика.

Вика неожиданно обрела прежнюю строгость и деловитость. Потребовала нашатырь.

— В аптечке там возьми, — махнул рукой Сигизмунд. Усталость накатила вдруг такая, что ноги подгибались. — Аська, свари мне кофе!

— У тебя жена есть.

— Ладно, хорош говниться. Свари. Сил нет.

Аська довольно бойко заговорила с кем-то по-вандальски. Ишь, натаскалась. Вандальский язык с его взвизгивающими интонациями был просто создан для аськиного голоса.

Вика поднесла к носу аттилы нашатырь на ватке. Аттила широко раскрыл очень светлые серые глаза. Взгляд, поначалу бессмысленный, вдруг налился бешенством. Дергая бородой, аттила что-то произнес хриплым голосом. Чуть повернул голову, заметил Вамбу — и вдруг заехал тому в нос. Из носа у Вамбы тотчас обильно потекла кровь.

— Ни хрена себе, — пробормотала Аська. — Это что, твой тесть, Морж?

Сигизмунд не ответил.

— Он спрашивает, где Сегерих, — бесстрастно перевела Вика.

Внутри у Сигизмунда что-то оборвалось.

— Скажи, нет здесь никакого Сегериха.

Однако старец, казалось, утратил интерес к происходящему. Опять закрыл глаза и тяжело задышал.

— Я за валидолом, — проговорила Вика.

В комнату прошлепала Лантхильда с чашкой кофе. Протянула кофе Сигизмунду. Тот непонимающе посмотрел на чашку, а потом машинально выпил. Усталость внутри все ширилась.

— Аська, — сказал Сигизмунд, — дай ключи от твоей

квартиры. Через пару часов вернусь. — Помолчав, добавил брезгливо: — Если помирать начнет, вызывайте «скорую». Отправляйте как бомжа. Я больше не могу.

* * *

Томительно долго ехал на автобусе — добирался до аськиного дома. Войти в гараж, чтобы вывести машину, уже боялся. Казалось, неведомый Сегерих, подстерегает за каждым углом.

Зарасти все дерьмом! Пусть хоть треснет Анахрон от сегерихов! Хватит. Надоело.

Сигизмунд, отвернувшись, мрачно смотрел в окно. Над городом сгущался синий весенний вечер. Болела голова. Странно болела — медленно пульсировало в висках. В горле застряла беспричинная тоска. Будущего не было. Не просматривалось. И вообще все было очень плохо.

Неожиданно весь автобус заполнил крикливый каркающий голос. Сигизмунд оторвался от окна, посмотреть — кто орет. Оказалось — сумасшедший старикашка. Что-то много их, безумных стариков, развелось в городе за последнее время. Но этот выделялся даже на общем фоне. Грязный и страшно худой старик облепил все лицо синей изолентой. Кусок на щеке, кусок на лбу, кусок на переносице. На щетинистом подбородке. Два куска накрест — на щеке. Полная клиника.

Вскарабкавшись в салон, старикашка тут же принялся надрываться. Вещал. Оповестил окружающих, что все плохо. Так плохо, что хуже некуда. Вот у него геморрой обострился. Во такая шишка. Во такая! Врачиха говорит — правосторонний.

— А? — требовательно кричал старец, вперяясь взглядом в сидящих с каменными лицами теток. — Правосторонний, говорит! А? Правосторонний! Правосторонний, я вам говорю! — повысил он голос. — Ты морду-то не вороти, дура! Правосторонний!

— Мужчины! Уймите его! — воззвала тетка.

Пассажиры остались безучастны.

— Пенсии нет! — надрывался сиплым клекочущим голосом заклеенный изолентой старик. — А? Нет пенсии! Всю войну! На Ленинградском фронте! Всю войну! Под Сталинградом! Под Бер-р-лином! — взвыл он. — За антихриста кровь пррроливал! Сталина на вас нет! Врачиха говорит: правосторрронний! Врраги нарррода! Свечу — кто сделал? Вредители! Враги народа! Нарочно, нарочно! Правосторонний! — Старик призадумался, а

после продолжил более связно. — Беру свечу! А ее вредители сделали! Слуги антихриста ее сделали! Враги народа! Пятно на голове — а? Неспроста пятно на голове! Это отметина! И кукурузу сеять он приказал! Да! Ты морду-то не вороти! Нажрала морду-то!

Сигизмунд старательно давил в себе острейшее желание скрутить мерзопакостного старикашку за грудки и вышвырнуть его из автобуса. Чтоб грянулся об асфальт и издох к чертям собачьим.

С другой стороны, человек этот безумен. А его даже в психушку не берут. На какие шиши его в дурке кормить-то? Кому он сдался? Все тихо ждут, пока сам подохнет. Или пока какой-нибудь Сигизмунд его вот так — из автобуса… Ну их на хрен. Не дождутся. Пусть орет.

— Беру я ее, а она не во рту тает, а в руке! — кричал старикашка. — Не во рту, а в руке! — И захохотал визгливо. Потом осерчал: — Я ее сую, сую… — Он выразительно показал, как сует. Народ старательно смотрел в другую сторону. — А она упирается. Шишка не пускает. Не лезет свеча! Скользкая, сволочь, как Керенский! И синяя… как пятирублевка. По пальцам, сволочь, размазывается. Разма-азывается, разма-азывается… Гадина! Ты морду-то не вороти, дура! Вот пальцы! — Старик растопырил грязные пальцы с желтыми обкуренными ногтями. Сунул их под нос несчастной тетке и хрипло взревел: — Во-от! Во-от! Синим вымазаны! Видала? Я сейчас к врачихе этой еду.

Автобус остановился. Сигизмунд молча вышел и две последние остановки до аськиного дома прошел пешком.

Шел, выстраивая в голове концепцию. Видимо, банальную. Но сейчас она казалась Сигизмунду необыкновенно важной и глубокой.

Почему, интересно, в нас с детства вбивают какую-то чудовищную жизненную схему, по которой мы должны:

а) родиться и обучиться «жизни»;

б) породить себе подобных и обучить их «жизни»;

в) сделаться старыми, никому не нужными, и подохнуть среди клистирных трубок и общего раздражения?

Ведь существует второй путь. Точно существует. Путь, при котором старость не становится тягостью.

Пример: ленинградский старичок в черном беретике — театральный художник.

Да и другие есть. Есть, есть же примеры достойной старости! Почему люди подходят к этому возрасту такими разными путями? И каким путем нужно подходить к ней, чтобы не превратиться в такого вот жалкого старикашку с изолентой на

морде? А ведь, возможно, с тем ленинградским художником этот, в изоленте, в одном батальоне в землю зарывался. Очень даже возможно.

Видимо, правы мудрецы, когда говорят, что нужно больше думать о смерти. Постоянно о ней думать. Не в том смысле, что панически ее бояться, просыпаться по ночам в холодном поту, вздрагивать под одеялом. Нет — просто всегда знать, что когда-нибудь мы умрем. И брать смерть в советчики.

И тогда человек к старости не мутнеет, а как-то высветляется. Делается все чище и тоньше… и когда он наконец умирает, то кажется, будто он не умер. Просто стал светом.

Это все глюкасил, подумал под конец Сигизмунд. Глюкасил и переутомление.

И все же дома у него лежит еще один старик. Любопытно, к какому из двух типов он относится. И что теперь делать прикажете?

* * *

Сигизмунд вошел в аськину комнату и замер. Помещение загромождали гигантские спилы липы. Кто-то проделал титаническую работу, перетащив в комнату почти все поваленное дерево. Между огромными кусками ствола вилась от двери к окну узкая тропинка. Пол усыпан стружкой и мелкой щепой. На столе у окна кучей навалены деревянные фигурки.

Сигизмунд разворошил их, стал рассматривать. Свирепые божки, фантастические звери и птицы с растопыренными крыльями, схематические лица в завитках бороды, бесконечные орлы. Все это сплеталось в неразделимой схватке, грызлось между собой насмерть, страдало, умирало, терзалось дикой яростью, изнемогало от нечеловеческих мук. В комнате стоял острый запах мокрой древесины.

В углу комнаты высился столб — этого тоже раньше не было. Со столба, вырезанные друг над другом, таращились три мрачные хари. Что характерно — столб не был липовым. Спилили, должно быть, еще что-то. Хари были жирно раскрашены театральным гримом. На бороде у одной из них налипла сгущенка. К сгущенке приклеилась шальная весенняя муха.

На кухне среди гор немытой посуды обнаружился еще один идол. Этот был пониже, широкий, кряжистый. По антигуманности рожи мог дать фору всем трем из комнаты. Кроме зверской физиономии идол обладал громадным, размером едва ли не в полный рост самого идола, раскрашенным спиралями фаллосом.

На фаллос кто-то легкомысленно повесил клетчатую кепку.

Сигизмунд кое-как пробрался между бревен. Упал на кровать за шкафом. И стал смотреть в потолок.

Да, по всему видать, бизнес здесь поставлен на широкую ногу. Чувствуется влияние Вавилы.

Мысль опять вернулась к вандальскому деду, что валялся сейчас у Сигизмунда дома. А ну как обклеет морду изолентой да пойдет чудить? А следующий кто? Сегерих? Или одноглазый десятник?

Одно Сигизмунд сказал себе твердо: если в приемной камере нарисуется Лиутар с дружиной, придется вкручивать красный цилиндр. И жать, жать, жать, жать на кнопку!!!

В замке входной двери заскрипел ключ. Сигизмунд дернул ртом. Кого там еще несет? Аська, что ли, соскучилась?

Нелегкая принесла раба Дидиса.

— Э, кто-о здес? — хозяйски крикнул он.

— Я, — отозвался Сигизмунд. А мог бы и не отзываться.

— Сигисмундс! — обрадовался скалкс, входя в комнату.

На скалксе были джинсы, гигантский свитер до колен с дурацким оранжевым значком «Я крутой». За спиной у него болтался несоразмерно крошечный грязноватый рюкзачок. Длинные патлы, перехваченные ремешком, придавали Дидису вид заправского хипаря. По всему было заметно, что раб вполне освоился в сегодняшнем мире. Гармонию слегка подпортила манера заплетать лохматую бороду в косу.

— Что это тут у вас за пилорама? — спросил Сигизмунд, показывая на древесину.

Раб бойко ответил:

— Режем.

— И Вавила режет?

— Йаа!

— А ты?

Скалкс, естественно, тоже был припахан к производственному процессу.

— А как эти махины-то сюда приволокли? — полюбопытствовал Сигизмунд.

Раб пожал плечами.

— Я — таскал. Вавила — таскал. Нощщь! — И добавил наставительно: — Краст надо нощщь!

— Что, и Аська таскала?

— Нии. Ассика — мешат. Ассика — шухер. Викаа — стремат себя.

Сигизмунд невольно представил себе титанические фигуры Вавилы и его раба, движущиеся в ночном мраке с гигантскими

древесными спилами на спине. Это какой же первобытной мощью надо обладать!

Сигизмунд махнул рукой в сторону изделий, наваленных на столе.

— А это кто резал?

Дидис поглядел на фигурки, на Сигизмунда, лежащего на кровати. Сгреб фигурки в подол необъятного свитера, поднес их к кровати и вывалил на Сигизмунда. Затем стал показывать. Мол, вот эту — он, Дидис, резал. И вон ту. И эту тоже.

— А Вавила-то что резал? — лениво спросил Сигизмунд.

Мнение Вамбы о жопорукости Вавилы отчасти подтвердилось. Вавила производил одинаковых, как с конвейера, тупорылых ублюдков, застывших в невыносимой свирепости. Все остальное великое разнообразие фигурок было делом рук скалкса. Включая и больших стационарных идолов.

По поводу идолов Дидис охотно пояснил, что вон те три рожи в комнате — это, так сказать, боги хозяина, Вавилы то есть: Доннар, Вотан и Бальдр. А в кухне — в кухне… (тут голос скалкса прозвучал благоговейно) — там Замолксис. Настоящий бог, фракийский.

— Ну, и как торговля?

Дидис принялся объяснять, что он на лоток стоят и продават за бумагу. Бумага — хороший. На бумага — покупат. Жратва, шмотка. Ассика делат долги — Дидис покрыват. Так Вавила сказат. Вавила сказат — Дидис делат.

Из дальнейшего повествования Дидиса явствовало, что вавилины ублюдки уходили худо. Вавила, терзаемый высокомерием — господин все-таки! — цены на свои изделия зарядил ядерные. А Дидис — он скромненько.

До Дидиса на этом лотке торчок один стоял. Плохо торговат. Уплыват товар. Торчок путат, вмазан есть. Дидис хорошо торговат, Дидис не путат, Дидис не вмазан.

Торговую деятельность Дидис быстро поделил на «лоток» и «левак». За «лоток» процент имел, конечно, смешной, зато «левак» с лихвой покрывал все.

— Хозяин орат — Вавила приходит. Хозяин молчат, — добавил Дидис.

Затем к великому изумлению Сигизмунда Дидис залез в карман джинсов, вытащил пачку смятых денег и принялся их считать. Выучился, сволочь. Пересчитав выручку, раб ухмыльнулся и вдруг что-то вспомнил.

— Да! Сигисмундс! Вавила сказат — надо менат!

— Что менат?

— Другая денга — менат!

«Другая денга» хранилась в тумбочке. Там лежало двадцать долларов США и семь фунтов стерлингов.

— А это еще откуда?

Оказалось, что баксы набежали по мелочи, а фунты выручили в самый первый день. Стационарных «тройных» идолов-то было вырезано два. Один из них Вавила незатейливо прихватил с собой, взвалил на плечо и поволок на «точку». Там идолище поганое со свистом ушло к зажравшимся буржуям. Трое красномордых англичан приобрели произведение искусства за сущий бесценок. Буквально с руками оторвали. Унесли, ликуя.

— Господи, как они его через таможню-то попрут? — пробормотал Сигизмунд.

Сигизмунд забрал валюту, обещав обменять ее в банке.

Тем временем Дидис продолжал развивать производственную тему. Кроме липы, технология требовала другой «тервы» — более темной и более твердой. Такую терву умельцы тоже отыскали. Ободрали перила на соседней лестнице. Там терва была очень подходящая.

Вот он, вандализм. Начинается!..

Сигизмунд порылся в деревянных фигурках. Выбрал одну — две положенные набок мужские головы, сцепленные вьющимися бородами — и повесил себе на шею. Дидис смотрел ревниво и жадно, однако возражать не посмел.

Ну все, пора уходить. Сигизмунд вдруг понял, что выносить присутствие раба-коммерсанта он больше не в состоянии. Это уже перебор. Лучше уж тесть-вандал, подыхающий у него на квартире.

— Кстати, — злорадно сказал Дидису Сигизмунд, уже одеваясь. — Валамир нашелся.

— Валамир тут есть? — изумился скалкс.

— Йаа.

Судя по выражению лица скалкса, ничего хорошего Сигизмунда не ожидало.

Глава шестнадцатая

Мрачные прогнозы скалкса полностью оправдались. Папаша Валамир очухался и теперь давал прикурить.

В доме густо воняло корвалолом. Едва Сигизмунд вошел, как Виктория, озабоченно хмуря бровки, поведала, что аттилу пытались кормить молоком с сахаром и что аттила блеванул на тахту. А теперь вот желудком мается. Судя по тому, как стонет, — рези страшные.

И действительно из «светелки» доносились душераздирающие стоны. Сигизмунд заглянул. Увидел спину Вавилы. Равнодушно скользнул взглядом, закрыл дверь.

— Делайте что хотите, — сказал он устало и ушел на кухню.

Кобель был заперт там. Лежал, положив морду между лап и поглядывая печальными коричневыми глазами. Сигизмунд ощутил внезапное родство с псом — таким же никому не нужным аборигеном этой квартиры, как и он сам.

Вот, значит, как происходили варварские вторжения. Римляне начинали ощущать себя чужими на собственной родине. И, поскольку бежать им было некуда, вымирали.

Из «светелки» страшно взревел аттила. Сигизмунд пинком ноги захлопнул дверь кухни.

Мгновение спустя дверь приоткрылась. Сигизмунд сдавленно зарычал.

— Да я это, Морж, я, — поспешно сказала Аська, втискиваясь на кухню. — Покурить пришла.

Сигизмунд обреченно обмяк на табуретке. Прикрыл глаза. Решил подождать, пока Аська уйдет.

Аська закурила. Поглядела на Сигизмунда пристально. Потом сочувственно произнесла:

— Да, Морж. И как ты все это выдерживал, бедненький?

— Что выдерживал? — вяло спросил Сигизмунд. — Тебя, что ли?

— Да нет. При чем тут я? Ты же туда один ходил, под землю. Совсем один-одинешенек! Мы вон, целой кодлой пошли, мужики с оружием, — и то едва в штаны не наложили. Я думала — все, умру. Страшно же!

— Да нет, ты хорошо держалась. Да и Вика — нормально. Там и не такое случается. Люди с ума сходили… Зеки на испытаниях. — Видя, что Аська глядит на него с возрастающим восхищением, Сигизмунд поневоле заговорил с небрежно-отрешенной интонацией много пережившего героя. — Один офицер — старый большевик, между прочим, политкаторжанин,

человек еще царской закалки, — после Анахрона застрелился. Выбрался на свет — и ба-бах себе в висок из табельного оружия!..

— Да ты что! — ужасалась Аська. — А ты один… и без всякой закалки, даже не политкаторжанин…

— В колодец так и подмывало броситься, — продолжал Сигизмунд. — Несколько раз лица видел. В темноте всплывали. Манили. Один раз деда встретил.

— Какого деда?

— Моего деда, Стрыйковского. Который над пианино висит. Знаешь, какая у него партийная кличка была? Аспид! Оборачиваюсь — а он стоит! Только ты об этом молчок!

— Он что, живой там стоял? Ну, перемещенный из времени?

— Хрен его знает, какой он там стоял.

Аська передернула плечами.

— Брр! Я вообще не представляю себе, как буду спать после этой прогулочки.

— А тебе, Анастасия, спать и не придется. Будешь старого вандала пестовать. Вон, опять разбушевался.

Аська озабоченно поморгала.

— Вавила болтает, что дед от пережитого умом тронулся. Мол, Валамир и раньше был умом некрепок… Вамба с Вавилой не согласен. Вамба говорит — надежда есть, оклемается батюшка. В общем, не знаю, кому и верить. — И добросердечная Аська пригорюнилась. — Слушай, Морженька, а вот скажи: много народу на эту штуку работало, на Анахрон?

— Много, — уверенно сказал Сигизмунд. — И все погибли. Кто облучился, кто так…

— Вот почему так выходит, Морж? Столько сил, столько денег, столько народу загубили — а получилось говно? Ведь всегда так получается! Как вбабахают всего — так говно! — Аська зло прищурилась. — Я большего дерьма, чем этот твой Анахрон, в жизни не видела! Я ведь пятнадцать суток еще при Совке сидела, за мелкое хулиганство. Так ведь даже и там такого говна не было! Слушай, может, взорвать Анахрон? Чтобы жилось спокойнее? — Тут Аська заметно оживилась. — У меня есть один знакомый пиротехник. Ему проставиться — и готово! Взорвет все к херам!

— Анахрон взорвать, Анастасия, — взрывчатки не наберешься. Он же по всей стране, как метастазы.

— Жаль, — сказала Аська. — Я бы взорвала. Господи, мы так спокойно жили. Так все было хорошо. Размеренно.

Сигизмунд покосился на Аську и не выдержал — захохотал.

— Вот и хорошо, Моржик, — материнским тоном заметила Аська, — вот ты и развеселился. А что так рано вернулся? Плохо отдыхалось?

— Слушай, Анастасия, что там у тебя за лесопилка?

— Феньки делаем. Дидис не заходил?

— Заходил. Баксы просил продать, ублюдок.

— А ты продай, Морж, продай. Кстати, у мужика золотые руки. И ряха колоритная. Там полторговли на этой ряхе держится. Народ как его видит — так сразу кончает.

— Не светили бы вы его там.

— Что нам, теперь всю жизнь в подполье отсиживаться? Да у него все справки есть.

— Какие еще справки?

— Ты что думаешь, я человека без справок отправлю? Погоди, я Вику кликну.

— Не надо Вику!.. — возразил Сигизмунд, но было поздно: Аська сорвалась с табуретки и вернулась с Викой.

— Уф! — сказала Вика. Плюхнулась за стол, схватила сигареты. — Заснул, вроде. Вот зануда.

— Слушай, Виктория, а он правда умом тронулся? — осторожно спросил Сигизмунд.

— Откуда я знаю? — огрызнулась Вика. — Ворчливый, капризный, всеми недовольный старец. Свалился на нашу голову!

— Да ты-то тут при чем? — разъярился вдруг Сигизмунд. — Это все на мою голову свалилось! На мою!

Аська быстро перебила:

— Виктория, покажи Моржу справки, которые ты Дидису надыбала. А то Морж волнуется.

Драгоценные справки хранились у Вики в специальной папке. Вика вообще любила бумаги и умела их беречь. Имелся у нее такой талант — к созданию, умножению и сохранению архивов.

Справки имели вид заслуженный и, судя по всему, за много лет использования устроили не одну пипловскую судьбу.

Их было две. Каждая из них представляла собою маленький шедевр.

Первая, выданная военкоматом города Туапсе, подтверждала, что «гражданин Михайлов Н.Я. действительно находился в 1957 году на действительной воинской службе, где подвергся воздействию ряда неблагоприятных фактаров, пагубно отразившихся на детародных працесах».

Справка была выдана для предоставления в горисполком вышеозначенного города для ходатайства об улучшении жилищных условий гражданина Михайлова Н.Я. с нарушенными «детародными працесами». Чтобы было, где их восстанавливать, надо полагать.

Подписал документ майор Александриди К.С.

Вторая справка являлась логическим следствием первой. Она

была выдана в 1975 году гражданину Михайлову С.Н. в городе Коканде управлением тамошнего здравоохранения в лице кокандского психдиспансера. Подписана была лечащим врачом С.Г.Подопригорой. Кокандские медики авторитетно свидетельствовали о том, что гражданин Михайлов С.Н., рожденный от гражданина Михайлова Н.Я. (см. выше), является полным и законченным дебилом, непригодным к действительной и какой-либо иной воинской службе.

Ознакомившись с обоими шедеврами, Сигизмунд не смог сдержать восхищения. Аська, внимательно наблюдавшая за ним, пока он читал, затарахтела:

— И ведь ты только представь себе, Морж, они ведь обе настоящие!

— К ним еще устная легенда прилагается, — сказала Вика. — Она как народное предание передается из уст в уста. Вместе со справками. Кучу народу так от армии отмазали.

— Кучу — это сколько? — спросил Сигизмунд.

— Двоих.

Согласно преданию, было так. Будущий отец дебила — работник культуры. Гениальный кларнетист. Будущая мать дебила — работник культуры. Библиотекарь. Очень интеллигентная женщина, начитанная. Отца забирают в армию. Он становится военным музыкантом. Играет в оркестре.

Имеется генерал. Любитель военных оркестров. Он возит Михайлова-старшего с кларнетом и весь остальной оркестр за собой по всей стране. И вот однажды приезжает генерал с оркестром на какую-то Богом забытую РЛС. И надо же было такому случиться, чтобы кларнетиста угораздило попасть под луч локатора!

Все! Детородная функция — к чертям!

НО ОН-то ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЛ! ЕМУ ЖЕ ОБ ЭТОМ НЕ СКАЗАЛИ! Генерал, сволочь, знал. Но генералу дела не было до бедного музыканта. При Совке и не такое делалось.

Потом, конечно, узнал, бедолага, но было поздно. Дебил уже народился.

— Так вы это что… Дидиса теперь за дебила выдаете, что ли? — удивился Сигизмунд.

— А что! — вызывающе сказала Аська. — Он знаешь как может, если надо, дебила показать?

Тут Аська сама показала дебила, да так, что Сигизмунд даже устрашился, — выкатив глаза, скосила их к переносице и как-то очень естественно пустила изо рта слюну.

— Он даже лучше умеет, — добавила Аська, приводя лицо в первоначальное состояние.

— Мы его прикрытие на всякий случай усилили, — сказала Вика. — У Дидиса в кармане копия справок, плюс фотография какого-то участника гражданской войны — это Михайлов-совсем-старший. Дедушка. Кроме того, данная легенда является базой для другой легенды — об албанском драматурге. Причем заметь, Морж, как виртуозно сработано — ничего же не проверить!

— И что, он это все без запинки рассказывает?

— Ты, Морж, как вчера родился! Естественно, он это рассказывает с запинками! Как и положено дебилу!

Из «светелки» донеслось требовательное мычание аттилы.

Глава семнадцатая

Первые несколько дней пребывания аттилы в светлом будущем оказались для Сигизмунда весьма тягостными. С тестем он встречался только в коридоре, когда того вели под руки — в ванную или по иным надобностям. Всякий раз Сигизмунд ловил на себе тяжелый угрюмый взгляд старика. Видно было, что папаша Валамир ненавидит его всей душой.

Единственным облегчением для Сигизмунда было то обстоятельство, что ненависть Валамира выглядела вполне осознанной и что дед, стало быть, вовсе не спятил.

Лантхильда перетащила свое рукоделие в «светелку» и часами просиживала возле Валамира. Выла какие-то горестные песни, услаждая слух батюшки. Валамир Лантхильду, судя по всему, одобрял. И рукоделия ее одобрял, и тягучие песни, и беременность. Все это было аттиле по сердцу.

Иногда Лантхильда сладким голосом звала в «светелку» Вамбу. Вамба недоверчиво косился, озирался, но шел. Затем из «светелки» начинал доноситься скрипучий голос старца — распекал сынка, пилил, наставлял и бранил на чем свет стоит. Вамба в ответ бубнил что-то малоубедительное.

Следует отдать должное старому Валамиру и его чадам: Сигизмунда они пока что не трогали. Иногда Вамба доносил до Сигизмунда реляции из «светелки». Больше всего «светелку» занимал вопрос о том, где может находиться Сегерих.

Сигизмунд чувствовал, как жизнь постепенно заполняется дремучей косностью. Осталось только встать на четвереньки и оскотиниться. Вспоминал, неустанно себя дураком обзывая, как умилялся по первости над Лантхильдой. Жалел ее. Все родню лантхильдину представить себе пытался — как, мол, она, бедненькая, в землянке жила? Вот она, лантхильдина родня! Умиляйся! Уподобляйся!

Иногда несбыточно вспоминалось, как с легким скрипом ввинчивается в гнездо цилиндр, помеченный красным…

* * *

Получил наконец видеозапись, сделанную с восьмимиллиметровой кинопленки. Решил посмотреть.

Старый хрыч в этот день особенно свирепствовал. Может, погода на него так действовала.

Пленка была переведена на видео без каких-либо монтажных

изысков. Оператор в большинстве случаев остался неизвестным. Иногда было понятно, что снимал отец. В одном случае Сигизмунд заподозрил руку Аспида.

После обязательного мерцания испорченных кадров показались пятилетний Сигизмунд с дедушкой Аспидом возле магазина. Они топтались на месте возле большого магазинного окна. Дед то и дело дергал Сигизмунда за руку и, наклоняясь к уху внука, что-то говорил ему, показывая на камеру. По всему было видно, что вся эта киносъемка Аспиду смертельно неинтересна. Сигизмунд наконец поднял голову, посмотрел в объектив — этого от него и добивались. После чего съемка закончилась.

Затем появился пятилетний Сигизмунд на трехколесном велосипедике. На Сигизмунде была тугая вязаная шапочка с мыском.

Сигизмунд вспомнил эту шапочку. Он ее терпеть не мог. Находил, во-первых, безобразной. А во-вторых, она давила. Но мать заставляла носить, потому что «не дуло в ушки».

Маленького Гошу на велосипедике показывали очень долго, назойливо и неизобретательно. Сигизмунд просмотрел запись в ускоренном режиме. Так оказалось повеселее.

Центральным блоком записи оказался день рождения матери. Стол ломился от изобилия. Оператор любовно заснял все салаты, селедку под шубой, студни, колбасу, красную рыбу… Странно было смотреть сейчас на еду, которая была приготовлена тридцать лет тому назад.

Незатейливая запись неожиданно втянула Сигизмунда в прошлое почище любого Анахрона. Он вспомнил все. Все звуки, запахи. Вспомнил, о чем говорилось за столом.

Тетя Аня пришла со своим студнем. Они с матерью готовили студень по разным рецептам, соперничали. Гости охотно отведали оба блюда, потом сравнивали, рассуждали тоном знатока. Тетя Аня вдруг пошла красными пятнами — ей показалось, что ее недостаточно оценили.

Теперь, глядя на тетю Аню образца шестьдесят шестого года, Сигизмунд увидел на ее лице трагический отсвет блокады. Тогда это не бросалось в глаза. Удивительно — со времени войны прошло двадцать лет, а этот трагизм в складке губ, в росчерке бровей так и остался. Сгладился только совсем недавно.

Вспомнил крепкие духи тети Ани и солдатскую шутку деда по этому поводу. Дед мелькнул в кадре лишь на мгновение. Видно было, что оператор — похоже, снимал отец — старался деда не снимать.

Заново переживая этот день и видя его глазами взрослого

человека, Сигизмунд вдруг понял, что тетя Аня была в семье посмешищем. Почему — непонятно.

Отец томительно и скучно подолгу задерживал камеру то на бутылках, то на поднятых рюмках. Рюмки эти Сигизмунд сразу же вспомнил. Хрустальные «тюльпанчики» шестидесятых. Они потом все разбились, один за другим. Отец по этому поводу шутил, что мать, мол, стеклянную посуду не бьет — только хрустальную.

Очень много снимали мать. Теперь Сигизмунд мог оценить, что мать была в молодости красива. На этой записи мать была моложе его теперешнего лет на семь.

Затем отец попытался заснять на пленку Сигизмунда. «Для истории, Гошка! Давай, улыбнись!» Сигизмунд сидел рядом с Аспидом, всей кожей ощущая его презрение к суетливой деятельности подвыпившего отца, и мотал опущенной головой. Потом поднял лицо — тут-то его и засняли. Тогда он вывалил язык, стал кривляться и говорить гадости. Отец потом смеялся, говорил, что кино немое и гадости не записались.

Сигизмунд пытался вспомнить, что именно он говорил, надеясь шокировать назойливого оператора, но так и не смог. Ушло.

Мать потом Сигизмунда ругала. Говорила, что ей было стыдно перед гостями. Сигизмунду и самому было стыдно.

Просматривая день рождения матери, Сигизмунд вдруг понял, что единственный человек из всей семьи, который его по-настоящему интересует, — это Аспид. Но как раз Аспида на записи практически не было. Возможно, кстати, неприязнь отца тут не при чем. Не исключено, что сработала квалификация конспиратора, умевшего непринужденно избегать любых съемок.

Завершалась пленка осенней прогулкой по Елагину острову. Оператор пустился в изыски, снимал то дрожащие на ветру листья, то плавающие в лужах веточки, то желуди, то лебедей. Немного — Ангелину, задумчиво прогуливающуюся по аллеям. И совсем чуток — десятилетнего Сигизмунда. Он забрался на дерево и наотрез отказался делать что-либо еще.

Выключив видеомагнитофон, Сигизмунд посидел некоторое время в задумчивости. Ему было грустно — до ломоты в груди. Он вдруг остро ощутил, как распалась его семья. Еще в начале семидесятых семья была — большая, сплоченная. Пусть каждый жил своей жизнью, пусть отношения между членами этой семьи были сложными, но семья БЫЛА. Потом дед умер, Сигизмунд уехал от родителей, все развалилось.

А жаль.

* * *

Однако долго сожалеть о распаде семьи Сигизмунду не пришлось. Шестнадцатого мая одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года в двадцать часов ноль шесть минут по Московскому времени — свершилось: к валяющемуся на диване Сигизмунду заглянула Аська и мрачно сказала:

— Морж, идем. Там тебя этот старый хрен зовет.

— На что я ему сдался?

— Вот ты его и спроси.

Сигизмунд с кряхтением поднялся. Аська с подозрением покосилась на него.

— Хоть ты, Морж, на ходу не рассыпайся. А то уже тошнит от хворых.

— На себя полюбуйся, — огрызнулся Сигизмунд.

Достало. Все достало. В собственном доме по вызову хожу. Какой-то старый дегенерат аудиенцию назначает. Гнать, всех гнать! Измыслить, как — и к едрене фене.

Нарочно шаркая шлепанцами, Сигизмунд проник в «светелку». «Старый дегенерат» развалился на тахте. Рядом вила гнездо заметно растолстевшая Лантхильда. Тут же верхом на стуле сидел Вамба. Что-то замысловатое плел из тонких ремешков. Сплетет — расплетет… Сплетет — расплетет…

Едва Сигизмунд вошел, в него уперся хмурый взор из-под кустистых бровей. Изуродованная шрамами физиономия старого вандала обратилась к «зятьку».

Старец источал какой-то свой особенный запах. Плюс корвалоловая вонь.

— Чего? — буркнул Сигизмунд. — Звали?

Старый вандал некоторое время пялился на Сигизмунда молча, мрачнея с каждой секундой. Затем, брызгая слюной и разъряжаясь все больше, заговорил. В исполнении папаши Валамира вандальская речь звучала песьим брехом. Гав! Гав!

Хватило даже скудных познаний Сигизмунда, чтобы понять: старец ярился, требовал, обличал… Все крутилось вокруг имени «Сегерих». Мол, вынь да положь Сегериха! Сигизмунду тестюшка и слова вставить не давал. Наконец выдохся и заткнулся. Снова мрачным взором сверлить принялся.

Сигизмунд перевел взгляд на Вамбу. Вамба выглядел озабоченным.

— Йаа, Сигисмундс, — закивал Вамба, — Сегерих! Сегерих — хвор ист?

— А мне почем знать?

— Посем? — Вамба повторил знакомое слово. Потер пальцы понятным жестом, будто купюры слюнил. — Нии «посем»! Хвор?

Старый пень снова ожил. Завопил с удвоенной силой.

Сегерих! Чтоб был! Здесь! Немедленно! Ну? Что стоишь? Где Сегерих-то? Ну-ка быстро, ноги в руки — искать!

Лантхильда тихонечко кивала Сигизмунду с умильным видом. Мол, Сигизмундушка, ну что ты, право. Видишь — батюшка Сегериха просит? Что тебе стоит, коли так уж приспичило старому человеку! Сходи, уважь. Поищи.

Постепенно наливаясь «свинцовой мерзостью бытия» по самые уши, Сигизмунд медленно повернулся и молча вышел из «светелки».

Аська сидела на кухне, покуривала. Завидев Сигизмунда, встрепенулась.

— Чайку хочешь, Морж? Слушай, меня он тоже достал. Во как достал! Все говорит, говорит, поучает… За мальчика принял, сиськи щупал, чтобы проверить, потом хохотал, по спине меня хлопал — чуть душу наружу не выбил… А знаешь, я ему понравилась. Он считает — это отменная шутка волосы срезать и так ходить. Вамба рассказал ему про меня и Вавилу…

— А что — ты и Вавила? — удивился Сигизмунд.

— А ты не знал?

— Откуда мне знать? Я над тобой со свечкой не стою.

— Да мы уж давно. Его кольцо в пупе прикололо. Ну и пошло… А меня — хайры. Ну и другое тоже. У него шрам на животе, только не от аппендицита. Папочка Валамир говорит, мы с Вавилой друг другу идеально подходим. Мол, два раздолбая.

— Да это он просто радуется, что Вамба на тебя не позарился. Вавила старой сволочи — никто, а Вамба все-таки сынок.

— Да ну тебя в задницу. С тобой как с человеком разговариваешь… Или ты ревнуешь, Моржик? Так я ведь тебя тоже люблю… А чего ему от тебя надо было?

— Какого-то Сегериха.

— А где он?

— Кто?

— Сегерих.

— Да хер его знает, этого Сегериха! Я его в гробу видал!

Аська неожиданно сказала, давя окурок:

— В самом деле, Морж, что ты кобенишься. Сходил бы, поискал этого Сегериха. Сам видишь, волнуется дед. Еще копыта отбросит от переживаний.

— Будет вам сейчас Сегерих! — заорал Сигизмунд. Вскочил.

— Ты хоть чай-то допей! — в спину ему крикнула Аська.

* * *

Сигизмунд шел в Анахрон, грохоча заграждениями и яростно бормоча себе под нос:

— Будет вам сейчас Сегерих! Будет вам Сегерих!

На полдороге обнаружил, что впопыхах не переоделся. Так и выбежал в хорошей куртке. Да и фиг с ней. Отомщу! За все отомщу!

Но спустившись и остановившись перед заветными кирпичами, открывающими подземный ход, Сигизмунд вдруг задумался. Он пережил здесь столько ужаса, видел столько страшного и неприглядного… И там, в темноте, в черном зеве колодца, ждало что-то… какой-то неведомый провал.

И все же раз за разом он находил в себе силы идти в Анахрон, заглядывать в приемную камеру, осматривать «предбанник». Ни отвращение к бесчеловечному порождению жестокой эпохи, ни стерегущий за каждым поворотом страх, — ничто не могло остановить его.

Почему? Ведь не ярость же, в самом деле, погнала его из кухни в Анахрон! И всяко не тревога за судьбу какого-то там Сегериха! И меньше всего — желание потакать капризам старого вандала, оккупировавшего «светелку» и тиранящего оттуда всю тусовку.

Нет, совсем не в этом дело. Совсем не в этом.

А в том, что Анахрон неудержимо притягивал к себе. Звал. И это было сильнее любого страха.

Сигизмунд вошел в тоннель и закрыл за собой потайную дверь. Впереди тянулся темный ход. Но и мрак, и одиночество, и страх — все это казалось малой платой за наслаждение оставить в недосягаемой дали бессмыслицу «верхней» жизни.

Здесь, под землей, в недрищах Анахрона, имелась своя алогичность. Но — другая. Может быть, более высокого порядка. Волюнтаризм акта Творения. Бессмысленность претворения биомассы в разумное существо. Нелогичность Создателя.

Жрец Анахрона, блин!

И ведь снова побежишь отсюда, умирая от ужаса! И снова будешь возвращаться.

Опять вспомнились кадры семейной «хроники»: Аспид, презрительно глядящий и на застолье, и на любительские кинопотуги отца… Еще бы тебе, дед, не кривиться! Ты играл в куда более захватывающие бирюльки.

Неожиданно, будто въяве, увиделась и кинокамера. Она называлась «Спорт-2» и являла собою толстостенную железную коробку, из которой пипкой торчал крохотный объектив. И помещалась она в очень жестком футляре. Почти таком же большом и твердом, как деревянная кобура от маузера, которую

дед хранил как реликвию германской войны.

Анахрон был сегодня чрезвычайно активен. Сигизмунд ощущал, как пульсирует пространственно-временная ткань. А может, это была игра воспаленного воображения.

К приемной камере Сигизмунд приближался с опаской. Если Сегерих — или, скажем, Лиутар с дружиной — здесь, то… А, пошло все на хрен! Всех, всех натурализую, пропишу к себе, поселю в «светелке» и на кухне. Лиутару нашепчу, что старый пердун Валамир, мол, его с дерьмом тут смешивал. Вообще интриги разведу. Или схожу с вандалами Зимний возьму. Кто тут временные? Слазь! Кончилось ваше время.

А может вообще на вандальских мечах да копьях взойти в кресло начальника нашего РЭУ? Квартиру вандалам выделить казенную, а дворника оттуда — гнать, гнать…

В камере, как и ожидал Сигизмунд, никого не оказалось. Заходить туда он не стал. Закурил.

Почему-то не хотелось покидать помещение Анахрона. А куда, собственно, идти? Домой? Квартира теперь, почитай что, тю-тю. Аська, сучка, и та… С вандалом спуталась. И ведь плевать ей, что он вандал.

Лантхильда… Нет, все, поломата жизнь, поломата!

…На этот раз Анахрон сработал мгновенно. Не было ни страха, ни гула, ни дрожи, ни предчувствий. Не было удушья и умирания. Сигизмунд вдруг оказался в овраге. Том самом. Он сразу узнал это место. Почему-то он лежал на спине. Над ним на рассветном небе горела одинокая звезда. И едко пахло гарью.

Затем склон стремительно надвинулся на Сигизмунда. Он испугался, что сейчас ударится лицом. Однако этого не произошло. Сигизмунд почувствовал сильный толчок. Перед глазами расплылись радужные круги.

…Сигизмунд с размаху сел на что-то твердое. Посидел неподвижно, прислушиваясь к ощущениям в теле. Пошевелил пальцами. Согнул ногу. Потом осторожно открыл глаза.

Он сидел в промерзшей песочнице посреди двора, под деревом. Это была старая заслуженная ива, вросшая в решетку. Ветер шевелил на земле жухлые листья. Рядом с решеткой виднелись ржавые качели. Снег, судя по всему, еще не выпал. Наблюдались «заморозки на почве». Ноябрь, что ли?

Возле качелей уныло возилось двое детей. Дети поглядели на Сигизмунда без особого интереса. Вскоре их внимание полностью переключилось на проходившую мимо кошку.

Сигизмунд, кряхтя, встал на четвереньки, выбрался из песочницы, отряхнулся и пошел со двора.

Перенос! Точно — перенос.

Странное ощущение охватило Сигизмунда. Он знал, что Анахрон перенес его КУДА-то. Видимо — в недалекое прошлое. Но это-то как раз определить несложно. Куда удивительнее было другое: Сигизмунд не сомневался в том, что перенос этот очень нестабилен. Он буквально ощущал, как напряжена вся мощь Анахрона, как натянуты незримые канаты, удерживающие его здесь и сейчас.

Двор был знаком. Он находился в десяти минутах ходьбы от того дома, где жил сейчас Сигизмунд. Потом этот двор реконструировали, песочницу, разумеется, убрали, ржавые качели — тоже, иву спилили… В каком же это было году?

Треклятого Сегериха — «правильного мужика» — поблизости, вроде бы, пока не просматривалось.

Покачиваясь, Сигизмунд прошел арку и выбрался на канал.

Была поздняя осень; уже смеркалось. Сигизмунд оглядел себя: кроссовки, джинсы, куртка. Немного не по сезону, но сойдет. Холодновато, конечно.

Двигаясь, как на автопилоте, свернул на Банковский переулок и вышел на Садовую, к Апраксину двору. Пока что было безлюдно. Сигизмунд нарочно пошел этим переулком. Пытался привыкнуть к случившемуся.

Ой-ой-ой. «СЛАВА КПСС!» Куда же это мы попали? Вернее — КОГДА?

Впечатление от Садовой было сопоставимо с ударом сковородки по физиономии. По улице шли «польта». Молодые, старые, средних лет. Серые, черные, коричневые. Суконные, какие-то сиротские. В руках покачивались тяжеленные «дипломаты». Женщины с убогим кокетством вихляли клетчатым «полусолнце-клешем». Сигизмунд, конечно, помнил эти приталенные пальто на однокурсницах. Тогда это казалось очень женственным.

В сгущающейся серости ноябрьских сумерек пронзительно и безотрадно желтели облупленные стены домов. Стыл голый асфальт. Обостренно не хватало пушистого снега.

Направо, в направление площади Мира, — как легко на язык вернулось это название, — уже маячила уродливая конструкция шахты метрополитена. В каком же году она появилась? Кажется в 84-м. Или в конце 83-го?

На проводах и фонарях тряпками обвисли красные флаги.

Несколько минут Сигизмунд молча стоял, привыкая. С ужасающей стремительностью возвращались, заполняя мозг, прежние названия. И прежние навыки.

Скользнул глазами по фасадам — не мелькнет ли портрет нынешнего любимого вождя? Потом осенило: газеты. Купить, что

ли, в «Союзпечати» какую-нибудь «Ленинградскую правду» или «Вечерку»… Полез в карман, вытащил полторы тысячи… Тотчас спохватился. Торопливо запихал назад. И вовремя. Сзади Сигизмунда похлопали по плечу.

Мент. Лейтенант. Неразборчиво пробормотал что-то. Сигизмунд уловил:»…документики». Тут же прошиб холодный пот. С трудом совладав с собой, полез в карман куртки — вроде, паспорт там был.

Паспорт там и был. Хорошо хоть паспорт действительный — такие в семидесятые годы выдавали. Да только вот гражданство подкачало. Вклеено было в серпастый-молоткастый, что является товарищ такой-то гражданином России.

Мент взял паспорт, вперился взглядом во вкладыш.

— Фарцовщик, — донеслось до Сигизмунда.

— А эт-то что такое? — Мент ткнул во вкладыш.

— В нашем посольстве в Гондурасе вклеили, — услышал Сигизмунд собственный голос. — Я за границей получал. Родители там работали… Геологи.

А у самого в голове лихорадочно вертелось: только бы вернул! А то дернет Анахрон назад, в конец девяностых, и объясняйся там без паспорта в ментовке: мол, потерял… лет пятнадцать тому назад… ваш один взял, еще при Совке… Нет, в каком точно году, не помню, товарищ капитан. То есть, господин капитан. Ах, я такой рассеянный, такой рассеянный, можно мне новый паспорт сделать?

Мент закончил любоваться вкладышем, быстро перелистнул на прописку, удостоверился. Похлопал паспортом по ладони. С огромным подозрением посмотрел на Сигизмунда. Нехотя вернул ему паспорт и зашагал прочь.

Сигизмунд перевел дыхание. Хорошо, что мент не стал сопоставлять год рождения с внешностью Сигизмунда. Да и то обстоятельство, что вторая фотография уже вклеена… Так какой все-таки год?

А год на дворе оказался оруэлловский. 1984-й. У кормила, пошатываясь, стоял ветхий старец Черненко. Последние вялые судороги Совка, наиболее тупое и скудоумное время.

Заканчивалось 14 ноября 1984 года. Сигизмунд брел по Садовой, не переставая изумляться тому, в какое серое время он, оказывается, жил. Глазу постоянно не хватало ярких пятен, ставших уже привычными. Красного, правда, наблюдался переизбыток…

Лица в толпе тоже были иными. Куда больше евреев и куда меньше кавказцев. Один южный тип за минувшие тринадцать лет почти полностью сменился другим. Теперь поневоле начинаешь

жалеть о евреях — может быть, они были пронырливы, но тихи, интеллигентны и мирны. Чего нельзя сказать о пришедших им на смену.

И на всех встречных лицах — независимо от национальности — жуткая совковая штамповка. Оказывается, и это почти ушло! Исчезло — Сигизмунд не успел даже отследить, когда именно — неизбывное выражение терпеливой покорности, которое выделяло советского человека в любой толпе, в любой точке земного шара.

Господи! Неужели именно эти годы остались в памяти Сигизмунда как лучшие в его жизни? Ему было тогда двадцать четыре…

Даже если бы Сигизмунд и встретил сейчас самого себя, то вряд ли узнал бы. Наверняка таскал тогда что-то серое, маловыразительное. И морду имел скучную, совковую.

Прошел галереи Гостиного. Там роились безликие оголтелые толпы — давали какой-то дефицит. Сапоги, наверное. Или нейлоновые куртки.

Вышел на Невский. А Невский уже и тогда был болен. Невский заболел в конце восемьдесят второго года. Что-то случилось с ним неуловимое, словно хворь какая-то одолела.

А в голове будто таймер тикает: В ЭТОМ ВРЕМЕНИ, СТРЫЙКОВСКИЙ, У ВАС ПОЧТИ НЕТ ВРЕМЕНИ!

И чем больше удалялся Сигизмунд от дворика с промерзшей песочницей, тем сильнее напрягались незримые нити, тем труднее было Анахрону удерживать его в восемьдесят четвертом.

Пассаж. На крыше соседнего дома — реклама кинотеатра «Молодежный»: там шел фильм «Игрушка» с Пьером Ришаром — любимцем публики. Книжный магазин «Ленинград», всегда полупустой. Елисеевский. Конечно, очереди. Магазин «Подарки». Без рекламы «LANCOME». Улица Толмачева, перетянутая красным лозунгом с призывом «ЛЕНИНГРАДЦЫ! ДОСТОЙНО ВСТРЕТИМ…» что-то там, не дочитал, прошел мимо. Дом Пионеров с огромной доской почета и фотографиями ТАСС. Аничков мост с позеленевшими конями. Красное здание дворца Белосельских-Белозерских, оно же Куйбышевский райком партии. Красный флаг на крыше. На противоположной стороне — Дом Журналиста. Еще один красный флаг. В окнах большие снимки каких-то производственных сцен. Магазин «Океан», острый запах рыбы. Проходя, Сигизмунд привычно поморщился.

Невский непривычно чист. На асфальте — ни банок, ни сигаретных пачек, ни дурацких упаковок от дешевых сладостей. Невский непривычно сер и тускл. Ни дебильной рекламы, ни праздничных витрин.

Очень много военных. Военные тоже серые, безрадостные

какие-то. Война в Афгане еще идет.

Улица Рубинштейна, уходящая направо. Малый Академический театр, а чуть подальше — Дом народного творчества. С ленинградским рок-клубом.

«Гастрит». Запах солянки. Пьяноватые мужчины. А народищу! Стопроцентной окупаемости было заведение.

Кинотеатр «Титан». Дорогой был кинотеатр, вспомнил вдруг Сигизмунд. Везде билеты на вечерний сеанс стоили пятьдесят копеек, а в «Титане» — семьдесят. А зал неудобный — кишка.

На миг Сигизмунд запнулся у афиши. А фильмец-то там шел — «Бал». Помнит Сигизмунд этот фильмец. Очень даже помнит.

Кинотеатр «Знание». Там по пьяни хорошо отсиживаться было. Крутили старые немудрящие ленты. А стулья там были как на детских утренниках, хлопающие. И почти все — с оторванным коленкором.

А из дверей «Октября» вьется длинный, полубезнадежный хвост очереди.

А как, оказывается, человек отвыкает от очередей! Наверное, это было первое, от чего Сигизмунд отвык, едва лишь грянула перестройка. Интересно, на что они так рвутся? Иностранное что-то крутят, не иначе.

Вот и Литейный. Налево пойдешь — в «Букинист» попадешь. Направо пойдешь…

Глухо бухнуло и на мгновение замерло, пронзенное восторгом, сердце. Красная стена, четыре желтоватых окна.

ОН ОТКРЫТ.

И НИКТО НЕ ПОНИМАЕТ, КАКОЕ ЭТО ЧУДО, ЧТО ОН ОТКРЫТ!

Сигизмунд с трудом дождался, пока загорится зеленый свет. Еще на противоположной стороне тротуара зашарил глазами по стоящим у красной стены людям — выискивал знакомые лица. Бесполезно. Нет там знакомых лиц. Да и зрение за годы подсело. Впору очки покупать.

Пересек Владимирский — как реку переплыл.

Вошел — сразу, не колеблясь. И тотчас Сигизмунда обступил желтоватый тусклый свет, неясное мелькание лиц, краснеющие над стойкой автоматы-кофеварки. И запах.

Говорят, именно запахи острее всего будят в человеке воспоминания.

Будят — не то слово. Слишком слабое. Все шесть — или сколько их там у человека — чувств воспряли разом, пробужденные этим густым духом, почти вонью, пережаренного кофе «плантейшн». И еще примешивался неуловимый и не воспроизводимый потом нигде запах, застрявший в волосах и

свитерах собравшихся. Сладковатый — анаши, кисловатый — старого пота.

И все это был «Сайгон».

Сигизмунд стоял в «предбаннике», бессмысленно лыбясь от счастья и ощущая себя здесь совершенно своим — с длинным хайром, в странноватом для 84-го года прикиде.

Он был дома. Среди своих.

И мгновенно окунулся в атмосферу полной свободы духа, ради которой, собственно, и ездил сюда все годы, что трудился в Первом Полиграфическом. И раньше, когда учился в ЛИТМО.

Вынырнул Витя-Колесо, вычленив Сигизмунда взглядом. Заговорил утробно-трепещущим голосом:

— С-с-слушай, м-мужик… д-д-д…д-добавь на коф…фе. Н-не хв-ватает…

Сигизмунд развел руками, все еще лыбясь.

— Нету у меня. Самому бы кто добавил.

Витя понимающе закивал и куда-то унырнул.

Блин, неужели действительно так и не выпьет здесь кофе? Ведь это — в последний раз! В самый последний! В пост-последний!

Сигизмунд все явственнее ощущал, что больше шансов не будет.

Кругом тусовались. Аборигенов в толпе было немного — процентов десять от силы. Дремучие хиппи. Остальные в «Сайгоне» были посетители. Гости. Так называемые «приличные люди», интеллигентские мальчики и девочки, которым почему-то вольно дышалось только здесь. И совсем уже спившиеся персонажи. Но случайных людей здесь не водилось. Или почти не водилось.

Полутемные зеркала в торце зала отражали собравшихся, умножая их число вдвое. До какого-то года этих зеркал на было. на их месте находились ниши, где тоже сидели. Потом «Сайгон» на какое-то время закрывали. Делали косметический ремонт. Этот ремонт воспринимался городом очень болезненно. Видели в нем происки партии и правительства в лице близлежащего райкома. Знали бы, что их ждет через несколько лет! Но они не знают. Их счастье.

Одно время после косметического ремонта в «Сайгоне» не было кофе. Якобы в городе дефицит этого продукта. Якобы кофеварки сломались. Или еще что-то малоубедительное. Предлагали чай.

Брали семерной чай — издевательски. Мол, пожалуйста, чашку кипятку и семь пакетиков заварки. Спасибо.

С этим пытались бороться, наливая прохладную воду, чтобы

чай хуже заваривался. Чайная эпопея продержалась не долее месяца, хотя оставила болезненную зарубку в памяти. Потом то ли сдались, то ли смилостивились — вернули в «Сайгон» кофе.

После того достопамятного косметического ремонта и появились зеркала…

Кругом велись длинные мутные разговоры, безнадежно затуманивая и без того не отягощенные ясностью мозги. Рядом с Сигизмундом кто-то пытался выяснить у кого-то судьбу какой-то Кэт. В беседу вступило еще несколько пиплов. Нить разговора была потеряна почти мгновенно. Даже Сигизмунду, который не был знаком ни с одной из Кэт, через три минуты стало очевидно, что пиплы имеют в виду по крайней мере четырех девиц по имени Кэт. Судьбы и похождения этих Кэт в разговоре причудливо переплелись. Так, Кэт из Ухты однозначно не могла совершать подвиги, явно позаимствованные из биографии той Кэт, что тусовалась в Москве и была обрита наголо в КПЗ, причем злобные менты сперва поджигали ей хайр зажигалками, а потом уже брили электробритвой. Так и не разобравшись, о какой из Кэт, собственно, речь, пиплы плавно перетекли на совершенно иную тему.

Кругом звучали неспешные диалоги:

— Слушай, ты откуда?

— Из Лиепаи.

— А… Ты знаешь Серегу… Боба?

— А как он выглядит?

— Волосы светлые, бородка жиденькая такая… Он из Киева.

— А… Знаю конечно.

— Он опять в психушке.

— А… Слушай, ты знаешь Томми из Краснодара?

— А как он выглядит?

…Крошечная, очень беременная девица в феньках до локтей бойко поедала чахлый бутерброд и не без иронии рассказывала о потугах Фрэнка создать рок-группу. Мол, она уже перевела для него с английского очень классные тексты. И усилитель купили. На шкафу лежит, большой, как слон…

…И словно въяве видел Сигизмунд комнату, где стоит этот шкаф, — какую-то нору в коммуналке где-нибудь на Загородном или Рубинштейна, эти голые стены в засаленных обоях, исписанные по-русски и по-английски, но больше по-английски, эту вечно голодную тощую кошку, грязноватый матрас на полу вместо постели… И полное отсутствие какой-либо жизни. Принципиальная и исчерпывающая нежизнеспособность.

«…Ой, пойдем, пойдем, пока вон тот человек к нам не привязался. Вон тот, видишь? Я его… побаиваюсь. Знаешь, он

недавно решил, что он — Иисус Христос. Пришел в церковь во время службы и говорит: спокойно, мол, батюшка, все в порядке — Я пришел…»

— А тебя как зовут?

— Дима… А в последнее время… (застенчивая улыбка) … стали звать Тимом…

По соседству гуторили об ином. Человек, обличьем диковатый и причудливо сходный с вандалом, захлебываясь слюной и словами, талдычил, что вообще-то он собирается на Тибет. Через Киргизию. Сразу нашел трех попутчиков. Причем один из них на Тибете уже был…

— …Слушай, пойдем домой. Мне что-то холодно.

— Чего тебе холодно?

— Да я джинсы постирал и сразу надел.

— А зачем ты их постирал?..

— …Имя Господа Моего славить дай мне голос!

— Это ты сочинил?..

— Эй, чувачок!

Сигизмунд, завороженно слушавший эту какофоническую симфонию, не сразу сообразил, что обращаются к нему.

— Эй!

Его легонько дернули за рукав. Он обернулся. Перед ним стояла тощая девица с лихорадочно блестящими глазами. Голенастая. В вылинявших джинсах и необъятном свитере неопределенного оттенка. У нее были длинные светлые секущиеся волосы.

— Ой, феня какая классная! — сказала девица и бесцеремонно протянула руку к груди Сигизмунда. Там болталось дидисово изделие. — Можно?

Она подняла глаза. И тут он ее узнал.

— Аська?

Она замешкалась. Опустила руку. Склонила голову набок, прищурилась.

— Вообще-то меня Херонка зовут, — резковато проговорила она. — Слушай, а откуда я тебя знаю? — И уже деловито осведомилась: — Слушай, ты Джулиана знаешь?

Сигизмунд покачал головой. Это ни в малейшей степени не обескуражило Аську-Херонку.

— Может, ты Джона знаешь? Только не того, что в Москве, а нашего. С Загородного. Ну, у него еще Шэннон гитару брал, правда, плохую, за шестнадцать рублей, и струны на ней ножницами обрезал по пьяни. Не знаешь Джона?

Сигизмунд понимал, что может сейчас запросто сознаться в знакомстве с Джоном и наврать про этого Джона с три короба, и

все это вранье будет проглочено, переварено и усвоено Великой Аморфной Массой «Сайгона», все это разойдется по бесконечным тусовкам и сделается частью Великой Легенды, и припишется множеству Джонов, умножая их бессмысленную славу.

Однако Сигизмунду не хотелось ничего врать Аське. Не знал он никакого Джона. И Шэннона не знал. И Джулиана — тоже.

— А Фрэнка знаешь?

— Это который с усилителем на шкафу? — сказал Сигизмунд. — Знаю.

— Во! — ужасно обрадовалась Аська. — Слушай, а вот это — «Я позывам Ярилы сердечно рад — та-та-та-та… не помню… Провоняла бромом вся страна, поверьте, это любовь» — не ты для Фрэнка сочинял?

— Нет… Слушай, мать. Угости кофейком. Я тебе феню свою подарю.

Аська нахмурилась.

— Идем.

И деловито протолкалась к одному из столиков. Приткнула Сигизмунда. И тут же напустилась на двоих, попивавших свой кофеек. Те откровенно принадлежали к разряду «посетителей». Однако случайными людьми ни в коем случае не являлись.

Один был тучен, рыжеволос и громогласен. Он что-то с жаром говорил, брызгая слюной. Второй внимал. Этот второй, плохо выбритый, исключительно патлатый, в черном костюме и галстуке — впрочем, донельзя засаленном, с криво сидящими на крупном носу очками в тонкой «золотой» оправе, напоминал гробовщика из дешевого фильма ужасов.

Сигизмунд подавился кашлем. Он узнал обоих. Рыжеволосый, несомненно, был дядя Женя. Молодой, восторженный. Все так же булькал, кипел, сипел и вкручивал.

«Гробовщик» до сих пор живет где-то неподалеку. С ним, изрядно потрепанным жизнью, Сигизмунд то и дело сталкивается в супермаркете. А в день исчезновения Лантхильды он гостил у Виктории — бродил с ней по каким-то лингвистическим дебрям.

Правильно говорят: Ленинград — город маленький. И почему это, интересно, с одними людьми по жизни сталкиваешься постоянно, а с другими — никогда? Один каррасс, как выражается старик Воннегутыч?

— Самое… — разносился знакомый голос дяди Жени. — Да что там Мадам понимает… это… у них на психфаке, самое, это…

— Слышь, Гэндальф, — наехала на «гробовщика» Аська, — денег дай.

Дядя Женя, слегка набычившись, уставился на Аську с подозрением. Гэндальф шумно обрадовался.

— Херонка! А Фрэнк электрогитару купил, знаешь?

— Усилитель, — неожиданно встрял Сигизмунд. — Большой, как слон. На шкафу лежит.

— Правда? Я не знал.

— Слушай, Гэндальф, а это — «воняет бромом вся страна» — это не ты сочинил? — спросила Аська.

Дядя Женя внезапно визгнул.

— Что?! — тоненько вскрикнул он. — Бромом? Как, как? «Воняет бромом вся, это, страна»?

— Денег дай, — вспомнила Аська.

— Слышь, Эл, — обратился к дяде Жене Гэндальф, — денег дай.

— Самое… это… — завозмущался дядя Женя, суетливо вертя головой.

— Да не жмись, завтра отдам, — наехал Гэндальф.

— Ну, самое, ну, Гэндальф, это, ну ты… и-и… точно отдашь?

— Дык. Давай-давай.

Бормоча, что ему деньги завтра обязательно надо, потому что книги покупать, распечатку одну, самое, запрещенную, но фотографии сделали, самое, распечатали и всего в трех экземплярах на весь Союз, так что непременно надо, невыносимо надо, чтоб завтра деньги были… Бубня и сопротивляясь… И, наконец, сдавшись под натиском ухмыляющегося Гэндальфа, дядя Женя выдал рубль.

Тот самый полузабытый рубль цвета заживающего синяка, с Лениным. Очень мятый. Исключительно долгоживущий. Не то что нынешние тысчонки, рвущиеся уже через год.

Гэндальф тут же вручил рубль Аське.

— Живи, Херонка.

Аська тотчас ввинтилась в кофейную очередь.

Дядя Женя вдруг захохотал и повторил:

— «Бромом»! Ну, это… Ну, самое, придумали!..

Сигизмунд с изумлением смотрел, как легко расточают время эти люди. Им-то что! Они у себя дома. Сигизмунд все острее чувствовал драгоценность каждого мгновения.

Прибежала Аська. Принесла кофе. Сахар в голубеньких аэрофлотовских упаковках. Сигизмунд положил себе один кусочек, Аське досталось три.

Гэндальф с дядей Женей вели между собой какой-то малопонятный разговор.

Сигизмунд отпил кофе. Мелькнула мысль: а ведь в конце девяностых такой кофе можно отведать, пожалуй, только в дешевой закусочной где-нибудь в Риме. Или, скажем, в Неаполе. Потому как кофеварки в «Сайгоне» стояли итальянского

производства. Устаревшие, конечно.

Аська рядом тарахтела, мало интересуясь, слушают ее или нет.

Сигизмунд поглядывал на нее, поглядывал на остальных…

Из своего времени Сигизмунд знал, что все они — кто доживет до тридцати, до сорока — будущие неудачники. Возможно, они и сами — осознанно или нет — программировали свою жизнь как полный социальный крах.

Здесь, в «Сайгоне», который мнился неким пупом земли, и был корень глобальной неудачливости целого поколения. Здесь угнеталось тело ради бессмертного духа, здесь плоть была жалка и неприглядна, а поэзия и музыка царили безраздельно. Битлз. Рок-клуб. «Пропахла бромом вся страна», в конце концов.

Я стану поэтом, я стану жидом — Все, что угодно, Лишь бы не нравиться вам!

Чьи это стихи, застрявшие в памяти с юных лет? Явно ведь откуда-то отсюда!

И неостановимо, со страшной закономерностью это принципиальное угнетение тела ради духа вело к полному краху — как тела, так и духа.

Снова мелькнула в памяти надпись «ЭТОТ МИР — СРАНЬ!», которую Аська сделает спустя много лет, перечеркивая котяток на календаре. Большой ребенок дядя Женя, играющий с вандальским мечом. Похмельный Гэндальф с кефиром в супермаркете. Та неизвестная Сигизмунду знакомая Аськи, умершая от наркотиков. Да и сам Сигизмунд, чье социальное положение в 1997 году забалансирует на грани полного и окончательного краха…

Что ж, программа будет выполнена. Станем поэтами и жидами, не будем никому нравиться. А жизнь заберут в свои руки те, кто в «Сайгон» не ходил. Даже в качестве посетителей.

А пройдет еще лет десять — и настанет эпоха унитазов.

* * *

— …Ты что смурной такой? — донесся до Сигизмунда голос Аськи. — Пошли лучше покурим. Слушай, у тебя курить есть?

— Курить есть.

Они вышли на Владимирский. Уже совсем стемнело. Мимо грохотали трамваи. Трамваи были красные и желтые, совсем старенькие, — без всякой рекламы, без идиотски жизнерадостных призывов «Отдохни! Скушай ТВИКС!». Машин было значительно меньше. Иномарок и вовсе не встречалось.

Аська зорко бросила взгляд направо, налево, знакомых не

приметила, полузнакомых отшила вежливо, но решительно. Алчно потянулась к сигизмундовым сигаретам и вдруг замерла, разглядывая пачку в тусклом свете, падавшем из окна.

— Что ты куришь-то?

Сигизмунд, обнищав, перешел на «Даллас».

— Ну ты крут! Это что, американские? Ты че, фарцовщик?

— Нет.

Аська затянулась, поморщилась. Посмотрела на Сигизмунда.

— «Родопи»-то лучше.

— Лучше, — согласился Сигизмунд. И вспомнив, снял с шеи феньку. — Держи.

— Ты это правда? Я думала, ты шутишь.

— Какие тут шутки. Владей. Она тебе удачу принесет. Мужа рыжего по имени… Вавила.

Аська-Херонка засмеялась.

После сайгоновского кофе Сигизмунду вдруг показалось, что мир наполнился звуками и запахами. Их было так много, что воздух сгустился.

И вдруг от короткого замыкания вспыхнули троллейбусные провода. Прохожие сразу шарахнулись к стенам домов. Сигизмунд обнял Аську-Херонку за плечи, и они вместе прижались к боку «Сайгона».

Сигизмунд был счастлив. Над головой горели провода, бесконечно тек в обе стороны вечерний Невский, и впервые за много лет Сигизмунд никуда не торопился. Он был никто в этом времени. Его нигде не ждали. Его здесь вообще не было.

Он стоял среди хипья, чувствуя лопатками стену. Просто стоял и ждал, когда приедет аварийная служба и избавит его от опасности погибнуть от того, что на него, пылая, обрушится небо.

И «Сайгон», как корабль с горящим такелажем, плыл по Невскому медленно, тяжело и неуклонно.

* * *

На прощание Аська поцеловала Сигизмунда, сказала «увидимся» и нырнула обратно в чрево «Сайгона». Сигизмунд пробормотал, поглядев ей в спину:

— Увидимся, увидимся…

И перешел Невский. В кулаке он сжимал десять копеек, которые Аська сунула ему, чтобы он, бедненький, мог доехать до дома.

Сигизмунд чувствовал, что время истекает. Анахрон беспокойно ворочался под страной Советов в недрах земли. Но

уходить из оруэлловского года без трофея не хотелось. Подумав, Сигизмунд зашел в книжный магазинчик, над которым светилась надпись «ЛЮБИТЕ КНИГУ — ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ». Этой надписи долго еще жрать электричество — ее снимут одной из последних, заменив на какую-то рекламу.

На прилавках лежала невообразимая серятина. Процветал соцреализм: городской роман, деревенская проза, литература лейтенантов — теперь уже престарелых лейтенантов. Приключения и фантастика — за макулатуру. Продавщица отрешенно и скучающе глядела поверх голов.

Сигизмунд открывал и закрывал книги. Читать нечего. Впрочем, в конце девяностых тоже будет нечего читать. Тоже серятина, только крикливая: полуголые бабы, одетые так, что ходить-то трудно, не то что мечами махать; полуголые мужики, лопающиеся от мускулатуры; совсем голые монстры, у которых лопается все, что не чешуя…

Сигизмунд испытующе глянул на продавщицу. Интересно, что бы она сказала, увидев такую книжку?

Однако надо что-то покупать. Во-первых, за десять копеек, а во-вторых, быстро. Анахрон все настойчивее требовал к себе.

И тут взгляд Сигизмунда упал на брошюру, освященную портретом тогдашнего вождя. Нашел! Бинго! — запело в душе у Сигизмунда. Трепеща, заглянул туда, где в старое доброе время писали цену.

Брошюра — вот неслыханная удача! — была оценена как раз в десять копеек.

Сделав скучающее лицо, Сигизмунд в пустом зале подошел к кассе и пробил десять копеек. С чеком направился к продавщице. Нарочито независимым тоном потребовал дать ему брошюру «ВЫСОКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ НАРОДНОГО КОНТРОЛЕРА».

Продавщица метнула взгляд на длинный хайр Сигизмунда, на его светлую джинсовую куртку, кроссовки… С кислым видом бросила на прилавок брошюрку.

— Мерси, — буркнул Сигизмунд.

Сунул брошюрку за пазуху. И не оглядываясь пошел к выходу, спиной чувствуя подозрительный взгляд.

Пора! Надо уходить во дворы.

Сигизмунд нырнул в первую же подворотню. Попутно отметил — какие скучные, оказывается, были настенные надписи! Кроме сакрального слова из трех букв, будто и слов-то других не знали. Ни тебе «КАПИТАЛ ШАГАЕТ КАК ХОЗЯИН», ни тебе «ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА», ни тебе «БОГАТЫЕ БУДУТ ГОРЕТЬ В АДУ» или там «ЛИТВА, ПРОСТИ НАС!»

И тут его подхватило и бросило. Лицом прямо в облезлую

стену…

* * *

Этого переноса Сигизмунд не помнил. Не то спал, не то был без сознания. Ему показалось только, что тянулся перенос бесконечно долго.

Какое-то время Сигизмунд лежал неподвижно. В смеженные веки назойливо бил свет лампочки. Кругом стояла ватная тишина, нарушаемая лишь журчанием воды.

Сигизмунд чуть повернул голову. Увидел грязно-зеленую стену.

Он понял.

И тут его охватила паника. Он просто взвыл от ужаса. Попался!

Плохо соображая, что делает, Сигизмунд подбежал к герметично закрытой двери и начал молотить по ней кулаками с криком:

— Выпустите меня отсюда! А! Выпустите!..

Дверь, естественно, не поддавалась. Сам же и закрывал!.. Сигизмунд несколько раз боднул ее. У него тотчас заболела голова.

Всхлипывая и пошатываясь, Сигизмунд побрел обратно к нарам. Завалился на них.

Кошмар случившегося все больше завладевал мыслями. Он, Сигизмунд, — единственный, кто посвящен в тайну Анахрона. И он же оказался пленником адской машины. Его никто не выпустит отсюда. Никто.

Некому.

Первые несколько часов Сигизмунд обдумывал свое положение. Лихорадочно искал способ выбраться. И чем дольше размышлял, тем глубже проникался уверенностью, что выбраться отсюда не удастся.

Стало быть…

Стало быть, вероятнее всего ему придется умереть здесь. От голода.

В принципе, каждый человек знает, что когда-нибудь умрет. Ужас вызывает не мысль о смерти. Ужас вызывает определенность. Когда смерть обретает и вид, и сроки.

Паника росла. Как за соломинку ухватился за надежду, что Анахрон сработает еще раз и вынесет его отсюда. Но здесь от Сигизмунда ничего не зависело. А умолить бога Анахрона невозможно. Потому как нет такого бога.

Тогда Сигизмунд попробовал обратиться к тому Богу, который, по уверениям Федора, существует. Но ни одной молитвы толком не знал. Вдруг понял, что обращается к Творцу всего сущего как к «Богу Федора». Мол, Бог Федора, коли ты такой могучий, — услышь меня, я здесь!

Так. Все. Крыша едет. Пора приходить в себя. Белых верблюдов посчитать, что ли?

Однако это не слишком помогло. Сигизмунд, истомленный переживаниями, провалился в зыбкое забытье.

Толком поспать ему не удалось. Лампочка светила и светила, не давая глазам покоя. Разбить ее, что ли? Запустить кроссовками и… остаться в полной темноте. Наедине с кошмарами, которые обязательно повылезают изо всех углов.

Нет, лучше уж лампочка. Можно, в конце концов, куртку на голову натянуть.

Звон тонкой струйки воды из ржавого крана, поначалу не слишком заметный, постепенно стал ввинчиваться в мозги.

Неожиданно перед глазами начали вспыхивать белые пятна. Сперва показалось — в глазах рябит. Но нет. Это был еще один эффект Анахрона. Вся камера наполнилась пульсирующими огоньками. Сигизмунд наблюдал за ними с интересом, сам дивясь тому, что не испытывает страха.

Затем огоньки погасли. Будто и не было.

За самонадеянность Сигизмунд был наказан спустя короткое время, когда по всему подземелью прошел утробный низкий гул. Рычало то громче, то тише. Сигизмунд, парализованный ужасом, сидел на нарах, скорчившись. Его будто пригвоздило к доскам тысячами гигантских ледяных игл. Сейчас Сигизмунд точно знал, что там, в глубинах колодца, яростно беснуется кто-то огромный. Какая-то подземная безымянная сила, которую вызвали к жизни дед и его сподвижники.

Правильно говорили Вавила с Вамбой. В колодце кто-то таится. Вандалы — люди, близкие к природе. Они чуят.

Рычание становилось все тише и наконец заглохло. Страх не отпускал еще с полчаса. Но постепенно Сигизмунд расслабился. И тогда его вновь начало терзать неумолчное журчание воды.

Сидя на нарах, Сигизмунд обхватил голову руками, покачался из стороны в сторону, попробовал петь, но тут же отказался от этой затеи.

Потом почувствовал, что рядом кто-то есть.

* * *

Сигизмунд осторожно повернул голову и почти до крови прикусил губу, чтобы не заорать. На нарах, на расстоянии вытянутой руки от Сигизмунда, сидел Аспид.

Дед был облачен в полосатую пижаму и стоптанные тапки на босу ногу. На голове у него красовалась треуголка, сделанная из газеты. Скрестив на груди руки и зажав в зубах длинную «герцоговину», дед невозмутимо попыхивал папиросой. На Сигизмунда он не обращал ни малейшего внимания.

Некоторое время Сигизмунд опасался предпринимать какие-либо действия. Потом понял, что дед то ли не замечает его, то ли делает вид, будто не замечает, то ли вообще является иллюзией.

Осмелев, Сигизмунд начал разглядывать Аспида.

Протянул руку. Коснулся плеча Аспида. На ощупь дед был вполне живой и теплый, однако на прикосновение внука не отреагировал. Просто спустя мгновение почесал плечо.

Точно, не замечает!

Сигизмундом овладела безумная радость. Анахрон наверняка подает ему знак! Ключ, которым можно открыть камеру! Возможно, тайна зашифрована где-то здесь, она кроется в обличии деда… Сигизмунд впился в Аспида взглядом. А тот знай себе покуривает.

Газета. Может быть, разгадка — там? Сигизмунд почти носом уткнулся в газету. Это была «Правда» от… Батюшки! От 5 марта 1953 года. С портретом Сталина в траурной рамке. Знаменитый шнобель Отца Народа упирался аккурат Аспиду в переносицу. Один пышный ус свисал к аспидовой брови. Отчеркнутые красным карандашом, бросились в глаза слова: «…в памяти советских людей».

Сигизмунд зашевелил губами. «В памяти советских людей». Должен же быть здесь какой-то скрытый смысл? Но какой? Какое вообще это имеет отношение к пленению Сигизмунда в приемной камере ленинградского терминала?

Дед докурил папиросу, бросил окурок на пол. От окурка разлетелись искры, тут же обернувшиеся белыми огоньками, какие уже бродили по камере. Огоньки умножались, окутывая деда светящимся роем, и в конце концов съели его.

Сигизмунд пал на нары, заложил руки за голову. Стал соображать. Имело ли явление Аспида какой-то тайный смысл? Или не имело? Еще одна дурацкая выходка Анахрона? Но зачем?..

Он снова прокрутил в голове все, что заметил в облике деда, и понял: никакого тайного (да и явного) смысла в случившемся не было. Скорее всего, и деда в камере не было. Просто Сигизмунд увидел какую-то картинку из прошлого. А может, грезится ему. Может, он уже сошел с ума. Запросто.

Голода он пока не чувствовал. Сигизмунд перевернулся на живот, несколько раз с силой ударил кулаками по нарам, а потом натянул куртку на голову и плакал, пока не заснул.

* * *

На этот раз он выспался. Пробудил его жгучий голод. Сигизмунд пошарил в кармане куртки. Нашел кусочек собачьего корма «Чаппи». Брал на прогулку, чтобы вознаграждать кобеля за послушание.

Рассосал. Запил ржавой водой из-под крана.

Возвращаясь к нарам, заметил что-то на полу. Наклонился и поднял окурок.

Это был свежий окурок от «герцоговины».

Сигизмунд повертел бумажную гильзу в пальцах, чувствуя, как в душе нарастает паника. Из последних сил взял себя в руки и, пытаясь быть хладнокровным, спалил окурок на огоньке зажигалки. Пепел растоптал по полу. Вот и все.

Снова улегся. Уставился в потолок.

Вода текла все громче. Этот звук разъедал мозги. Сигизмунд понял, что сходит с ума.

Да. Хлипкое создание — человек. Такая способность к выживанию, такой превосходный инструмент по осознанию и преобразованию действительности, то есть — разум человеческий… Но посади все это великолепие на нары в закрытое помещение и пусти там струйку воды — и все, готово дело, летит с катушек. Горделивый рассудок послушно гаснет, и спустя пару дней налицо пускающий слюни дебил, не хуже Михайлова-младшего из справки.

Сигизмунд громко выругался, достал из-за пазухи брошюру «Высокий гражданский долг народного контролера» и принялся зачитывать ее вслух.

— Реальность — бесценное качество нашей демократии. И именно реальному ее развитию и углублению партия придает огромное значение. В целом речь идет о том, чтобы во всю ширь развернуть созидательную силу социалистического самоуправления народа. В этом и состоит смысл совершенствования политической системы нашего общества. Это и есть приближение ее к идеалу социализма.

Вообще, товарищи, равнение на высшие нормы социализма должно у нас войти в правило. О них никак нельзя забывать при оценках достигнутого. С ними надо соизмерять и сегодняшнюю практику, и планы на будущее.

Возьмите, например, святой для нас принцип социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Это основа основ той социальной справедливости, которую именно наш рабочий класс, наш народ впервые в истории превратил из мечты в живую действительность. Но сознавая все величие этого завоевания, нельзя забывать о том, что его надо и оберегать, и развивать. У нас достаточно опыта, который учит, что соблюдение принципа «по труду» требует особой заботы. Иначе приходится иметь дело с его нарушениями. С такими, которые немало вредят нашей экономике. И с такими, которые глубоко возмущают советских людей…

На последние слова Анахрон отозвался странным звуком. Где-то во чреве чудовищного механизма раздалось что-то вроде восхищенного «Ах!»

— А, проняло? — вскричал Сигизмунд, с новой силой углубляясь в речь, произнесенную Константином Устиновичем Черненко на Всесоюзном совещании народных контролеров (издана тиражом 750 тысяч экземпляров — по нынешним временам усраться можно от такого тиража!)

Места, обозначенные словами «аплодисменты» и «бурные, продолжительные аплодисменты», Сигизмунд отрабатывал буквально. Долго, яростно бил в ладоши. Вопил также — в порядке личной инициативы: «Браво! Бис!»

Потом брошюрка кончилась. Сигизмунд перевел дыхание и понял, что ему стало значительно легче. Даже звук капающей воды теперь не так его доставал.

* * *

Брошюру «Высокий долг…» Сигизмунд прочитал еще пять раз. В последний раз он уже пытался инсценировать ее. Расхаживал по камере, держа книжонку в отставленной руке, и изображал все то, о чем там было написано. Например, дойдя до слов: «Речь идет о том, чтобы привести в действие мощные рычаги личной заинтересованности», Сигизмунд с силой тянул за воображаемые рычаги.

Постепенно в голове у него складывался план спектакля. Основная тема — человек в плену бесчеловечного механизма. Вокруг Народного Контролера вертятся и скрежещут шестеренки соцсоревнования, приводятся в действие огромные рычаги личной заинтересованности и ответственности, вертятся колеса Госплана, юркают бюрократические извращения, натягиваются злокозненные нити хищений и приписок… И человек —

Народный Контролер, своего рода Новый Адам, мечущийся среди упорядоченного механического хаоса…

Занимаясь всей этой ерундой, Сигизмунд в то же время понимал, что сейчас он НЕ сходит с ума. Рассудок в полном порядке. Ситуация, как говорится в американских боевиках, под контролем.

Ну, отчасти под контролем.

Потом эта активная деятельность иссякла, и Сигизмунд впал в апатию. Он даже есть больше не хотел. Лежал, закрыв глаза и вытянувшись. Ему было скучно.

* * *

И вот в одиночество Сигизмунда вторгся новый звук. Сигизмунд мгновенно подобрался. С чмокающим звуком тяжеленная герметичная дверь разлепилась и начала медленно, мучительно медленно отворачиваться…

* * *

Ну вот и все. Пьеса закончена. Акт пятый: гибель Нового Адама. Народного Контролера, то есть. «…Скрежещет дверь. Входят слуги Госплана, дабы схватить Народного Контролера, предать его бюрократическим извращениям и в конце концов мучительной казни. Ибо не дозволено никому, а Новому Адаму — тем паче возвращаться в закрытый навеки „Сайгон“! С гордо поднятой головой Новый Адам бесстрашно…»

Ни на мгновение не переставая генерить абсурдную пьесу, Сигизмунд тем не менее испытывал самый настоящий животный ужас, ибо не сомневался: сюда пришли именно для того, чтобы его убить.

В дверном проеме показались две громадные фигуры. Палачи! Губы Сигизмунда прошептали сами собой:

— My Father! Into Your hands I commend my Spirit.

Даже не прошептали — пропели любимую мелодию из «Jesus Christ — Superstar».

Сигизмунд закрыл глаза.

* * *

Его схватили грубые руки. Сигизмунд пассивно

сопротивлялся — обвис всем телом и жалостно выстанывал последние арии из «Jesus Christ'a». Палачи сильно потянули его за запястья. «Распинание началось», — подумал Сигизмунд. Сейчас приставят к кресту и незамысловато приколотят его, С.Б.Моржа, как фанерину.

— Едрен покатух! Сигисмундс, твоя мат! Ти ест как мудак! — донесся знакомый голос.

Сигизмунд опасливо открыл глаза. Над ним болтались рыжие патлы Вавилы. Покосился чуть левее и встретился взглядом с Вамбой. «Скурин» был очень озабочен.

— Что вы там, заснули? Кантуйте его наверх! — крикнула из-за двери Аська. — Или он там у вас подох?

Сигизмунд неожиданно вернулся в реальность и вырвался из образа Народного Контролера, он же Новый Адам.

— Щас я тебе промеж глаз засвечу, узнаешь, кто тут подох! — заорал Сигизмунд. Он почувствовал себя живым. Все-таки не совладал с ним Анахрон. Не по зубам оказался внучек дедушкиной машинке!

Аська всунулась в камеру. Деловито повела глазами налево-направо.

— Говнюк ты, Морж. Мы тебя ищем, ищем… Уже думали ментам сдаваться. Нет, сперва — ну что, ну ушел мужик, ты ведь у нас половозрелый. Обидчивый стал в последнее время, вспыльчивый, нервный какой-то. Брюзжал всю дорогу, цеплялся ко всем. Слушай, может климакс у тебя? Сейчас у мужиков климакс рано начинается… В общем, Моржик, скажу прямо: мы по тебе не скучали. — Аська засмеялась и подсела к Сигизмунду на нары. Вавила с диковатой нежностью поглядывал на крошечную на фоне вандалов Аську и лыбился непонятно чему. — Ну, мы аттиле так и сказали: ушел и ушел, не дитѣ, жрать захочет — вернется. А как ты к вечеру не пришел, аттила и завелся. «Где Сигисмундс? Где Сигисмундс?» Представляешь? Всю плешь проел. Вынь да положь ему Сигисмундса. Даже Сегериха своего забыл. Наутро, едва зенки продрал, опять за свое. Я уж, чтоб его успокоить, Федору твоему позвонила. Федор доложился, что не ведает, где тебя носит. Старикан чуть из кожи вон не выпрыгнул. На койке аж подскакивает, надрывается: «Сигисмундс, мол, Сигисмундс! Искать, искать, искать!» Лантхильда зареванная ходит. Виктория бледная, утомилась переводить. А к вечеру аттила вдруг говорит: мол, в Анахроне Морж сидит. Мы ему: да в каком Анахроне, ты че, мол, старый хрен, умом тронулся? А он свое: зять мой, мол, ненаглядный, в Анахроне сидит, нутром чую. Родич он мой теперь, — это аттила так объясняет, — не могу, говорит, допустить, чтобы род мой

ущерб такой претерпел.

— Какой ущерб? — ошалев от этого потока, спросил Сигизмунд.

— Такой, что зятек в Анахроне подохнет! Трагично, мол, это! И бездарно.

— Слушай, Аська, я тут пока сидел, такую пьесу сочинил, — сказал Сигизмунд, разглядывая Аську, которую совсем недавно видел в «Сайгоне» юной.

За тринадцать лет природа стесала с Аськи юношескую округлость, сделала черты лица и фигуру более угловатыми, острыми, резкими. Отсутствие волос подчеркивало странную выразительность аськиного лица. Сигизмунд не мог понять, какая Аська нравится ему больше — образца 1984-го года или нынешняя.

— Ты что так смотришь, Морж? — вдруг насторожилась Аська.

— Так просто.

Аська вдруг разревелась.

— Ты бы хоть сказал, куда идешь, идиот! Ведь загнулся бы здесь, если бы не дед! Что бы мы делали, если бы ты… если без тебя…

— А что вы без меня? — спросил Сигизмунд мрачно. — Вы и так без меня! Я вам давно уже не нужен был!

— Дурак! Дурак! Вавила, побей его!

Вавила посмотрел на Аську, потом перевел тяжелый взгляд на Сигизмунда. Как бы оценивал: всерьез просит его разлюбезная поколотить Моржа или просто так болтает?

Вамба проговорил что-то угрожающим тоном. Надо полагать, за сохранность родового имущества радеет.

Вавила пожал плечами и засмеялся. Потом перевел взгляд на Аську, осклабился:

— Ти ест дура!

— Что, так и будем тут сидеть? — осведомился Сигизмунд.

— Это ты здесь сидишь, пузыри пускаешь! — огрызнулась Аська. — За ручку тебя водить, что ли?

— Слушай, а как вы сюда вошли?

— Ногами. Вамба-то рядом с тобой стоял, когда ты нас в Анахрон водил. Он охотник, между прочим, — это Вика говорит. Он все примечает, запоминает, все приметы, тропы там, веточки сломанные… А Вавила, кстати, — еще более крутой охотник. Это так, к сведению. Вот они всѣ и приметили, на какие ты камни жал, да куда по подземке переть… Тем более, что и коридор всего один. Слушай, Морж, а тут землетрясения, пока ты сидел, были? Мы тут приходим, глядим — ты и вправду в камере сидишь. И по

всему видать, крышу тебе вовсю сносит. Ходил взад-вперед, декламировал чего-то. А что ты декламировал-то?

— Потом. Пошли отсюда на хер.

* * *

В «предбаннике» Вавила, покосившись на Аську, вдруг быстрым шагом подошел к самому краю колодца. Аська визгнула:

— Ты куда?

Вавила обернулся, посмотрел на Аську, на Вамбу, на Сигизмунда, а потом с достоинством плюнул в колодец.

У Сигизмунда — по ассоциации с именем «Гэндальф», застрявшему от посещения «Сайгона», — вдруг появилось предчувствие, что из бездны сейчас попрут озверелые Балроги.

Однако ничего не произошло. Аська приосанилась, горделиво глянула на Сигизмунда: вот, мол, каков Вавилыч. А потом восхищенно воззрилась на вандальского раздолбая.

Вавила отошел от колодца и первым двинулся из «предбанника» в коридор. Шел высоко подняв голову и спиной источая спесь.

* * *

Первым Сигизмунда приветствовал ополоумевший от счастья кобель. Из «светелки» выскочила Лантхильда. Звучно потянула носом, всхлипнула и чинно обняла Сигизмунда. Отодвинулась. Встала, таращась и сложив руки на животе.

Из кухни выглянула Вика, что-то быстро проговорила. Исчезла.

Сигизмунд подхватил Лантхильду за бока, попытался поднять в воздух, но не смог. Оба засмеялись. Сигизмунд вдруг почувствовал, что он наконец-то дома.

Отбиваясь от восторженных наскоков пса, Сигизмунд кое-как разделся. Вошел на кухню.

И ощущение домашнего уюта мгновенно рухнуло. На кухне сидел, расположившись как у себя в хузе, незнакомый и совершенно чужой человек. Высокий костистый старик в спортивных штанах и фланелевой рубахе навыпуск, с жуткими шрамами на лице и двумя сверлильными установками вместо глаз. Длинные седые пряди, ниспадавшие на плечи, были прихвачены бисерным хайратником.

Удивительно, но хайратник папашу Валамира непостижимым

образом благообразил. Смягчал свирепый облик старого вандала. Аттила ни в коем случае не выглядел ряженым. Будто всю жизнь носил на длинных изжелта-седых вандальских хаздьос бисерные хайратнички.

Перед аттилой стоял стакан чая в подстаканнике. В том самом, что остался от Аспида.

При виде Сигизмунда Валамир скупо улыбнулся, тяжело привстал и проговорил неожиданно звучным голосом:

— Дра-астис, Сигисмундс.

— Здравствуйте, Валамир… э-э… Гундамирович, — сказал Сигизмунд, усаживаясь напротив. От Вики он уже был наслышан о том, что аттилу произвел в свое время на свет некий Гундамир. — Ну, как здоровьице? Вижу, на поправку пошли? — И уже ощущая, как «едет с крыши снег», поднял голову: — Вика! Налей мне, душенька, чайку.

— Идиот, — отреагировала Вика. Но чаю налила. — Переполошил всех. Где тебя черти носили?

— Я Сегериха искал.

— Где ты его искал?

— В «Сайгоне»… Сахарок передай.

На кухне воцарилась тишина. Валамир Гундамирович смотрел на Сигизмунда с непроницаемым видом, Вика внутренне кипела. Слышно было, как звякает ложечка, которой Сигизмунд невозмутимо размешивает сахар.

Шумно ввалились Аська с Вавилой. Валамир медленно повернул голову, глянул на них. В его взгляде мелькнуло неодобрение. Впрочем, длилось это лишь мгновение. Потом аттила повернулся к Сигизмунду и сказал что-то длинное.

Вика, стоя у плиты, перевела:

— Во-первых, ублюдок, дед благодарит тебя за гостеприимство. В гробу я видела бы такое гостеприимство. Старик перепсиховал, чуть Богу душу не отдал… Во-вторых, он спрашивает, не встречал ли ты там, где побывал, человека по имени Сегерих… Что ж ты, сволочь, врал, будто Анахрон только в одну сторону работает?!

— Я такого не врал, — стараясь держаться с достоинством, ответил Сигизмунд.

— Я вообще не знаю, как он работает. Сто раз тебе говорил, дура.

В разговор бешено вклинилась Аська:

— Черствая ты, Виктория! Видела бы ты, каким мы Моржа нашли! Все, помирал! Отходил мужик! Уже судороги по всему телу шли, предсмертная зевота, и крышу напрочь сносит! Еще чуть-чуть — и…

— Йаа, йаа, — солидно подтверждал Вавила. — Ми говорит: ти, Сигизмундс, ест как тот уллюдок! Как… гепид! В натур! Йаа…

Валамир не обратил на эту тираду ни малейшего внимания. Опять заговорил с Сигизмундом, медленно и серьезно.

Вика сказала, дождавшись, пока старик отговорит:

— В общем, так, Морж. Давай-ка рассказывай, что там произошло. Этим мудозвонам Валамир не доверяет, хочет услышать всю байку из первых уст. И имей в виду: он пока что тебя, говнюка, вроде как уважает. Да, кстати. Мне это все на вандальский переводить, так что постарайся в изложении избегать выражений типа «коленвал» и «транзистор».

— Обижаешь, Виктория. Я и слов-то таких не знаю… Маслица мне на хлебушек намажь.

— Все, хватит придуриваться. Тебя попросили — рассказывай. — Вика говорила нежнейшим тоном и не переставая обворожительно улыбаться. — Учти, я тут лыблюсь исключительно ради того, чтобы деда не огорчать. А так — глаза бы тебя не видели.

— Змеюка ты подколодная, — подала голос Аська. — Морж, ты на нее внимания не обращай. Она у деда нынче в любимых внучках. С его голоса поет. Что старец ни сбрешет — все записывает. И артикуляции в блокноте рисует. Как он губы складывает, да как язык вытягивает. А правда, Морж, где тебя носило?

* * *

Несколько дней Сигизмунд ходил с отрешенно-скорбноватым взглядом вернувшегося с войны солдата. Эрих-Мария Ремарк и все такое прочее. Кто бы ни встречался с ним глазами, неизменно видел это выражение: пережили бы вы, ребята, то, что мне довелось!..

Но угнетало по-настоящему другое. Сигизмунд постоянно чувствовал отныне свое бессилие перед Анахроном. Теперешняя жизнь представлялась ему зыбкой. Не менее зыбкой, нежели краткое пребывание в 1984 году. Дошло до того, что Сигизмунд начал ощущать натяжение временных канатов Анахрона, удерживающих его здесь и сейчас. А может быть, не только его. Может быть, всех.

Эта шаткость бытия подчас казалась невыносимой. Она была сродни обостренному чувствованию смерти.

Такое направление мыслей Сигизмунда подогревало еще одно обстоятельство. На второй день после возвращения в

разговоре с Викой Сигизмунд еще раз назвал дату: 14 ноября 1984 года. Вика вдруг спросила:

— Слушай, Морж, а ты не боялся встретить там самого себя?

— Я об этом как-то не думал, — признался Сигизмунд.

— Странно. Это ведь один из парадоксов путешествия во времени. Столько книг написано. Герой убивает собственного дедушку и так далее…

— Когда я был там, — медленно проговорил Сигизмунд, — я вдруг понял, что все это лажа.

— Что лажа?

— Все эти парадоксы. Лажа. Я не могу объяснить, почему. Просто я знал это. И знаю.

— Так все-таки что ты делал 14 ноября 1984 года? Я имею в виду — в ПЕРВЫЙ раз.

— Неужели ты думаешь, что я по датам помню… — начал было Сигизмунд и вдруг осекся. — Блин!

Конечно же он помнил эту дату. Поначалу даже думал отмечать ее как свой второй день рождения. И чтобы не забыть, на следующий день, 15 ноября 1984 года, записал ее на стене гаража. Красным карандашом. И конечно же забыл.

В тот день, 14 ноября 1984 года, на восемнадцатом километре Выборгского шоссе он едва ушел от лобового столкновения с «Колхидой». Сигизмунд так и не узнал, почему грузовик вылетел на встречную полосу. Уже темнело. Впереди Сигизмунд видел фары. Затем «Колхиду» неожиданно понесло ему навстречу. Он помнил нарастающий рев, надвигающуюся массу грузовика, свист ветра — и стихающий вдали рев дизеля.

Сигизмунд проехал еще немного, потом выехал на обочину и остановился. Полежал лбом на руле. Покурил. Вышел из машины, побродил вокруг. Затем плюнул, сел за руль и поехал домой.

Трясти его начало уже поздно вечером, дома. Сигизмунд пошел к одному другу — в те годы у него еще оставались друзья — и нажрался.

Что же получается? А получается, что в тот день Морж подвис на ниточке. И бытийная масса у него была как у птички.

Черт! И спросить ведь не у кого! Посоветоваться не с кем! Что, к Никифоровичу на могилу идти, устраивать там столоверчение с вопрошанием?

Аспид ему, видите ли, в Анахроне являлся. Интересно, кстати, а что такого поделывал Аспид 5 марта 1953 года? Федор Никифорович говорил, что Сталин, вроде бы, в последние годы был очень недоволен группой Анахрона. Особенно после переноса злополучной овцы. Так что, может быть…

А что гадать? Тут-то как раз есть, у кого спрашивать. 5 марта

1953 года — такая дата, которую — кто пережил — помнят.

Разговор с матерью, вопреки ожиданиям, прояснил немногое. В день смерти Сталина дед пришел домой к вечеру. Взял со стола газету с портретом вождя и учителя в траурной рамке. Ангелина была заплаканная и испуганная. В доме торжественно-скорбно вещало радио.

Дед выключил приемник. Взял газету. Посмотрел на покойного теперь усача. Хмыкнул. Переоделся в пижамный костюм, а потом уселся за стол и неторопливо сделал из газеты шапку-треуголку. Нахлобучил ее на голову и проходил в таком виде весь вечер, к величайшему ужасу дочери. Ей казалось, что отец совершает святотатство, однако возражать ему не смела. По правде сказать, Аспида Ангелина боялась куда больше Берии.

С другой стороны, кто знает, какая опасность в тот день угрожала Аспиду? Дед ведь никогда ничего не рассказывал.

Так что можно предположить, что 5 марта 1953 года дед находился в таком же подвешенном состоянии, в каком пребывал его внук 14 ноября 1984 года.

Сигизмунд невнятно поблагодарил мать и, ничего не объясняя, положил трубку.

Виктория терпеливо ждала. Сигизмунд повернулся к ней и, увидев выжидающее выражение ее лица, вдруг разозлился. Похоже, Вика из тех, кто ради новой информации готов претерпевать любые неудобства, как моральные, так и физические. Потому и с карьерой распрощалась. И его, Сигизмунда, выходки терпит. А перед папашей Валамиром, старым хрычом, просто стелется. Колодезь в нем усматривает бездонный.

— Вика, — спросил Сигизмунд, — а у тебя бывало, чтобы ты чудом от смерти спасалась? Несчастный случай там какой-нибудь…

— Нет… А, был! — вспомнила Вика. — В 85-м году была в молодежном турлагере на Западной Двине. Как раз сухой закон начался, помнишь? Мы в пику Горбачеву добыли портвейна и нажрались до поросячьего визга, а потом купаться пошли. Там водовороты… Меня за волосы вытащили, инструктор откачивал рот в рот, все такое. Я потом в него влюбилась. А что?

— Да так, — сказал Сигизмунд. — Просто имей в виду. У меня тут гипотеза одна проклюнулась. Эмпирическая, так сказать. В общем, Вика, знай: ежели Анахрон тебя когда-нибудь сцапает, то скорее всего потащит тебя в 85 год. В тот самый день. Долго, скорее всего, не продержит. Так что захочешь поглядеть на своего инструктора — торопись. Впрочем, я не уверен, что тебя на Западную Двину закинет. Я в тот день был на Выборгском шоссе,

а ВТОРОЙ РАЗ оказался здесь, неподалеку… Похоже, он слабо перемещает в пространстве. Выдыхается.

— Да? — спросила Вика. — А как он, в таком случае, перебросил сюда наших вандалов? Не жили же они на берегах Невы.

— Не знаю. Федор Никифорович говорил что-то о зонде-передатчике. Ну, зонд они туда запускали. Под идола замаскировали.

— Бред какой, господи!

— Бред, — согласился Сигизмунд. — Да только в этом бреду мы тут всем миром обитаем.

— А все-таки побывать бы в пятом веке! — сказала вдруг Вика. Аж слезы на глазах выступили. — Я ведь знаешь, о чем мечтала? Я ведь как думала? Запустим Анахрон — и…

— Шмотки возить? — спросил Сигизмунд. — Челноками? Туда — гонконговские калькуляторы да турецкие куртки, оттуда — золото и археологические раритеты…

— Сейчас по морде схлопочешь! — сказала Вика. — С ума сошел? Такой материал! Я бы видеокамеру купила! Ты не понимаешь…

— Да уж где нам, сиволапым… Кстати, меня перед тем как в соседних дворах приземлить, Анахрон, кажется, бросил-таки в твой любимый пятый век.

Вика вся напряглась.

— И как там? Что ты видел?

— Звезду видел. Склон оврага.

— И все?

— Да я там минуты три пробыл от силы. Да, еще гарью там воняло.

Вика расплакалась.

— Да что ты, в самом деле! — огорчился Сигизмунд. — Ну не могу я управлять этой железной дурой! Я-то в чем виноват? У тебя на руках четыре вандала и фракиец. Изучай, пока не унесло…

И тут Сигизмунда озарило. Он посидел с раскрытым ртом, потом проговорил медленно:

— Слушай, Вика. А ведь все сходится. Там ведь действительно гарью пахло.

— Ну и что? Костры?..

— Да нет, костры так не пахнут. Похоже, там все село пожгли.

— Кто пожег?

— Откуда я знаю, кто? Мне не доложились. Враги какие-нибудь. Были у вандалов враги?

— У всех были… Стой. Дед же рассказывал, что неспокойно у них в последнее время стало. Потому Вамба так и интересовался огнестрельным оружием, кстати. — Вика посидела, хмурясь.

— Так что же получается? — сказал Сигизмунд. — Если моя теорийка имеет под собой основания… а село ихнее действительно пожгли… то бытийная масса наших гостей уменьшилась до нуля. Стало быть, они здесь всерьез и надолго. Так?

Вика поразмыслила еще немного. Потом решительно сказала:

— Думаю, ты прав. Знаешь что, Морж, надо аттиле сказать, что село сожгли.

— Ты что, с ума сошла? Старика в гроб загнать хочешь? Если он здесь навегда, то лучше ему не знать…

— Ты плохо его знаешь, Морж. Это такой старик, которому лучше говорить правду

Глава восемнадцатая

Сигизмунд впервые присутствовал при рассказах аттилы.

Они собрались на этот раз не в «светелке», а в гостиной. Лантхильда устроилась за столом, положив подбородок на кулаки, и не сводила со старика глаз. Иногда шевелила губами, словно повторяя за ним. Наверняка слушала не по первому разу.

Вика неподвижно сидела рядом со стариком, держа на коленях маленький диктофон. Аттила не обращал на диктофон никакого внимания. Говорил себе и говорил.

Сигизмунд боялся, что будет скучно. Языка он не понимал, а Вика не переводила.

Но скучно не было.

Видно было, что дед Валамир — искусный рассказчик. Он то хмурился, то вдруг раздвигал кустистые брови и лучезарно улыбался, то выдерживал драматические паузы, после которых произносил фразу-другую чужим голосом, иногда торжественно-басовитым, иногда дрожащим или тонким. Да, Виктория права: нужно добывать камеру и снимать старика на видео.

Очень скоро Сигизмунд перестал замечать шрамы на лице Валамира. Да и сам Валамир как-то исчез, растворился в том бесчисленном множестве персонажей, что действовали в его историях. Сигизмунд «уплывал». Подобный эффект иногда постигал его во время пения Мурра.

И чем больше Сигизмунд наблюдал за аттилой, тем больше понимал: Валамир — умный, волевой человек, привыкший держать свой род крепкой рукой. Эта сильная воля накладывала неизгладимый отпечаток на все, что делал или говорил аттила. Сигизмунд вдруг понял, что его это непостижимым образом успокаивает.

Вика, щелкнув диктофоном, поставила новую кассету. Аттила терпеливо ждал, пока она снова включит диктофон. Вика кивнула. Валамир заговорил снова. В глазах заискрилось лукавство, рот раздвинулся в усмешке. В речи замелькало имя Вамбы.

Сигизмунд не выдержал — попросил перевести.

— «И вот когда народился Вамба, устроили большое пиршество. День пировали, другой допировывали. Вамба родился, когда урожай был снят. В сытное время родился Вамба. Искали имя. Все предлагали разные имена. И Валамир предлагал. И Сегерих предлагал. А Гундамуд-Молчун сидел и молчал. И вдруг в брюхе у него заурчало. И отверз уста и сказал: «Вамба».[note 7] Гундамуд-то — он умом недалек. Но поняли все, что прав на этот

раз Гундамуд. И впрямь, сытное имя — «Вамба». И стал Вамба Вамбой. А когда минуло Вамбе пять зим, дожди шли и урожай сгнил. И на следующий год плохо земля родила. И голод был. Вамба ходил сам тощий, а брюхо большое.»

Аттила выждал, пока Вика закончит, — перебивать не унизился, — и еще одну историю поведал.

«У Бавдериха жена была дивно толстая. Поначалу не была она столь толстой, но после седьмого дитяти вдруг отучнела. И вот как-то летней порой пошел Бавдерих с женой в лес. Недалеко от села. В лесу том — кусты ягодные. Густые-прегустые. Вот ходят Бавдерих с женой по кустам, кормятся. Разошлись в разные стороны. И вдруг помнилось Бавдериху, медведь бродит. В нескольких местах ветки хрустят под тяжестью звериной. Бавдерих, такое дело видя, из кустов тишком вылез. Копье при нем было. Ясно, что с копьем в куст не полез. Копье в стороне лежало. Вот взял Бавдерих копье, стоит — слушает. То тут, то там хрустнет. В одном месте тяжело хрустит, а в другом — еще тяжелее. А неудобно стоял Бавдерих — солнце ему в глаза светило. И с места не сойти, нельзя себя выдать зверю лютому. И за жену боязно. И злобствовал Бавдерих: зачем баба глупая с ним пошла! Наконец хрустнуло совсем тяжко — и метнул Бавдерих копье в медведя. А оттуда жена его как заорет! Позабыв обо всем, бросился Бавдерих на голос. Глядь — жена с копьем в боку лежит в кустах и глаза уже закатила. Оборачивается — а над ним медведище огромный стоит, морда с проседью, когти как ножи, клыки — и того больше. И заломал зверь Бавдериха. А потом ушел, дал подтухнуть. После вернулся — объел Бавдериха с женой. Два раза солнце всходило — хватились в селе Бавдериха. Нашли и его, и жену. Всем миром смекали — поняли, как было дело. Вот как случилось с Бавдерихом».

Эту историю Вика тоже для Сигизмунда перевела. Сигизмунд вдруг понял, что Лантхильда — еще в самом начале их отношений — пыталась рассказать ему о Бавдерихе. Рисовала ему медведя, мужика с толстой бабой, кусты… Он тогда не сообразил, о чем это.

Спросил, как догадались, что медведь таким был, а не иным.

Аттила сказал, что это умному Сегериху в голову пришло.

И добавил что-то, посмотрев на Сигизмунда пристально.

— Что он говорит? — жадно спросил Сигизмунд. А про себя вдруг подумал: может, и вправду язык вандальский выучить?

— Говорит, что медведя этого боги послали. Бавдерих некогда клятву преступил. Хоть у аланов давал клятву в роду Андага, а все равно настигли боги и покарали.

— А какую клятву?

— Того никто не помнит. Но аттила считает — боги покарали. И Сегерих так считает. Похоже, Сегерих у них в селе и впрямь за самого умного канал.

— Спроси, какой он из себя, Сегерих-то? — попросил Сигизмунд.

Аттила охотно объяснил: не самый умный, но самый правильный. Сегерих — родич аттилы. Стало быть, и Сигизмунду он родич тоже. Если Сегерих за что-то взялся — значит, смело можно за это браться. Сегерих всегда примером служит. Поэтому и ищет аттила Сегериха. Где Сегерих прижился и как обустроился — так и нам поступать должно, не ошибемся.

— В «Сайгоне», во всяком случае, Сегериха не было, — мрачно сострил Сигизмунд.

— Естественно, не было. Такие, как Сегерих, в «Сайгон» не ходят. Туда такие, как Вавила, ходят.

Сигизмунд посмотрел на сияющую Лантхильду, на аттилу, который победоносно улыбался, видя, что его рассказы произвели сильное впечатление, и вздохнул. Надо как-то сказать им, что в овраге близ села гарью пахло.

Сигизмунд решил зайти издалека.

— Вика, спроси: у них там часто пожары бывали?

Вика переговорила с аттилой, потом покачала головой.

— Пожары нечасто, а вот лихие люди, случалось, бродили.

Сигизмунд покусал губу. Аттила посмотрел на него с внезапно вспыхнувшей тревогой. Отрывисто спросил о чем-то. Сигизмунд бросил взгляд на Вику.

— Скажи ему…

Вика, осторожно подбирая слова, заговорила с дедом Валамиром. Тот слушал, все больше супя лохматые брови. Переспросил. Вика подтвердила. Неожиданно дед метнулся через стол и схватил Вику рукой — не рукой, а лапищей, волосатой, в белых шрамах. Тряхнул, рыкнул что-то. Вика кивнула.

Тогда он оттолкнул ее руку, отвернулся и замер в неподвижности с каменным лицом. Лантхильда что-то испуганно пролепетала. Аттила даже не повернулся в ее сторону.

Вика посидела, потерла запястье — там остались красные пятна. Потом встала и вышла из комнаты.

Сигизмунд чувствовал себя неловко. Лантхильда уставилась на него. У нее уже покраснел кончик носа, в глазах набухали слезы. Сигизмунд поднялся, подошел к Лантхильде, чтобы утешить. Она с ревом приникла к его груди.

Вернулась Вика. Сигизмунд думал, что она обиделась на старика, а она, оказывается, на кухню ходила. Принесла ему горячего молока с медом и маслом. Видать, старому вандалу этот

напиток казался верхом сытости и благополучия.

Поставила перед ним стакан в аспидовом подстаканнике. Как символ власти утвердила.

Не поблагодарив, дед медленно осушил стакан. Сигзмунд вдруг понял, почему Виктория боготворит Валамира. На этого старика действительно можно было валить и валить — проблемы, беды, ответственность. Эти широкие плечи не гнулись.

Глядя, как Валамир пьет горячее молоко, Сигизмунд думал — и мысли эти удивляли его самого: вот отец, которого я всегда себе желал. И не то, чтобы он не любил Бориса Моржа, за которого вышла замуж Ангелина Стрыйковская. Любил, конечно. Но по сравнению с Валамиром жидковат Боря. Если уж честно, ни в какое сравнение не идет он с Валамиром, сыном Гундамира.

Допив молоко, старик помолчал еще немного. А потом, обратившись к Виктории, проговорил:

— Если наше село и вправду сгорело, то, выходит, мы навсегда останемся жить у Сигизмунда?

— Почему? — поразилась Вика.

— Потому что нам некуда возвращаться.

* * *

Мысли разом поднялись в голове у Сигизмунда и завертелись в бешеном вихре. Итак, теория бытийной массы. Чем меньше бытийная масса, тем легче Анахрон удерживает перемещенного во времени человека там, куда его забросило. Если бы Сигизмунд 14 ноября 1984 года погиб в ДТП — или, скажем, последствия аварии были бы очень тяжелы, то…

Старый вандал интуитивно угадал один из принципов работы Анахрона. Село сожгли какие-то «лихие люди», бытийная масса его обитателей понизилась практически до нуля, следовательно…

Ай да дед Валамир!

— Спроси его, что он думает делать.

— Он прав?

— Вот именно.

Вика коротко переговорила с Валамиром. Тот сказал ей что-то, пожав плечами.

Вика обратилась к Сигизмунду.

— Он говорит: один раз ему доводилось пережить такое нападение. Его род — кто уцелел — должен выжить. Он не допустит, чтобы его род погиб. Он говорит: «Будем выживать».

Старик помолчал немного. Потом поднял голову. Видно было, что он успел принять какое-то решение. Повернувшись к

Сигизмунд, проговорил что-то, сильно хлопнув ладонями по столу.

— Что он хочет?

— Говорит: «Сигизмунд, я хочу, чтобы ты научил нас, как можно выжить здесь.»

* * *

Вечером, выгуливая пса и слушая его бессмысленный лай на какую-то очередную кошку, Сигизмунд сердито бормотал себе под нос:

— Хорошенькое дело. Только этого мне не хватало. «С.Б.Морж: Школа выживания. Обучаю вандалов выживать в условиях постперестроечной России».

Он замолчал. Остановился. Мысль взорвалась в мозгу, как петарда.

Школа выживания. ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ! А ведь это бизнес.

Ослепительно-белая вспышка первой мысли мгновенно рассыпалась на множество суетливо вертящихся звездочек. Припахать бойца Федора. Вамбу припахать, он у нас, кажется, охотник. Вавилу — тоже. Дидиса. Ну конечно же Дидиса! Вот великий спец по части выживания. Психолог. Он же раб, сменил кучу хозяев, Аська рассказывала. И мастер на все руки…

Стоп! Они же все беспаспортные…

Херня! Оформим на подставных лиц.

Так! Сфера услуг делится на две категории: выживание в лесу и выживание в условиях мегаполиса. Федор. Шурин Федора. Вандалов — в лесной сектор. Семинар по гибкости психологии: умение приспосабливать психику к любым условиям — это повесим на раба.

Сигизмунд хмыкнул. Идея сперва помстилась гениальной, спустя мгновение — абсурдной, но по зрелом размышлении налилась неожиданно осязаемой плотью. Одуряюще запахла деньгами.

* * *

Впервые за много дней Сигизмунд проснулся с ощущением, что вчера произошло что-то светлое. Мгновенно вспомнил: школа выживания.

Не вставая с постели, потянулся через Лантхильду к телефону, набрал федоровский номер. Ясно было, что сейчас,

когда дела «Морены» прочно встали, Федор где-то подхалтуривает. Сигизмунд хотел поймать его до ухода на халтуру.

Федор еще спал. Был разбужен. Заслышав строгий голос Сигизмунда, мгновенно собрался и сделал вид, что давно бодрствует.

— Слушаю, Сигизмунд Борисович.

— Знаешь что, Федор. Подъезжай-ка ты ко мне сегодня к шестнадцати часам, — сказал Сигизмунд многозначительно.

— Домой?

— Да. Разговор будет.

Положил трубку. Настроение стало еще лучше. Поцеловал спящую Лантхильду. Она показалась ему трогательной и доверчивой. Такая тепленькая, мягонькая.

На кухне о чем-то громко переговаривались аттила с Вамбой. Вандалы покамест не избыли привычку вставать на рассвете.

Когда Сигизмунд вошел, Вамба сказал ему:

— Сигисмундс! Вавила звонит озо надо. Да?

Судя по тому, что оба выглядели встревоженными, разговор шел о запахе гари, который слышал Сигизмунд, когда был в овраге.

— Йа, — сказал Сигизмунд. — Звони.

Надо же, какая деликатная у него вандальская родня: не стали вламываться в супружескую спальню, ждали, пока Сигизмунд проснется.

Сигизмунд сварил себе кофе. Аттила сидел безмолвно, погруженный в невеселые думы, постукивал по столу пальцами. Попивал крепкий чай из стакана с подстаканником, с сахаром вприкуску. Прямо совдеповская привычка у старого вандала образовалась.

Вамба переговорил с Вавилой по телефону (Лантхильду, когда спит, из пушки не разбудишь, особенно в последнее время). Вернулся на кухню. Доложился деду, что, мол, придет Вавила. Это даже Сигизмунд из их краткого диалога понял.

Сигизмунд допил кофе. Закурил. К его удивлению, Вамба вдруг попросил у него сигарету.

— Ты что, куришь? — изумился Сигизмунд.

Вамба хмуро улыбнулся. Ответил:

— Ино-гда.

Встал, включил вытяжку. Дед взял еще кусок рафинада, опустил в чай, принялся шумно сосать. Сигизмунд пустил по столу пачку сигарет навстречу Вамбе. Вамба ловко выудил одну, щелкнул зажигалкой. Аттила и бровью не повел. Сигизмунд вдруг подумал: еще десять лет, а то и меньше — и Ярополк туда же:

папа, дай на курево, а то мама не дает. М-да.

Сигизмунд встал из-за стола. Свистнул кобелю.

* * *

День занимался теплый. Зацветала черемуха. Конкурируя с ней, набухала сирень. Сигизмунду было жарко в куртке. Пес ушел в кусты — инспектировать.

…Эту парочку Сигизмунд увидел издалека. Очень издалека. Мудрено было не заметить.

Рослая личность в джинсах, с длинными рыжими патлами, ниспадавшими на малиновый пиджак, несомненно, являлась Вавилой. Пиджак был Вавиле чуток коротковат. И вообще выглядел вопиюще снятым с чужого плеча. Распахнутый на груди пиджак позволял обозревать изображение оскаленного черепа на черной футболке и ожерелье из деревянных свирепых ублюдков — изделие рук самого мастера.

На локте у Вавилы висла свежебритая наголо Аська. По случаю наступившего лета вырядилась в шорты. Из шорт жалобно торчали бледные тонкие ноги с костлявыми коленками.

Завидев Сигизмунда, оба радостно загалдели и замахали руками. Сигизмунд не сразу заметил, что в некотором отдалении от парочки тащится раб Дидис со здорово битой мордой. От скалкса ощутимо несло неумело разрешенной проблемой.

Вавила с Аськой бурно здоровались с Сигизмундом. Их переполняли новости и эмоции. Дидис уселся на корточки под деревом, хмуро отвернулся и замер. Из кустов вышел кобель, деловито обнюхал раба, снова ушел. Тот не пошевелился.

Сигизмунд покосился на «выдающегося албанского драматурга».

— Что это с ним?

Аська отмахнулась.

— Да погоди ты! Тут у нас такое… — Она засмеялась и еще теснее заплясала вокруг Вавилы, перебирая тонкими ногами. — Представляешь! Вчера ночью пошли любоваться мостами. Правда, мы опоздали, там уже все развели к херам, ну да ладно, все равно красиво, ночи белые, все так романтично, автобусы с турьем ездят, кругом все фотографируются со вспышками, смеются, пьют, музыка орет — ну прямо свадьба на весь город, только не пойму, чья. Ой, Морж, я тут такое вспомнила! Мне лет десять назад один мужик в «Сайгоне» такое предсказал — умрешь! Знаешь, что он мне предсказал? Что я выйду замуж! Знаешь, за кого? За рыжего человека по имени Вавила! Представляешь?

Усраться! Все сбылось! В общем, шкандыбаем мы с Вавилычем, мостами полюбовались, пошли пиво пить в один ларек. Хороший ларек, его чучмеки какие-то держат, но очень культурные чучмеки, только не надо пиво из холодильника брать, когда предлагают, у них холодильник ядерный, пиво замерзает вовсе. Приняли, с собой взяли — идем уже домой, и тут в одном переулке — знаешь, если от ларьков ко мне идти дворами? — вот там, где трамвайные пути, едет… — Аська надула щеки, слегка присела, разведя коленки в сторону. — Вот такая навороченная тачка! И чуть меня не сбила! В натуре! Прет прямо по путям, скорость — как на хайвее. Во! Вильнул в последний момент, шоркнул крылом по водосточной трубе, что-то там себе поцарапал — остановился. Вылезает оттуда во такая горилла в красном пиджаке. Башка круглая, бритая, морда тупая, все как положено. Мат-перемат, орет на меня: «Сейчас у меня ляжешь, ты!.. Все!.. Да я тебя!..» — ну, что обычно. И на меня идет. А за трубой, об которую этот хмырь тачку поцарапал, у стены как раз Вавилыч отливал. Представляешь? Вавилыч его за уши взял и приложил к стене. Хмырь ослабел. Вавилыч его отодрал от стены и еще раз приложил. Хмырь совсем ослаб. Храпеть начал, как жеребец. Вавилыч подумал-подумал, положил его мордой об капот. Стеклоочиститель оторвал. Рядом положил. Я говорю: «Трофей возьми!» Вавилыч говорит: мол, голову за такую малость отрезать западло, к тому же мужик без памяти. Я говорю: ты че, голову резать? Негуманно! Скальпом обойдемся. Вавилыч и говорит: какой тут скальп, мужик вон бритый наголо, почище тебя. Это он мне, значит. Короче, снял Вавилыч с него пиджак, померил — подошло. Во! Ну и пошли.

— А Дидису кто рыло начистил? — спросил Сигизмунд, ощущая смутное беспокойство при виде угрюмого раба. Он чувствовал, что похищением красного пиджака дело не ограничилось.

— А-а! — обрадовалась Аська. — Ты думаешь, с чего все началось? Чего нас понесло пейзажами любоваться? Вавилычу отойти надо было. Ты думаешь, раз он вандал, так у него и нервов нет? Вандалы вообще народ нервный и нежный, это мне Виктория научно объяснила, она это в книжке одной вычитала. В научно-исторической. «Они, Анастасия, — это Вика говорит, — прямо как орхидея. Оранжерейные, тепло любят и комфорт. Им это для разложения необходимо».

— Для какого разложения? — ошалел Сигизмунд.

— Для такого. Ты Викторию спроси, она тебе все расскажет. Она у нас теоретик вандализма, это я — практик… Вот, значит, что было-то. Дидис — у-у-у! — Аська погрозила безучастно

покачивающемуся на корточках рабу кулаком. — Вчера вечером Вавилыч — чин-чинарем — вечером начинает требовать у него отчетности. Мол, сколько произвел, сколько продал, какова прибавочная стоимость, все по марксизму-ленинизму, короче — гони бабки! А этот мудила грешный самоопределения захотел. Успел где-то глупостей набраться. Врет, правда, что сам дошел. Представляешь? Здесь, мол, рабов нет, здесь, мол, каждый сам за себя. И нет у тебя, Вавила, никаких способов меня, раба Дидиса, эксплуатации подвергнуть. А ведь и правда — нет, а, Морж?

— Нет, — сказал Сигизмунд. — Представляешь, придет Вавила в ментовку с заявлением: мол, бунтует раб, прошу оказать содействие в подавлении бунта…

Аська захохотала.

— Я Вавилычу объясняю, объясняю… Столько лет у нас с этим рабством боролись, Царя-Освободителя грохнули… Как об стену горох! В общем, подрались они, Морж. Вернее, Вавилыч Дидису ряху начистил. Мебель мне перевернули, ублюдки. Вавилыч поостыл немного, я ему говорю: пойдем пройдемся, отдохнем, а завтра к Моржу сходим, пусть Морж рассудит. Вавилыч свое: мол, буду я еще с рабом судиться, да я его, падлу, повешу своими руками — и весь разговор. Я говорю: с ума, говорю, сошел — живого человека за такую малость вешать! Да и то сказать, нет у нас рабов, говорю тебе, уже сто лет как отменили это безобразие. И правильно, говорю, отменили. В общем, пошли мы с Вавилычем гулять… Пиджак малиновый добыли… А ты что скажешь, Морж?

Вавила поглядывал на аськины ноги с изумлением и восторгом — должно быть, никогда прежде такого дива не видывал, — а на Дидиса — с тяжелой злобой.

Сигизмунд тоже поглядел на раба. Ишь ты, свободы захотел. Быстро же просек, подлец, что нет в бывшей Стране Советов такого механизма, чтобы его, Дидиса, в неволе удержать. Да, адаптивность потрясающая. Гибкость психологии на высоте.

Будущий штатный психолог школы выживания тупо смотрел в одну точку и тянул сквозь зубы монотонную мелодию. На его битой роже застыло выражение непоколебимого упорства.

В принципе Сигизмунд, конечно же, рабству не сочувствовал. Считал его гнусным общественным установлением. И все детство мечтал поехать куда-нибудь в Анголу бороться за права угнетенных.

И вот — факт, так сказать, упрямая вещь: налицо раб, а он, Сигизмунд, сообразуясь с экономическими требованиями момента считает, что освобождать его нецелесообразно.

Ибо…

Тараканобойный промысел скис окончательно и бесповоротно. «Морене» настал закономерный карачун. Организация школы выживания уставом «Морены» не предусмотрена. Вывод: «Морену» закрыть, перепрофилироваться, открыть новую фирму с новым уставом. На все уйдет месяца два. Эти два месяца надо как-то прожить. Единственный реальный источник доходов сидит сейчас с битой мордой под деревом и ноет сквозь зубы. Как ни крути, а жить придется на рабские деньги. И освобождать сейчас Дидиса — значит, поставить крест на грядущем процветании.

Как бы его все-таки удержать в рабстве? Так. Мысль Сигизмунда заработала в этом направлении и очень скоро набрела на единственно правильное решение. Есть социальный механизм, способный удержать Дидиса. И этот механизм будет запущен.

— В общем так, Аська. Через два месяца Дидиса освобождаем. Выдаем ему паспорт наравне со всеми. Будет артачиться или, скажем, плохо работать, вздумает хамить или бунтовать — всђ, пусть идет на все четыре стороны. Не будет ему ни паспорта, ни нашей любви и дружбы. Ну как?

Вавила заворчал: мол, добывал он Дидиса себе в рабы трудно — кровь за него проливал; не на торжище, чай, прикупил, а в гуще кровавой сечи… Но в конце концов согласился с мудрым решением Сигизмунда. Дидис тоже, вроде, немного оттаял.

* * *

Сигизмунд сидел у себя в комнате, возле компьютера. Рядом притулилась Лантхильда — Виктория добыла ей веретено, и Лантхильда увлеченно пряла из собачьей шерсти.

На кухне уже третий час разговаривали вандалы — аттила, Вамба и Вавила. Аську аттила отослал — нечего, мол, женщине делать на совете воинов. Обиженная Аська утащила домой и Дидиса — эксплуатировать.

Сигизмунд разложил на столе все уставы, по которым трудился последние десять лет. За стеной снова горестно взревел Вавила — переваривал весть. Лантхильда озабоченно поворачивала голову на голос, косилась на Сигизмунда и снова возвращалась к прядению.

Четыре устава. Первый, еще допутчевый, отпечатан Натальей на пишущей машинке «Украина». Буква «о» со щербинкой. Наталья печатала у себя на работе, неумело тыча одним пальцем в клавиатуру.

Последний выведен на лазернике, красивые шрифты, оформлен титульный лист.

Навалились воспоминания — такие отчетливые, что Сигизмунд вдруг испугался: не начал ли Анахрон очередное перемещение? Потянулся, взял Лантхильду за теплую руку. Нет, здесь он, в комнате. Перечитывает уставы.

Впрочем, он помнил их почти наизусть.

Позвонили в дверь. Сигизмунд поднял глаза на часы. Боец Федор прибыл минута в минуту.

На кухне замолчали. Прислушивались. Потом снова начали гомонить.

Упругой походкой, настороженно поводя глазами, Федор проник в комнату. Метнул мгновенный взгляд в сторону Лантхильды.

— Дра-астис, — важно молвила Лантхильда.

Не отвечая, Федор опустился на краешек стула. Сигизмунд плюхнулся напротив него на тахту. Помолчали. Сигизмунд откровенно забавлялся. Он почти ВИДЕЛ, какие мысли ровным строем маршируют за федоровским лбом. Подозрения. Насчет него, Сигизмунда. Подозрения, конечно, тотальные и самые страшные. Международный наркобизнес, зомбирование, промышленный шпионаж, поставки оружия, чеченские деньги. Как его, Сигизмунда, в это дело втянули — в принципе, неважно. Возможно, компромат. Возможно, через эту белобрысую норвежскую девку.

Теперь — что делать ему, Федору. Надо как-то не засветиться. Не позволить себя скомпрометировать. Вырваться из ловушки.

Из-за стены донесся душераздирающий вавилин стон и грозный рык аттилы. Что-то глухо ударило в стену — похоже, аськин хахаль бился головой.

Федор ничем не выдал, что слышит. Только лицом закаменел.

— Ну что, Федор, чаю хочешь? — неловко спросил Сигизмунд.

— Спасибо, Сигизмунд Борисович, — отказался Федор. По всему было ясно, чего опасается Федор: как бы наркоты какой-нибудь ему в чай не подсыпали. Чтобы потом манипулировать.

Дождавшись, чтобы подозрительность Федора достигла апогея, Сигизмунд сказал:

— В общем так, Федор. Сядь удобней, расслабься. Приготовься молчать, слушать и, главное, всему верить, потому что сейчас я расскажу тебе всю правду.

Федор приготовился умереть с честью.

* * *

Впервые в жизни Сигизмунд видел Федора растерянным. Наконец выговорил:

— А вы про это кому-нибудь еще… Сигизмунд Борисович… ведь как мошки сгибнем! Свои же спецслужбы уберут…

— Еще двое знают, — сказал Сигизмунд, — но они в деле. Народ надежный. Там как в могиле.

— Хорошо, если так… Нет, Сигизмунд Борисович, ну вот не верится! Машина времени… Не бывает же…

— Вот и я еще зимой так думал. Но против фактов не попрешь. Нет, Федор, если бы я соврать хотел, я бы что-нибудь поумнее придумал.

В душе Федора с новой силой вспыхнули подозрения.

— А может, это и есть хитрость, — пробормотал он.

— Ну что мне — перед иконой для тебя поклясться? — взорвался Сигизмунд.

В дверь неожиданно всунулся опухший от слез Вавила.

— Сигисмундс! Курит ест?

Федор поглядел на него с тяжким недоверием. Вавила в ответ царапнул неприязненным взглядом водянистых голубых глаз.

— Лови! — Сигизмунд бросил Вавиле пачку.

Вавила скрылся. Федор проводил его глазами.

— Это и есть тот… древний?

— В общем, да. Идем, я тебя с ними познакомлю.

Сильно сомневаясь в том, что это необходимо, Федор тем не менее храбро двинулся в самое логово.

Вандальское совещание уже выдохлось. Монотонно гудела вытяжка. В углу, нахохлившись, сидел Вавила — нелепый в куцом малиновом пиджаке, несчастный и потный. Вамба был зеленоват — ему не следовало так много курить.

Валамир восседал на самом видном месте, выпрямив спину и откинув голову. Длинные седые волосы он заплел в две косы, однако бисерным хайратничком не пренебрег — видать, нравилось. Помешивал ложечкой чай, хмурился.

При виде папаши Валамира Федор задохнулся. Сигизмунд понимал, почему. Все остальное могло вызывать сомнения — но только не этот старик. В подлинности аттилы не усомнился бы и Фома неверующий.

Взгляд старика остановился на Федоре. Сигизмунд, движимый каким-то наитием, прошипел Федору на ухо:

— Поклонись.

Федор неожиданно ловко поклонился. Сигизмунд запоздало сообразил: в церкви насобачился.

Аттила одобрительно хмыкнул.

Сигизмунд представил своего подчиненного:

— Зата ист Тьюдар. Ист унзара манна. — И Федору: — А это, Федор, мой тесть, Валамир.

— Что — так и называть «Валамир»? — смутился Федор. — Неудобно как-то, пожилой все-таки человек…

— Привыкай. В Европе это принято — по имени.

— Мы в России, — строго сказал Федор. — Мы не в Европе.

— Ну, если тебе так хочется — то Валамир Гундамирович.

Краем глаза Сигизмунд заметил, что Вавила, осушив слезы, с неподдельным интересом разглядывает армейские пятнистые штаны Федора, и понял: школе выживания — быть.

* * *

Когда Федор уходил, глаза у него были совершенно шалые. Сигизмунд не ожидал, что боец оправится так быстро. Однако Федор явился к Сигизмунду уже на следующий день, имея в руках тощую голубую папочку, куда были подшиты два листочка, исписанные ровным округлым федоровским почерком. Листочки содержали предложения Федора по организации структуры будущей фирмы.

Текст нес на себе отпечаток того же мельтешения мыслей, которое одолевало Сигизмунда два дня назад, когда его впервые постигло сатори.

Федор скромненько выложил папочку перед Сигизмундом, сел, сложив руки, проговорил:

— Это, конечно, так — наброски, предложения, так сказать, Сигизмунд Борисович… — И пока Сигизмунд просматривал листки, с жаром продолжал: — Я ведь, Сигизмунд Борисович, не слепой. Я ведь все видел. Я вообще многое замечаю, только говорю не всегда. Как девица эта у вас в доме появилась — всђ! Будто сглазил вас кто. Сразу и интерес к делам утратили, и бодрость. Другое вас занимало, а что — ну, не хотели говорить, я не спрашивал. Что, думаю, в душу человеку лезть? А все же обидно было смотреть, как все у нас разваливается. Ну, что греха таить, я, конечно, налево работать начал, уже заказики свои появились — тоже ведь не впустую время прошло, туда-сюда, связи завязались, знакомства… Но это так. Думал, пройдет у вас это…

— Блажь, да? — хмыкнул Сигизмунд.

— Ну… — не позволил смутить себя Федор. — Дальше — хуже. Совсем закис бизнес. Ага, думаю, так, Федор, думай, думай, крутись. Конечно, не хотелось от вас совсем вот так уходить… Но чтоб машина времени! Да ладно, дело прошлое, главное — идеи у

вас свежие, новые, оригинальные! Тут можно такую реорганизацию развернуть! Тут край непочатый…

— Федор, — прервал исповедь бойца Сигизмунд, — ответь мне на один вопрос: каким рисуется тебе облик грядущего клиента нашей школы выживания?

Бойцу Федору рисовался образ такого же бойца, только значительно менее подготовленного к трудной и опасной жизни, полной танковых, штыковых и прочих атак, засад, мин, ловушек, захвата заложников, горных обвалов, рухнувших зданий, сброшенных с насыпи вагонов. Но этот неподготовленный боец страстно жаждал стать подготовленным. И готов был платить за обучение немыслимые суммы денег.

Сигизмунд высказал сомнения в реальности этого образа. По мнению Сигизмунда, основной контингент будущих учеников школы составят жены «новых русских» и повсюду ищущие тайного знания эзотеры.

— А это, Федор, публика воинственная на словах и исключительно трусливая и себялюбивая на деле. Больше всего они боятся двух вещей: что их заставят трудиться и что будет попорчена их нежная холеная шкурка. Так что процесс обучения надлежит строить с учетом этих двух принципов. То есть, побольше страшных словес и поменьше труда и опасностей.

— Вы это серьезно, Сигизмунд Борисович?

— Федор. Обучи жену «нового русского» боевой раскраске «дикая кошка», и она тебя озолотит. И мужа притащит. А еще вернее — подругу. Такую же набитую дуру, но это уже нас не касается. Только не вздумай обучать ее рыть окопы полного профиля. Она попортит маникюр.

Федор заметно скис.

— И что, не будет, по-вашему, никого, кто хотел бы учиться на самом деле?

— Почему? Организуем продвинутую группу. Добавим факультатив по историческому фехтованию, изучению древних обрядов…

Федор напрягся.

— Лучше бы, Сигизмунд Борисович, нам язычество не проповедовать.

— Брось ты, Федор. Кто его проповедует? Наши эзотеры гармонично сочетают все со всем, так что еще один факультатив в их мозгах ничего не сдвинет. А кто на самом деле православный — тому никакой факультатив не помеха.

— И все-таки не брать бы греха на душу, — пробубнил Федор. — Кстати, Сигизмунд Борисович, документов-то у ваших вандалов, как я понял, нет?

— А это еще одна тема, на которую я хотел бы с тобой поговорить.

— Понял, — сказал Федор.

— Узнай, сколько это будет стоить.

— Хорошо. Сразу же сообщу. — Однако уходить не спешил. Видно было, что православная душа Федора взволнована новыми мыслями. — А эти, вандалы-то, они, Сигизмунд Борисович, что — язычники?

— Вроде бы, да. Я их, честно говоря, особо не спрашивал.

— Настоящие? С жертвоприношениями, с идолами?

— Идолов видел, — сказал Сигизмунд. — Точно! Они его сгущенкой мазали.

Федор глубоко задумался.

* * *

«I. ВЫЖИВАНИЕ В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ. Курс расчитан на полгода; лекции два академических часа в неделю; практические занятия — четыре академических часа в неделю.

Основная идеология курса: любой предмет, принадлежащий к урбанистической среде, может быть обращен в орудие выживания или самообороны.

Тема 1. МУСОРНЫЙ БАК.

а) ПИЩА. Мусорный бак содержит значительно больше продуктов, пригодных к употреблению в пищу, нежели это принято считать. Приблизительно 40 процентов находящейся в мусорном баке пищи пригодно к употреблению.

Основные принципы употребления в пищу найденных в баке отходов. Найденные в баке отходы надлежит тщательно промыть и подвергнуть длительной термической обработке…»

Сигизмунд оторвался от листка и посмотрел на Федора с нескрываемым восхищением. Боец, воодушевленный перспективами, сочинил этот план-конспект за один вечер.

* * *

Вообще идея реорганизации фирмы нашла у всей тусовки — начиная с аттилы Валамира и заканчивая рабом Дидисом — всемерную поддержку и одобрение. Единственный человек, который не был посвящен в тайну Анахрона, — Светочка. Впрочем, Светочка и к тусовке не имела никакого отношения. Ей предстояло стать бухгалтером реорганизованной фирмы. Этим ее

роль пока и ограничивалась.

Аська настырно предлагала включить в устав новой фирмы культурную деятельность.

— В фестивалях будем участвовать — с историческим-то фехтованием, да с песнями-плясками, — соблазняла она Сигизмунда.

— А петь-плясать-то кто будет?

— Да Дидис! Он петь горазд. Да и Вавила поплясать не промах. В «Бомбоубежище» на него молятся.

— Вот насчет пения, — вмешался Федор. — Я бы не стал рисковать.

— А что тут рисковать? — возмутилась Аська. — Пусть Дидис споет.

— Так язык-то у него какой? Фракийский, вы говорили? Вдруг кто-нибудь узнает? Образованных людей много, куда больше, чем мы думаем…

— Так кто его узнает, этот фракийский, если языка такого вообще нет! Умер бесследно!

— Все равно, лучше не рисковать, — твердо стоял на своем Федор. — В таком деле на авось полагаться не следует. И недооценивать противника — тоже. Если Виктория узнала фракийский, которого никто якобы не знает, — где гарантия, что не существует второй такой Виктории? У меня был товарищ один, вместе работали в охране два месяца, — бывший сапер, так он говорил…

— Решено, — перебил Сигизмунд. — Петь на фракийском не будем. На вандальском — тоже. Что, в конце концов, мало наших, русских песен?

Федор посмотрел на Сигизмунда с одобрением, а Аська — со злобой.

— Ретроград ты, Морж. Запиши еще в устав насчет фенек. Что фирма, мол, имеет право лепить и продавать феньки. Изделия народных промыслов.

— «Производство товаров народного потребления», — перевел Сигизмунд.

— Я тут думала насчет потребителя, — заговорила Вика задумчиво. — Как привлечь не только мальчиков, желающих подкачаться, и холеных баб, ищущих острых ощущений. Но и эзотерную публику, пребывающую в вечном поиске тайного знания. А их немало, и, что самое главное, они готовы платить. Легко и много. Лишь бы их научили чему-нибудь новому и тайному.

— Стационарные идолы «под ключ». Освящение на дому у заказчика. Жертвоприношения, вопрошания, умилостивление,

вызывание дождя. Гарантия — сто процентов успеха! — сказал Сигизмунд.

Федора покоробило. Вика ничуть не смутилась.

— Не в таких, конечно, выражениях, но именно в этом смысле. «Утерянное знание древних о слиянии с природой…» Что-нибудь в таком роде. Под эту лавочку и феньки лучше будет втюхивать. Как обереги с чудовищной охранной силой. Кстати, можно обучать наиболее продвинутых эзотеров чтению заклинаний на вандальском.

— Я в этом не участвую, — заявил Федор.

— Федор, здесь никто не собирается задевать твои религиозные чувства, — проговорил Сигизмунд. — Твоя задача — обучать холеных бабенок варить обед из картофельных очисток и колбасных обрезков, отбитых у бомжей возле мусорного бака. Кстати, полевые занятия где думаешь проводить?

— Не полевые, а практические. Да хотя бы у вас во дворе. Я уже присматривался. Подходящие баки. И укрытия есть, где костерок разложить, — ответил Федор.

— Кстати, — вмешалась Вика, — я знаю, как привлечь и самих «новых русских». Многие любят охоту. А Вамба с охоты жил. И заметь — лук и копье. Экзотика. «Экологическая охота» — как звучит?

— Очень неплохо.

— И разрешение не нужно.

— На лук нужно, — сказал Федор. — И на копье, видимо, тоже понадобится. Тут кухонный нож продавали с сертификатом — «не является холодным оружием». Штамп, печать, адрес магазина, название завода-производителя… Иначе можно и по уголовной статье получить. Запросто.

— Ну, с разрешениями на ношение оружие и охотничьими лицензиями у «новых русских» все в порядке, — сказал Сигизмунд.

Они проговорили еще долго. Идея всех страшно увлекала. Впервые за долгое Сигизмунд с удовольствием думал о предстоящей работе.

* * *

С паспортами ситуация определилась на следующий день. Федор заехал к Сигизмунду — доложить обстановку. Проверил, нет ли кого на лестнице, тщательно запер дверь. Разговор вел на кухне, держась подальше от телефонного аппарата. Хотя, как пояснил Федор, если бы захотели прослушать такую квартиру,

как у Сигизмунда Борисовича, то все равно бы уже прослушали.

— В общем так, Сигизмунд Борисович. Есть паспорта. Пять штук. Настоящие.

И назвал цену.

Сигизмунд присвистнул.

* * *

Таким вот образом золотая лунница с тремя свастиками была превращена в пять серпастых-молоткастых, а пять заплутавших во времени вандалов сделались полноправными гражданами Российской Федерации.

Операция была произведена Федором в условиях строжайшей конспирации и кристальной честности. Сдача до последнего цента была передана в руки Сигизмунда.

Ее пропили.

* * *

Вечерами Валамир вел пространные монологи. Сигизмунд отчасти понимал их сам, отчасти переводила Вика. Суть дедовых речей сводилась к одному: старый вандал решительно не одобрял все то, что его теперь окружало. Сигизмунда иной раз поражало обилие объектов отрицательной оценки.

И то сказать! Дивуется он, Валамир, на суетность и беспечность здешней жизни. Во всем вопиющее неблаголепие, куда ни ткни!

Приохотить старого вандала к ого так и не удалось. После первой же рекламы нижнего белья дед грозно затряс головой, выключил ого и сделал попытку запретить Вамбе с Лантхильдой смотреть «эту срэхву» — в чем, впрочем, не преуспел.

Исключительно не одобрял табуретки. Дескать, лавка должна вдоль стены стоять. И незачем ею, распиленной, по всей кухне елозить, где попало. Негоже это, сидеть где на ум взбредет. Не птицы, чай. Это пичуги бессмысленные — где присели, там и ладно.

Человеку — ему иначе надобно. Вот, — старик делал плавное движение, поводя рукой вдоль стены, — скамья. Она на своем месте поставлена. И век там стоит. Смеху подобно, как подумаешь: вот придет он, Валамир, в дом к Сегериху и начнет у него скамью по всему дому тягать!

А здесь? Да и скамьи-то, тьфу! Из чего сделаны? Вот Вико-

бокарья ему, Валамиру, поведала, из чего они сделаны! Из срэхвы всякой — вот из чего! Из опилок да стружек, а сверху, для виду, дощечками прикрыты! Нешто достойному человеку не унизительно на таком-то огрызке восседать?

Оттого-то и суетность великая в здешнем мире властвует, что благочиние за трапезой забыли. Вот видел он, Валамир, американский кабак (тут дед знатно прокололся — иной раз все-таки, видать, посматривал ого). Так это же тьфу! Сидят на насестах, задами вертят, в головах пусто — благочиния и в помине нет! И это трапезой называется!

Хорошо, не разберешь здесь, зима или лето — круглый год еда. А вдруг неурожай? Как можно без припасов жить? Экое легкомыслие! Давеча он, Валамир, кладовки все обследовал — ни одного мешка не нашел! В банке на донышке зерна белого, да в кульке — стручки из теста. И все! А если голод? На чем продержимся?

Планы дед развивал титанические. Склонял Сигизмунда превратить «светелку» в кладовую. Мол, комната хорошая — он, Валамир, удостоверился. Крыс там нет, мышей не водится, сухо. Чем не кладовая? Мешок пшеницы поставить — как минимум. Сладкой муки — мешок. Соли — мешок. Макарон — мешка три! (Уважал старый вандал макароны.) Ну и окороков накоптить, рыбки заготовить… чтоб под рукой. Чтоб хранилось. Супермаркет супермаркетом, а так оно вернее.

Слушал Сигизмунд деда Валамира и чувствовал: все слабее душой ему противится. Не забыл еще 1991-й год, славное веселое времечко путча. Как с утра зачитали по всем каналам обращение ГКЧП, так и ломанул многоопытный советский народ в магазины — за солью, спичками и мукой. Было, было…

А деньги? Ведь принеси Лиутару дань такими деньгами — он же уши отрежет и в задницу их тебе засунет! И прав будет военный вождь! Бумажки! Сколько лет жил, никогда такой дури не видел! А вот на старости привелось. Вы бы еще листья осенние за деньги считали! Сколько живет такая бумажка?

Так ярился Валамир.

А Сигизмунд слушал и мысленно с ним соглашался.

Старый советский рубль — он долго жил. Еще в 80-е годы ходили рубли, выпущенные в начале 60-х. Тут по весне нашел в мокром снегу трешку 1972-го года выпуска. И ничего ведь с ней, заразой, не сделалось! Да… Впору вместе со старым вандалом об утрате благочиния закручиниться.

Утратилось, утратилось безвозвратно советское благочиние…

И неблагочиние — в лице «Сайгона» — тоже.

Хлеб — 14 копеек стоил и 16. За 12 изредка появлялся

мокрый ржаной. Батон был по 22 копейки и по 26 — этот считался дорогим. В начале перестройки появился вдруг длинный батон по 50 копеек, его никто не брал — дорого.

Молоко 16 копеек за литр. Масло — 3 рубля 60 копеек. Сакральное и незабвенное четыре-двенадцать и три-шестьдесят-две — водка. Вынь да положь! Пиво — 22 копейки маленькая кружка. 44 — большая. Если очередь отстоишь.

Авторучка — 35 копеек. Килограмм кофе — 20 рублей. А до того был — четыре.

Вот и я говорю, подхватывал Валамир. Один серп за мешок зерна можно купить — в сытый год. Седло со сбруей — за тот же мешок, но в год голодный. Меч — за раба, если раб очень хороший. А не очень — так и за двух рабов. Смотреть надобно, какой меч и какой раб. Лошадь — тоже. Пахотная дешевле, боевая — дорого. Вол — как две пахотные лошади. Но и жрет зато!

Свиней выгодно разводить. Мороки с ними немного. Следить только надо, чтобы в чужой роще желуди не жрали. На второй раз поймают чужую свинью — убьют и правы будут. А на первый раз — не трожь! Вот такой закон.

Корова очень нужна. Но с коровой хлопотно. Можно коз держать. У него, у Валамира, три козы в хозяйстве.

— Теперь уже две, — поправил Сигизмунд. — Одна Анахрону душу отдала.

— Две, три — неважно. Главное — козы! От козьего молока — сила! Козье мясо в Вальхалле герои едят. Козлы — животные Вотана, вот так-то.

Целую песнь во славу козлов сложил Валамир.

Молоко ныне порошковое и на вкус гадкое. Выдумали — с долгим сроком хранения! А ведь там консерванты. Пишут, будто нет. А программа «Советы домохозяйкам» — Сигизмунд в машине иной раз по радио слушал — обратное утверждает.

Вот представь себе только, Сигисмундс, гнул свое Валамир, отправился наш военный вождь Лиутар на охоту. К тебе в дом по дороге заехал, истомленный. Пить хочет, силы подкрепить. Чем ты потчевать его станешь? Пакет выдашь?

— Да нет, — растерянно отвечал Сигизмунд, — в кружку ему налью.

— А в кружку откуда нальешь? — хитро щурился дед. — Из пакета? Так он тебя хорошо если на смех поднимет. Хоть с позором да живой останешься — и ладно. А то ведь и зарубить может сгоряча. Решит, что насмехаешься.

А в хуз войдет к тебе военный вождь! А ты ему вместо достойного седалища — эдакую «тубаретку»!

Последнее слово дед произносил по-русски и с особенным

ядом в голосе.

Сигизмунд вел эти беседы с большим удовольствием. Стареете, Сигизмунд Борисович, ох стареете!

Один из таких разговоров был прерван звонком Натальи. Кстати, озо дед тоже не одобрял. Хочешь сказать что-нибудь человеку — так оторви задницу, войди к нему в хуз гостем и степенно побеседуй. А так издалека — что кричать! Дети малые так по огородам кричат.

Вика объясняла Сигизмунду:

— Они придают эмоциям куда больше значения, чем мы. Они даже считают, что человек думает не головой.

— А каким же местом? — пораженно спросил Сигизмунд и улыбнулся намекающе.

Вика паскудных намеков не поддержала.

— Грудью. Они гораздо более эмоциональны, чем ты думаешь. Для них не видеть собеседника — значит фактически не общаться. Без обмена эмоциями вообще никакого разговора быть не может.

Для экс-супруги Натальи отсутствие визуального контакта препятствием не являлось: своими эмоциями она легко прошибала телефонную линию.

— Ты чего не звонишь? Почему я обязательно должна тебе звонить?

— Я звоню.

— Что-то не слышно.

— У тебя все занято.

— Хотел бы — дозвонился бы. Другие же дозваниваются.

Пауза. Сигизмунд решил пойти ва-банк. Ему хотелось поскорее закончить этот суетный разговор и вернуться к неспешной беседе о благочинии. Эти беседы его расслабляли.

— Ну так что звонишь? — спросил он Наталью.

— Ты о сыне-то хоть вспоминаешь?

— Да.

— В общем так. Мне завтра надо уйти часов на пять.

— А теща? — вякнул Сигизмунд.

— Что теща? Почему чуть что — теща? — взъярилась Наталья. — У ребенка есть отец или нет? Почему я должна постоянно просить мою мать? Мне уже стыдно…

— Слушай, а ты за Евгения-то замуж еще не вышла?

Наталья сделала вид, что не расслышала вопроса.

— Завтра у Евгения лекция. В закрытом обществе. Туда допускают только продвинутых.

— Пойти хочешь, что ли? — осведомился Сигизмунд, неосмотрительно зевнув.

— Не твое дело! Чтоб завтра в одиннадцать забрал Ярополка.

— Я не могу. Я завтра занят.

— Ты всегда занят. Пускай ребенок у отца побудет.

— Я не могу. У меня совеща… люди! Тут, — добавил он.

— Слушай, что ты как маленький! Лясы точить с кем ни попадя — у него время есть! Знаю я твоих «людей»! Не попрыгаешь лишний раз со своей лысой в койке — не умрешь!

— Знаешь что? — грозно начал Сигизмунд.

— Не знаю! — отрезала Наталья. — Чтоб в одиннадцать…

— Да сыро же! Что мне с ним — пять часов по улицам гулять? А у меня дома ему скучно…

— Своди его куда-нибудь. В музей. И покормить не забудь. И носки посмотри, чтоб не сырые… Я смену дам. В пять вечера я к тебе заеду и заберу его. Будь дома. И чтоб никаких «людей»!

И не дожидаясь ответа, положила трубку.

* * *

Сигизмунд никогда не был яростным посетителем музеев, поэтому самая идея Вики провести день в Эрмитаже вызвала у него кислый привкус во рту. В последний раз он был в Эрмитаже школьником. Тогда еще посетителям выдавали мягкие уродливые тапочки. Тапочки лежали кучей в большом деревянном ящике возле гардероба. Надо было долго рыться, чтобы найти пару хотя бы сходных. Все они были чудовищно больших размеров. Это чтоб не портились прекрасные паркетные полы.

Скользя тапочками и поминутно спотыкаясь, школьники брели за бравой экскурсоводкой. Девочки в передних рядах что-то серьезно записывали в блокнотики, а мальчики толпились сзади и хихикали, показывая пальцами на голозадый античный пантеон.

Тащили их через Георгиевский, Тронный и прочие парадные залы, через галерею Двенадцатого Года, а далее — под строгими взорами генералов — к совсем уж скучному зальчику, набитому помпезным немецким фарфором.

В буфет их не пустили, но зато после похода удалось попить воды из автомата. Автомат, железный друг детворы, шумно извергал из чрева газировку с лимонным сиропом. Газировка стоила три копейки. Без сиропа одна. Но без сиропа не так вкусно. Пили из одного стакана под дружное кудахтанье двух тетушек из родительского комитета, сопровождавших экскурсию. Тетушки сулили беспечным школьникам немедленное заражение бытовым сифилисом. Школьники хихикали. Что такое бытовой сифилис, в классе не знал никто. Смутно догадывались, что что-

то неприличное.

Больше Сигизмунду ничего в Эрмитаже не запомнилось.

И уж никак не мог предположить Сигизмунд, что второе его посещение Эрмитажа ознаменуется столь странными обстоятельствами.

После разговора с Натальей Сигизмунд долго плакался Виктории. Советовался, в какой музей сводить Ярополка. А Вика вдруг загорелась. Предложила всем вместе посетить Эрмитаж. Мол, давно она, Вика, собирается старого вандала в Эрмитаж стаскать.

— Зачем? — изумился Сигизмунд.

— Не знаю, — отводя глаза, призналась Виктория, — но очень хочется. Что-то в этом есть…

Стараясь не думать об абсурдности происходящего, Сигизмунд наутро загрузил в машину Валамира с Викой и поехал к дому Натальи. Дед в бисерном хайратнике, с седыми косами, глядел сурово. То и дело задавал Виктории вопросы — краткие, деловые. Вика, как могла, отвечала.

— Подождите в машине, — попросил Сигизмунд. — Я скоро.

Поднялся в квартиру. Ярополк был уже готов к выходу. Облачен в курточку и кроссовки. Рядом лежал полиэтиленовый пакетик со сменными носками, бананом и трансформером.

— Что так долго? Ребенок уже вспотел! — встретила Наталья Сигизмунда.

— Ладно, давай. Пошли, Ярополк.

— Мешок возьми. Дома переодень ему носки. И пол у тебя вечно грязный, и собака блохастая… Ярополк, после собачки обязательно помой руки, слышишь?

Ярополк топтался на месте. Он явно приготовился ныть.

Сигизмунд ухватил его за крошечную лапку, потащил за собой. Ярополк, загребая ногами, покорно побрел.

— Мы куда? В луна-парк? — спросило чадо.

— Нет. Мы пойдем смотреть сокровища.

— А «данкин» там есть?

— «Данкин» — это у нас хво? — осведомился Сигизмунд.

— «Данкин» — ну, это многое, — снисходительно пояснил Ярополк. — Это чупа-кэпс, например, или динозавры… Ну, разные серии… Летучие фишки, например. Наклейки прикольные такие!

— А, — сказал Сигизмунд. — Нет, «данкина» там нет.

Больше они ни о чем переговорить не успели. Сигизмунд усадил Ярополка на заднее сиденье, рядом с дедом. Вандал с любопытством оглядел мальчика. Пощекотал заскорузлым пальцем. Поинтересовался у Сигизмунда, не суннус ли это.

— Суннус, суннус, — отозвался Сигизмунд. Опять «единичка» не с первого раза завелась.

Валамир что-то сказал Вике. Та ответила.

— О чем это он? — не оборачиваясь, спросил Сигизмунд.

— Любопытствует, от кого ребенок — от меня или от Аськи, — хихикнула Вика.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что от другой жены. Мол, та жена тебе не угодила, ты ее отослал. И приданое вернул.

— Приданое! Да она у меня полдома утащила, — проворчал Сигизмунд.

Валамир проговорил что-то явно осуждающе.

— Говорит, негоже отсылать жену, которая рожает таких хороших мальчишек, — поведала Вика. — Бесхозяйственно это.

— Скажи ему, что она — дерзкая, глупая, расточительная баба. Капитал мой растратила. На авантюру подбила дурацкую. Из-за нее на бирже прогорел.

— Сам ему такое говори! — озлилась Вика.

Ярополк, дичась, отодвинулся от деда Валамира как можно дальше. Его пугала непонятная речь и страшный облик.

Старый вандал вдруг развеселился. Сказал (Вика перевела):

— Боится…

И сделал Ярополку «козу».

— Гайтила, гайтила, — приговаривал он при этом.

— Чего он? — спросил Ярополк громко.

— Это дедушка Валамир, — пояснил Сигизмунд несколько запоздало. — Он так шутит.

— А че у него косы?

— У них дома все так носят.

— Че, все-все? И дедушки, и бабушки?

— Даже солдаты.

— А кэпсы там есть?

— Нет.

Ярополк на время утратил интерес к деду. Потребовал трансформера. Начал трансформировать из робота в самолет, оторвал руку, надулся. Потом его затошнило.

— Вика, отбери у него трансформер… Блин, где тут припарковаться-то…

* * *

В Эрмитаже изменилось почти все. Исчезли автоматы с газировкой. Впрочем, памятуя о «бытовом сифилисе», теперь он и

сам не стал бы поить Ярополка водой из общего стакана.

За вход содрали такую сумму, что Сигизмунд содрогнулся. С деда взяли еще дороже. Валамир Гундамирович выглядел безнадежным иностранцем. Выдать его за гражданина Российской Федерации не представлялось возможным, а паспорт с пропиской забыли дома.

К изумлению Сигизмунда, Вика свернула не в сторону помпезной лестницы, ведущей к сонму голозадых богов-олимпийцев — туда направлялось подавляющее большинство посетителей — а в какой-то непритязательный коридорчик, обитый фанерой. Уверяла, что там куда как интереснее.

Действительно, в коридорчике вскоре обнаружился стол с контролершей. Та оборвала билеты и посоветовала посмотреть Пазырыкские курганы. Это слово ничего не сказало Валамиру и Сигизмунду, Ярополка подвигло спросить: «Это что, там пузыри показывают?», зато Вика просто подпрыгнула от восторга. Сигизмунд удивлялся все больше и больше.

Это вообще был день открытий. Как большинство питерцев, Сигизмунд был убежден в том, что в Эрмитаже имеется только одна мумия — египетского жреца. Та самая, которую показывают школьникам и которая стабильно вызывает разные нездоровые эмоции.

На самом деле мумий оказалось значительно больше. Некоторые были лошадиные.

Длинный зал, озаренный мертвенным светом тусклых белых ламп, был уставлен рядами бесконечных стеклянных шкафов. В шкафах помещались черепки и какие-то бронзовые огрызки. Как и следовало ожидать, в зале было пусто, как в склепе. В торце висела карта, показывающая Великое Переселение народов.

Откуда-то вынырнула бабка-смотрительша. Уставилась неодобрительно. Мол, не выпендривались бы, а шли, как все, по-хорошему, в Георгиевский, Тронный и т. п. залы, а здесь-то на что глядеть? Подвинула стул, уселась. Принялась сверлить взглядом. Чтоб черепок какой-нибудь, надо полагать, не сперли.

Особенно неприязненно аттилу взглядами царапала. Вишь ты, старый — а вырядился! Косицы наплел, как девка! Как не стыдно, пенсионер уж, поди…

Дед Валамир изучал экспонаты основательно. Хмурил кустистые брови. Вдумывался. С Викой неспешно переговаривался. В гулком зале странно и резко звучала вандальская речь.

Вот там-то они и увидели мумию. Это был очень высокий человек, дочерна прокопченный и иссохший. Ярополк шарахнулся.

— Это что? — спросил он Сигизмунда. — Это он мертвый? Это он раньше жил? Настоящий труп?

— Он давно жил, — утешил его Сигизмунд. — Он теперь не труп, а экспонат.

Ярополк поскорее отошел от «экспоната», опасливо косясь на него через плечо.

Валамир не одобрил мумию еще больше, чем Ярополк. Странные погребения здесь творят! Зачем прозрачный курган сотворили?

Вика что-то сказала. Старик разбушевался. Бдительная смотрительша заворчала:

— Утихомирьте вашего иностранца! Он в музее, а не в лесу! У них там, может, и принято, а у нас нет! Объясните ему это.

Вика покраснела, взяла деда за рукав. Валамир сердито высвободился, но тон сбавил.

— Я объяснила, что это не захоронение. Захоронение было в другом месте. А потом ученые-археологи выкопали и сюда доставили. Чтобы люди могли смотреть, изучать, — сказала Вика Сигизмунду, словно оправдываясь.

— А он чего?

— Говорит, последнее дело — покойников тревожить… Да и опасно это. И раньше многое здесь не одобрял, а теперь так и вовсе… Ежели бы у них там кто из вандалов такое учинил — жив бы не остался!

Виктория поспешно утащила старика к более безопасным витринам. Тот долго водил носом над горшками и черепками, потом спросил: зачем, мол, здесь посуда обыденная выставлена? Ему сокровища обещали показать, а такую посуду он каждый день у себя в хузе видит. Глаза откроет — и сразу видит.

Тем-то и ценна эта посуда, объяснила Вика. Интересно же знать, как жили люди дюжину дюжину дюжин зим назад! То, что для Валамира — обыденность, здесь — диковина и сокровище.

Старый вандал поразмыслил над ее словами. Сказал так. У рекилингов в бурге есть военный вождь. Он собирает разные диковины. Эти диковины он привозит из военных походов. Когда в бурге праздник и пир, вождь приносит свои диковины в дружинную избу и гордится ими перед воинами. Но не стал бы он привозить ни старый труп из кургана, ни битую посуду. Ужель народ Сигизмунда большего навоевать на смог? Вот зачем ту гнилую деревяшку взяли? Какое же это сокровище?

— Это ДРЕВНЯЯ деревяшка, — попыталась объяснить Вика.

— Давайте ребенка спросим, — с торжеством предложил Валамир. — У него душа новая, всякими глупостями еще не обременена…

— Конечно, не обременена, — проворчал Сигизмунд, — данкины всякие, кэпсы, трансформеры…

Тем не менее призвали Ярополка и спросили, признает ли он эту гнилую деревяшку и черепки за сокровища. Ярополк, чуя подвох, молчал. То на деда глазами стрельнет, то на Сигизмунда. Соображал, какой ответ больше выгоды принесет. Наконец выговорил:

— А чего… вот если бы трансики…

Дед восторжествовал.

Они посмотрели еще несколько шкафов. Медные пряжки, фибулы, детали конской упряжи, ржавые наконечники стрел… Аттила со знанием дела комментировал: эти, мол, стрелы легкие, на зверя, а те — тяжелые, боевые, вон у них зазубрины, чтобы в ране застревало… А чьи это стрелы?

Вика прочитала название финно-угорского племени, которое вандалу ничего не говорило.

Неожиданно Валамир замер как громом пораженный.

— Вико! — воскликнул он. (Смотрительша опять напряглась на стуле, подалась вперед.) — А от нас что осталось? От нашего народа?

Вика помолчала. Чуть улыбнулась — грустно-грустно. И ответила:

— От вас почти ничего не осталось… В Африке только каменный столб с оперенной свастикой и несколько могильных плит с именами. Кое-кто считает, что это вандальские имена. Пяток монет еще.

— И все? — не поверил дед. — Не может быть такого, чтобы совсем ничего не осталось! Столько всего у нас! Столько было сделано, завоевано! Воспето!

— Очень давно это было. Время все поглотило. — Вика сложила пальцы колечками. — Год — это круг. Звено цепи. Длинная цепь получилась. Первые звенья уже ржой осыпались, а кузнец все кует и кует…

Дед Валамир медленно опустился на каменный пол, схватился обеими руками за косы и, покачиваясь из стороны в сторону, завел какой-то надрывный плач.

Смотрительша так и подскочила.

— Да что вы себе позволяете! Разве так можно? Уберите его, раз он не умеет себя вести! Старый, а хулиган!

— Заткнись! — резко сказала Вика. — Дура старая! Это великий шведский археолог!

Свершилось чудо. Смотрительша заткнулась.

Видимо, у церберши был сегодня черный день. В торце обычно безлюдного зала появились еще два посетителя. Они

двигались из глубин скифской экспозиции и шумно лаялись между собой. Бойкая бабенка ухитрялась на ходу вести научную дискуссию, чем-то бурно возмущаться и жеманиться неведомо перед кем. Во всяком случае, ее «кавалер» на все ее ужимки внимания не обращал. Утыкался длинным носом в стекла шкафов, морщился, приподнимая очки, бормотал.

Его Сигизмунд узнал, хотя и не сразу. Про себя Сигизмунд давно окрестил его «человеком из подворотни». Он же — Гэндальф из «Сайгона». Этот человек удачно вписывался в интерьер и контекст утреннего супермаркета, но исключительно хреново — в контекст Эрмитажа. Что-то часто он стал попадаться. Впрочем, Питер — город маленький. Это все так говорят, кроме рабочих и крестьян.

Вертлявую бабенку Сигизмунд видел до этого только один раз — у Аськи из-за шкафа. Вроде, та самая.

Завидев Вику, гротексная парочка устремились к ней. Бабенка с ходу затарахтела:

— Ой, привет! А ты что тут делаешь? Я думала, мы одни такие придурочные — сюда таскаться…

«Человек из подворотни» оторвался от созерцания битых черепков, обернулся и вскричал:

— Виктория! Мать! А ты-то что тут?

И шумно полез целоваться.

К изумлению Сигизмунда, Виктория заплясала, как кобылка-двухлетка, охотно обменялась с человеком размашистым поцелуем.

Сигизмунд ощутил укол ревности.

Церберша наблюдала эту сцену, высунувшись из-за шкафа. На ее лице было написано отвращение. Что за упадок нравов!

«Шведский археолог» что-то втолковывал у дальнего шкафа Ярополку, потыкивая пальцем то в стекло, то себя в зад. Мол, вот так! И вот так! И вот так! Ярополк, слегка надувшись, внимал причудливому деду. За стеклом находился устрашающих размеров ржавый наконечник копья.

Бабенка яростно засверкала очками. Наскочила на Викторию:

— Ты карту эту видела? Нет, ты видела это?

«Человек из подворотни» кивал, встревал невнятными репликами — был очень возбужден.

Вика повернулась к Сигизмунду. Представила его своим знакомым:

— Это Морж.

— Да виделись уж, — развязно произнесла бабенка.

Ее спутник, подумав, обменялся с Сигизмундом рукопожатием.

— В свое время случайно не встречались? — спросил Сигизмунд.

— Возможно…

— В «Сайгоне»?

Человек мутно уставился на Сигизмунда. Видимо, вспоминал что-то. Не вспомнил. Однако сказал, закивав и фальшиво заулыбавшись:

— Да, да…

И тут же о чем-то своем задумался, напрочь выбросив Сигизмунда из головы. Трендеть предоставил бабенке. Та охотно зачастила, сетуя на ужасное засилие в Эрмитаже школы академика Рыбакова и на несправедливость по отношению к древним восточногерманским племенам.

Сигизмунд решил развеять неблагоприятное впечатление о себе как о похмельном ханыге, который ночует у Аськи за шкафом и стреляет у нее последнюю десятку.

— А что с этой картой? — спросил он.

— Говно, а не карта, — убежденно сказал вдруг викин знакомый.

Сигизмунд заметил, что и он, и бойкая бабенка то и дело косят одним глазом в сторону старого вандала.

Карта была квалифицирована как сущее говно вот по какой причине. Изображала она — что? Правильно, Великое Переселение народов. А какой народ из переселявшихся был самым великим? Конечно же готы! А где, спрашивается, обозначены эти готы на карте? Где?

Не было готов на этой карте. Почему? Из-за рыбаковщины. Рыбаков считает, что кругом были одни славяне. А Италию кто в VI веке захватил? Пушкин?

Из всех германцев одних только вандалов обозначили. Вынуждены были. И то потому лишь, что про «вандализм» каждый школьник знает.

Некоторое время оба увлеченно говорили о вандалах. Хвастались, что пытаются реконструировать «национальный вандальский характер».

Сигизмунд слушал и про себя умирал со смеху. У Вики тоже было очень своеобразное выражение лица. Смешнее всего было то, что ни Валамир, ни Вамба, ни Лантхильда, ни тем более Вавила описанию «типичного вандала» решительно не соответствовали.

Подошел дед, ведя за руку Ярополка. Парочка поздоровалась и с Валамиром: бабенка — кокетничая, ее друг — рассеянно. Видно было, что иностранцы, даже чудаковатые, не входили в сферу их интересов. Ребята алкали подлинной древности.

Дед важно произнес:

— Дра-астис!

Это было едва ли не единственное русское слово, которое он освоил.

Стараясь не засмеяться, Вика сказала что-то Валамиру.

— Ну ладно, мы пошли! — сказала бабенка. — Созвонимся.

Ее приятель снова широко и фальшиво улыбнулся, на миг вынырнув из своих размышлений, церемонно раскланялся с Сигизмундом и старым вандалом и с явным облегчением удалился.

— Странноватые ребята, — сказал Сигизмунд, глядя парочке вслед.

Вика пожала плечами.

— Просто очень упертые в одну тему. Кстати, мы с Аськой у них тогда и нажрались. В твой день рождения.

Побродили по безлюдным залам скифской экспозиции. Подивились на шлемы для лошадей, украшенные оленьими рогами, на «голову вождя со снятым скальпом» (Сигизмунд машинально прочитал надпись на этикетке, когда Ярополк, вытаращив испуганные глаза, спросил — что это такое). Старый вандал увидел, как дитятко показывает на отрезанную и высушенную голову. Обрадовался. Пустился в объяснения. Мол, вождь рекилингов тоже вражьей головой хвастать любит.

Скифскую экспозицию дед одобрил. Богатые вещи захвачены — и кинжалы, и сапоги, и доспехи. Не то что глиняные горшки.

Вика предложила сводить деда с Ярополком в рыцарский зал, но Ярополк уже устал и хныкал. Да и Валамир был переполнен впечатлениями.

— В Эрмитаже ужасно устаешь, я заметила, — сказала Вика. — Воздух тут другой, что ли…

— Ты в рыцарский зал Вавилу с Вамбой своди, — предложил Сигизмунд. — Заодно голых богинь им покажешь. Они будут в восторге.

* * *

Старый вандал — в меру сил и возможностей — приобщал Сигизмунда и его «наложниц» к благолепию. Так, он завел обычай трапезничать в столовой, при богах — Аспиде и годиск-квино. Лантхильда подавала в старой огромной супнице варево, куда обычно входили мясо, картошка, рис и макароны. Вкушали степенно, по очереди, из супницы. Тарелок не полагалось, зато полагались большие ломти хлеба, дабы не капать на скатерть.

Сигизмунд сперва стеснялся, но видя, как быстро приобщились Вика и Аська, устыдился и не захотел оставаться в меньшинстве. Кроме того, оказалось, что «одногоршковый» метод ничуть не хуже «многотарелочного».

Обычная ложка для такой трапезы мелковата. Блюдя благочиние, дед — через Вавилу — разместил у Дидиса заказ, и вавилин скалкс изготовил на всю семью большие деревянные ложки.

Кстати, Вавилу дед осуждал. Живя у Аськи, совершенно разложился Вавила и стремительно двигался к гамбургеру. Ворчал по этому поводу Валамир Гундамирович: мол, богами как частоколом обставился, а благочиния ни на грош!

После Эрмитажа дед был понур и мрачен.

Ярополка же трапеза изумила. Наталья решительно воспрещала лазить в кастрюлю. Здесь же это наоборот предписывалось.

Балованный ребенок, естественно, полез к супнице первым и мгновенно огреб от деда Валамира ложкой по лбу. Ярополк сперва чрезвычайно удивился, потом решил зареветь, но испугался — больно уж страшно нахмурил брови дед. Поэтому Ярополк тянул сквозь зубы суп из большой ложки, тихонько точа слезу.

Сигизмунд не без любопытства наблюдал за тем, какой эффект оказала на избалованного Ярополка незатейливая макаренковская педагогика старого вандала.

В разгар трапезы явилась Наталья. С порога уличила Сигизмунда в ряде особо тяжких преступлений. Носки Ярополку не сменил — вон, в пакете так и валяются… Стельки, конечно, не вытащил…

Сигизмунд не стал ей ничего объяснять. По опыту знал — бесполезно. Просто молча провел в «трапезную». Наталья вошла и застыла как вкопанная.

Ярополка из-за стола было почти не видать. С одной стороны нависал громадный Вамба, похожий на медведя. С другой — страшный старик, весь в шрамах.

И ненавистная белобрысая сучка.

Белобрысая встала, быстро облизала ложку и положила ее на стол. Дед что-то сурово произнес, обращаясь к Наталье. Среди отребья — Наталья только сейчас заметила — затесалась холеная и строгая девица. Девица-то и перевела речи старого монстра:

— Он говорит, чтобы ты садилась за стол. Его дочь уступила тебе свое место и свою ложку.

Наталья медленно стала наливаться краской. Ярополк заскулил, чуя поддержку.

— Ты понимаешь, Наталья, тут… — начал было Сигизмунд. — Такие дела…

Валамир произнес еще несколько фраз. Вика передавала безразлично-брезгливым тоном переводчика видеофильмов:

— Он говорит, что ты плохо воспитала сына Сигизмунда. Где ты научилась столь дурным манерам? В твоем сыне доброе семя, но скверный уход не позволяет этому семени развиться в полной мере. Он говорит, что Сигизмунд — хороший отец. Он рад, что его дочь носит семя Сигизмунда.

— Ярополк, пойдем отсюда! — ледяным голосом произнесла Наталья.

— Погоди, Наталья!.. Сядь ты, — засуетился Сигизмунд.

Вамба с ленцой разглядывал Наталью своими водянистыми глазами. Потом вдруг встал и легким пружинящим шагом вышел из гостиной.

Аттила что-то шепнул Вике. Та хихикнула.

Ярополк, бросив на скатерть ложку с недоеденным супом, заревел и устремился к матери. Ни на кого не глядя, Наталья направилась в прихожую. Сигизмунд метнулся за ней.

— Да послушай ты наконец!..

— Нам не о чем говорить.

— Наталья!

— И чтоб… — Не закончив гневной тирады, Наталья вдруг побелела и завизжала.

Сигизмунд обернулся.

В дверях кухни в горделивой позе застыл Вамба. С его руки капала кровь. Глядя Наталье в глаза и ухмыляясь во весь рот, Вамба медленно наискось провел пятерней по физиономии, оставляя кровавые полосы.

Затем он принял другую позу, еще более спесивую. Поиграл мышцами. Небрежным хищным шагом двинулся по коридору. Зацепил Наталью плечом.

Наталья шарахнулась к Сигизмунду, вцепилась в его руку.

Вамба скрылся в «светелке».

— Это отморозки, да? — горячечно зашептала Наталья. — С кем ты связался? Они же тебя убьют… Может, тебе бежать? Бог с ней, с квартирой…

— Наталья, поверь: это очень приличные люди, — стараясь говорить как можно убедительнее, сказал Сигизмунд.

Из гостиной вышла Лантхильда. Выпятив живот, произнесла важно:

— Сигисмундс! Аттила зват — кусат конес!

— Какой конец кусать? — пробормотал Сигизмунд.

— Еда… фодинс… еда итан! Надо. Нуу…

* * *

Когда за Натальей захлопнулась дверь, Виктория высказалась прямо:

— Ну и говнюк же ты, Морж! И как она только решилась замуж за тебя выйти?

— А я ее обманул, — беспечно сказал Сигизмунд. — Я тогда хорошим прикидывался. — И быстро перевел разговор на другую тему: — Слушай, а что он кровью-то вымазался?

— Понравиться ей хотел. Показать, какой он крутой.

— Понравиться? Зачем? — поразился Сигизмунд. Ему как-то и в голову не приходило, что кто-нибудь захочет понравиться Наталье.

Вика фыркнула.

— Старый ты становишься. Для чего мужчина женщине понравиться хочет?

Глава девятнадцатая

Лето начиналось полувяло. Чтобы горожане не избаловались, Питер порадовал их в июне недельной ноябрьских холодов.

Сигизмунд затеял мороку с перерегистрацией «Морены». Естественно, дело затянулось. Все ушли в отпуска, везде намекали, что надо бы дать на лапу. Давать было нечего.

Виктория все больше времени проводила у своих друзей «из соседней подворотни». Как-то Сигизмунд спросил ее, о чем они там так подолгу разговаривают.

— О готском языке, — ответила Вика.

— Что, они тоже?

Вика засмеялась. Пояснила: оттяг у людей такой.

— Неужто другого оттяга себе не нашли?

— Что, водку жрать или дебильные передачки по ящику глазеть?

Сигизмунд пожал плечами.

— Нет, просто выбор необычный. Почему именно готский?

— По двум причинам. Это они так объясняют. Во-первых, трудный. Во-вторых, бесполезный.

— Слушай, Вика. А что в этом готском такого, что можно неделями обсуждать? Я понимаю еще, часок-другой… Но НЕДЕЛЯМИ! Сколько ты там уже торчишь?

— Не знаю… Давно. Просто интересно. Они из-за одного диграфа ругались наверное месяц.

— Что такое дифраф?

— Когда двумя буквами пишут один звук. Самое жуткое — я-то точно знаю, как этот дифраф читается, а сказать не могу! — И вдруг доверительно пожаловалась: — Я так измучилась… Им ведь действительно интересно. А я их даже ни одному ругательству научить не могу. Сейчас начала уже чуть ли не под видом сказок им все это рассказывать: мол, «я так вижу»… А сама валамировы байки пересказываю. Они, по-моему, уже роман про своих готов пишут.

Сигизмунд насторожился.

— Ты, Виктория, аккуратней.

— Господи, Морж! Ты соображай, в каком мире мы живем! ЗДЕСЬ ВСЕМ НА ВСЕ НАСРАТЬ! — И почти плача добавила: — Вот встретила людей, которым не насрать!..

— Да я насчет Анахрона, — угрюмо пояснил Сигизмунд.

— Да чтоб он подавился, этот Анахрон! Чтоб он собственные кишки сожрал!

* * *

Из вандалов явно и тяжело страдал по дому Вавила. Мало того, что от своего народа оторван, так еще и из родни никого здесь не имел. Валамировичи хоть вместе, а Вавила — сам по себе.

Аська Сигизмунду жаловалась:

— Слушай, Морж, мне даже страшно, Вавилыч ведь места себе не находит. Я уж: «Вавилушка то, Вавилушка се», варенье для него переварила — нашла у себя окаменевшее с позапрошлого года, одного сахара туда вбухала — смерть! А он лыбится, но чувствую: труба. С игровиками связался, представляешь? Учит их викингами быть.

— Кем?

— Ну, викингами. Вавилыч ведь тоже не дурак, конспирацию понимает. Я ему все объяснила. И что такое конспирация, и что такое викинги. Набрал ватагу из сопляков, они мечи из лыж делают, представляешь? Улет! И Вавилычу тоже сделали. Из лыжи! Когда принесли, надо было рожу вавилину видеть. Морж, ты бы ему меч отдал, а? На хрена тебе вавилин меч?

— Для конспирации.

— Собирается в Каннельярви капище Вотана возводить. Дидис уже идола выстругал. Слушай, сколько народу, оказывается, на самом деле в Вотана верит! И на таком серьезе, я улетаю… Я одного не пойму, Морж: почему русские мальчики и девочки в Вотана верят? Хоть бы в Ярилу какого верили, а то… Кстати, помнишь того режа, ну, нового? Который с колесами тележными? Помнишь, ты ему смету распечатывал? Мы с ним точно в Иван-Город едем. Там Купала будет. Ночь Купалова, на зависть Нарве. Это нарочно, чтоб в Нарве все от зависти утопились. Вавилыч тоже едет. Поехали с нами, а?

— Не знаю, — задумчиво произнес Сигизмунд.

Вамба тоже тосковал. Недавно заработал денег на резьбе по дереву и положил десять тысяч под фотографию Аспида. Упрашивал, видать, чтоб вернул их домой.

— Да, Морж, хреновато. С Вавилычем по улицам хожу, а он к лошадям пристает. Увидит в парке и начинает с ней по-своему разговаривать. По морде треплет, гладит. Кормит. Я его в зоопарк водила. Обезьян показывала. Нас оттуда с милицией выгнали, потому что Вавилыч по клетке с наружной стороны забрался не хуже любой обезьяны… Это он, Морж, передо мной выпендривался. Мы оттуда в музей восковых фигур пошли. Что, зря мы в парке гуляли, верно? Погоди, у меня и фотография есть…

Аська порылась в карманах и извлекла довольно мятый «поляроидный» снимок: она, Аська, рыжеволосый Вавила и Джимми Крюгер. Вавила дурацки скалился.

— Сильно, — сказал Сигизмунд.

* * *

В эти дни, когда каждый был занят своим и в тусовке наступили разброд и шатания, Сигизмундом все чаще овладевало желание понять: какая же все-таки сила притянула всех этих людей друг к другу и в рекордно короткие сроки превратила их почти в родных?

Прав, конечно, старик Хэм: «человек один не может». Не может, и все. Поэтому и пытается создавать семью.

А семьи больше не существует. Выродилась как социальный институт. Не потому, что бабы испортились; просто не нужна сейчас в большом городе семья, чтобы выжить.

Вот и получается: вместо семьи — тусовка. И тусовщики уже как будто родственники тебе. Можешь с ними ссориться, да только куда ты от них денешься?

И все-таки всех сейчас охватила тоска, и разбрелись кто куда, один только Сигизмунд оставался неприкаянным и все думал, думал…

* * *

Близкое знакомство Федора с вандалами, которого так боялся Сигизмунд, произошло вполне буднично и не ознаменовалось никакими эксцессами. Ребята бойцу, в принципе, понравились. Федор им, кажется, тоже. Через неделю Федор потащил Вавилу в один спортивный зальчик. На следующий день докладывал Сигизмунду:

— Подготовочка у них так себе. Пошли мы с Вавилычем… есть одно такое местечко. Приходим в зал. Я тамошнему сенсэю говорю: мол, мужика привел — высший класс! Стиль «бешеный берсерк». Из Норвегии, говорю, мастер. Поставил сенсэй ученичков, младшеньких. Вавилыч быстро разоблачился и младшеньких повалял-пометелил. Сенсэй говорит: «Где же, говорит, бешеный берсерк? Развел банальный мордобой…» Вавилыч грудь выпятил, ревет чего-то — прямо Тарзан! Сенсэй напустил на него старшенького — хороший мальчик, крепенький, умненький. Начал он вокруг Вавилыча ходить. Вавилыч руками

размахался, как мельница, но мальчика не достал и разъярился. В углу там маты свалены были — от школьных занятий остались. Вавилыч мат за угол схватил и над головой раскрутил. Вот тут-то и был им «бешеный берсерк» по всей программе! Потом мы ушли.

— Понравилось Вавиле в зальчике-то? — осторожно спросил Сигизмунд.

— Не-а. Вот, говорит, лошадку бы ему… На лошадке бы он показал. Мечом бы вот так…

— Может, ему еще вертолет купить? Боевой? «Черную акулу»?

Федор неожиданно фыркнул.

— Не, Сигизмунд Борисович. Вертолет — это мне.

Бойца Федора не на шутку заботило то обстоятельство, что новые его знакомые оказались язычниками. На эту тему он рассуждал долго и вдумчиво.

— Обидно ведь, хорошие ребята. Пропадут. Я вот им втолковать не могу. У меня слов не хватает. Я сам не очень веру понимаю, больше чувствую. Меня отец Никодим, когда я еще тараканов у них на подворье выводил, не теориями пронял, а вот этим… Эх!

Федор вздохнул и замолчал. Видно было, что переживает.

* * *

Узнав о проблеме бойца Федора, Виктория вдруг разразилась громким хохотом. Боец Федор обиделся. Тут дело серьезное, а она хиханьки…

Аська тоже осудила легкомысленное поведение сестрицы. У Аськи периоды полного безбожия сменялись периодами бурного слезливого покаяния в церкви, что ничуть не мешало той же Анастасии в любой из периодов красить в зеленый или фиолетовый цвет коротко стриженые волосы, пить водку и чинить непотребства. Однако к Иисусу Христу (может быть, не без влияния известной рок-оперы) относилась трепетно.

Вика пояснила обиженному Федору:

— Давным-давно для обращения в христианство восточногерманских племен на их язык была переведена Библия. Кто же знал, что спустя полторы тысячи лет она снова понадобится для той же цели!

Федор подскочил.

— Неужто Библия на ихнем языке есть? А где бы ее достать?

— В библиотеке взять да отксерить. Правда, она не на вандальском, а на готском, языки все-таки отличаются. Чуть-чуть.

— Как русский и украинский? — деловито осведомился

Федор.

— Поменьше. Морж, дай денег.

— На что тебе?

— На ксеру.

— У меня нет. Может, у Вавилы есть?

— А! — сказала Вика. — У Дидиса займу.

— Докатились, — со стоном проговорил Сигизмунд, — занимаем деньги у раба-фенечника, чтобы отксерить в Публичке готскую Библию… Сказал бы мне кто год назад, что такой херней заниматься стану…

Тут на Сигизмунда обиделись одновременно и Вика, и боец Федор.

Федор безаппелляционно высказался:

— Кому Церковь не мать, тому Бог не отец.

— Чего? — возмутилась Аська. — Какая Церковь?

— Наша, православная, — отрезал Федор.

— А вот скажи мне, Феденька, — ядовито-сладенько завела Аська, — а вот придет сейчас на землю Иисусенька…

— Это никому не известно, когда Он придет, — сумрачно заявил Федор.

— Ну неизвестно, неизвестно. А предположим. Вот пришел. В первый раз когда пришел — к кому Он заявился?

— Ну… к рыбакам.

— Вот! — восторжествовала Аська. — А сейчас к кому? К «новым русским»? К попам твоим толстомордым? В Госдуму? В Конгресс американский? Куда?

Федор, явно не зная, что отвечать, насупился.

— Не моего ума это дело.

— Не твоего, не твоего… А ты порассуждай. Тогда — к рыбакам. К мытарям там разным…

— Иисус Христос в налоговой инспекции! — хмыкнул Сигизмунд.

— Иисус Христос, Федечка, — убежденно сказала Аська, — придет к нам, в тусовку. К хипью Он придет. Потому как больше Ему прийти не к кому.

— А простые люди? Рабочие? — не сдавался Федор.

— Да? А они Ему дверь откроют? Им же телевидение все объяснило: бойтесь посторонних, двери не открывайте. Вот скажи мне, Феденька: где человека впустят, накормят, ни о чем не спросят, впишут? Где с человеком РАЗГОВАРИВАТЬ будут? И не сериалы говенные смотреть, а РАЗГОВАРИВАТЬ, понимаешь? Где его выслушают, поймут? Полюбят, в конце концов? Молчишь? Попы твои его полюбят?

— Отец Никодим — да, он полюбит, — твердо сказал Федор.

— А меня он полюбит, твой отец Никодим? — вызывающе спросила Аська.

Федор промолчал.

* * *

Анастасия маялась безыдейностью. Хотела мини-спектакль делать. Сама. «Бомбоубежище» предоставляло Аське ночные часы для репетиций.

Но для начала требовался материал. Сигизмунд, мало знакомый со спецификой театрального искусства, наивно полагал, что уж чего-чего, а всяких там пьес — до хрена.

— Пьес, может быть, и до хрена, а вот играть нечего, — вздыхала Аська. — Материал бы… качественный…

Сидели у Аськи на кухне под слепыми взглядами сонмища свирепых богов и божков.

— Рассказ сойдет? — спросила Вика. Суховато так спросила. Видно было, что вдруг занервничала.

— Тот твой, про блокадную бабу и про дьявола? — спросила Аська. — Нет, не подойдет. Заумно. Как это сыграешь-то?

Вика молча поднялась и ушла из кухни.

Аська крикнула ей вслед:

— Виктория! Не злись!

— Налейте мне там чаю! — отозвалась из комнаты Вика. — Я сейчас.

Она действительно вскоре появилась на кухне. Обиду тщательно скрывала. Сказала только:

— Вообще-то я это из самого сердца вынула. Ублюдки вы…

— А что? Мне тогда понравилось. Прочел с интересом, — сказал Сигизмунд.

— Не все что вынуто из сердца годится для сцены, — наставительно произнесла Аська.

Сигизмунд начал делиться замыслом «Нового Адама», он же «Народный Контролер». Процитировал на память несколько перлов из доклада Константина Устиновича Черненко.

— Ты бы еще Брежнева инсценировал, — разозлилась Аська.

— Злая ты все-таки, Анастасия, — заметила Вика. — К тебе народ с творческим поиском, а ты как говно.

— Я сама в творческом поиске. Причем, непрерывном.

— Все равно. Это не повод жлобиться.

— Кто тут жлобится? Я просто материал отбираю. Вы что ли одни тут такие творческие?

Аська добыла из кармана тесных джинсов мятую бумажку.

— Твои ребята дали вчерась… С которыми ты тусуешься непрерывно… Историки долбанные…

— Они что, еще и пишут?

— Девка одна написала. У них хранилось.

РАССКАЗ О САМОЙ ВЕРНОЙ ЖЕНЕ.

Как-то у одной жены умер муж. Похоронив покойника, вдова заперлась в своем замке. Она не принимала гостей, не выходила на улицу и даже в окно не смотрела.

Она не убрала со стола недожеванный мужем бутерброд, не вытирала пыль и не мыла пол в отпечатках Его ботинок. И что характерно, ни разу не сменила постельного белья, хранящего очертания Его тела, а также некие (иные) следы Его пребывания в этом мире.

Двадцать пять лет провела она в супружеской постели, проливая слезы и призывая к себе любимого.

И наконец случилось так, что она забеременела. Но простыни ко времени зачатия уже настолько окаменели, что через девять месяцев верная жена разродилась ископаемым яйцом, из которого вылупился маленький птеродактиль. Через год он выпорхнул в окно, унося в клюве родительницу. И скрылся за горизонтом.

Простолюдины качали головой и говорили: это от дьявола. А все психологи в городе скабрезно улыбались, перешептывались и хихикали. Они считали, что у птеродактиля явно выраженный Эдипов комплекс. А все христиане решили, что жена сия вознесена живой на небо за свою супружескую добродетель.[note 8]

Вика пришла в восторг. Зная сестрицу, заранее предвкушала, какими пластическими средствами та будет все это изображать.

— А в роли птеродактиля кто — Вавила?

— Да на фига! Дидиса попросим, сколотит какого-нибудь… Вавилыч будет бутербродом. Сильная роль. Психологическая.

— Каким бутербродом?

— Ну, засохшим… Там печальная тема, одиночество, ожидание, безнадежность… Вставим интермедии. Вальс жены с бутербродом. Кстати, она от бутерброда забеременела.

— В рассказе об этом нет.

— Я так вижу, — заявила Аська. — Это можно классно сыграть, только с умом подойти надо. Растянем на час десять. Зритель обрыдается. Музыку возьмем Прокофьева. Или нет… Хачатуряна. Нет, Прокофьева! Там вальс… А что, у него Золушка с метлой танцует, а у меня — жена с бутербродом.

— С ума сойти, — сказал Сигизмунд.

— Вот этого я и добиваюсь, Морж, — торжествующе заявила Аська. — Этого и добиваюсь! И зрителя сведу, и сама рехнусь!

* * *

На солнцеворот Аська с Вавилой действительно укатили в Иван-город. И Вамбу с собой сманили. Новый реж сулил чудеса звука и света.

Над городом повисла тяжкая жара. Сигизмунд теперь спал с Лантхильдой раздельно, чтобы не задыхаться под одним одеялом. Яростно мечтал о кондиционере. Каждый год давал себе слово купить и каждый год что-нибудь да мешало. Сейчас мешало отсутствие денег. Лет десять назад — отсутствие кондиционеров.

А тут еще начали одолевать тревожные сновидения. Сны приходили по нескольку за ночь, яркие и удивительно реальные. Наутро в памяти оставались лишь обрывки, которые к полудню тускнели и исчезали.

Аттиле тоже снились сны. В отличие от Сигизмунда, старый вандал запоминал их все, рассказывал за завтраком и пространно толковал. По толкованию аттилы выходило, что надвигается конец света.

Сигизмунду тоже чудилось нечто сходное. Несли в себе эти сны что-то подспудно угрожающее.

Однако наступающий день с его заботами и суетой неумолимо поглощал предчувствия.

А забот хватало. Организовать школу выживания, открыть и зарегистрировать оказалось куда более хлопотным делом, чем регистрация тараканобойной фирмочки. Однажды у супермаркета Сигизмунд заметил объявление: «Школа русского рукопашного боя. Продолжение исконных языческих традиций древних славян». Решил, что конкуренты, и ревниво вчитался. «Языческие традиции древних славян» включали в себя традиционный русский «бой в салоне автомобиля». Сигизмунд засмеялся и ревновать перестал.

А сам-то он чему обучать людей собирается? Богатеньких жен «новых русских», в частности? Какие продукты из мусорного бака являются съедобными, а какие — нет? Языческие традиции древних вандалов?

Плывущий в летнем мареве мир казался Сигизмунду все более и более абсурдным.

И вот настал день, когда Сигизмунд проснулся и ясно понял, чего он хочет. Он хочет в Анахрон.

* * *

Два дня перебарывал желание. В гараже ничем не пахло.

Дома Аспид с фотографии ухмылялся как-то особенно гнусно.

По мере того, как стопка денег — приношений Вамбы и Вавилы — под фотографией росла, физиономия у Аспида делалась все более ехидной.

На третий день Сигизмунд, как обычно, вывел машину. Мотался по городу. Заехал к Светке, обсудил некоторые детали. Зашел в столовку на Садовой, взял три беляша и стакан жидкого кофе. Разница с советскими временами небольшая — разве что беляши теперь разогревают в микроволновке.

Вышел. Походил, покурил, не спеша сесть в машину. Смотрел по сторонам. Совсем недавно, когда Анахрон переместил его в ноябрь 1984 года, Сигизмунд точно так же стоял на Садовой — в каких-то ста метрах от этого места. И точно так же курил.

Как разительно все-таки изменился город! И город, и люди… Не хочется назад, в прошлое. Но почему же его так тянет в Анахрон?

Съездил на рынок автозапчастей. С часок потолкался там. Одурев от жары, вернулся в центр.

Открыл дверь в гараж, чтобы поставить машину, и… Сигизмунда чуть не вывоpотило. Там не просто смердело — там буквально вопияло к небесам.

Несмотря на жару, в животе Сигизмунда свернулся ледяной ком. Судя по интенсивности запаха, в Анахроне сейчас толчется целая армия. С лошадьми, телегами и обозными шлюхами.

Как во сне Сигизмунд закрыл гараж.

С ним поздоровались. Обернулся — соседка Софья Петровна с пуделькoм.

— Что-то вас давно не видно, Сигизмунд Борисович. Я уж думала, на дачу уехали…

— Уедешь тут…

Она принюхалась.

— Господи! Чем это тут пахнет?

— Кошка, небось, в баке сдохла, — находчиво соврал Сигизмунд. — Или из ресторана неликвиды вынесли. Кстати, многие из этих неликвидов вполне годятся в пищу…

Тут Сигизмунд понял, что машинально начал пересказывать план-конспект федоровских занятий, и вовремя остановился.

Софья Петровна наморщилась.

— Скажете тоже — «неликвиды»! В стране люди голодают, а эти пиццу выбрасывают. Зажрались. Тут целую коробку колбасы вынесли, хорошая колбаса, только сверху немного плесенью пошла. Я уж бомжей упрашивала-упрашивала хоть пару палочек для собаки… Так не дали! Жадные стали все.

Слова Софьи Петровны Сигизмунд слышал как будто очень

издалека.

— Пойду я, — сказал он наконец. — Не могу я эту вонь выносить. Вы уж извините, Софья Петровна.

У себя дома Сигизмунд застал Викторию. Вошел и выдохнул одно только слово:

— Перенос!..

Плюхнулся на табурет посреди кухни, обхватил голову руками.

Виктория посмотрела на него тревожно. И направилась к деду — докладывать.

Явился Валамир. Озабоченно спросил о чем-то. Вика, не переводя диалог на русский, ответила деду.

Дед неожиданно просветлел лицом.

— Сегерих? — спросил он.

— Откуда я знаю?! — заорал Сигизмунд, подскочив на табуретке. — Хуерих!

— Хуерих? — переспросил дед. Видно было, что припоминает человека со сходным именем.

— Что делать-то? — спросил Сигизмунд у Вики. — Может их, это… ликвидировать? А деду не говорить.

Вика метнула на Сигизмунда яростный взгляд.

— Я с тобой пойду.

— Как ООНовский наблюдатель? Как миротворец? Чтоб я лишних в колодец не спустил? — язвительно осведомился Сигизмунд.

— Идиот! — взорвалась Вика. — Кто тебя из камеры второй раз вытаскивать будет?

— А зачем меня вытаскивать? Я еще там не сижу.

— Тебя уже один раз перемещало.

— А может, я ХОЧУ, чтобы меня переместило! — И сам понял, что ляпнул глупость.

Вика даже спорить не стала. Просто пошла за ним и все.

Уже на полпути к Анахрону она нагнала его, вкрадчиво просунула руку ему под локоть и проговорила:

— Морж… Ты только не злись, если я там бояться буду.

— Да ты железяку-то неси нормально! — раздраженно сказал Сигизмунд. — Что ты ею меня по ногам-то бьешь!

На плече у Сигизмунда покоился лом.

* * *

Анахрон встретил их мертвой тишиной. Ни дрожи, ни вибрации — вообще ничего. Все было необитаемо и заброшено.

Только сейчас Сигизмунд остро ощутил, насколько тут все заброшено. Да, давно нет в Анахроне настоящего хозяина.

Но оставалось еще кое-что, и это «кое-что» не давало Сигизмунду покоя все время, пока он шел по подземному тоннелю. Несмотря на полную заброшенность, Анахрон все-таки вел себя как некое живое существо. Пусть чудовищное, пусть рукотворное — но живое. Или удачно имитирующее жизнь.

Сейчас здесь все будто бы умерло. Или затаилось?

«Предбанник» встретил их тишиной. Вика держалась до странного непринужденно. Подошла к стеллажу, начала расспрашивать о предназначении разных цилиндров.

Не отвечая, Сигизмунд приник к окуляру.

И отпрянул!

Вся камера была занята гигантским монстром! Прямо перед окуляром в свете ламп виднелась грубая черная шкура.

— Что там? — спросила Вика, подходя.

Сигизмунд тяжело дышал.

— Пусти! — Она отодвинула его в сторону. Заглянула. Смотрела долго. — Он неживой, — заключила Вика.

— С чего ты взяла?

— Не дышит.

— Ящеры тоже…

Сигизмунд еще понаблюдал за перемещенным объектом. Объект действительно не дышал. Но какой же он громадный! Еле помещается в камеру. А как его вытаскивать? При мысли о том, что придется эту тушу разделывать топором и бросать огромные кровавые куски в колодец, Сигизмунд почувствовал дурноту.

Подошел к стеллажу, решительно взял красный цилиндр.

— Знаешь, я все-таки проведу стерилизацию.

— Погоди, — сказала Вика. Она не отрывалась от окуляра. И вдруг засмеялась.

— Морж! Его ты этим не убьешь! Он каменный!

Сигизмунд оттолкнул Вику и сам прильнул к окуляру. Каменный? Черт его разберет…

Скрежет отпирающего механизма заставил его вздрогнуть.

— Ты что?..

Но было уже поздно.

Массивная стальная герметичная дверь отошла.

И ничего не произошло. Вика, стоявшая перед входом, на миг напряглась, когда дверь стала поворачиваться на оси, но тут же расслабилась.

— Камень, — повторила она. — Ну что ты так всего боишься, Морж?

Сигизмунд, все еще с красным цилиндром в руках, подошел к

ней.

Занимая почти всю камеру, за дверью громоздилась чудовищная каменная глыба, вытянутая в длину, подобно гигантскому огурцу. Одним концом «огурец» упирался в стену, другим — в нары, расщепив их. Под нарами находилось кое-что еще. Это был смятый многотонной тяжестью старый и ржавый мусорный бак с надписью «СПЕЦТРАНС».

Анахрон возвратил двадцатому веку награбленное.

— Господи! — сказала Вика. — Да это же убилстайна!

— С чего ты решила?

— Встань сюда, где я стою! Видишь? Вон, два выступа как два глаза, а вон там — уд детородный… Вамба точно его описал. Да и Валамир так же описывает.

— А где Сегерих? — ошеломленно спросил Сигизмунд.

Вика пожала плечами.

Сигизмунд чувствовал себя совершенно растерянным.

— Как же так? Что же получается… Он что, втянул свой собственный зонд? Почему?

Вика не ответила. Отвечать было нечего.

Анахрон и в самом деле пожрал собственные кишки.

Сигизмунд не отрываясь смотрел на убилстайну. Наконец пробормотал:

— Значит, вандалы навсегда…

Вика молчала. Сигизмунд приблизился к глыбе, потрогал. Странно теплая. А ведь это, наверное, тепло ТОГО дня… Дня пятого века, не нынешнего… Дня, что сиял над сожженным селом, где больше никто не живет.

Не камеру эта глыба сейчас перегородила. Она всю жизнь Сигизмунда заполонила своей мертвой тушей, завалила выход из тоннеля. И что-то убила, наверное, в нем.

— Жаль, конечно, — проговорила Вика. — Прощай, машина времени. Так мы на тебе и не покатались.

Она медленно подошла к убилстайне, обняла камень руками, прижалась щекой.

— Ты что, рехнулась? — нарочито грубо спросил Сигизмунд. — Пошли отсюда. Все, сдох Анахрон!

Они выбрались из камеры. Сигизмунд огляделся. Красный цилиндр он все еще держал в руках. Аккуратно поставил на место. Осмотрел «предбанник» с колодцем, с лебедочным блоком. Сигизмунд знал, что больше сюда не вернется.

Незачем.

— Пошли! — повторил он.

— Дверь-то в камеру закрой, — напомнила Вика.

— А зачем?

— На всякий случай.

— Убилстайна отсюда не вылезет, — сказал Сигизмунд. И вдруг заорал: — Да пойми ты, дура! Все, конец оперетке! Все подохли, кроме тех, кто переженился! Пошли домой. Жрать охота.

* * *

Дома Сигизмунд с Викой обнаружили вернувшихся из Иван-Города Аську и Вавилу с Вамбой. Дома было душно, уютно, пахло пищей. На кухне гомонили.

Вика отправилась к аттиле — докладывать обстановку. Сигизмунд поздоровался с честной компанией, что-то съел, немного послушал, как Аська, захлебываясь, повествует об ивангородском гульбище, а после уединился. Не мог он сейчас с людьми, хотя в принципе был рад тому, что они здесь.

Взял викин диктофон. Ткнул мурровскую кассету. Давненько не слушал. С тех пор, как свой кассетник разбил.

Голос Мурра заполонил слух. В тему Мурр сегодня пошел.

Кажется, всђ — Раздел завершен, И треснул мир. Мы звали друг друга Пусть на арго, — Но только людьми.

Сигизмунд чувствовал, как в душе устанавливается странная тишина. Пожалуй, даже покой. Конечно, здорово было жить в интенсивных ритмах, когда время было сконцентрировано, спрессовано, и каждый день по значимости растягивался почти на неделю. Но Сигизмунд устал. Он только сейчас понял, как же он вымотан.

И вот ритмы иссякли, время разжижилось, стало как медуза, и впереди ожидают короткие, заполненные малозначительными происшествиями дни.

* * *

С неба как-то незаметно ушла комета. Никому больше дела не было до того, вернется ли она через семь тысяч лет, как предрекали одни ученые, или затеряется во Вселенной, как утверждали другие. Как не было хвостатой гостьи над Троицким мостом.

И вместе с кометой ушло все то, что так занимало Сигизмунда в зимние и весенние дни, когда он привычно искал на небосклоне мутный росчерк ее хвоста.

Настала новая жизнь, а старая миновала.

Если родится сын, Лантхильда назовет его Владимиром, а

если дочь — то Ангелиной. Сама она хотела бы назвать сына «Сигизмундом», но Морж решительно воспротивился.

В театре «Бомбоубежище» репетировали арт-модерновое фольклорное действо «ВЕРНАЯ ЖЕНА, или ЖЕНЩИНА И БУТЕРБРОД» Вавила и Аська, праздничные люди. Ни у одного, ни у другой не было будущего, но поскольку оба не собирались жить долго, отсутствие жизненных перспектив их совершенно не тревожило.

Вика же напротив из кожи вон лезла, чтобы это будущее отвоевать. Она часами просиживала с блокнотом и диктофоном возле деда Валамира и Лантхильды, записывая данные, систематизируя их и лихорадочно изыскивая способы легализовать свой труд.

Собираясь на очередное занятие по теме «Выживание в лесу: как смастерить простейшую ловушку для птиц из прутьев, бечевы и презерватива», Наталья подкрашивала глаза и мечтательно, как гимназистка, глядела на себя в зеркало. Ее покой смущал образ запредельно мужественного Вамбы.

Не ведая о грезах своей нареченной, дядя Женя постигал эзотерическое слияние с природой, пыхтя во время бега по лесной тропе. На груди у него болтались три сделанные Дидисом феньки. Феньки были сугубо эзотеричны и восходили к арийским архетипам.

Предприимчивый экс-раб Дидис без устали резал, лепил и шил из кожи, размышляя над тем, как бы ему жениться на девушке с хорошей жилплощадью.

А Сигизмунд сидел у себя в конторе с ничего не подозревающей Светочкой и готовился отбить очередную атаку государства на школу выживания «Перуновы дети». Он знал, что атаку они со Светочкой доблестно отобьют и вообще все будет хорошо — и сегодня, и завтра, и в обозримом будущем.

Правда, вот Сегериха так и не нашли…

Аттила жаловался Вике на здоровье, но больше для порядка, чем от плохого самочувствия.

Нет, все действительно было хорошо.

* * *

Ранней осенью вечером Сигизмунд чинно прогуливался с неповоротливой, на сносях, Лантхильдой. Кобель, гавкая, носился где-то неподалеку. В воздухе висел горьковатый дымный запах. В душе царил удивительный покой.

Сигизмунд отошел немного в сторону, закурил. Лантхильда

прислонилась спиной к стене. В полумраке Сигизмунд видел ее толстую светлую косу, перехваченную детской резиночкой с божьими коровками.

На противоположной стене, куда смотрела Лантхильда, имелось множество надписей маркером. Тут было «РЭП — ГОВНО, МЫ ЛЮБИМ КИНО», и «КЛЕВЫЙ ДНЕПР ПРИ КРУТОМ ЭФИРЕ», и «ЗДЕСЬ ТУСУЮТСЯ КИРПИЧИ»…

А прямо перед носом Лантхильды красовалось неграмотное двуязыкое:

HAPPY FOR YOU! СЧАСТЬЯ ВАМ!

1997

Лантхильда глядела на эту надпись и блаженно улыбалась. Да только Сигизмунд знал, что она не может ее прочесть.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

23 февраля — 20 сентября 1997

Санкт-Петербург

notes

Note1

Бессвязные цитаты из различных песен А. Гавриловой (Умки)

Note2

Текст Яны Дягилевой.

Note3

Текст А.Гавриловой (Умки)

Note4

Телеги принадлежат А.Серьге.

Note5

Текст Яны Дягилевой (Янки).

Note6

Текст Сергея Белоусова (Олди).

Note7

"Вамба» (готский) — «брюхо».

Note8

Текст Иды Васильевой.